

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрания фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»		
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume two

**THREE WORLDS
TO CONQUER**

TAU ZERO

FLIGHT TO FOREVER

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том второй

**ПОБЕДИТЬ
НА ТРЕХ МИРАХ**

ТАУ — НОЛЬ

ПОЛЕТ В НАВСЕГДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

*В оформлении
использована работа
художника Игоря Леонтьева
«Ангел сновидений»*

Миры Пола Андерсона. Т. 2 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 399 с.

В романе «Победить на трех мирах» читателя ожидают захватывающие приключения на Юпитере и его лунах в лучших традициях «космической оперы».

Роман «Тау — ноль» повествует о стартовавшей с Земли космической экспедиции. Во время полета неожиданно выходит из строя система торможения корабля, и скорость его начинает непрерывно увеличиваться. Люди, ставшие пленниками Вселенной, не теряют надежды, но что станет с ними, когда приблизится момент гибели мира..

Завершает том повесть «Полет в навсегда», в которой герой, создавший машину времени, становится пленником неумолимых законов природы и отправляется в путешествие к концу времени, потому что другого способа вернуться не существует...

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Three Worlds to Conquer
Copyright © 1964 by Poul Anderson

Tau Zero
Copyright © 1970 by Poul Anderson

Flight to Forever
Copyright © 1953 by Poul Anderson

© Издательская фирма «Полярис»,
перевод, оформление, составление,
название серии, 1995

ISBN 5-88132-191-X

От издательства

Во второй том собрания сочинений Пола Андерсона включены романы «Победить на трех мирах» (1964), «Тау — ноль» (1970) и повесть «Полет в навсегда» (1953). Объединяет эти разноплановые произведения неистребимая вера в возможности человеческого разума, не признающего никаких преград — вера, очень характерная для не склонного к пессимизму Андерсона. Его герои не прекращают бороться, даже если обстоятельства поворачиваются против них, даже если нет надежд на победу, и именно поэтому побеждают там, где слабые духом терпят поражение.

Роман «Победить на трех мирах» представляет собой один из лучших образцов «космической оперы» в творчестве Андерсона, не уступающий произведениям из цикла «История будущего». Когда космический крейсер «Вега» опустился в космопорту спутника Юпитера Ганимеда, колонист Фрззер не мог и предположить, что вместе со своими товарищами окажется заложником в руках милитаристов, стремящихся к восстановлению на Земле жестокой диктатуры президента Гарварда. Вторжение нарушает и планы контакта с кентавроподобными обитателями Юпитера. Племена наярров, с которым держат связь колонисты Ганимеда, грозит гибель — гонимые злобой и голодом жестокие захватчики ведут в атаку чудовищ из глубин аммиачного моря, пытаясь захватить плодородные земли Медалона, с давних времен принадлежавшие наяррам. Сын вождя наярров Теор, с которым ведет связь Фрззер, после поражения армии своего отца скрывается в бесплодных ледяных пустошах; только вмешательство Скрытого народа спасает его от гибели. А в это время солдаты с «Веги» ведут работы по сборке ядерных бомб, которыми они намерены принудить непокорных землян к повиновению. Отчаянная попытка вооруженного сопротивления колонистов провалилась. Но ради дружбы с Теором, ради своих жены и детей, ради колонии на Ганимеде и родной Земли Фрззер должен победить на трех мирах — Юпитере, Ганимеде и Земле.

Роман «Тау — ноль» относится к числу наиболее интересных произведений писателя, созданных им в период расцвета его творческой деятельности. Написанный в жанре «твердой» НФ, он, однако, ставит проблемы, которые научными средствами не решить. Когда звездолет «Леонора Кристин» с сотней колонистов на борту только начинает свой долгий путь к системе беты Девы, несчастный случай — столкновение с пылевым облаком — приводит к поломке тормозной системы. Двигатель Буссарда, черпающий топливо и энергию из межзвездной среды, разгоняет корабль, приближая его скорость к скорости света, и космонавты не могут его остановить — тогда отключится и силовой

экран, защищающий их от смертоносной радиации. Согласно теории относительности время на «Леоноре Кристин» сжимается все сильнее — за день корабельного времени на Земле пролетают годы... тысячи... миллионы лет. Трудно сохранить рассудок, зная, что не только все, когo ты помнишь, но и все человечество осталось в прошлом — стоит ли жить последним людям во Вселенной, среди меркнущих звезд? Отчаяние овладевает пассажирами «Леоноры Кристин», грозя сокрушить их души и сердца. Только мужество и здравый смысл главного героя, корабельного полицейского Чарльза Реймонта, позволяют экипажу корабля найти в себе силы встретить судьбу лицом к лицу и, починив в межгалактическом пространстве тормозную систему, провести звездолет сквозь века к гибели Вселенной и новому ее рождению в Большом Взрыве, к новой жизни человечества, чьими родоначальниками суждено стать пассажирам «Леоноры Кристин».

Последняя повесть, «Полет в навсегда», написанная семнадцатью годами раньше «Тау — ноль», в определенном смысле является первоначальным вариантом этого романа. Она также описывает путешествие в будущее — на сей раз при помощи машины времени, но в этот раз время у Андерсона оказывается не цикличным, как в «Тау — ноль», где Большой Взрыв отмечает начало нового круга, а замкнутым в кольцо, подобно Уроборосу — змее, кусающей себя за хвост, древнему символу алхимиков. Изобретатель Мартин Саундерс сумел создать и запустить машину времени, но законы природы не позволяют ему возвратиться из будущего, куда он попал — отправиться в прошлое возможно не более, чем на семьдесят лет. Ему остается одно — лететь все вперед и вперед, приобретая и теряя друзей и близких, мимо галактических империй, что создаются и рушатся у него на глазах, сквозь долгие века расцвета и еще более долгие эпохи варварства, пока не исчезнет человечество, не погаснет Солнце и не стгнут во мраке звезды, до самого конца — и начала — времен.: чтобы вернуться, наконец, домой.

ПОБЕДИТЬ НА ТРЕХ МИРАХ

Глава 1

На экране киберштурмана появился сопроводительный луч. «Снова дома», — с облегчением подумал Фрэзер и положил руки на пульт управления, корректируя курс космобота. Когда он вновь поднял глаза к обзорному экрану, Ганимед уже занимал большую его часть. Зрелище леденило душу: зубастые цепи скал; кратеры, огороженные валами, словно крепостными стенами; бесчисленные змеевидные трещины; полчища теней, стелящихся по серо-голубым равнинам... Хотя уже наступила ночь, на востоке от хребта Джона Гленна было светло — это ледяная равнина Беркли отражала лучи заходящего Юпитера. На юго-востоке на тысячи миль простиралась расщелина Данте, доходя до самых Пурпурных гор. Невдалеке от нее мигал зеленый огонек — это был маяк Авроры, крупнейшего города на Ганимеде. Лишь левый верхний угол экрана был пока заполнен алмазной россыпью немигающих звезд, но Фрэзеру даже смотреть на них не хотелось. «Слава Богу, я вернулся из этого чертова космоса домой, — поздравил он себя. — До чего же я соскучился за эти десять дней по Еве и ребятишкам!»

Внезапно ожило радио.

— Диспетчерская станция Авроры вызывает космобот КС-17, — зазвучал знакомый мужской голос. — Отвечайте. Повторяю: диспетчерская станция...

Фрэзер рассмеялся:

— Эй, Билл, старина, к чему такой официальный тон? Это Марк со «Счастливого Чарли». Не припоминаешь?

— А-а, Марк, привет, — не очень уверенно ответил Билл Эндерби. — Не обращай внимания, я просто выражаюсь на военный манер. Если кто-то из начальства услышит, что мы с тобой треплемся, мне здорово влетит.

— погоди, я что-то не понимаю. О каком «военном манере» ты говоришь?

— Разве ты не слышал? Мы известили все поселения в системе.

— Я не останавливался на базе Ио, а прямо полетел к рудникам и торчал там безвылазно, пока не наладил все оборудование. Даже радио не было времени послушать. А что случилось?

— Крейсер, черт его дери.

— Что-о-о?

— Крейсер «Вега» сел пятнадцать часов назад в космопорту Авроры. Естественно, без всякого предупреждения. Представляешь, какой здесь начался бедлам?

Сердце Фрэзера сжалось от неприятного предчувствия. Стараясь не поддаваться панике, он спокойно спросил:

— И что все это означает?

— Пока толком ничего неизвестно. Мы видели всего лишь несколько членов экипажа. По их словам, крейсер патрулировал вблизи Венеры, когда в США произошел новый переворот и к власти вновь пришли гарвардисты. Они послали «Вегу» в наш сектор Солнечной системы, где якобы скрывается свергнутый президент Сэм Халл. Не похоже, что крейсер искал его очень тщательно. Напротив, ребята с «Веги» намекали, что их командир не скрывает своих симпатий к Халлу. Во всяком случае, корабль не собирается пока подчиняться приказу и возвращаться на Землю. На Ганимед он прибыл с целью выяснить, насколько мы лояльны к новому режиму, а заодно узнать о наших нуждах.

Новый переворот? Фрэзер невольно присвистнул и задумался. Последние месяцы связь с Землей была крайне затруднена, так что колонисты получали лишь жалкие обрывки сведений о том, что происходило в Соединенных Штатах. Вроде бы восстание против режима президента Гарварда закончилось победой, и новый лидер страны Сэм Халл стал создавать новую администрацию. Но гарвардисты не унимались, и в стране вспыхнула гражданская война, грозившая вот-вот перерасти в ядерную. И в этот момент завеса солнечного ветра окончательно отрезала систему Юпитера от остальной части Солнечной системы. Неужто победа сторонников Сэма Халла оказалась столь ненадежной, и тирания вновь воцарится в западном полушарии?

— Наша лояльность, как всегда, на высоте, — кисло сказал Фрэзер наконец. — Мы всегда «за» — лишь бы только нас не трогали. А что касается наших нужд... я уж лучше напишу письмо Санта-Клаусу о том, что не хватает моему департаменту. Больше будет толку, чем ожидать очередной транспорт с Земли, набитый Бог знает чем, за исключением того, что необходимо. Земля...

Перед его мысленным взором на минуту вспыхнула незабываемая с детства картина: бескрайний простор Тихого океана, пенистые гребни волн, соленый, порывистый ветер, белая платформа плавучей станции... Но чарующий пейзаж быстро растаял, и он увидел впереди горб уходящего за горизонт Юпитера. Целую дюжину лет он прожил за этим гигантом, словно за щитом, отгораживающим его от прошлого, и успел пустить цепкие корни в каменистую почву Ганимеда. И ему было здесь совсем неплохо.

— Ну и что ты скажешь обо всем этом, Билл?

— Пока кроме «черт поberi» — ничего. Стальной шар «Веги» занял половину космопорта, и мы вынуждены сажать все лунные ракеты бок о бок в северном секторе. Там скоро и яблоку будет негде упасть. Так что, Марк, тебе придется тщательно отслеживать заданную траекторию.

— Не беспокойся, Билл, я справлюсь. Держу пари, что смогу посадить моего «Чарли» точно на цент — и ни на дюйм в сторону.

— Ш-ш-шутник! У меня на поле монеты не валяются, так что уж послушайся моих советов, если не хочешь свернуть шею на пороге дома...

Билл начал подробно инструктировать его, словно новичка. Фрэзер слушал и одновременно чувствовал растущую досаду. Значит, гарвардисты вновь заняли Белый дом? И народу опять предстоит носить демократические башмаки с диктаторскими подошвами? А куда же смотрели законодатели и суд?

Или все обстояло не так? До Земли четыре сотни миллионов миль, и информация сюда доходила крайне скудная. Не говоря уже о цензуре на радио, цензуре газет, журналов и даже писем. Много ли правды колонисты знали о восстании? Лозунги, конечно, были самые благородные, но и диктаторский режим Гарварда начинался некогда как движение за сохранение суверенитета Соединенных Штатов. После долгих лет развала и разрухи народ, естественно, захотел иметь твердое руководство, а то потребовало сначала одних чрезвычайных мер, потом других, третьих... Вскоре выяснилось, что от свобод остались одни лохмотья, но те, кто запоздало начал ворчать, получил массу неприятностей с полицией...

Фрэзер не без труда отогнал праздные мысли и вплотную занялся подготовкой к посадке. Предстояло приблизиться к космопорту Авроры по нестандартной траектории, незнакомой киберштурману. Впрочем, в системе Юпитера на одну автоматику никогда нельзя было положиться, здесь могли работать только прирожденные пилоты. И Фрэзер был одним из них.

Минут через десять «Счастливчик Чарли» уже стоял на посадочных опорах среди других космоботов — до них, казалось, можно было дотянуться рукой. Фрэзер откинулся на спинку кресла и позволил себе слегка расслабиться после пережитого напряжения. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока, с загорелым, не по годам морщинистым лицом, серыми глазами и красивой сединой в черных как смоль волосах.

Вскоре он встал и пошел на корму к шкафу со скафандром. Корабль сел далеко от здания космопорта, и до ближайшего туннеля переходной рукав было не дотянуть. Фрэзер быстро и умело надел поверх комбинезона скафандр и направился к шлюзу. Ему не терпелось увидеть Еву и детей. И, конечно, связаться с Теором и узнать, как идут дела на Юпитере. «Черт побери, — с бешенством подумал он, — больше недели я угробил на полет к Ио! И это в то время, когда племени наярров стала угрожать серьезная беда!» Но что поделать, на автоматических шахтах Ио возникла серьезная неисправность, и нужно было срочно заняться ремонтом.

Фрэзер развернул посадочный трап и спустился на землю. И едва не столкнулся с какой-то фигурой в скафандре, поджидавшей его в тени соседнего космобиота.

— Привет! — сказал он. — Не вижу твоего лица, приятель, но все равно чертовски рад тебе! За десять дней я едва не разучился говорить среди этих тупых роботов.

Неизвестный нежно обнял его за шею и неожиданно прижал его шлем к своему шлему.

— Это вы, Марк? — услышал он приглушенный голос Лоррейн Власек.

— Что за дела? — озадаченно спросил Фрэзер. — Почему вы не включите переговорное устройство? Оно у вас что, вышло из строя?

— Нет, просто это секретный разговор. Слава Богу, что вы сегодня вернулись. С вами-то я и хотела поговорить.

— О чем? Произошла какая-то беда?

— Не знаю. Может быть, и нет. Но этот крейсер... зачем он прилетел на Ганимед?

— А-а... Билл Эндерби говорил мне что-то об этом.

— Что вы думаете об этом, Марк? — обеспокоенно спросила девушка. — Вы давно покинули Землю, а я — всего два года назад. Уже тогда она походила на кипящий котел. Направо и налево велась подрывная агитация, то и дело убивали офицеров службы безопасности, во всех странах мира происходили антиамериканские бунты. Уже здесь я узнала о смещении пре-

зидента Гарварда и его убийстве. И вот опять на Земле что-то случилось. Но что? Не очень-то я доверяю тому, что болтали парни с «Веги», которых я видела. Кто послал к нам военный корабль и с какой целью? Нас в системе Юпитера всего пять тысяч человек, включая женщин и детей, мы не вооружены и не имеем больших кораблей. Какую же опасность мы можем представлять и для кого?

Фрэзер вздохнул.

— Послушайте, Лори, — сказал он, — вы навязываете мне свои предубеждения... простите — ваши убеждения. Я могу сочувствовать вашим взглядам, не более того. В отличие от многих других, я никогда не осуждал вашу фанатичную преданность прежнему президенту Гарварду. Многим не нравилось, как резко вы отзывались о восстании, но я убеждал людей не давить на вас. Это не ваша вина, что школа вколотила в головы вашего поколения мысль, будто сам Господь сделал Соединенные Штаты хранителем человечества, спасителем Земли от ядерной войны. Черт побери, иностранцы вовсе не дьяволы! Им не нравится наше стремление стать всемирным полицейским — разве они не правы? Что это за безопасность, которая основывается на страхе? По-моему, Сэм Халл реально может обеспечить мир на Земле. Он считает, что только сообщество равноправных государств в состоянии решить эту проблему. Он говорит: американцы должны перестать быть рабами привычки считать себя хозяевами всех и вся.

— О, Марк! Вы хороший инженер, но простите, ничего не смыслите в политике. Я в ужасе! Эта история с крейсером мне кажется очень подозрительной. Вы же знаете, что солнечный ветер полностью прервал нашу связь с Землей и это будет продолжаться еще недели две. Странно, что именно в это время к нам без предупреждения прилетел военный корабль, — не правда ли? А как объяснить посты охраны вокруг «Веги» и то, что почти весь ее экипаж остается на борту?

— Хм-м... — Фрэзер подумал о своей семье и о том, что может сделать с Авророй один залп орудий крейсера. Он облизнул внезапно пересохшие губы и не очень уверенно сказал: — Они должны понимать, что мы на их стороне. Им, судя по всему, не очень-то нравятся гарвардисты, но и мы же не случайно оказались здесь, на краю света! Наука наукой, но, кроме вас, Лори, сторонников прежнего режима здесь наперечет... Все мы наелись досыта на Земле секретной полицией, воодушевленной трескотней телевидения, разделением людей по сортам, в зависимости от их преданности президенту, «демократической» цензурой и коррумпированной бюрократией.

Все колонисты хотели, чтобы нас отделяло от Земли как можно больше миль, и потому забрались аж в систему Юпитера! Прежнее правительство догадывалось об этом и было радо избавиться без хлопот от «ненадежных элементов». Каждый знает об этом.

— Верно, — сухо согласилась Лоррейн. — Но почему же к нам был послан военный корабль?

Фрэзер мысленно чертыхнулся.

— Не знаю, Лори, и знать не желаю. Еще есть вопросы?

— Да. Я хочу дать вам совет, Марк, — готовьтесь-ка потихоньку покинуть город.

— Что-о-о? — Фрэзер схватил девушку за руку и встревоженно спросил: — Вы чего-то ожидаете, Лори?

— Не знаю... Может быть, я просто впадаю в истерику. Вы мне симпатичны, Марк, и ваша милая семья тоже. Мне кажется, у вас могут возникнуть серьезные проблемы, так что я решила на всякий случай предупредить вас.

«А ведь Лори не похожа на других девушек, — подумал Фрэзер. — Среди колонистов полно холостяков, но она за два года так никого и не выбрала».

— Спасибо, Лори, но я не вижу особых причин для беспокойства. Пойдем?

Девушка кивнула и включила переговорное устройство.

— Как прошел полет, Марк? — спокойным тоном спросила она.

Они пошли в сторону города, неспешно беседуя — словно предыдущего тревожного разговора и не было. Миновав зону космопорта, плотно заставленную космоботами, они увидели «Вегу».

Крейсер поражал своими титаническими размерами. Такой гигант никогда не мог сесть на Землю, и было странно, что он не остался на орбите возле Ганимеда. Он представлял из себя сфероид диаметром в пять сотен футов, густо усеянный орудийными стволами. Наверху темнели четыре темные башни, похожие на динозавров, — это были шлюзы для космоботов. Стальная обшивка корабля была испещрена следами от ударов микрометеоритов. Создавалось впечатление, что она фантастически мощна. На самом деле она была относительно тонкой и лопнула бы под собственным весом в любом достаточно сильном гравитационном поле. Крейсер полагался на огневую силу своих орудий, и потому бронирование было излишним. Тем не менее Фрэзеру казалось, что перед ним возвышается стальная гора, и это ощущение было не из приятных.

Не обращая внимания на протесты Лоррейн, он обошел корабль вокруг. Над стеной кратера Навайо низко висело

солнце. Его диск выглядел куда меньше, чем с Земли, и все же излучение было таким сильным, что смотреть на него без светофильтра было невозможно. Восточная часть равнины казалась дикой и необжитой, и только серебристые ленты монорельса, ведущие к ледяным шахтам, напоминали о присутствии в этих местах человека. И над всем этим царил хребет Джона Гленна, покрытый аркой звездного неба. Впрочем, созвездий было видно немного. Хотя Ганимед и получал всего четыре процента солнечного света по сравнению с Землей, человеческий глаз сумел адаптироваться и к этим условиям. Днем зрачок сужался настолько, что можно было разглядеть лишь самые яркие звезды. Но Юпитер, висевший над горизонтом, был виден отлично.

Досыта наглядевшись на стальную глыбу «Веги», Фрэзер наконец-то внял просьбам Лоррейн и двинулся в сторону города. Они прошли мимо одного из постов, окружавших крейсер. Вид астронавтов в бронированных скафандрах и с бластерами наперевес Фрэзеру не понравился. «О дьявол, — подумал он, — эти ребята имеют сверхосторожного капитана. Ну кто собирается здесь на них нападать?»

По дороге к Авроре они миновали «Олимпию» — крупнейший в системе Юпитера корабль. По сравнению с «Вегой» он казался карликом, но при взгляде на него создавалось ощущение спокойствия и уверенности. Как бы там ни было, колонисты тоже не беззащитны. И вообще, все нормально и нет никаких веских оснований для тревог. Тревог?

Фрэзер невольно посмотрел на Юпитер.

— Лори, за время моего отсутствия Теор вызывал меня?

— Да, — ответила девушка. — Пат Махони говорил, что ваш наследный принц выходил на связь четверо суток назад. Парни из группы контакта пытались объяснить ему, почему вас нет на Ганимеде, но абориген, боюсь, ничего не понял.

Фрэзер чертыхнулся.

— Значит, у племени наярров действительно возникли большие неприятности! Надо немедленно связаться с Теором. Хотя что я могу реально сделать для него?..

Вскоре они подошли к куполу Авроры со стороны его западного портала. За исключением зданий нескольких вспомогательных служб, находящихся снаружи и закрытых собственными куполами, все дома Авроры располагались в четырех небольших кварталах, высота которых не превышала восьми этажей. На центральной площади возвышался решетчатый скелет башни главного передатчика. Основным строительным материалом в Авроре служил местный камень. Здесь не было необходимости

зарываться под землю, как на Луне. Солнечный ветер дул не очень сильно, а попадания крупных метеоритов были возможны только теоретически — по крайней мере, за тридцать лет после начала колонизации Ганимеда такого не случилось. Но и в случае подобной катастрофы герметичные перегородки свели бы потерю воздуха до минимума.

«Однажды мы разогреем скалы атомной энергией, размелем их в прах и окутаем Ганимед атмосферой. И тогда этот мир зазеленеет и станет второй Землей!» Эти brave заявления энтузиастов освоения Юпитера казались пустой похвальбой, но даже иронически настроенный Фрэзер понимал, что это не так. Система Юпитера была неисчерпаемой кладовой научной информации, что означало: поселения колонистов нужно строить всерьез и надолго. Но это, в свою очередь, привлекло в систему множество инженеров и техников, специалистов по системам жизнеобеспечения. Конечно же, многие из них прилетели на луны Юпитера с женами. Затем возникла проблема добычи металлов — возить материалы с Земли было слишком дорого, да и транспорты не могли приходить слишком часто. На Ганимеде и на Ио как грибы стали расти многочисленные шахты. Шаг за шагом колония быстро разрасталась, крепла, становилась все более независимой от Земли. Почему бы ей действительно со временем не превратиться в цветущий сад?

— Что с вами, Марк? — спросила Лоррейн.

Фрэзер отвлекся от своих размышлений и смущенно ответил:

— Так, что-то размышлялся... Не хочется думать о плохом, Лори. «Вега» прилетела и скоро улетит, так что все, скорее всего, обойдется. Но вот у Теора дела похуже. Если его племя будет изгнано с побережья, то наша работа по установлению контактов с юпитерианами за последние лет двадцать пойдет прахом. Вот это действительно серьезно!

Они вошли в кессонную камеру и стали ждать, пока поднимется давление. Затем с облегчением сняли шлемы.

— А ведь для вас Теор — это больше, чем часть научной проблемы, — неожиданно сказала Лоррейн. — Мне кажется, что вы относитесь к нему лучше, чем ко многим людям.

Фрэзер недоуменно взглянул на девушку. Она была крупной блондинкой, с прекрасной фигурой, способной заморозить любого мужчину, но лицо ее было невыразительным. Лоррейн ему нравилась, и даже ее радикальные политические взгляды не портили их отношений. Эта девушка обладала прекрасным чувством юмора, умела прекрасно использовать часы отдыха. До революции на Земле она была главной заводилой в городе,

ни одна вечеринка не обходилась без ее активного участия. Но в целом Фрэзер мало знал о Лоррейн, она не очень любила рассказывать о своем прошлом.

«Черт побери, что она хотела сказать?» — озадаченно подумал Фрэзер, но вслух еще раз повторил:

— Не переживайте вы так из-за этой «Веги», Лори. Поверьте, все обойдется. Спасибо, что встретили меня. Если вас не затруднит, позвоните моей жене и предупредите, что я задержусь на полчаса. Хочу немедленно связаться с Теором. Бог знает, что у него там стряслось...

Глава 2

Он сел перед микрофоном и положил руки на панель управления передатчиком, нацеленным на Юпитер.

— Теор, это Марк, — сказал он, но не по-английски, не на языке наярров, поскольку ни земляне, ни юпитериане не могли воспроизвести своим речевым аппаратом все звуки чужого языка.

Речь наярров представляла собой невероятное сочетание кваканья, хрюканья и свиста, поэтому для общения использовался созданный лучшими лингвистами Земли общий язык, являющийся лишь грубой аппроксимацией языка юпитериан. Теор не без труда научился говорить на нем, а вот Фрэзеру удалось овладеть им лишь после многих месяцев упорного труда.

— Ты слышишь меня?

Его слова преобразовывались в набор электронных импульсов, которые поступали в приемное устройство главного передатчика, расположенного в нескольких милях от Авроры. Отсюда их выстреливали в виде информационных пакетов на ближайший из трех релейных спутников, вращавшихся вокруг Юпитера. Там, в специальном преобразователе электрические сигналы превращались в поток нейтрино. Невидимый, неосязаемый луч широким конусом посылался на Юпитер со скоростью, чуть меньшей скорости света. Его ширина была соизмерима с диаметром громадной планеты. Практически беспрепятственно пронизав ее толщу, луч уходил в глубины космоса. Ни могучие магнитные бури, ни мощное гравитационное поле не могло существенно исказить переданную информацию, тогда как у радиолуча не было шансов пройти даже верхний слой атмосферы. На поверхности Юпитера располагался приемник, некогда доставленный автоматической ракетой. Он

вновь преобразовывал нейтринный сигнал в радиоимпульсы и посылал их узким лучом с помощью радиоприцела в четырехдюймовый диск, который носил Теор, сын вождя племени наяр-ров.

Потребовались усилия нескольких поколений лучших ученых Земли, чтобы создать устойчивую связь с обитателями далекой планеты. Но вслед за техническими трудностями возникли проблемы совсем иного рода...

— Теор? Почему ты не отвечаешь?

«Черт побери, да не умер ли он? — с внезапной тревогой подумал Фрэзер. — Теор должен слышать меня, ведь он всегда носил диск на шее...»

Фрэзер достал из кармана старую трубку и, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы, стал не спеша набивать ее табаком. Сейчас он не думал о том, что кисет опустеет окончательно и до прихода следующего транспорта с Земли ему придется не-сладко.

А в это время в тысячах миль от него, в полной темноте, в которой человеческий глаз ничего не смог бы разглядеть, другая рука потянулась к кнопке переговорного диска. Юпитерианин спросил:

— Это ты, Марк?

Через минуту эти слова дошли до Ганимеда. Фрэзер вздрогнул и едва не выронил трубку.

— Да, это я. Надеюсь, не потревожил тебя в неурочный час, друг?

Последовала пауза, в течение которой Фрэзер постарался привести свои нервы в порядок. «Что-то я слишком близко к сердцу принимаю все, что происходит с наяррами, — подумал он. — Теор, конечно, очень симпатичный, умный парень, и мне будет жаль, если враги изгонят его племя с побережья. Это здорово повредит нашему проекту — ведь приемник-то останется в Доме Оракула. Придется вновь устанавливать контакты с новыми обитателями тех мест, а это займет долгие месяцы, если не годы. Но с другой стороны — так ли уж это важно для меня? Юпитер более чужой для меня, чем сама преисподняя...»

— Нет, ты не потревожил меня, — ответил Теор. — Правда, сейчас у нас ночь, и мое сознание должно было затуманиться, но я настолько встревожен происходящим, что мне не до сна. Хорошо, что ты связался со мной, друг. Мое племя очень нуждается в твоей помощи.

— Чем я могу помочь?

Фрэзер почувствовал растущую тревогу. Он долгие годы общался с Теором, и хотя юпитериане физически отличались

от человека более, чем, скажем, медузы, это существо было ему ближе многих друзей.

— Я долго втолковывал своим соплеменникам, кто вы и что может дать наше общение, но они не желали меня понять, — после минутной паузы сообщил Теор. — Сейчас же, когда над нами нависла смертельная угроза, они стали куда сообразительней. Каждый фермер теперь знает, что существо с небес спасет нас.

— Ах так, до них наконец дошло, что я не Бог и не явление природы вроде наводнения? — обрадованно воскликнул Фрэзер. — Ты убедил их?

Он никогда не использовал стандартных методов общения с аборигенами, как другие исследователи Юпитера. Десять лет назад он работал в технической группе, занимавшейся улучшением качества связи с планетой. Постепенно он заинтересовался этим проектом настолько, что стал все свое свободное время посвящать изучению первой версии общего языка — лучшего средства общения с юпитерианами тогда не было. После этого он набрался смелости и попросился в группу лингвистов, занятую непосредственно проблемой контакта. Ему разрешили попробовать установить контакт с сыном вождя племени наярров — и были весьма удивлены тем, что Фрэзер так быстро освоил язык. Вскоре выяснилось, что он продвинулся во взаимопонимании с аборигеном гораздо дальше, чем опытные специалисты. Дело, конечно, было не только в прирожденном таланте Фрэзера, но и в его поразительной настойчивости. За десять лет общения Фрэзер и Теор научились не только понимать друг друга, но и ощущать эмоции собеседника — такого еще не достиг ни один землянин.

После долгой паузы наярр ответил:

— Это не только моя заслуга. Мой полуотец Элкор в свое время немало общался с землянами. И хотя он не нашел среди них друзей, веру в ваше могущество сохранил. Но Элкор мало понимал вас, людей с неба, и теперь очень удивляется, когда я рассказываю о наших беседах. Как такое могло произойти?

Фрэзер задумался.

— Гм-м-м... раньше я как-то не думал об этом. Понимаешь, те люди, которые общались некогда с твоим отцом, были учеными, и их в первую очередь интересовали тайны вашего мира. Словарь общего языка был в то время очень краток и не мог выразить оттенков эмоций. Но я-то не ученый, меня интересовало совсем другое — каковы вы, жители огромного, недоступного для нас мира, как вы думаете, чем живете, чему радуетесь и отчего тревожитесь. Именно по этой причине со

временем наш с тобой словарь стал постепенно увеличиваться, мы стали придумывать новые, понятные для обоих слова. В результате мы стали понимать друг друга намного лучше, чем наши предшественники.

«Старый Ян Сильверстайн тоже не был узким специалистом», — подумал Фрэзер, дожидаясь ответа. ДжоКом — так называлась принципиально новая нейтринная система связи — была результатом осуществления его мечты. Многие годы он обивал пороги крупных исследовательских фирм, убеждая бизнесменов, что Юпитер — козырная карта, которая может стать для Земли новым, неисчерпаемым Клондайком. Затем он взялся за академические институты, уговаривая научных светил отказаться от традиционных подходов, развивать иные направления в радиолокации, физике твердого тела, кибернетике и т. д. и т. п. Но дело двигалось медленно, пока на Юпитер не были успешно спущены первые исследовательские роботы. Они были весьма примитивными, с простейшей лазерной телеметрией, поэтому большая часть информации терялась в атмосфере. Но Сильверстайн уже развернулся во всю мощь. К тому времени он возглавлял «Проект Юпитер», и сотни фирм и научно-исследовательских лабораторий работали под его началом. На планету спускались все более сложные и совершенные модели роботов, и хотя большая их часть бесследно исчезала, Юпитер стал потихоньку открывать свои тайны. Настал великий день, когда Земля узнала, что на планете-гиганте существует разумная жизнь. Остаток жизни Сильверстайн посвятил совершенствованию системы связи, и нейтринный передатчик заработал незадолго до его смерти...

— Мне очень интересно следить за ходом твоих мыслей, Марк, — послышался наконец голос Теора. — Но, увы, этой ночью нам не удастся полностью отдаться отвлеченным размышлениям о природе вещей. Рассвет уже недалек, и улунт-хазулы скоро придут в Няярр.

— Что случилось, Теор? В последний раз, когда мы говорили, ты рассказывал об армии, которую вы послали навстречу врагу.

— Да, — мрачно сказал Теор. — Мы думали, что это обычный набег дикарей, и послали пограничные отряды разогнать их. Однако враги наголову разбили на побережье наше небольшое войско. Оставшиеся в живых рассказали, что чужаков видимо-невидимо и они иной расы.

— Иной расы? — Фрэзер изумленно присвистнул. Хотя это было вполне возможно. На такой огромной планете могли

существовать несколько совершенно различных разумных рас, которые могли и не подозревать о существовании друг друга.

— Похоже, враги пересекли Западный океан, пройдя через цепь Плавающих островов. Наши торговцы имеют там базу. Если улунт-хазулы захватили их в плен, то они многое могли узнать о нашей стране и о нашем племени. Не сомневаюсь, что у них были и шпионы — мы не раз встречали на побережье странных личностей, но не придавали этому значения. Мы были вынуждены пригласить чужаков на переговоры. Надо же хоть что-то узнать о врагах, прежде чем вступить с ними в бой! Они согласились, и два дня назад в город прибыла их делегация.

— Но чем я могу помочь?

— Ты знаешь, с каким благоговением наше племя относится к вашей большой машине — той, что говорит, — сказал Теор. — Еще мой отец вступил с ней в контакт, после чего с почтением поместил ее в Дом Оракула. Три года назад вы послали нам машину, которая показывает, — и она тоже с почетом была перенесена в храм. Эти устройства многое изменили в жизни наярров, и особенно рода Рива. Некогда мои предки славилась своими магическими способностями, и теперь в глазах соплеменников я тоже стал магом — и все потому, что могу говорить с людьми, живущими на небесах. Наш народ прост и доверчив, ему вполне хватает моих рассказов, но улунт-хазулы могут оказаться более привередливыми. Думаю, им потребуется более серьезное доказательство моего могущества, скажем, изображение Того-кто-живет-на-небесах.

— А-а... Я догадываюсь, что нужно сделать. Ты хочешь, чтобы я...

Внезапно интерком захрипел и заговорил басом:

— Внимание! Говорит Боб Ричардс из штаб-квартиры администрации. Вы уже знаете, что недавно в космопорту сел крейсер «Вега». Его командир адмирал Свейн просит разрешить астронавтам, свободным от вахты, посетить сегодня наш город. Естественно, порядок и дисциплина гарантируются. Я думаю, ребята, вам будет приятно поболтать с парнями, недавно прибывшими с Земли. Так что все, кто желает, могут через десять минут подойти к главному входу. Пока.

Выслушав объявление, Фрэзер усмехнулся. «А Лори была так испугана», — с иронией подумал он.

— Что у вас происходит? — с интересом спросил Теор.

— Ничего особенного, — ответил Фрэзер. — Давай лучше вернемся к твоей просьбе. Мой вид может здорово смутить любого жителя Юпитера, и, насколько я понимаю, ты хочешь воспользоваться этим. Я должен запретить чужакам вторгаться

на вашу территорию под угрозой ужасного наказания — не так ли?

В соседней комнате раздался шум возбужденных голосов. Похоже, парни из лаборатории отправились встречать астронавтов. «Пусть развлекутся», — равнодушно подумал Фрэзер.

— Ты читаешь мои мысли, — сказал Теор. — У меня такое предчувствие, что это может изменить баланс сил в нашу пользу. Улунт-хазулы должны знать, что на севере находятся страны, менее богатые, чем Медалон, и куда более беззащитные. Если они услышат, что кроме армии наярров против них выступают сверхъестественные силы, то они могут дрогнуть.

— Хм-м-м... не уверен, не знаю, как устроены их мозги. Возможно, мы встретимся с иной культурой, другим образом мыслей. Но в любом случае постараюсь сделать для вас все, что могу. Хотя... хотя как мне это удастся? Пришельцы не знают общего языка, а я не могу говорить на языке наярров!

— Я знаю. Я уже придумал, как все это можно проделать. Я здесь прочитал речь, стараясь изменить до неузнаваемости голос. Ты запишешь ее и в нужный момент пошлешь вместе со своим изображением. Никто не догадается о нашей хитрости.

— Прекрасно! Ты мне досконально объяснишь смысл твоих фраз, а я уж постараюсь делать соответствующие словам жесты. Ладно, будем считать, что мы договорились. Теперь перейдем к нашим текущим делам. Ты подготовил первый опытный образец бумаги по технологии, которую мы разработали для вас?

— Да, нам удалось сделать первый лист. Я покажу его тебе, но сначала давай немного побеседуем на отвлеченные темы. Ваш образ мыслей настолько сложен и непривычен, что мне хотелось бы уточнить некоторые философские понятия...

Они закончили беседу минут через сорок. Фрэзер взглянул на часы и ахнул. «Надеюсь, Ева не очень рассердится на меня», — виновато подумал он.

— Мне пора уходить, — сказал он. — Я приду в лабораторию, когда начнутся ваши переговоры с улунт-хазулами. Вызови меня, когда захочешь припугнуть чужаков. Надеюсь, наш замысел сработает. До встречи, Теор!

— Пусть твой разум блистает вечно! Прощай, друг.

Связь прервалась. Фрэзер посидел еще минуту, чувствуя себя каким-то одиноким. Затем встряхнулся, заставил себя подняться и пошел к двери. Внезапно она распахнулась прямо у него перед носом. В комнату ворвался Пат Махони. У него было такое лицо, словно он только что увидел Медузу Горгону.

— Марк! — завопил он. — Бежим отсюда! Они арестовали в городе всех, кто мог представлять для них хоть какую-то опасность!

— Ты о чем? — изумленно спросил Фрэзер.

— Эти безумцы с корабля дали нам прикурить! Стоило этим чертовым астронавтам войти в город, как каждый из них выхватил бластер. Это бандиты, Марк, самые настоящие бандиты. Нет, еще хуже — они сторонники прежнего президента Гарварда!

Глава 3

Без специальных приборов ни один человек не мог бы увидеть рассвет на Юпитере. Его поверхность была погружена в вечный мрак, лишь изредка освещаемый вспышками гигантских молний. Атмосфера состояла из водорода с небольшими примесями метана и парообразного аммиака, образующего облака толщиной в несколько миль. Однако золотистые глаза Теора — каждый в три раза больше человеческого — отлично видели в инфракрасном и даже красном диапазонах волн. Для него небо стремительно очищалось от ночного тумана, который клубами неся по равнинам Медалона и уходил под мутную арку облаков, увлекая за собой полчища черных, колеблющихся теней. Теор чувствовал, как его лицо обдувает резкий и холодный ветер. Его чувствительные усики-антенны, расположенные по обеим сторонам рта, дрожали, реагируя на острые органические запахи, текущие по равнине.

Теор нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Ему хотелось вновь вернуться к своим обязанностям. Прежде всего это была забота о ценных наркотических специях. В первичном виде они накапливались в стволах и листьях растений, в огромном количестве растущих на равнине, но окончательно приобретали свои свойства, лишь пройдя через желудочный тракт местных животных, слегка напоминающих земных коров.

У фермеров в этот сезон была масса забот, и обязанностью Теора было оберегать их от непогоды, а именно от ветра, дождя, града, молний, землетрясений, гейзеров, извержений вулканов, камнепадов и прочая, прочая, прочая. Это было традиционным занятием рода Рива. Лишь случайно и изредка отпрыски этого славного рода становились священниками, магами, судьями и военачальниками. Всегда и везде Рива были хранителями культуры племени наярров; без их искусства оно могло вновь

вернуться к состоянию варварства или оказаться поработенным более могущественными племенами.

«Неужели такое когда-нибудь случится? — угрюмо подумал Теор. — Мы можем не опасаться соседнего племени Ролларик — нас куда больше, мы лучше вооружены, и потому эти трусы решили скрыться от нас за Дикой Стеной. Но эти пришельцы улунт-хазулы! Кто привел такие огромные силы за океан?»

Их беспримерный переход поразил его так же, как редкая боевая доблесть чужаков. Наярры тоже далеко не домоседы: на южном побережье они торгуют с Лесным племенем, а за морской добычей уходят далеко в океан, к самому Орговеру. Несколько разведывательных экспедиций даже отправились на запад, к таинственным Сияющим островам. Но как улунт-хазулы смогли одолеть тысячи штормовых миль в океане из жидкого аммиака? Теор знал об этом из сообщений своего друга-землянина с Ганимеда, который наблюдал за походом войска чужаков с помощью хитроумных приборов.

Теор машинально поднял глаза к небу. Он никогда не видел ни лун Юпитера, ни даже Солнца. Странно будет, если наярров спасут силы из мест невидимых и недостижимых... Хотя луны и так влияют на происходящее здесь, на поверхности Юпитера — Марк не раз рассказывал ему, что именно они вызывают атмосферные приливы и отливы и тем самым создают четыре малых погодных цикла...

— Уллола! — услышал он вдруг далекий голос, доносящийся откуда-то снизу. — Теор, я вижу тебя. Спускайся и побеседуй со мной!

Теор натянул поводья своего форгара. Летающий зверь, напоминающий земного богомола, замедлил полет и стал плавно спускаться. Теор сидел на его узкой, чешуйчатой спине, крепко упираясь четырьмя ногами в туго натянутые стремяна, и смотрел вниз.

В нескольких милях отсюда лежал город. Впереди, в изгибе реки Брантор, были видны столбы красного дыма. Там находились мастерские, поскольку именно в этом месте были обнаружены десятки небольших вулканических кратеров — другого вида огня на Юпитере не знали. Опытные ремесленники день и ночь трудились, плавя над жерлами осколки льда и выковыывая из него наконечники для копий и ножи.

Сделав широкий круг, форгар плавно приземлился рядом с пожилым наярром, который приветственно размахивал посохом, богато отделанным перьями. Это был Норлак, полуотец Теора.

Молодой Рива прыгнул с форгара и со вздохом облегчения выпрямился. Форгар немедленно направился к зарослям кустарника с толстыми губчатыми листьями. Растения росли на почве, которая представляла собой ледяной порошок, смешанный с органическими веществами и минеральными солями, главным образом натриевыми и аммиачными соединениями. Ледяная крошка хрустела под ногами Теора.

— Моя сила была спокойной в твоё отсутствие, — произнес он слова формального приветствия и сразу же перешел к делу: — У нас мало времени, полуотец. Посланцы врагов, должно быть, уже пришли в город.

— Они уже там, — сказал Норлак, — чужаки прибыли ещё вчера вечером. Я давно тебя жду, сын, — прежде чем ты пойдёшь на совещание, мне хотелось бы поделиться с тобой кое-какими соображениями.

— Но почему ты сам не принял участия в этой важной встрече? Она, должно быть, уже началась и...

— Чужаки возражали, — флегматично ответил Норлак. — Они сказали, что по их законам только мужчины могут принимать участие в переговорах. Если с вашей стороны будут присутствовать представители других полов, чужаки покинут город. Мы с Элкором решили проглотить оскорбление и принять их условия.

Теор изумленно замер. У наярров все три пола традиционно были равны, хотя женщины мало интересовались государственными делами — им вполне хватало домашних хлопот и забот о потомстве. Правда, дикари из племени Ролларик и Лесное племя по-другому смотрели на равноправие полов, но это были крайности, редкие в этой части Юпитера.

— Вождь улунт-хазулов смеясь сказал, что женщины у них — не больше чем часть имущества, а полумужчин вообще убивают после рождения и лишь немногих оставляют для нормального воспроизведения потомства. Хозяева этого племени — только мужчины, и только они одни участвуют в походе. Как только мы завоюем вас, сказал вождь, мы привезем сюда и остальную часть нашего племени с Плавающих островов.

Теор поморщился.

— Теперь я понимаю, что они совсем не такие, как мы, — заметил он. — Не просто другое племя — нет, совсем другой вид. Убивать полумужчин — да где это видано? Хотя... хотя это может сыграть нам на руку. Вы, полумужчины, куда слабее нас и излишне эмоциональны, зато голова у вас более светлая.

— Верно! — самодовольно улыбаясь, согласился Норлак и горделиво выпятил грудь. — Разве не я предложил

использовать твоего друга-небожителя, чтобы испугать этих дикарей? Конечно, я хотел бы участвовать в переговорах, чтобы следить за чужаками. Вы, мужчины, недостаточно хитроумны. Ваша сила — в мускулах, увы, и только в них.

Норлак явно преувеличивал. Разве не он, Теор, первым из наярров установил тесный контакт с землянином? На что Норлак обычно ворчливо отвечал, что Теору помогло лишь обычное мужское упрямство, но никак не интеллект.

— Так что ты хотел сказать мне? — спросил Теор.

— Я хотел бы дать тебе, сынок, кое-какие наставления, поскольку сам на встрече буду отсутствовать. Я потратил немало сил и времени на изучение этих улунт-хазулов, и тебе будет полезно получить от меня важную информацию. Наша ошибка состояла в том, что мы всегда принимали их за племя дикарей и не более. Но на самом деле они намного опаснее, намного!

Теор нетерпеливо переступил с ноги на ногу, но удержался от язвительной реплики. Норлак обожал пространные, напыщенные монологи, но их стоило выслушать.

Со стороны эти два юпитерианина показались бы землянину до удивления похожими на кентавров. Но такое сравнение было бы слишком грубым и приблизительным. Да, они имели четыре ноги, и их лошадиные тела соединялись с человеческим торсом, но этим сходство с легендарными существами и заканчивалось. Тела Теора и Норлака были безволосыми, красноватого цвета с темными тигриными полосами; на ногах вместо копыт — три цепких пальца; четырехпалые руки — непропорционально длинные. На круглых головах отсутствовали уши, зато Теор, как и все мужчины, мог похвастаться высоким гребнем, похожим на петушиный. Рот располагался чуть ниже огромных глаз и служил только для принятия пищи и питья. Речевые звуки создавались вибрацией специальных мускулов, расположенных в кожаном мешочке под челюстью.

Юпитериане не имели носа и легких. На их грудных клетках располагались узкие щели, напоминающие жабры, через которые в кровь существ поступал водород, играющий основную роль в их метаболизме. В процессе воспроизведения органических соединений участвовали и метан с аммиаком — они поступали внутрь через брюшные отверстия. Чудовищное юпитерианское давление делало эту простую систему дыхания эффективной. Питались «кентавры» в основном водорослями.

Кроме пояса с инструментами и висевшего на шее диска коммутатора Теор не носил ничего, что было типичным для жителей Юпитера. Малый осевой наклон этой планеты обес-

печивал небольшой температурный разброс на его широтах, что делало потребность в одежде излишней. Зато полумужчины обожали наряжаться в пышные и безвкусные одежды. Они были низкорослыми и хрупкими существами и вечно жаловались то на холод, то на жару. Отсутствовал у них и «петушиный» гребень, зато антенны были более длинными и чувствительными — подобных и менее заметных отличий между этими двумя полами было множество. Для оплодотворения мужчина и полумужчина по очереди занимались любовью с женщиной, причем с интервалом не более трех-четырёх часов. Мать давала жизнь ребёнку и кормила его кашницей из тщательно пережеванной пищи. Для наярров создание семьи из трёх разнополых индивидуумов считалось естественным, хотя многие другие племена придерживались иных обычаев.

Но варварское отношение улунт-хазулов к полумужчинам шокировало. И такие дикари смогли переплыть через океан? Теор был менее воинственным, чем другие мужчины, но мысль о том, что чужаки могли бы безжалостно уничтожить Норлака, заставила его судорожно сжать рукоять палицы.

— Я собрал воедино все разрозненные сведения, собранные разведчиками и исследовательскими экспедициями, и добавил к ним собственные наблюдения за посланниками, — продолжал распространяться Норлак, закатив глаза от восхищения самим собой. — Родина улунт-хазулов — островной архипелаг в океане. Местность там в основном равнинная и болотистая. Чужаки — отличные кораблестроители, они умеют отливать корпуса судов из льда. Их штурманы прокладывают курс в океане на сотни миль — мы таким искусством, увы, не владеем. Они своим умом дошли до изобретения компаса, тогда как мы использовали идею землян с Ганимеда. Оружие чужаков совершенней нашего, поскольку они каким-то чудом нашли залежи каменных и железных метеоритов. — В голосе Норлака зазвучали тоскливые нотки. — Мы не должны бесстрашно смотреть фактам в лицо, сынок. Улунт-хазулы далеко не варвары, нет! Их цивилизация значительно отличается от нашей, но она, увы, столь же полноценна и многогранна, как и наша.

— Хм... — недовольно буркнул Теор. — И все же они могут здорово испугаться Оракула!

— Что ж, лучше постараться напугать пришельцев чем-то сверхъестественным, чем ввязаться в фантастическую резню, — грустно согласился Норлак.

— Которой не миновать, если Марк не поддержит нас, — добавил Теор. — Жаль, полуотец, что тебя не будет на переговорах!

— Увы, увy... Но, к счастью, делегация улунт-хазулов состоит из одних мужчин, а это значит, что их вполне можно обмануть... Только помни одно, сынок: хитрость лучше, чем сила! Тем более что твой Марк может нам помочь только словами...

— Землянин говорил... — начал было Теор, но перебил сам себя. — Ладно, сейчас не стоит об этом толковать. Норлак, а почему пришельцы оставили свой дом?

— В их стране резко ухудшились погодные условия. Бесперывные шторма привели к тому, что морские растения добывать стало все труднее и труднее. Начались голод и эпидемии.

— Верно! Марк как-то говорил мне, что если в верхних слоях атмосферы встречаются два течения, то образуется вихревая область пониженного давления, которая...

— Пощади меня, сынок! Я простой наярр из рода Рива, для меня ты говоришь слишком мудрено... Продолжаю: улунт-хазулы кое-что разузнали о нашем племени — цикл или два назад Скрытый народ поговаривал о каких-то шпионах-чужаках. Их видели всего несколько раз, но наша страна велика и мало населена, так что это совсем неудивительно. Так или иначе улунт-хазулы неплохо изучили нас и поняли, что вполне могут захватить нашу страну. На сегодняшней встрече вы должны...

Норлак продолжал свой пространный монолог, время от времени закатывая глаза и самодовольно покачивая антеннами. Теор слушал его с нарастающей неприязнью. Идеи полутца были, без сомнения, хороши, но это были всего лишь благие пожелания, а время безвозвратно уходило. С трудом дождавшись момента, когда Норлак сделал паузу, чтобы передохнуть, Теор воскликнул с напускным воодушевлением:

— Спасибо, полуотец, за твои мудрые слова! Я сделаю все, как ты сказал. Прости, но мне пора. Пусть пребудет с тобой мир!

Теор вскочил на форгара и взмыл в небо. Норлак не успел остановить его.

Несколько минут спустя Теор достиг города. Сверху тот выглядел похожим больше на скелет морского животного, чем на поселение. Дома представляли собой ямы, огороженные прочными, но тонкими стенами так, чтобы не задавить своих обитателей во время сильных землетрясений. Крышами слу-

жили живые растения, настолько густо переплетенные, что без труда могли выдержать самый сильный ветер. Подобные же кустарники составляли живую изгородь, окружающую город. Корабли сохли в береговых доках, и вокруг них было непривычно пусто, так же как и на городских улицах, которые вернее было назвать тропинками. Большинство жителей города затаились в своих домах, с тревогой ожидая результатов переговоров.

Теор приземлился на площади между Дворцом Совета и Домом Оракула и, прыгнув с форгара, поспешил к первому из них. Три отряда охраняли резиденцию Элнора. Воины были одеты в доспехи из чешуйчатой кожи канника — хищного морского животного — и вооружены копьями. Их наконецники были выкованы из льда — более прочного, чем сталь, при юпитерианском давлении и температуре в минус сто градусов.

— Стой! — рявкнул один из воинов, угрожающе наклонив копье. — А-а... это Теор... Проходи. А мы-то гадали, что с тобой случилось?

Теор почувствовал скрытый упрек в его словах и, смутившись, задал в свою очередь чисто риторический вопрос:

— Как проходят переговоры, ребята?

— Паршиво, ясное дело. Чужаки только посмеялись над угрозами Элнора и послали его подальше вместе с его предложением поселиться где-нибудь на равнине Ролларик.

— О-о, это пришел мой сын! — послышался из-за двери глухой голос Элнора.

— Хунда! — ответил ему чей-то хриплый, низкий голос с заметным акцентом. — Выходит, простой копыеносец может присутствовать на разговоре вождей?

Теор нахмурился и вошел в здание. Пройдя через длинный, с заметным уклоном коридор, он очутился в главном зале. Зал, как обычно, освещали фосфоресцирующие цветы, растущие на вьющихся по потолку кустах. Вдоль стен круглого зала, на высоких ярусах, стояли старейшины племени, представляющие гильдии фермеров, ремесленников, торговцев и философов. Лица у всех были напряжены, в глазах светилось неприкрытое волнение. Элнор Рива стоял внизу один, а напротив него полукругом выстроилась дюжина улунт-хазулов. Вождь наярров был крупным, полным мужчиной средних лет, хотя выглядел заметно старше. В своем племени он отличался силой и благородством осанки. При виде отца сердце Теора наполнилось гордостью. Но, взглянув на чужаков, он вздрогнул и невольно шагнул назад, потрясенный.

Землянин не понял бы его изумления. Все юпитериане показались бы ему на одно лицо — так и Теор вряд ли отличил бы человека от гориилы. Улунт-хазулы были почти на фут выше наярров. Под их подбородками росли наклоненные книзу клыки. Массивные ноги чужаков заканчивались перепончатыми ступнями. У них были толстые и длинные хвосты, шкура имела непривычный серый цвет. Все в пришельцах было чужим, грубым, режущим глаз. И от них скверно пахло едким запахом животных!

Улунт-хазулы были одеты в кожаные мантии. Двое из них демонстративно поигрывали ледяными браслетами, явно снятыми с убитых наярров. Еще хуже было то, что вопреки обычаю они принесли во Дворец Совета оружие. Оружие! Сердце Теора забило от гнева и возмущения.

— Мы уже не надеялись увидеть тебя сегодня, — с видимым облегчением сказал Элкор, бросая на сына укоризненные взгляды. — Я хотел сам показать гостям Оракула, но ты делаешь это не хуже. Пусть Чалхиз, великий вождь улунт-хазулов, лично лицезреет Силу, Живущую в Небесах!

Теор вспомнил о словах Норлака. Полуотец особо отмечал, что вождь чужаков лично пришел на встречу. Этим он не только хотел показать свое бесстрашие, но и дать понять наяррам: мол, мы настолько хорошо организованны, что даже смерть вождя не станет для нашего племени серьезным ударом.

Теор посмотрел в холодные, мрачные глаза Чалхиза и твердо произнес:

— Мы знаем, вождь, что ты через своих шпионов немало разузнал о наяррах. Мы не препятствовали им: пусть все знают о могуществе нашего племени! Конечно, оно в первую очередь заключается в нас самих (Чалхиз пренебрежительно усмехнулся), а также в нашем дружеском союзе с великой Силой. Я не хочу угрожать тебе, Чалхиз, но будь уверен — Сила не останется в бездействии, если нам будет угрожать опасность!

Чалхиз плотоядно улыбнулся:

— Тогда почему же жители небес позволили нам вторгнуться в вашу страну?

— Пока мы не просили их о помощи.

— Наши старухи часто болтают о всяких чудесах: о духах, гоблинах, Скрытом народе, об этих ваших бесплотных голосах пророков. Мы, мужчины, улунт-хазулы, верим только тому, что видим своими глазами! — горделиво заявил вождь.

— Что ж, пойдем посмотрим, — кротко сказал Теор.

Следуя совету Норлака, он бесцеремонно повернулся и вышел из зала, даже не оглянувшись. Удивленный шепот пробе-

жал по рядам чужаков, однако, помедлив, они безропотно последовали за Теором. Пройдя через площадь, мимо невозмутимых воинов с пиками наперевес, они вошли в Дом Оракула.

На пороге зала передатчика чужаки остановились и стали переговариваться на своем языке — они явно были изумлены. И в самом деле, обширное помещение, погруженное в вечную мглу, производило ошеломляющее впечатление. Вдоль стен располагались собранные наяврами обломки разрушенных при посадке юпитероходов телеметрических ракет и роботов. На столе лежали металлические пластинки с изображением Солнечной системы, Земли, людей. — с их помощью земляне когда-то пытались установить контакт с жителями Юпитера.

Серые воины растерянно озирались по сторонам — ничего подобного они в жизни не видели — и потихоньку стали подвигаться друг к другу, сжимая оружие. Они уже были готовы трусливо бежать из этого ужасного места, но Чалхиз отдал короткий приказ, и его спутники понемногу успокоились. Вождь осторожно обошел зал, разглядывая удивительные экспонаты, нагнулся, взял кусочек металла и некоторое время изучал его своими антеннами. Затем он подошел к высившемуся в центре зала кубу передатчика и внимательно осмотрел контрольные панели. На его лице ничего нелзя было прочесть.

— Ну как? — небрежно спросил Теор.

— Хм... я вижу какие-то причудливые безделушки, которые могут удивить разве что дикаря, — проворчал Чалхиз. В его голосе уже не чувствовалось прежней самоуверенности.

— Ты увидишь еще больше, — пообещал Теор. — Один из обитателей неба согласился явить вам свой божественный лик и строго предупредить, что недоволен вашим вторжением! Те, кто летает среди звезд, несут великую Силу, способную сокрушить...

Теор произнес целую речь, полную восхвалений жителей неба и скрытых угроз в адрес чужеземцев — так ему советовал Норлак. Чалхиз угрюмо слушал его, наклонив крупную голову и нервно перебирая ногами. Чувствовал он себя неуютно, а на лицах его спутников легко можно было прочесть нарастающий ужас.

— А теперь я включу передатчик и почтительно попрошу бога Марка поговорить с тобой, вождь, — заключил Теор и, победоносно взглянув на приободрившегося отца, подошел к металлическому кубу.

Это довольно громоздкое устройство было раз в десять больше распространенного в Солнечной системе передатчика типа «Земля-ЗВ», но иначе на Юпитере и быть не могло. И сейчас

это было даже на пользу, поскольку произвело на чужаков впечатление необычайной мощи. Но сработает ли прибор?

Теор с важным видом включил тумблер на контрольной панели; пальцы его слегка дрожали.

— Я предупреждаю тебя, вождь, что жители неба не любят, когда их вызывают по таким пустякам, как визит каких-то чужеземцев, — продолжал нагнетать страсти Теор. — Я попрошу их показать живые картинки, но они могут разгневаться на меня за это. Стой тихо, пока я буду вызывать к великим богам! — Он нажал кнопку вызова на своем переговорном диске. — Марк, — торжественно пропел он на общем языке, которому его научил землянин, — настал момент, когда ты должен вмешаться. Они здесь и изрядно напуганы. Ты готов?

Экран на кубе передатчика оставался темным.

— Марк, ты слышишь меня?

Пол дрожал от нетерпеливого перестука десятков ног. С выходящего по потолку кустарника посыпались лепестки цветов.

— Марк, они ждут. Это я, Теор! Есть там кто-нибудь? Потопитесь ответить, я очень прошу! Марк, или кто-нибудь из землян... Марк!..

Внезапно Чалхиз басисто замурлыкал — юпитериане так смеялись. Потом он демонстративно повернулся и вышел из зала. За ним бодро последовали его воины, обмениваясь ядовитыми репликами.

А Теор продолжал с отчаянием вызывать к темному экрану:

— Марк! Почему ты не отвечаешь? Что случилось?..

Глава 4

А случилось вот что.

— Ты сошел с ума, — растерянно сказал Фрэзер.

— Нет, нет... — Пат Махони сидел на скамье и тяжело дышал. Рыжая прядь волос, влажная от пота, прилипла к его лбу. — Я видел... Это было в южном зале-В, около главного входа... Я видел, как они ворвались... отряд разъяренных людей с бластерами в руках... Среди них шли Клем, Том, Мануэль и еще двое или трое наших... все с поднятыми руками... Они заметили меня, когда проходили мимо. «Беги! — крикнул Мануэль. — Они на стороне прежнего правительства!» Один из чужаков ударил его по голове... а офицер прицелился в меня и крикнул: «Стой! Именем закона — стой!» Я стоял недалеко от угла, за которым был коридор. Потихоньку пятясь, я сказал:

«Чьего закона?» — «Правительства Соединенных Штатов!» — «У нас нет с ним проблем!»... И тогда офицер сказал: «Я имею в виду законное правительство, а не бунтарей». Он увидел, что я пытаюсь улизнуть, и заорал: «Стой — или я стреляю!» Но я мигом шмыгнул в коридор. Пуля тут же ударила в стену за моей спиной, но я уже бежал...

Фрэзер тяжело опустился в кресло. «Это невозможно, — тоскливо подумал он. — Этого просто не должно быть! Такие вещи случаются только в кино, но уж никак не в тихой, размеренной жизни колонистов».

Он вспомнил, что нечто подобное случилось в Калькутте, когда он проходил военную службу. Его полк был послан для подавления антиамериканского восстания. Когда на толпу направили огнеметы и люди стали вспыхивать как спички, его затошнило...

Или взять случай с профессором Хавторном. Он, Марк, тогда учился в колледже и был полон розово-голубых юношеских идеалов. Хавторн казался ему воплощением мудрости и доброты. Он был слишком стар, чтобы всерьез интересоваться тайную полицию, и потому продолжал преподавать *свою* версию истории. Вместо того чтобы восхвалять мудрость президента Гарварда, он приводил в своих лекциях цитаты из Джефферсона, Гамильтона и Линкольна. Более того, он призывал студентов следовать их идеалам в жизни, а этого власть имущие вытерпеть уже не смогли. Как-то вечером на старика напали юные хулиганы — конечно, совершенно случайно, а на следующий день во дворе колледжа торжественно были сожжены его книги. Вскоре Хавторн умер от многочисленных ран, и ни одна газета не решилась опубликовать некролог.

Новый «истинно демократический» режим порой действовал и более гуманно. Однажды сотрудники ФБР арестовали молодого Ольсена прямо в его лаборатории, обвинив в распространении подрывных памфлетов. Через несколько недель Ольсен вернулся с разбухшими венами и затравленным взглядом. Карьера его закончилась, хотя и было доказано, что его арестовали по ошибке.

Однако этот случай был исключением из правил. Люди исчезали почти ежедневно, и о них никто ничего не слышал. Да и вспоминать о них мало кто решался, люди предпочитали в разговорах восхвалять мудрость и дальновидность президента и твердость его администрации. После таких бесед хотелось прополоскать рот...

Фрэзер встряхнулся, стараясь отогнать неприятные воспоминания. Нужно действовать, и, к счастью, он не чувствовал

себя сейчас усталым. Что сказала ему Лори? «Потихоньку готовьтесь уйти из города...» Слишком поздно. Хотя... Но что произошло там, на Земле? Если бы восстание было подавлено, то вряд ли экипаж «Веги» вел бы себя подобным образом. Они взяли Клема, Тома и Мануэля... зачем? Да потому, что все трое были инженерами-связистами и могли сообщить на Землю о случившемся. Так-так... Солдаты с «Веги» могут прийти сюда каждую минуту. Надо действовать!

Марк вскочил с кресла и вышел в коридор. Вокруг было пусто и тихо.

— Выходи, Пат, — сказал он, обернувшись. — Если мы поторопимся, то можем захватить краулер и убежать из города. А пока я пойду соберу своих.

Пат молча кивнул и последовал за ним. Они вошли в грузовой лифт и поехали на первый этаж. Сердце Фрэзера бешено билось, на лице выступил пот. Если бы он рисковал только собой...

Внизу было полно народу. Просторное фойе гудело десятками голосов. Испуганные лица, заплаканные женщины.

— Эй, Марк! — позвал его один из мужчин. — Что произошло? Кое-кто говорит...

Фрэзер пожал плечами и стал осторожно, но решительно пробираться сквозь толпу к своей квартире.

Дверь оказалась закрытой.

— Господи, — с мольбой прошептал он, — если моих здесь нет... Тогда ты, Пат, уйдешь один...

Но, к счастью, дверь тут же распахнулась. Пятнадцатилетний Колин медленно опустил кресло, которое выразительно было поднято у него над головой.

— Отец! — с облегчением воскликнул он. — А я-то думал...

— Мать и Энн здесь? — не дав ему договорить, спросил Фрэзер и торопливо вошел в квартиру. Махони следовал за ним, словно тень. Захлопнув дверь, Марк крикнул: — Немедленно все одевайтесь! Ева, где ты?

Жена сразу же явилась из гостиной. Она была миниатюрной брюнеткой с нежными чертами лица и большими серыми глазами. Из-за ее спины выглядывала Энн с заплаканным лицом. Девочка родилась на Ганимеде десять земных лет назад и впервые в жизни столкнулась с такими серьезными неприятностями.

Всклипнув, Ева обняла мужа.

— Как хорошо, что ты пришел, Марк... Я не знала, что делать. Хотела позвонить в космопорт, но телефон отключен...

Марк ласково погладил ее по руке — она была холодна, словно лед.

— Надо немедленно уходить из города, — тихо сказал он.

— Но... нас же могут убить! — вздрогнула Энн.

Фрэзер шлепнул ее по щеке. Он был зол, но все же сумел сдержаться и ровным голосом приказал:

— Одевайтесь, я кому говорю!

Жена и дети растерянно посмотрели друг на друга и покорно пошли к шкафам с одеждой. Фрэзер осмотрел свой запасной скафандр и указал на него Махони:

— Возьми его, Пат. Он великоват для тебя, но что поделать...

Ева стала нервно выдвигать ящики, не зная, что выбрать.

— Сейчас не время модничать, — недовольно заметил Фрэзер. — Возьми только то, что уместится в карманах скафандра. Да положи ты это платье!

Махони отвернулся, пока Ева торопливо переодевалась. Фрэзер пристально смотрел на жену, ощущая — нет, не желание, сейчас не было на это времени, но память о желании, о прожитых вместе годах. Она отказалась от большего, чем он, прилетев на Ганимед: политика мало что значила для нее, и на Земле она могла сделать отличную карьеру. «Хорошая девочка», — ласково подумал он.

Фрэзер надел скафандр, предварительно тщательно осмотрев кислородные баллоны, емкость с водой, пояс с концентратами, энергобатареи и ранец с инструментами. Шлем он пока оставил открытым и не стал надевать рукавицы. Дело для него было привычным, поэтому он оделся раньше, чем остальные. Затем минуту или две он грустно оглядывал свою квартиру, отлично понимая, что может больше не вернуться сюда.

Она была стандартной и простой, подобно другим жилым помещениям в Авроре, но Ева сумела сделать ее уютной. Коробки с микрофильмами на книжных полках, незаконченная модель космолета, стоящая на столе Колина, шахматы рядом с коробкой сигар... Фрэзер всегда любил шахматы и покер. «Черт побери, сколько времени я угробил на все эти забавы», — с запоздалым раскаянием подумал он. Его взгляд скользнул по стене и остановился на большой фотографии, висевшей над кушеткой. Над морем с темной, почти фиолетовой водой бушевала метель из чаек. Но оно могло быть и другим, вспомнил Фрэзер. По ночам вода в заливе светилась. Можно было опустить руки в волны, плещущие о борта лодки, и зачерпнуть ладонями жидкое лунное серебро...

Отроческие годы Фрэзер провел на плавучей морской станции. Ее обитатели пасли стадо китов и собирали морские водоросли. Иногда станция уходила далеко в океан, и тогда перед ними открывался целый мир *неизвестного*... Персонал станции состоял из людей многих национальностей и жил, по сути дела, одной большой коммуной. Ни о тайной полиции, ни о доносах здесь и не слыхивали, и это впоследствии сказалось на дальнейшей судьбе Фрэзера. Он оказался слишком доверчивым и мягким, совершенно не приспособленным к жизни в большом и жестоком мире, где ни на кого нельзя было положиться. Только очутившись много позже на Ганимеде, он вновь вздохнул свободно — ему казалось, что он выбрался из душной субмарины на поверхность моря, на свежий, порывистый ветер...

— Марк, все готовы, — сказал Махони.

— Папа, а куда мы поедem? — смешно пробасил Колин. Мальчик изо всех сил пытался казаться невозмутимым, как и положено мужчинам.

Сердце Фрэзера мягко вздрогнуло. Колонисты, как правило, имели чудесных ребятишек — если те, конечно, выживали в тяжелых и непривычных для людей условиях.

— Мы поедem к одной из дальних станций, — ответил Фрэзер. — Мы не можем здесь оставаться: экипаж «Веги» состоит из гарвардистов, от которых можно ожидать любой пакости. Но им не удастся оккупировать весь Ганимед — просто людей не хватит. Спрячемся за хребтом Гленна, а там видно будет. А теперь пойдem. Пат, ты пойдешь последним. Дети, если увидите солдат в голубых скафандрах, не вздумайте бежать. Они могут начать стрельбу.

Фрэзер вышел в коридор и некоторое время стоял прислушиваясь. Вокруг было тихо. Тогда он пошел в сторону гаража, моля Господа, чтобы краулеры не успели взять под охрану.

Свернув за очередной угол, он увидел астронавтов «Веги». Большой грузный мужчина в голубой униформе с белым поясом выразительно поднял бластер.

— Эй, приятель, ты куда направился? — спросил он настороженно.

Фрэзер замешкался. Вместо него ответила Ева. Очаровательно улыбнувшись, она пояснила:

— Простите, офицер, но мы возвращаемся домой.

— Хм-м-м... — недоверчиво пробурчал астронавт, но было заметно, что слово «офицер» ему, рядовому, доставило удовольствие.

— Мы недавно прибыли из поселения, что на равнине Маре. Ваш командир приказал нам вернуться домой и оставаться там, что мы и делаем.

— Ладно-ладно, идите... — неохотно сказал солдат.

Ева дернула мужа за рукав, и тот с окаменевшей улыбкой последовал за ней. Когда все вышли в соседний коридор, Махони присвистнул.

— Отличная работа, леди! Как вы сумели так ловко запудрить мозги этому парню?

— Все просто. Кто-то из офицеров должен находиться внутри здания и отдавать подобные команды, — ответила Ева. Ее губы дрожали от пережитого напряжения, и она крепко сжала их.

— Папа, — вмешалась Энн, — может быть, мы лучше..

— Заткнись, — строго сказал Колин и отвесил сестре подзатыльник.

Махони открыл дверь, за которой находился наклонный пандус. Аврора имела нулевой подземный этаж, на котором находились склады, гаражи, силовые установки и прочее. В лица им ударил сырой холодный ветер.

Когда Махони, шедший последним, вновь закрыл дверь, он увидел, что пар от его дыхания превращается в белый иней, который немедленно оседает на слабо светящихся стенах.

— Марк, а что мы будем делать, если они охраняют гаражи? — озабоченно спросил он.

Вместо ответа Фрэзер снял ранец и достал из него молоток и пару увесистых гаечных ключей.

— Возьми, Пат. И ты, Колин. Не Бог весть какое оружие, но все же лучше, чем ничего.

— Молоток против бластера? — запротестовала Ева.

— Если потребуется, мы будем драться чем угодно.

Конечно, Фрэзер не был суперменом из ковбойского боевика, и нервы его напряглись до предела. Но рядом с ним находились его дети, и он был готов защищать их до последнего.

— Энн, — сказал он, — можешь ты пойти вперед? Если встретишь охранника, говори с ним. Отвлеки его внимание. Он не причинит тебе вреда, не бойся. Только бы он был один... — Фрэзер взял дочку за плечи и заглянул ей в глаза, которые так напоминали глаза Евы. — Ты смелая девочка, — добавил он, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Даже через скафандр он почувствовал, как дрожат плечи Энн.

— О'кей, папа! — нарочито бодро сказала она и, чмокнув его в щеку, быстро пошла вперед.

Ева вцепилась в руку мужа, застывшими глазами провожая дочку. Выждав паузу, они двинулись вслед за Энн, стараясь не производить шума. Вскоре девочка подошла к повороту в коридор, ведущий к гаражу, и застыла на месте. Тут же послышался чей-то грубый голос:

— Эй, малышка! Что ты здесь делаешь?

— Я не могу найти папу, — заныла девочка и исчезла за поворотом. — Пожалуйста, дядя, помогите найти его!

Фрэзер махнул рукой Махони и Колину. Они осторожно дошли до угла. Энн все время истерически всхлипывала, не обращая внимания на окрики солдата, в голосе которого появились равнодушные нотки.

— Пора, — шепнул Фрэзер. — Бегите изо всех сил и бейте его чем и куда попало!

Он прыгнул к противоположной стене коридора и, мгновенно развернувшись, метнул молоток в стоявшего метрах в пяти от него охранника. Сразу же плечо пронзило резкой болью — он вывихнул его, когда играл в баскетбол в спортивном зале Авроры.

Солдат в голубом мундире согнулся пополам и рухнул на колени. На его лице застыло удивление. Бластер выпал из ослабевших рук. Он быстро стал приходить в себя, однако Махони был уже рядом. Схватив солдата за волосы, он несколько раз с силой ударил его головой о пол, а затем со злостью стал бить ногами, пока Фрэзер не остановил его. Энн стояла в стороне и с ужасом смотрела на лежащего ничком солдата. Фрэзер успокоил дочь, как мог. Сам того не желая, он пожалел астронавта. Это был молодой парень, наверняка попавший в переплет волей случая. Он не мог не выполнять приказов командира-фанатика, но стрелять в девочку, конечно же, не стал бы.

Колин поднял с пола бластер и встал рядом с Махони.

— Он сам напросился, папа! — воскликнул мальчик, потрясая оружием.

Фрэзер вдруг вспомнил парней, некогда до полусмерти избивших профессора Хавторна, и помрачнел.

— Нам надо идти, — встревоженно сказала Ева, озираясь по сторонам. — Здесь нас могут услышать...

Фрэзер кивнул и разрешил жене увести Энн. Они вышли в соседний коридор и вскоре оказались в обширном гараже, погруженном в полутьму. Эхо шагов звучно отражалось от стен. Краулеры стояли в ряд. Это были большие квадратные машины с гладким куполом, отлитым из прочнейшего металлопласта. Для передвижения использовались две альтернативные систе-

мы — колесная и шаговая. Мощные аккумуляторы на всех машинах было принято держать заряженными, а продуктовые отсеки — полными. Фрэзер открыл люк на ближайшем краулере и махнул рукой, приглашая свой небольшой отряд в салон. Потом уселся на место водителя и сразу же включил двигатель, чтобы разогрелся.

Через минуту машина плавно тронулась с места и направилась в сторону кессона. Когда дверь позади закрылась и воздух стал с шумом уходить из камеры, Фрэзер вытер пот со лба. «Мы все-таки сделали это!» — с изумлением подумал он, еще не до конца веря в удачу. Но особой радости не почувствовал — события последних часов слишком его измотали.

Словно поняв его состояние, Ева порылась в аптечке и протянула ему тонизирующую таблетку. Благодарно улыбнувшись, Фрэзер проглотил ее и закрыл глаза. Когда выходная дверь кессонной камеры открылась, он чувствовал себя совсем иным человеком — психостимулятор сработал на славу. Фрэзер ощущал себя могучим воином типа Конана-варвара, способным с одним мечом в руках разбросать целую армию врагов. Чувствительность его невероятно обострилась: даже не поворачивая головы, он ощущал каждое движение, каждый взгляд членов своего экипажа и одновременно — состояние всех агрегатов краулера. Он слился с окружающим миром, пророс в него каждым своим нервом, воспринимал его всей кожей...

Когда краулер выехал на равнину, ночь уже воцарилась в небе, расцветив его фейерверком разноцветных звезд. Среди них ледяным водопадом низвергался в бездну белесый поток Млечного Пути. Впереди, прямо по курсу, возвышалась черная вершина пика Гленна, над которой серебристой короной сияла Европа. Город остался позади, закрытый мягко фосфоресцирующим защитным куполом. Рядом с ним, словно рухнувшая на равнину луна, лежал чудовищный шар крейсера, ошестинившийся стволами орудий. А на востоке, над иззубренной стеной скал, нависал чудовищный шар Юпитера, уже выплывавший на три четверти из-за горизонта.

Планета-гигант царила в небе. В диаметре она в пятнадцать раз превышала Луну, видимую с Земли, и была несравненно ярче. Ее поверхность оттенка темного янтаря перепоясывали полосы цвета меди, синего кобальта и малахита. Среди них тускло светился глаз Большого Красного Пятна, частично ушедшего на ночную сторону.

Фрэзер с трудом заставил себя оторваться от величественного зрелища, которым невозможно было пресытиться, и стал смотреть только вперед, крепко сжимая в руках руль. Каменная

равнина, основу которой составляли вулканические породы, мягкими волнами уходила к гряде скал; ледяной панцирь над восточным хребтом пылал от переливов небесного цвета. Он напомнил Фрэзеру Тихий океан в ночи. «Почему я так мало обращал внимание там, на Земле?» — с неожиданной тоской подумал он.

Фрэзер повернул краулер в сторону хребта Гленна. Там, за расщелиной Шепарда, находилось множество одиночных поселений. В них жили в основном горняки, добывающие руду или лед на равнине Беркли.

— Дело идет не плохо, — сказал Фрэзер, не обнаружив погони. — Мы в безопасности, по крайней мере, на несколько часов.

Махони недоверчиво хмыкнул:

— В безопасности? Вряд ли, Марк, ведь разбойники повсюду хозяйничают в Авроре и скоро непременно займутся его окрестностями. Но в любом случае мы правильно сделали, убравшись из города.

Фрэзер кивнул и прибавил скорость, неотрывно следя за дорогой. Правда, дороги, как таковой, не существовало — по равнине в сторону скал была лишь прочерчена светящаяся линия, указывающая направление пути. До горизонта было рукой подать — на Ганимеде он был удален всего на две мили. Но машина могла скрыться из виду еще раньше, свернув налево, к кратеру Апачи. Да и изломанная стена скал, напоминавшая развалины древнего замка, отбрасывала длинную тень. Так что минут через двадцать о погоне можно было не думать.

Но в эту минуту интерком захрипел, прокашлялся и заорал:

— Эй, вы, в краулере! Стойте именем закона!

Фрэзер чертыхнулся и посмотрел на зеркало заднего обзора. Со стороны Авроры их нагонял точно такой же краулер. До него было не больше мили.

Он включил передатчик, не теряя хладнокровия — благодаря действию тонизирующей таблетки. Но из глубин его души уже стал выплывать страх.

— Что вас тревожит, приятель? — насмешливо спросил он, нажимая на педаль газа до предела.

— Отлично знаете что! Мы нашли часового, на которого вы напали. В моей машине находится отряд вооруженных солдат. Немедленно остановитесь, иначе мы начнем стрелять!

Лицо Махони позеленело — впрочем, быть может, на него упал свет Юпитера. Он дерзко ответил:

— Ваш краулер не быстрее нашего, и к тому же мы лучше знаем местность. Так что поворачивайте оглобли, ребята, пока

не сломали шеи в какой-нибудь расщелине — здесь их видимо-невидимо.

Что-то щелкнуло по защитному колпаку, заставив вздрогнуть Еву и детей.

— Наши пули быстрее любой машины, предатель, — зло сказал командир отряда с «Веги». — И еще у нас есть тяжелые лазеры. Остановите краулер, иначе я сожгу вас, словно цыплят!

Фрээр оглянулся и увидел ужас в глазах Энн.

Глава 5

Корабли наярров спустились по Брантору, вышли в залив Тимлан и поплыли на север. Стоя на верхней палубе, Теор смотрел поверх высоких серых волн на берег. Там двигалась сухопутная армия, состоящая в основном из фермеров. Копья со сверкающими ледяными наконечниками были наклонены вперед, а над ними развевались на несильном ветру знамена. Конница на форгарах, окутанная красно-рыжими облаками, следовала за флотилией, стараясь не отставать. Позади всех двигался тяжело груженный обоз. Колеса редко применялись на неровной, лишенной дорог юпитерианской поверхности — куда чаще здесь использовались своеобразные сани. Могучие шестиногие канники тащили за собой ящики. И оглобли, и ящики были изготовлены из стволов хоука — дерева, обладающего способностью плыть в воздухе при малейшем разогреве.

Топот ног канников доносился до Теора, словно отдаленный грохот множества барабанов, и смешивался со скрипом гребных колес и плеском волн.

— Хорошо, — сказал Теор, наслаждаясь величественным зрелищем. — Мы вновь в пути!

Его глаза скользнули чуть выше, и за лесом копий он увидел уходящую в бесконечную даль равнину Медалон, заросшую редким кустарником. Внезапно он вспомнил о своих близких — жене и полумуже, с которыми распрощался на рассвете. Теор редко говорил о них, однако они часто занимали его мысли, особенно супруга, которая сейчас носила его первенца...

Не без труда он отвлекся от несвоевременных мыслей и повернулся к стоящему рядом Норлаку:

— Мы должны сокрушить чужаков, другого выхода у нас нет. Полуотец, ты не до конца рассказал мне о своих наблюдениях за улунт-хазулами. Насколько, по-вашему, мы превосходим их в численности?

— От шестнадцати до шестидесяти четырех процентов, — без колебаний ответил Норлак. — Но пришельцы — прирожденные воины, а мы мирное племя.

Стоявший на капитанском мостике Элкор слышал эти слова, но никак не отреагировал на них. Обернувшись, он с гордым видом оглядел свою флотилию, состоящую из десяти эскадр. Заметив появившегося среди облаков вестового, он сделал ему знак рукой. Всадник тотчас натянул поводья, и форгар плавно спланировал на палубу.

— Скажи капитану «Клюва», чтобы корабли подтянулись друг к другу, — приказал он.

Вестовой в тот же миг взмыл в небо.

— Зачем ты делаешь это? — ворчливо спросил Норлак. — Мы все равно не скоро прибудем в Орговер.

Вождь недовольно нахмурился.

— Нам нужна постоянная практика в выполнении военных маневров, — резко ответил он и отвернулся. Он терпеть не мог советов от подчиненных, особенно от полумужчин.

Гребные колеса, расположенные по бокам судна, медленно поворачивались с монотонным скрипом. Вращавшие их матросы сильно уставали после нескольких часов работы, поэтому вахта менялась довольно часто. Очередная смена запрыгала в длинные тяжи, а еле державшиеся на ногах матросы шли к корме, где и засыпали, стоя на ногах. Едва гребные колеса замедляли движение, корабль сразу начинал раскачиваться, но рулевой вновь выравнивал его и выходил на прежний курс.

Как было принято на Юпитере, все суда имели длинный корпус и относительно малое водоизмещение (хотя правильнее было бы сказать «аммиакоизмещение»). Морские волны на этой планете двигались на две трети быстрее, чем на Земле, поэтому весла здесь почти не применялись — гребные колеса действовали в этих условиях куда эффективнее. Наяррам был известен и парус, но они редко использовали его, так как ветер был обычно слабым.

Элкор вновь обернулся к своим родственникам и уже более спокойным тоном произнес:

— Мы слишком долго вели себя мирно, и теперь приходится за это расплачиваться. Приграничные патрули до сих пор легко отражали набеги дикарей, да и скалы Дикой Стены служили нам надежной защитой. Быть может, это не пошло нам на пользу. Если бы враг постоянно угрожал нашей стране, то каждый наярр был бы опытным воином.

— Это порочная логика, вождь, — недовольно поморщившись, возразил Норлак.

Теор не поддержал его. Отец был прав — относительно спокойная жизнь разнежила их, и это было опасно, поскольку ни на суше, ни на море война фактически никогда не прекращалась. И они, род Рива, всегда были в ряду лучших воинов племени наярров. Но все же призвание их состояло в другом. Рива всегда боролись — но не столько с живыми противниками, сколько с природными катаклизмами. Их магия и мастерство всегда были необходимы, если после обильных дождей поток разрушал дамбу, или на равнине внезапно вскрывалось жерло вулкана, или землетрясение грозило поглотить поселения в бездонных пропастях. Но руки Рива были привычны и к оружию — Теор вспомнил о многочисленных охотничьих экспедициях, в которых ему приходилось принимать участие. Бешеная скачка по степи, хлесткие удары ветвей кустарников, свист ветра над головой... И блеск копья, поднятого над головой в диком азарте погони! Он бывал во многих опасных переделках и не должен испугаться, когда встретится с врагом лицом к лицу!

С точки зрения земного мужчины, тревоги и сомнения Теора были излишне преувеличенными, кое-кто даже мог бы презрительно назвать его трусом. Дело в том, что Теор обладал лишь третью характерных признаков расы наярров. Он был индивидуальностью, со своим характером и сложившимся взглядом на жизнь — но все же в меньшей степени, чем это было типично для сильной половины рода хомо сапиенс. То, что его волновало, основывалось не столько на страхе смерти, сколько на обостренном чувстве несправедливости происходящего. Нападение чужаков, коренным образом изменившее мирную жизнь наярров, было случайностью, которой вполне могло и не быть — эта мысль потрясала Теора буквально до его биологических основ.

Матросы, тянувшие канаты гребных колес, затянули монотонную песню, смешавшуюся с острым запахом вспотевших тел и скрипом палубы:

*Правый! Левый!
Не думай, куда мы идем и зачем,
Брось все свои тревоги за борт,
Но не надейся, что высохнет океан,
И мы вернемся домой...*

*Правый! Левый!
Крути колесо и радуйся, что жив!*

— Предчувствую, что мы будем разбиты в бою, — тоскливо прошептал Норлак.

— Постараюсь, чтобы ты ошибся на этот раз, — холодно возразил Элкор.

*Сердце кипит, словно вулкан,
Колеса скрипят, нуждаясь в смазке,
Но нам, матросам, смазка не нужна,
Верно, друг?
Так, и только так.
Давай, левый, не отставай!*

Норлак явно нервничал. Подняв посох, он указал в сторону скрытого туманом берега.

— Равнина Медалон велика. Мы можем уйти от побережья и построить новый город...

— Бежать, даже не попытав счастья в бою? Более шестидесяти лет назад наши предки пришли сюда и завоевали страну. Сколько сил было потрачено на то, чтобы обжить эту дикую местность! И все это просто так отдать наглому врагу? Мы много потеряли из обычаев наших диких предков, но одно их ценное качество нам сейчас понадобится: лучше умереть в бою, чем сдаться!

Теор отошел от своих родителей, раздосадованный. Безусловно, полотец прав, но ему не по душе было трусливое бегство.

Он спустился по сходням на главную палубу и пошел мимо застывших на месте фигур отдыхающих матросов. Его рука сама нашла черную коробочку, лежащую в кармане пояса, и включила ее в режиме воспроизведения — этот земной прибор мог служить и в качестве магнитофона. Тихо зазвучала мелодия одной сентиментальной баллады, известной с детства каждому наярру. Никто из дремлющих моряков не обратил на это внимания.

— Теор!

От неожиданности он выронил коробку на палубу.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня?

Он поспешно включил переговорный диск, висящий на груди.

— С тобой все в порядке? — зазвучал встревоженный голос Фрэзера.

— Да, да! — лихорадочно воскликнул Теор. Впрочем, чувство самообладания быстро вернулось к нему, и после паузы он заговорил куда спокойнее, чем сам ожидал: — Как твои дела, Марк?

Через минуту с Ганимеда пришел ответ.

— Все хорошо, — довольно мрачным голосом ответил Марк.

— Что с тобой случилось, брат? Почему ты не ответил на мой срочный вызов, как мы договаривались?

— Прошу прощения, Теор. В тот момент мне пришлось спасать свою жизнь... Но-что произошло, когда я не ответил?

— Я привел улунт-хазулов в Дом Оракула и попытался испугать их, вызвав тебя. Но ты не отозвался, и чужаки вдоволь поиздевались над моими угрозами. Теперь у нас нет другого выхода, кроме как попытаться разбить их головной отряд, прежде чем враги высадятся на берег. Я сейчас нахожусь на борту корабля.

— Вот как? Выходит, вы можете воевать и на море?

— Да. Но чужаки наверняка разделят свои силы, а потому мы выслали навстречу им свой отряд и по суше. Мы имеем заметное преимущество в численности, но улунт-хазулы превосходят нас в росте, да и в боевом искусстве.

— Погоди, Теор, есть шанс не доводить дело до драки. Главный передатчик на Авроре в любой момент может передать мое послание с угрозой, записанное на пленку. Так что, если вы встретитесь с чужаками в ближайшее время...

— Боюсь, что уже поздно. У нас нет теперь другого пути, как бороться и победить. — Теор помолчал и озабоченно спросил: — Но что произошло у вас, на Ганимеде?

— Хм... ничего приятного. Ты помнишь мой рассказ о том, как было свергнуто прежнее правительство моей страны?

— Конечно. Я часто пытался это понять, но так и не смог. Как могли эти люди держаться за власть, зная, что большинство населения их не поддерживает? Уму непостижимо.

— Видишь ли, большинство прежних правителей полагали, что они приносят стране огромную пользу. Может быть, частично они и были правы. Дело здесь в другом — они решили, что свободой можно пожертвовать ради безопасности. Многие же, в том числе и я, считают иначе.

— Я не совсем понимаю значение твоих слов, Марк. Но продолжай, я тебя слушаю.

— Все произошло неожиданно. На Ганимед сел военный корабль. Мы полагали, что он прибыл с дружескими целями, однако экипаж напал на нас и обманом завладел Авророй. Оказалось, что эти люди поддерживают свергнутый режим. Мы не знаем, какова сейчас на Земле ситуация, поскольку связи с ней пока нет. Быть может, там разгорелась война и восстание подавлено. Но я решил, что не буду служить сторонникам

тирании, и с помощью друга захватил краулер. Вместе со своей семьей я сбежал из города и направился в горы.

— Ах так... — сказал Теор, когда землянин сделал паузу. — «А ведь я тоже мог бы сбежать», — подумал он, но тут же с негодованием отбросил эту мысль. — Но постой, Марк, ведь ты же не раз говорил, что ваша раса не может жить на Ганимеде без искусственной среды, которая может быть создана только в закрытом колпаком городе!

— Верно. Но за хребтом находится немало небольших поселков и даже отдельных домов, тоже закрытых куполами. К сожалению, враги заметили наше исчезновение и послали за нами в погоню другую машину с вооруженными людьми. Когда мы отказались остановиться, они начали стрелять. Мы надели скафандры и продолжали двигаться в сторону гор. Ну и гонка это была, Теор! Кабина получила несколько пробоин, и весь воздух из нее мгновенно улетучился. Мы лавировали по равнине, прячась в каждой встречной тени, уворачиваясь от пуль. Если бы не наш опыт ездить по поверхности Ганимеда, которого не имели наши враги, то мы бы никогда не спаслись. Мы успешно проскочили проход в горах и передали сигнал бедствия. В этот момент наш краулер был поврежден прицельными выстрелами. Мы покинули его и пошли пешком. Вскоре мы нашли пещеру и спрятались в ней, заняв круговую оборону. У нас была пара ружей, так что мы могли некоторое время продержаться. Но помощь пришла не скоро, да и справиться с врагами оказалось непросто.

— Хм... разве у поселенцев за горами не хватает оружия?

— Оно у них есть. Но солдаты с военного корабля были вооружены дальнобойными лазерами, у которых радиус действия в два раза больше, чем у наших ружей. Нас вполне могли убить, но один поселенец по имени Хоши со своими сыновьями спас нас. Он привел нас к себе домой, откуда я сейчас и говорю. Было непросто соединить мой передатчик с ближайшей релейной линией... Впрочем, это неважно. Я связался с тобой, как только смог. Теор, я очень сожалею, что опоздал.

Его голос дрогнул.

— Ты молчал несколько дней, — сухо сказал Теор. — Неужели все эти события происходили так долго?

— Н-нет... Хотя в тот момент, когда мне нужно было сыграть роль грозного Оракула, я находился в пещере. А затем... честно говоря, я некоторое время приходил в себя после всего происшедшего. Но теперь, когда наша связь восстановлена, я предлагаю обсудить план контрудара.

— Думаешь, это возможно? — с надеждой спросил Теор.

— Не уверен, но попробовать стоит. Подожди, я сейчас соберусь с мыслями... Должен же быть выход из положения, в которое попало твое племя, Теор! — Землянин замолчал.

Теор подошел к борту и стал вглядываться в глубокую тьму, царящую на севере. Холодный ветер, несущий брызги аммиака, бил ему в лицо. Корабль качало. Теор покрепче уперся ногами в палубу, чтобы не упасть.

«Так уж случилось, Марк, что наши беды обрушились на нас в одни и те же дни, — подумал он. — Нам обоим предстоит драться, и я очень надеюсь на твою помощь. Кто знает, быть может, и я чем-то сумею тебе помочь».

*Правый! Левый!
Океан — это дьявольское место.
Идем в никуда, одни среди волн.
Только молния пишет мне письмо.
Дорогая, почему молчишь?
Неужели забыла?
Эй, левый, давай не отставай!*

Глава 6

Таких просторных комнат, как эта, в Авроре не было. Стены, отделанные неотшлифованным камнем, каменная мебель. На креслах и диванах лежали мягкие подушки, искусно расшитые женой хозяина дома. Окном служил круглый иллюминатор, снятый с разбитого космолета. Из него открывался впечатляющий вид на север. Равнина, лежащая внизу, была окутана мглой, на которой черными пятнами выделялись метеоритные кратеры. Вдали на сотни футов простиралась ледяная равнина Беркли, расцвеченная желто-зеленым светом заходящего Юпитера.

Рядом с домом находилась шахта Хоши — решетчатый кран и железный навес, защищавший оборудование от мелких метеоритов. На фантастическом фоне пейзажа Ганимеда земное оборудование выглядело жалким и более чем неуместным.

Впрочем, сам Хоши этого, казалось, не замечал. Он выглядел, как всегда, бодрым и энергичным. Допив кофе, он поднялся с кресла и пружинистым шагом направился к телевизору.

— Пора послушать, что скажет наш новый друг адмирал Свейн, — с усмешкой сказал он, щелкнув выключателем.

— Ха, — буркнул Том, старший из пяти сыновей. — Я не поверю ему, даже если он скажет, который час.

— О, нашему вояке можно верить! — возразил Махони. — Я знаю эту породу людей: они словно из камня вытесаны.

Один из младших внуков Хоши начал вопить, и мать тут же бросилась утешать его. Немедленно вокруг них собрались все женщины в доме, кроме Евы, засыпая молодую мать советами, как лучше всего успокоить ребенка. Скорее всего, они просто боялись услышать неприятные новости. Мужчины же уселись напротив телевизора. Колин Фрээр был среди них, но старался держаться поближе к отцу.

Экран был пуст. Махони не удержался и первым нарушил напряженное молчание.

— А этот Свейн парень не промах! — с натушной улыбкой сказал он. — Одним своим присутствием он сделал из нас конформистов. И то же самое сделает на каждой луне, где высадите его банда головорезов. А что будет, когда он раскроет рот? Глядишь, мы сразу же станем сторонниками президента Гарварда, чтоб ему гореть в адском огне!

Никто не среагировал на его шутку. Махони вздохнул и пожал плечами.

— Да, ребята, весельчак из меня никудышный. Но комедия, похоже, будет здесь разыграна славная...

Фрээр крутил в руках трубку, нервно поглаживая ее пальцами. Ему чертовски хотелось закурить, но он сдерживался.

Наконец на экране появилось лицо Лоррейн Власек.

«Я уполномочена сделать важное заявление, — чуть хриплым голосом сказала она. — В первую очередь я обращаюсь к гражданскому населению системы Юпитера — а это практически каждый из вас. Предупреждаю, вам не понравится то, что вы услышите, — но в интересах ваших семей прошу набраться терпения. Хотим мы того или нет, но мы должны в этот ответственный момент истории следовать за нашими законно выбранными лидерами».

— Великий Боже! — взорвался Махони. — Я знал, что Лори сторонница Гарварда, но не думал, что она окажется предательницей.

Фрээр покачал головой. Ему было тошно, как никогда.

— Лори способна и не на такое, — сказал он. — Она же самая настоящая фанатичка.

Ева успокаивающе погладила его по плечу.

— Может быть, у нее не было выбора, — мягко сказала она. — Крейсер мог разрушить Аврору огнем своих орудий — разве не так?

— Помолчите, пожалуйста! — раздраженно воскликнул Хоши.

«... командиру "Веги", адмиралу Лионелу Свейну».

Лицо Лоррейн исчезло с экрана. Вместо нее появилось изображение худого, даже хрупкого мужчины, с красиво посаженной седой головой и холодным взглядом голубых глаз, таким же жестоким, как библейская небесная твердь. Он был одет в темно-синюю адмиральскую форму с золотыми погонами, на груди сияли ордена и медали.

«Мои собратья американцы! — неожиданно бархатным голосом произнес он. — Я пришел к вам в черный час нашей страны. Вновь пламя войны охватило Соединенные Штаты, вновь брат пошел на брата, как это было некогда в годы Гражданской войны. И вновь ничто не сможет спасти нашу великую державу, кроме мужества и мудрости Линкольна и железной воли Гранта».

— Когда этот дуралей вернется домой, к своей мамочке? — тихо спросил Колин.

Отец укоризненно посмотрел на него и подумал: «Хороший он все-таки парень! Уже разбирается, что к чему. Мне для этого потребовалось полжизни...»

«... но сейчас опасность велика, как никогда, — продолжал вещать адмирал, сверля зрителей ледяными глазами-буравчиками. — Вы знаете, каких трудов стоило Соединенным Штатам победить в последней ядерной войне и как часто они были на грани полного уничтожения. Не прояви наш народ в то время всей своей преданности, мужества и силы воли, от нашей страны не осталось бы ничего, кроме выжженной радиоактивной пустыни. Но мы выстояли и тем спасли весь мир. Сам Господь вручил нам оливковую ветвь и велел сохранять мир и спокойствие на Земле. И наше правительство взяло на себя тяжелое бремя хранителей человечества. Мы были вынуждены отказать другим государствам, даже нашим ближайшим союзникам, в праве на суверенитет — иначе демон ядерной войны мог где-нибудь вновь вырваться на волю. Все мы выросли в этом суровом, но прочном мире, и ваши дети — тоже. Разве мы не были счастливы все эти годы? Неужто вы хотели бы, чтобы война вновь раскинула над нами свои черные крылья?»

Уверен, что нет. Снова и снова американский народ от чистого сердца повторял вслед за своим правительством: мир, безопасность и мудрое руководство Землей. Разве президент Гарвард не отменил устаревшую систему периодического переизбрания всех ветвей власти? Конгресс, имеющий отныне лишь совещательный голос, от имени наций предложил Гарварду пожизненно занимать пост президента — разве не в этом проявились новые черты нашей демократии?

Но вы знаете и о другом: о банде изменников, живших среди нас. Согретая на груди Америки, эта ядовитая змея коварно ужалила ее. Долгие годы Сэм Халл, поддерживаемый иностранными спецслужбами, собирал свои темные силы из всякого отребья, из отбросов общества. На деньги наших заклятых врагов он построил на Луне тайные базы, где готовил штурмовые отряды из числа самых отъявленных головорезов. И вот настал час, когда эта орда обрушилась на нашу многострадальную страну. Вражеские корабли сели на наших полях, кованые башмаки стали топтать нивы, на мирных улицах городов начали рваться снаряды. Наше руководство обратилось за помощью к мировому сообществу, но недавние союзники отвернулись от нас в трудный час, в который раз проявив неблагодарность за все, что сделала Америка для дела мира. Но еще хуже, что оболваненная вражеской пропагандой определенная часть наших граждан встала под пиратский флаг Сэма Халла. Остальные были пассивны, старались не высовывать носа из дому — словно их шкуры дороже, чем судьба страны! Бунтари имели новое оружие, которое давало им заметное преимущество. А наш президент Гарвард был слишком гуманным человеком, чтобы применять против врагов ядерное оружие».

«Хм, что-то это мало похоже на то, что я слышал до того, как Землю экранировало Солнце, — подумал Фрээр. — Гарвард, судя по всему, все-таки хотел сбросить на восставших ядерные бомбы, но у тех они тоже имелись. Президент дрогнул — ведь война могла погубить все и всех. Только перед самым концом, когда его поражение стало очевидным, Гарвард приказал нанести ядерный удар — и один из офицеров охраны застрелил подлеца».

Лицо Свейна болезненно дернулось.

«Вы слышали о трагическом финале, — тихо сказал он. — Сейчас предатели торжествуют. Они заняли Вашингтон. Их агенты по всей стране охотятся за мужественными людьми из службы безопасности, преследуя их словно бешеных псов. Новая законодательная власть начала с разрушения основ нашей демократии, которая основывалась на жестоком, но справедливом порядке. Генералы, пришедшие в Пентагон, стали выпускать нашу победоносную армию, оплот мира на планете. Дипломаты-изменники ведут переговоры о создании новой, коллективной системы безопасности. Я могу дать этому иное название — коллективное предательство и безумие. Война научила нас не верить даже ближайшим союзникам; уроки бунта говорят о том, что мы не должны доверять даже собственному народу».

Это безумие должно быть остановлено! Ради спасения будущего человеческой расы правительство изменника Сэма Халла необходимо низвергнуть, и мир по-американски вновь воцарится на планете».

Адмирал Свейн сделал паузу. Его глаза блеснули от возбуждения, губы дрожали. Да, это был безумец, но опасный и волевой безумец.

— Неужели он на самом деле верит во все это? — недоуменно спросил Фрээр.

Хоши кивнул:

— Угу. И это хуже всего...

Свейн положил локти на стол и нагнулся, словно хотёл нырнуть в экран. Бархатные нотки исчезли из его голоса, он стал сухим и бесстрастным.

«Вы, конечно, задаётесь вопросом, как мой корабль сумел пройти через этот кошмар. Я буду откровенен с вами, друзья. И очень надеюсь на вашу помощь, а потому не желаю ничего от вас скрывать.

“Вега” была на патрулировании, когда в стране начались первые беспорядки. Мы получили приказ искать вражеские орбитальные станции. Это могло бы изменить баланс сил в нашу пользу, но мы их, к сожалению, не нашли. Затем мы вернулись к Земле. Восстание было в самом разгаре. Сесть на планету наш крейсер не мог — он не рассчитан на такое сильное гравитационное поле и рассыпался бы под собственным весом. Стрелять с орбиты ядерными зарядами мы не могли по двум причинам. Во-первых, правительство Америки не хотело, как я уже говорил, гибели миллионов невинных людей. Во-вторых, этих зарядов попросту не было — в мирное время патрульным крейсерам запрещалось нести ядерные боеголовки на борту. Мы пытались перевооружиться на лунной базе, но ее в первый же день заняли восставшие.

А затем пришла весть о капитуляции правительства. Всем кораблям и подразделениям военно-космических сил было приказано вернуться назад для демобилизации. Я посоветовался с экипажем. Мои люди высказались за лояльность прежним, законным властям. Они были готовы бороться, если командиры поведут их в бой. И я рад доложить вам, что ни один из моих офицеров не дрогнул.

Итак, друзья — а я надеюсь, что мы будем хорошими, добрыми друзьями, — я рассказал вам всю правду. Возникает естественный вопрос — а что делать теперь? Разве может один крейсер повернуть ход истории вспять?

Да, может, и в этом состоит мой план. Ганимед — это не только грандиозная исследовательская станция, но и мощное производство. На ваших шахтах добывается ядерное сырье, вы имеете установки по его обогащению. Стало быть, вы имеете исходные компоненты для производства атомной бомбы.

От имени законного руководства Соединенных Штатов мы оккупируем Ганимед, и Аврору в том числе. Скоро Земля вновь станет доступна для радиоконтактов. Бандиты в Вашингтоне немедленно свяжутся с вами и узнают, что здесь все идет хорошо и вы не нуждаетесь в ближайшее время ни в каких поставках. Надеюсь, вам поверят. Но даже если этого не произойдет, вряд ли Сэм Халл будет заниматься организацией дорогостоящей экспедиции на Юпитер — у него сейчас хватает дел на Земле. Если разведывательный корабль все же приблизится к системе Юпитера, наши орбитальные шлюпки издалека обнаружат его и уничтожат залпом ракет. На Земле наверняка предпочтут решить, что эта гибель была случайной.

Действуя сообща, мы сумеем сохранить изолированность системы Юпитера на ближайшие три месяца. За это время мы сможем создать ядерное оружие, в котором остро нуждаемся. Затем мы разрушим ваш главный передатчик — надеюсь, вы понимаете, что это необходимо, — и на предельной скорости направимся к Земле.

Со своим новым оружием “Вега” сумеет несколькими внезапными ударами разрушить основные космодромы на Земле, а также уничтожить любой напавший на нее космолет. И тогда, завоевав первенство в космосе, я смогу предъявить ультиматум представителям из Белого дома. Под угрозой немедленного уничтожения я потребую от бунтарей сложить оружие.

Надеюсь, эти безумцы поймут всю безнадежность сопротивления. Если же они начнут военные действия, то мы, увы, с болью в сердце должны будем нанести ракетный удар по Земле. Но я не верю, что до этого дойдет. Народ наверняка поднимется и свергнет предателей. Лояльные прежнему режиму люди сейчас молчат, но при нашем содействии они восстановят прежний закон и порядок. Тогда мы выполним то, что требовала от нас воинская честь и присяга. И вы, колонисты, покроете себя славой — ведь именно вашими руками будет коваться грядущая победа. Гарантируем вам — система Юпитера будет цвести, как райский сад! Благодарное человечество не пожалеет для вас никаких средств.

Но не сделайте сейчас ошибки! На войне как на войне, и предателей мы щадить не будем. Несколько ваших сограждан уже сбежали из города. Они убили семь человек из экипажа

“Веги”. Обещаю — никто из преступников не избежит суровой кары! С этой минуты *любое* проявление нелояльности к экипажу “Веги” будет караться с предельной жестокостью. Вы, колонисты, отныне считаетесь солдатами армии освобождения Америки. Напоминаю: даже без ядерного оружия мы способны уничтожить все живое на любой из ваших лун.

Молю Господа, чтобы нам не пришлось прибегать к этой крайней мере. Надеюсь, что вы будете действовать плечом к плечу с мужественным экипажем “Веги”. Да здравствует Америка!»

Камера еще минуту задержалась на Свейне, а затем переместилась на стоящий рядом звездно-полосатый флаг. Торжественно зазвучал гимн.

Вскоре на экране вновь появилось лицо Лоррейн Власек.

«Вы прослушали обращение адмирала Свейна ко всем колонистам системы Юпитера, — сказала она. На ее лице нельзя было прочесть никаких эмоций, девушка казалась неестественно спокойной. — Как временно исполняющая обязанности руководителя колонии, я хочу пояснить, что нам надо конкретно делать в этот критический...»

Хоши вскочил и выключил телевизор.

— Я включил запись, — сказал он, услышав протестующий возглас Махони. — Позже мы узнаем, что нам хотела поведать эта милая дама — сейчас слушать я больше не в состоянии. С души воротит от одного вида этих лицемеров...

— Эти люди — безумцы, — прошептала Ева, потирая дрожащими пальцами побледневшее лицо. — Один корабль против всей Земли! Они обречены...

— Да, они безумцы, — согласился Фрэзер. — Но они могут многих заразить чумой фанатизма. Ситуация на Земле будет неопределенной еще несколько месяцев, пока новое руководство Америки не встанет твердо на ноги. Если поднимется новое восстание, то паники не избежать. Вы понимаете, что может сделать «Вега» с помощью нескольких боеголовков? Тысячи мегатонн, взорванные в атмосфере, могут размолоть в пыль миллионы квадратных миль.

— Это верно, — вздохнул Хоши. — Даже если Свейн промахнется, от страны все равно останется немного... И тогда будьте уверены — найдутся страны, которые отведут душу на том, что уцелеет.

— Но тогда план адмирала становится бессмысленным! — запротестовал Махони. — В любом случае нашей стране грозит ужасный конец.

— Людей этого сорта невозможно переубедить, — заметил Хоши. — Они всех ненавидят и все готовы принести в жертву.

— Приятно слышать, — с сардонической улыбкой сказал Фрэзер. — Особенно, если *мы* — часть этих *всех*. Нет, ребята, надо сделать все, чтобы миляга Свейн сломал себе шею именно здесь, на Ганимеде.

— Другого выхода нет, — согласился Хоши. — Я думаю, после такой пламенной речи адмирал лишился последних потенциальных сторонников в нашей колонии. Впрочем, сие еще неизвестно...

Он начал рассказывать взад-вперед по комнате, заложив руки за спину. Все молча следили за ним. «Хорошо, что у нас хоть нашелся лидер, — с облегчением подумал Фрэзер. — Я для этой роли не гожусь...»

— Вот что я предлагаю, — после долгой паузы сказал Хоши. — Мы можем рассчитывать, по крайней мере, на несколько сотен парней из дальних поселений. Краулеров у нас тоже хватает. Мы наметим несколько мест сбора и колоннами с разных направлений двинемся на Аврору. Если повезет, то мы успеем сделать это до окончания затмения.

— И что вы собираетесь противопоставить пушкам «Веги»? — с сомнением спросил Махони.

— Разве мы плохо поработали в проходе Шепарда? — ответил вопросом на вопрос Том.

— Верно, сынок, — улыбнулся Хоши. — Ружья в умелых руках — тоже сила. К тому же кое-что из нашего промышленного арсенала вполне можно использовать для боя на близкой дистанции. У нас вряд ли были бы шансы одолеть регулярные войска, но экипаж «Веги» состоит в основном из обычных астронавтов. Нас гораздо больше. Конечно, крейсер может уничтожить краулеры огнем своих орудий, но не думаю, что многие из них можно снять и установить на вездеходах. Зато мы устроим для них веселенький фейерверк! Нам понадобится всего лишь несколько сотен фунтов торденита. Мы разместим его под посадочными опорами, и...

— И корабль взлетит раньше, чем мы приблизимся к нему, — покачал головой Фрэзер.

— Хм... это действительно проблема. Но вряд ли у «Веги» есть шансы удрать вовремя. Горизонт здесь недалек, равнина изобилует трещинами, скалами и кратерами, и мы знаем ее как свои пять пальцев. Когда мы появимся, они не успеют поднять в небо такую махину. Взлет крейсера — не такая простая штука, Фрэзер, как тебе кажется. Одного пилота здесь

мало, нужна слаженная работа десятков членов экипажа. А у них сейчас в Авроре хватает работы! Конечно, наши гости не должны ни о чем подозревать, но мы уж постараемся их попусту не тревожить. Я думаю, Свейн все-таки рискнет послать патрули сюда, за хребет. Но сам знаешь: чтобы здесь все прочесать как следует, потребуются недели. А их мы Свейну не дадим! Краулеры же с «Веги» мы до поры до времени уничтожать не станем, а будем попросту валять дурака. Мы им устроим такую радиоперекличку — пальчики оближешь! — Хоши расхохотался, с довольным видом потирая руки. — Ладно, поговорили и хватит на сегодня. Эй, мать, разве не видишь, что гости проголодались?

Пока женщины накрывали на стол, Колин подошел к отцу и хмуро спросил:

— Что-то не нравится мне эта затея с радиоигрой, папа. Как бы кто-нибудь не проболтался и не перехитрил сам себя...

— Не бойся, сынок, — уверенно ответил Фрэзер, потрепав мальчика по вихрастой голове. — Пограничные жители — парни не промах. Среди колонистов неженек вообще нет, но они даже среди нас выделяются своей цепкостью и смекалкой. Не случайно они отказались жить в благоустроенном городе, а предпочли построить дома здесь, за горами. Такие люди некогда осваивали Клондайк, им никакой адмирал Свейн не страшен... Кстати, тебе-то об этом беспокоиться в любом случае не стоит. Ты останешься здесь.

— Черт побери!

— «Черт побери, сэр», — поправил его Фрэзер. — Будь всегда вежлив, сынок. И не злись — кто-то должен позаботиться о матери и Энн, верно? Я не могу — значит, остаешься ты.

Колин хмуро кивнул.

«Черт побери, но я завидую тебе, — подумал Фрэзер, безмятежно улыбаясь. — Я вовсе не герой, сынок, но сейчас об этом лучше не заикаться...»

Глава 7

Том Хоши посмотрел на обзорный экран краулера и остановил машину.

— Прибыли, — хрипло сказал он.

Фрэзер взглянул на часы.

— Не слишком-то быстро. — Его сердце бешено стучало, во рту неприятно пересохло, но самообладания он не потерял. —

Ничего, ребята, мы доберемся до «Веги» как раз через час после того, как начнется затмение.

В салоне вместе с ним находились все пятеро братьев Хоши. Они казались спокойными — ведь план нападения на крейсер придумал отец, которому они свято верили. Без лишних слов они надели шлемы и взвалили на плечи тюки со взрывчаткой. Фрэзер терпеливо ожидал, когда из кабины краулера будет выкачан воздух, но Том Хоши резким ударом распахнул дверь раньше времени. Воздух белым облачком вырвался наружу и растворился среди звездного неба. Том спрыгнул на землю, за ним поспешно последовали остальные.

Перед ними поднималась отвесная стена расщелины Данте. Расщелина была столь широка, что другой ее край лежал ниже горизонта. Над ней темной громадой нависал Юпитер, окаймленный золотистой полоской света. Солнце уже почти коснулось края гигантской планеты — до начала затмения остались считанные минуты. Тьма постепенно окутывала все вокруг, а здесь, на дне расщелины, она уже вступила в свои права. Фрэзер не мог ничего разглядеть кругом, кроме лучей нерассеивающегося света из фонарей. Люди из его отряда также покинули краулеры и, негромко переговариваясь, готовились к предстоящему марш-броску. Все-таки удивительно, как они смогли пройти такой путь по дну расщелины, подумал Фрэзер. И все благодаря Тому Хоши, который каким-то образом обнаруживал впереди трещины, невидимые даже на экране лока-тора.

Словно читая мысли, Том довольным голосом произнес:

— Эй, ребята, я думаю, для астронавтов с «Веги» окажется приятным сюрпризом, когда мы вдруг появимся из расщелины прямо перед их носом! Я так поведу вас между трещинами и кратерами, что нам и пули будут не страшны.

Фрэзер с сомнением покачал головой. В одном Том был прав — другого пути подобраться незамеченными к «Веге» с этого направления не было. План Сэма Хоши состоял в том, что отряды колонистов должны максимально использовать все изгибы и возвышенности местности и появиться на виду только в сотне метров от крейсера. Но враги могли послать на равнину патрули, поэтому было решено последний этап преодолеть пешком, рассредоточившись на местности.

«Все продумано замечательно, — кисло подумал Фрэзер. — Сэм Хоши мог бы стать хорошим генералом. Одно неясно — зачем я влез в это опасное дело? Из меня-то даже толковый солдат не получится, это я знаю по службе в армии. Конечно, в космолетах я разбираюсь лучше многих колонистов.

Могу подсказать, куда заложить под “Вегу” взрывчатку, чтобы причинить ей как можно больший ущерб — но я не единственный, кто может сделать это. Борьба за свободу Соединенных Штатов, за свержение тирании — увы, для меня все это лишь красивые лозунги. За Еву драться я готов, а за детишек — даже рвать врагов зубами, но насколько пойдет им на пользу то, что я сейчас делаю? Эх, до чего мне сейчас нужны стимулирующие таблетки...»

Но нет, наркотические вещества в бою — плохие помощники. Ничто, кроме мужества всех до единого колонистов, не могло помочь, пока Аврора находилась в руках врагов.

— Говорит Том Хоши, — раздался знакомый молодой голос. — Все слышат меня? Дальше идем пешком, как индейцы по военной тропе. Светите фонарями только вниз, стараясь все время видеть ноги впередиидущего. Ну, с Богом!

Фрэзер последовал за ним. Камни хрустели под его башмаками. Вскоре они подошли к пологому склону и начали подъем, обходя крупные обломки разрушенных скал. Низкая гравитация Ганимеда помогала преодолеть препятствия куда легче, чем казалось на первый взгляд. Но Фрэзер скоро устал, дыхание его стало прерывистым, скафандр быстро наполнился испарениями, с которыми очистительные фильтры не успевали справляться. Ориентироваться в полной темноте было нелегко, стрелка радиокурса то и дело норовила прыгнуть в сторону. Когда Фрэзер поднялся на край расщелины, ноги его дрожали от напряжения. Он уселся на первый попавшийся камень, чтобы отдохнуть.

Один за другим члены его отряда появлялись на равнине. Жидкий солнечный свет едва позволял различить их лица. Том Хоши размеренно считал: «... пятьдесят девять, шестьдесят... шестьдесят один... Так, большинство уже здесь. Пошли дальше».

Отряд направился на север через сине-черную лавовую равнину. Том Хоши уверенно вел людей от кратера к кратеру, стараясь держаться в тени их иззубренных валов. Однако риск оказаться замеченными с крейсера был все же велик. Фрэзер вскоре вошел в размеренный ритм движения извилистой цепочки людей, ощущая невидимую силу, которая словно толкала его в спину, не давая сбиться с шага. Шедший впереди Пат Махони внезапно обернулся и с насмешкой спросил:

— Ну что, герой, трусишь? В хороший же переплет мы попали, верно?

Фрэзер хрипло ответил:

— Пат, будь другом, напомни мне, чтобы я после боя пристрелил тебя за эти слова. Договорились?

— Извини, Марк. Просто я немного нервничаю. А хорошо бы одним ударом вогнать этот железный мячик прямо в ворота ада. Я с детства любил ломать дорогие игрушки.

Фрэзер промолчал. «А вот я давно, лет уже тридцать, как вырос из таких примитивных желаний», — подумал он. На океанской станции, где он вырос, как-то не было принято среди ребят действовать по принципу: круши все подряд! Может быть, потому, что последствия таких шуток вдали от берега могли оказаться весьма плачевными... Но, очутившись на материке, он вдруг с изумлением обнаружил, что многие люди, в том числе и взрослые, более чем агрессивны. И агрессивным, настроенным на вечную борьбу, был весь большой мир. «Может быть, это совершенно естественно, и не они, а я — ошибка природы?» — с грустью подумал Фрэзер.

И он стал размышлять об этом — может быть, просто потому, что не хотел думать о предстоящем бое. Вскоре все вокруг внезапно потемнело — это солнце наконец зашло за диск Юпитера. Звезды сразу засияли ярче, и равнина покрылась призрачно-серым покрывалом. На небе легко можно было разглядеть планеты, очерченные красноватым ободком атмосферы. Затмение должно было продлиться часа три, и за это время Сэм Хоши планировал завершить операцию по захвату крейсера. Фрэзер взглянул на темную массу Юпитера и подумал: интересно, а как воспринимает наступившую ночь Теор? Что-то он рассказывал об этом, но сейчас Фрэзер ничего не мог толком вспомнить.

— Мы уже близко! — зазвучал в шлеме чей-то знакомый голос. — Видите впереди башню главного передатчика?

Фрэзер посмотрел в сторону Авроры и увидел шпиль, уходящий прямо в облако Млечного Пути. На равнине не было заметно никаких признаков присутствия людей. Он подумал с тревогой: а успеет ли отряд Сэма Хоши прийти вовремя?

— Теперь мы должны рассредоточиться, — снова раздался голос Тома Хоши. — Держитесь друг от друга на расстоянии не более тридцати метров и не включайте переговорные устройства как можно дольше. Я пойду впереди, и как только подам знак, бегите за мной, словно дьяволы!

Отряд быстро рассыпался в широкую цепь и направился к Авроре. Вскоре по команде Хоши люди перешли на бег. Фрэзеру это далось нелегко: он совсем потерял форму за время полета на Ио. Дыхание его стало хриплым, сердце буквально рвалось из груди, ноги налились свинцом. Ему казалось, будто он бежит в каком-то кошмарном сне...

Наконец впереди, на расстоянии в милю, не больше, показался белый купол Авроры, перед которым серой громадой лежал шар «Веги». На восточной стороне от него уже шла битва. Равнина кишела краулерами, лавиной накатывающимися на крейсер, в которой то и дело вспыхивали огненные цветы разрывов. Поле боя окутывали облака дыма, там и сям вздымались фонтаны каменных обломков, но быстро оседали, не спасая нападавших от залпов с крейсера. Наушники переговорного устройства Фрэзера сразу наполнились шумом возбужденных голосов:

- ...здесь, этим путем, Том!
- Отряд Арнесена, развертывайте строй!
- Стайнмейер, поднимай своих людей!
- ...черт побери, черт побери, черт побери...

Фрэзер отключил приемник и побежал быстрее. Времени для страха больше не было. Он попытался напоследок еще раз вызвать в памяти образы Евы и детей, но не смог — сейчас было не до того.

Отряд Тома Хоши приближался к космопорту с запада — там, где боя еще не было. С востока к крейсеру тоже бежали люди — должно быть, отряд Бровниана. Навстречу из-под брюха «Веги» двигалась редкая цепь солдат. Свейн явно не хотел рисковать своими людьми в открытом бою, больше полагаясь на мощь своих орудий. Со стороны Авроры он нападения не опасался — город был под постоянным прицелом, но, судя по вспышкам среди зданий, на улицах также разгорелась схватка.

Что-то внезапно обрушилось на Фрэзера и швырнуло его на землю. Он упал и едва не потерял сознание от боли в боку. В глазах потемнело... Через несколько минут он пришел в себя и с трудом сел, ошеломленно покачивая головой. Он не мог поверить, что остался жив. На губах ощущался соленый привкус крови, но он был жив, жив!..

Инстинктивно он сразу же проверил, не поврежден ли скафандр. Слава Богу, все было нормально. Оглядевшись, он увидел в нескольких метрах впереди еще дымящуюся воронку. Снаряд разорвался совсем близко, но осколки пролетели мимо, и лишь ударная волна пороховых газов задела его. Боеголовка снаряда была явно рассчитана на бой в космосе, иначе Фрэзера продырявило бы насквозь. И это, несмотря на всю мощь орудий крейсера, давало нападавшим определенные шансы на победу.

Фрэзер встал и вновь побежал, двигаясь зигзагами, как и все нападавшие. Массивный овал «Олимпии» — крупнейшего на Ганиমেде корабля, был уже недалеко. Снаряды продолжали

вваться где-то за спиной, но Фрэзер старался не оглядываться. «Они заметили нас, — подумал он, — но мы уже прорвались за линию пушечного огня».

— На штурм! — загремел голос Тома Хоши, и люди побежали вперед из всех сил.

Крейсер, словно стальная гора, нависал над ними, опираясь на опоры, каждая из которых была высотой с небоскреб. «Вега» казалась несокрушимой, но, если удастся подложить заряд торпеды хотя бы под одну из опор, гигант должен рухнуть, смяв свою обшивку собственным весом. Тогда появится шанс заложить взрывчатку в сопла, и...

Внезапно из-под брюха крейсера брызнуло огнем. Один из нападавших вскинул руки и упал, даже не вскрикнув. Луч лазера продолжал полосовать его скафандр, окутанный белесым облачком вытекающего воздуха. Атака мигом захлебнулась, и волна нападавших отхлынула назад. Фрэзер опомнился, обнаружив, что бежит рядом с Махони. Каждую секунду он ожидал гибели, но ему повезло. Вскоре они уже стояли за опорой «Олимпиа», с трудом переводя дыхание. Махони вышел из-за укрытия и, размахивая руками, стал созывать бегущих беспорядочной толпой людей. Через несколько минут около «Олимпиа» собралось десятка два людей. Тома Хоши среди них не было.

— Черт побери, они ударили по нам из лазерных ружей! — хрипло воскликнул Махони. — У Свейна был небольшой отряд солдат, и он их спрятал в засаде. Они неплохо стреляют, но их мало. Надо разом ринуться к крейсеру со всех сторон, и тогда мы сомнем этих парней, словно яичную скорлупу!

Один из колонистов возразил:

— Мы не пройдем и полпути, как запыхаем, словно факел!

— Мы задавим их численностью! — запальчиво воскликнул Махони.

— Не так уж нас и много. Надо подождать, пока подойдут остальные.

— Черт, да вы просто трусили! Тогда я пойду один!

Фрэзер успокаивающе положил ему руку на плечо:

— Пат, не горячись. Не строй из себя героя. Свейн перехитрил нас. Мы не знали, что он ждал атаку с этого направления. Теперь нам не остается ничего другого, как только ждать, когда Сэм Хоши прорвется поближе к кораблю. Тогда и мы вновь вступим в бой. Солдаты метко стреляют, но сразу сотню человек им не остановить.

— Если Хоши прорвется, — с сомнением сказал Махони.

— Пойду посмотрю, — сказал Фрэзер.

Короткими перебежками он стал двигаться от одной лунной ракеты к другой, пока не увидел все посадочное поле. Затем он внимательно оглядел все темные пятна и тени, которые хоть отдаленно напоминали людей или краулеры. Несколько машин было разбито, но в целом ущерб от обстрела оказался не столь велик, как он опасался. Постепенно люди стали подниматься с земли и собираться около уцелевших машин. И вдруг в небе вспыхнула сигнальная ракета — это Сэм Хоши давал сигнал к началу нового наступления. Двигатели машин взревели, и колонисты поспешно уселись в открытые кузова, держа ружья наизготовку. Зажглась вторая ракета, и лавина краулеров, разделившись надвое, окружила крейсер. Его орудия палили без передышки, но особого вреда нападавшим причинить уже не могли — отряд Хоши находился внутри их минимального радиуса действия.

Фрэзер поспешил назад. Его группа безмолвно ожидала, стоя за опорами «Олимпии».

— Сэм Хоши пошел в атаку! — закричал он. — Выждем пару минут и тоже вступим в бой. Все готовы?

Со стороны Авроры внезапно хлынул поток огня — это астронавты с «Веги» выстрелили из передвижных ракетных установок. Посадочное поле окуталось клубами дыма, сквозь которое было трудно что-либо рассмотреть.

— Пошли! — заорал Махони и первым побежал в сторону крейсера.

Фрэзер последовал за ним, стараясь не отставать. Он был уверен, что защищающие «Вегу» солдаты не смогут сдержать атаку сразу с двух сторон.

Он едва не ослеп от яркого луча, прошедшего в метре от его головы. Внезапно Махони остановился и упал на колени, словно споткнулся. Из рассеченного на боку скафандра вылетело белесое облачко воздуха. Один из бегущих колонистов с боевым кличем перепрыгнул через раненого, но, вскрикнув от боли, упал на камни шлемом вниз.

Вновь и вновь из-под брюха «Веги», словно иглы, неслись вспышки лазерного света. Фрэзер упал и прижался к земле. Лишь через несколько минут он вновь рискнул поднять голову. То, что он увидел, повергло его в ужас. Там, где недавно лихо неслась стальная орда Сэма Хоши, теперь возвышался дымящийся вал из разбитых вдребезги машин. Экипаж «Веги» все-таки смог снять с корабля несколько пушек и вел смертоносный огонь из-за опор. Колонисты не разглядели в тени нового противника и поплатились за это.

Закричав от ярости, Фрэзер снял с плечей ранец и дрожащими руками достал из него импровизированную гранату из торденита. Установив взрыватель на трехминутное срабатывание, он изо всех сил швырнул гранату в сторону крейсера, за ней вторую, третью... Вскоре он увидел, как под стальной сферой вспыхнули огненные факелы. Быть может, ему удалось убить нескольких солдат, но из-за отсутствия воздуха фугасное действие было слабым, так что боевую технику гранаты вряд ли могли повредить.

Краем глаза Фрэзер заметил какое-то движение неподалеку. Оглянувшись, он увидел, что Махони ползет вперед, держа в руках гранату.

— Пат! — крикнул Фрэзер, бросаясь к другу. — Надо спрятаться за «Олимпией», там ты будешь в безопасности!

Махони не обратил на его слова внимания и упрямо продолжал ползти вперед. Рваная дыра на боку скафандра была заклеена вакуумным пластырем, но воздух все же сочился из нее тонкой белой струйкой. Фрэзер обхватил раненого за плечи, пытаясь остановить, но Махони стал вырываться, осыпая друга хриплыми ругательствами.

— Пат, опомнись! Ты ранен, тебе нужна помощь...

Внезапно наушники едва не взорвались от громоподобного голоса:

— Внимание, мятежники! С вами говорит адмирал Свейн.

Махони внезапно обмяк, и Фрэзер, подняв его, понес в сторону «Олимпии». В любой момент его могли убить солдаты с «Веги», но он старался об этом не думать.

— Колонисты Ганимеда! Вас только что отбросили назад. Ваши силы разбиты, и при повторной попытке захватить «Вегу» вас ожидает то же самое. И не пытайтесь пробиться к Авроре. В перестрелке может пострадать гражданское население. Вам остается одно — немедленно сдаться. Все оружие и взведходы будут конфискованы. Любое нарушение законов, установленных мною, будет караться смертной казнью. Исключений не будет ни для кого, даже для женщин и детей. Собирайтесь у кратера Апачи и не вздумайте оказывать сопротивление моим солдатам. Если вы капитулируете, я гарантирую вам жизнь. Орудия «Веги» пока будут молчать, и мы будем только наблюдать, как вы выполняете мой приказ.

У Фрэзера почти не осталось сил. Он прошел мимо космобота, около которого дымились обломки одного из краулеров. Воздух из скафандра Махони продолжал струиться, и Фрэзер сказал себе: «Остановись ты, идиот, и заклей дыру как следует, пока Пат не задохнулся!»

— Я готов начать переговоры с вашими лидерами — при условии, что все мои требования будут выполнены, — после паузы продолжил адмирал Свейн. — Вы должны понимать, что никаких шансов на победу у вас нет. Если вы станете упорствовать, то «Вега» даже с неполным экипажем сможет в течение часа подняться с Ганимеда и уничтожить с орбиты Аврору одним ракетным залпом. Примиритесь с поражением, колонисты, ничего больше вам не остается.

Фрэзер осторожно положил Махони на землю и стал шарить в сумке с инструментами. Вновь настала тишина, в наушниках был слышен только шорох космического фона. Фрэзер достал пластырь — и вдруг увидел отблеск звезд в остекленевших глазах друга. Губы раненого не шевелились. Фрэзер замер, пытаясь уловить дыхание Махони, но услышал лишь вечный шорох межзвездного пространства.

Глава 8

На западе, из-за туманного горизонта медленно вырастали мерцающие скалы островов Орговера, отделенных от материка лишь мелководным проливом. Теор едва различал их очертания, зато отчетливо видел пенистые буруны, кипевшие между рифами. Еще более ясно он слышал яростные удары волн о берег, напоминавшие бесконечные раскаты грома. Они заполняли все окружающее пространство и терялись под сводами пурпурного купола неба. Не было еще построено судно, которое могло уцелеть в местных прибрежных течениях и свирепом прибое. Но в одном месте острова защищали друг друга от бешенства морской стихии и образовывали довольно тихий проход, ведущий к самому крупному из них. Этим-то путем и прошел флот наярров к черным пескам побережья Лесистого острова. Серая поверхность аммиака здесь была подернута лишь легкой рябью. Отлогие берега, служившие отличными пастбищами, тянулись на восток и юг, пока не терялись в тумане. С севера в небо круто уходили отроги гор Джоннари.

Теор мрачно смотрел на руины разграбленного рыбацкого поселка, на шестнадцать флотилий вражеских судов — по восемь в каждой, — стоявших на приколе возле берега, и на армию улунт-хазулов, быстро собиравшуюся рядом с поселком под глухие удары барабанов. Вскоре со стороны гор появились и отряды наярров, тоже оглашая воздух быстрой барабанной дробью. Над обеими армиями взвились знамена и засверкали острия пик.

Элкор мрачно сказал:

— Улунт-хазулы покинули свои корабли и почти все сошли на берег. Они явно готовятся дать главный бой на суше.

Норлак в отчаянии сжал тонкие пальцы.

— Мы рассчитывали, что противник разделит свои силы! — воскликнул он. — Смогут ли наши пехотинцы выдержать их напор?

— Похоже, улунт-хазулы опасались атаки с моря, — с гордостью сказал Теор. — Они знают о непобедимой мощи нашего флота.

Элкор в сомнении покачал головой.

— Чужаки твердо рассчитывают захватить Медалон и остаться там жить, — сказал он. — Корабли в этом случае им не так уж будут и нужны, так что они вполне могли ими пожертвовать ради победы. Они явно что-то задумали...

— Не согласен, — отозвался Норлак. — Флот улунт-хазулам необходим хотя бы для того, чтобы перевезти в Медалон гражданское население.

Вожьд наярров в раздумье стал ходить по палубе взад и вперед.

— Чалхиз мог бы действовать и по-другому, — наконец сказал он. — Например, после победы построить новые корабли или использовать остатки нашего разбитого флота. Но он привел свои флотилии к берегу. Это разрушило все наши планы. Мы-то делали ставку на наше превосходство на море! Конечно, мы можем высадиться на берег и присоединиться к сухопутной армии... Нет. Это займет слишком много времени. Враги блокируют нас, прежде чем мы сумеем справиться с неизбежной в таких случаях неразберихой. — Элкор постоял некоторое время, размышляя. Подул легкий бриз, унося туман. — Будем действовать, как планировали, — наконец сказал вождь. — Мы направимся к стоянке флота чужаков, перебьем оставшийся на судах немногочисленный экипаж и начнем высадку. Если мы сделаем все быстро и слаженно, то успеем напасть на армию улунт-хазулов прежде, чем подойдут наши сухопутные силы. Умфокаер, пошли вестника к командиру гвардии Вальфило. Пусть ему передадут, чтобы он держался любой ценой. Мы скоро придем ему на помощь.

Офицер связи отдал салют и позвал сигнальщика.

— Пора готовиться к высадке, — сказал Элкор.

И стал надевать свои боевые доспехи. То же самое стали делать и все остальные на борту.

Теор надел на горизонтальную часть туловища панцирь из кожи канникса. Подобную же куртку он надел на торс. Коль-

чуга из ледяных пластин закрыла его жабры. На голову он водрузил остроконечный шлем, в левую руку взял щит, а на талии застегнул пояс с метательными ножами. В правую руку он взял топор. Доспехи были довольно тяжелыми и так стиснули грудь, что стало трудно дышать. Он попытался убедить себя, что битва с чужаками будет не опаснее, чем охота за хищной «снежной колючкой», но сам не поверил этому. Нелепость, несправедливость происходящего угнетала его, и это было хуже всего. Теор взглянул на Элнора и увидел на его лице одну непреклонность. Норлак же был настолько возбужден, что Теор почти успокоился: он был мужчиной и не мог вести себя так, как мог себе позволить полумужчина!

Барабаны загремели еще громче. Улунт-хазулы неспешно перестроили ряды и двинулись навстречу армии Вальфило. Над серым воинством вырос лес пик.

Теор перевел взгляд на юг, где у берега колыхались на волнах суда неприятельского флота. До них было не меньше двух миль, но он смог разглядеть многие детали. Корабли чужаков были короче и шире, чем галеры наярров, и были полностью закрыты палубами. Без резных фигур на носу, они походили на торговые суда. Но что за странные коробчатые каркасы водружены на их носовых частях? И как они могли двигаться без гребных колес?

Несколько фигур в панцирях из роговых пластин появились на палубах. Через минуту, подняв треугольные паруса, десятка два кораблей двинулись по проходу между островами — туда, откуда только что пришел флот наярров.

— Куда они идут? — удивился Теор. — Что они задумали?

— Ничего хорошего для нас, — угрюмо отозвался Норлак.

— Странно, — пробормотал Элнор. — Я не вижу таранов на этих кораблях. Да и экипажи их слишком малы, чтобы атаковать нас с тыла. Быть может, Чалхиз просто хочет отвести свой флот в открытое море, спасая от гибели?

— Если это так, то мы сможем беспрепятственно высадиться на берег! — с облегчением воскликнул Теор.

— Не нравится мне это, — обеспокоенно сказал Норлак, нервно подергивая усиками. — Воздух пахнет зловеще. Чую беду — только откуда она придет?

Корабли наярров продолжали приближаться к берегу. Не было слышно обычных в таких случаях песен и шуток — мужчины выстроились на верхних палубах, держа оружие наготове. Между тем две армии на берегу быстро приближались друг к другу. Разноцветные знамена раскачивались, словно деревья, под низкими стелющимися облаками.

— Уллола! Что это? — вдруг воскликнул Элкор, указывая назад.

Теор обернулся. Вражеские суда остановились в миле от них и развернулись, словно готовились напасть с тыла. Рулевые матросы сложили ладони вокруг горловых мешочков и закричали так громко, что их было слышно даже сквозь грохот барабанов. Заросшее водорослями море внезапно закипело, и на поверхность всплыли огромные черные туши. Казалось, они заполнили собой весь пролив.

— Что это? — встав на дыбы, взвизгнул Норлак.

— Морские чудовища, — ответил Элкор, стараясь не выдавать своей растерянности. — Я никогда не слышал, что их можно приручить, но улунт-хазулам это как-то удалось. Они-то и приведут в движение вражеский флот!

Интенсивно работая плоскими хвостами и плавниками, гигантские животные направились к кораблям улунт-хазулов. На носовых надстройках появились моряки, державшие в руках длинную упряжь. Найяры разразились встревоженными криками. Но Элкор сохранял хладнокровие.

— Эти животные — настоящие гиганты, — хрипло сказал он. — Они лишь наполовину короче наших кораблей и почти такие же массивные. Не знаю, как враги собираются использовать их против нашего флота, но улунт-хазулы явно на них рассчитывают. Вот почему они сконцентрировали большую часть своих сил на суше. — Он оперся на древко копья и задумался. — Пожалуй, я не рискну вести бой на море, — наконец сказал он. — Нам надо как можно быстрее высадиться на берег. Эти монстры кажутся неповоротливыми, так что у нас есть немного времени. Будем причаливать прямо здесь, не доходя до порта.

— Здесь? Но это невозможно! — запротестовал Теор. — Я не раз ловил рыбу в этих местах. Здесь очень неровное дно. Мы разобьем гребные колеса на отмелях!

— Колеса можно будет починить, — возразил Элкор. — А до острова в крайнем случае доберемся вброд. — Он осмотрел берег. — Если мы высадимся вон на той песчаной косе, то отряд Вальфило сможет прикрыть нас. Конечно, лучше бы ударить в тыл улунт-хазулам, но у нас нет на это времени. Умфокаер, посылай вестника.

— Айя! — отозвался офицер.

Он сделал знак сигнальщику, и тот немедленно развернул один из своих флажков. Ближайший из форгаров спустился вниз. Офицер передал ему приказ вождя, и форгар немедленно

вновь взвился в небо. Он повторил слова Элнора другим вестникам, и те понесли приказ командирам флотилий.

Тем временем морские чудовища приблизились к кораблям улунт-хазулов. Один из моряков бесстрашно прыгнул в волны, подплыв к ближайшему животному и вскарабкался на изогнутую спину чудовища, прямо за его длинной шеей, увенчанной небольшой зубастой головой. Моряк махнул рукой, и его помощник бросил ему с корабля конец упряжи. Вскоре она была надета на рога животного, которое вело себя на удивление смирно. Подобную нехитрую операцию проделали и на других кораблях улунт-хазулов. Флот наярров едва успел изменить курс, как животные пришли в движение. Аммиак вспенился от мощных плавников чудовищ, на спинах которых, широко расставив ноги, стояли мужественные наездники с поводьями в руках. Их обдавали фонтаны белых брызг. Животные высоко подняли над поверхностью моря головы с раскрытыми пастьми и с протяжными воплями устремились на наярров.

Элнор подошел к сыну и, положив ему руку на плечо, тихо сказал:

— Я вновь ошибся. Они поймали нас в западню. Если я не переживу этот день, ты заменишь меня.

Теор горестно опустил голову. На Юпитере не знали слез, но он страдал не меньше, чем человек, будь он на его месте.

Норлак воинственно потряс кинжалом. Невероятное случилось, и обычный для полумужчины страх покинул его.

— Пусть они идут! — закричал он высоким голосом. — Мы разрежем их на куски и съедем!

Кое-кто из моряков поддержал его, но большинство членов экипажа стояли молча и, крепко сжимая копыя, ждали.

— Теор, организуй оборону с правого борта, — сказал Элнор. — А я лучше пойду на корму и встану рядом с рулевым. Да пребудет с нами удача!

Две армии на суше сошлись почти вплотную. Опустив копыя, они галопом помчались навстречу друг другу.

Теор прошел вдоль борта и отдал несколько приказов. Моряки были готовы встретить чудовищ остриями пик. «Но как животные будут атаковать корабли? — размышлял Теор. — Их головы выглядят ужасно, но вряд ли чудовища станут нас таранить, рискуя сломать свои сравнительно тонкие шеи. Скорее уж они попытаются приблизиться и поднять высокие волны, способные раскачать суда. Так они смогут сбросить моряков с палуб, но мы в ответ можем пустить в ход копыя...»

— Ближе, ближе... — шептал Теор, пристально глядя на приближающееся к кораблю животное. Он не сомневался, что сможет перерубить шею монстра одним ударом топора.

Через минуту чудовище было уже рядом. И тут в его широкую спину вонзилось первое копьё. Наездник с громким криком натянул поводья и сумел развернуть животное, выведя его из-под града копий и дротиков. Тот же маневр проделали и другие наездники. Отойдя немного от кораблей наярров, морские животные подняли плоские хвосты и стали с пронзительными воплями бить ими по аммиаку. Пенистые волны с грохотом ударились о борта кораблей. Обшивка не выдержала и затрещала. В море посыпались обломки. Двое наярров не удержались на скользкой палубе и упали в кипящее море. За ними последовали и другие моряки.

Строй кораблей был немедленно нарушен. Животные не обращали внимания на барахтавшихся в волнах наярров. Чудовища не были плотоядными, но могучие удары их хвостов сокрушали все вокруг.

По команде Элнора над ними закружились форгары. Всадники пытались достать пиками головы чудовищ, но те неожиданно ловко уклонялись от ударов.

Внезапно из глубины рядом с кораблем Элнора поднялся еще один монстр. Всей своей массой он обрушился на левое гребное колесо и разбил его вдребезги. Судно накренилось и стало беспомощно кружиться на месте. Под его киль поднырнуло еще одно животное. На него была надета упряжь, и оно не могло уйти далеко вглубь, но монстр сумел могучим толчком спины опрокинуть корабль на борт.

Судно стало тонуть, окутанное фонтаном брызг.

— Вперед, к берегу! Бейте врага! — в бессильной ярости кричал Элнор, но его приказ было уже невозможно выполнить.

Теор вцепился в сильно накренившийся борт и увидел, как враги торжествующе подняли оружие над головами. Флот наярров был рассеян по проливу, часть кораблей затонула, остальные спасались бегством.

Палуба встала на дыбы, и моряки с отчаянными криками покатались в волны. Теор уцепился за форштевень одной рукой, а другой стал лихорадочно стаскивать с себя доспехи, не трогая лишь пояса с ножами. Краем глаза он увидел, как Норлак с воплем упал за борт и сразу же пошел ко дну, увлекаемый тяжестью своего вооружения. Вскоре и Теор последовал за ним.

Он быстро всплыл на поверхность и увидел вокруг десятки голов моряков. Моряки отчаянно боролись за жизнь и пытались

плыть в сторону берега. Теор разглядел среди них Элнора и поспешил к нему на помощь. Тем временем корабль лег на борт и медленно пошел ко дну.

— Ко мне, наярры! — закричал Элнор, с трудом удерживаясь на поверхности. — Боритесь до конца, бейте врагов!

Он поднял над головой кинжал и метнул его в сторону ближайшего чудовища. Повинуясь приказу наездника, оно ринулось на наярров, нанося удары налево и направо своим ужасным хвостом. Пена немедленно окрасилась кровью. Воины погибали один за другим под смех улунт-хазулов.

Теор набрал в грудь как можно больше воздуха и глубоко нырнул. Его окутал мглистый, красно-бурый свет. От едкого запаха разлагающегося углеводорода сразу закружилась голова. Глубинное течение подхватило его и понесло к берегу. Через несколько минут Теор стал задыхаться и вновь всплыл на поверхность.

Бойня вблизи разбитых кораблей продолжалась, но он успел достаточно далеко отплыть от этого места. Ни Элнора, ни Норлака не было видно среди оставшихся в живых моряков, но сейчас было некогда впадать в отчаяние. Из-за всех сил работая ногами, Теор поплыл к отмели.

— Хунгн рох мамлун!

Теор оглянулся. Вслед за ним плыл один из улунт-хазулов. Благодаря перепончатым ногам и длинному хвосту его серое тело двигалось втрое быстрее, чем наярр. Враг поднял кинжал над головой. Лицо его было искажено ненавистью.

Теор тоже выхватил кинжал. «Он хочет немного поразвлечься? Хорошо», — злобно подумал он. Наярр хладнокровно обдумал свои действия. Да, он уступал чужаку как пловец, но...

Улунт-хазул быстро приближался. Вот-вот он метнет свой кинжал! Теор напрягся и в момент броска погрузился в волны по шею. Остро отточенный клинок пролетел чуть выше его виска. Быстро всплыв, он схватил врага за запястье, сжимавшее второй кинжал. Тот в свою очередь вцепился в руку Теора, державшую нож, не дав ему нанести смертоносный удар. Противники забарахтались на одном месте. Чужак был сильнее Теора, но наярр сумел обхватить его туловище ногами и с криком потащил ко дну.

Он почти не помнил, что произошло там, в глубине моря. Сознание его быстро помутилось, грудь разрывалась от недостатка воздуха. Враг с силой выворачивал его правую руку. Силы Теора таяли, но ему каким-то чудом удалось нанести противнику удар в живот. Чужак сразу ослабил хватку, и

наярр, уже почти ничего не сознавая, стал наносить по нему удар за ударом.

Очнулся он уже на поверхности. Голова раскалывалась от боли, никакого ощущения триумфа не было и в помине. Он думал сейчас лишь об одном — как достичь берега, до которого было еще довольно далеко.

Между тем на острове шла суровая битва. До Теора доносились победные крики, вопли боли, звон топоров, топот сотен ног. Земля была усыпана серыми трупами улунт-хазулов, но и половина знамен наярров тоже пала.

— Братья, я иду! — крикнул Теор и изо всех сил поплыл вперед, проклиная свою слабость.

Флаг Вальфило все еще развевался под низкими тучами. Оставшиеся в живых наярры сгрудились вокруг него, сохраняя видимость порядка. Их арьергард стойко держался, отражая одну атаку врага за другой. Форгары тучей носились в воздухе, метая в улунт-хазулов камни и дротики. Чужаки падали, обогащая землю кровью, но их место сразу же занимали другие.

Барабаны врага били не переставая. Внезапно один из вражеских отрядов отделился от главного войска и, сделав стремительный марш-бросок, напал на обоз наярров. Чужаки быстро перебили немногочисленных охранников и напали на отряд Вальфило с тыла.

Наярры были вынуждены отступить. Они двинулись на север, к горам Джоннари. Другого пути у них не было — на остальной части острова хозяйничали улунт-хазулы, гоняясь за отставшими наяррами и безжалостно убивая их. «Часть нашего войска все-таки уцелеет, — с горечью подумал Теор, — но для чего? Наш народ обречен...»

Его ноги коснулись дна. Теор встал — и едва не упал от слабости. Отчаяние овладело им.

Но в конце концов к нему вернулась рассудительность. Все было не так уж безнадежно. Враги не стали преследовать отряд Вальфило, который состоял в основном из опытных воинов и, погибая, унес бы с собой в царство теней сотни улунт-хазулов. Чалхиз, по-видимому, понимал это и решил оставить остатки разбитой армии наярров в покое. Без продовольствия ее и так ожидала гибель в дикой, необитаемой местности.

«Надо догнать товарищей», — подумал Теор.

Он добрал до берега и вышел на отмель. Ему приходилось прокладывать дорогу среди груд искалеченных тел. Воздух дрожал от стонов раненых. Один из наярров, имя которого Теор не смог вспомнить, увидев его, умоляюще прохрипел:

— Друг, дай мне пить! Пить, пить...

Из его груди торчало копье. Рана была смертельной.

Теор нагнулся и в отчаянии сжал протянутые к нему руки.

— У меня ничего нет, — сказал он. — Прости.

— Не уходи, Теор, не оставляй меня здесь одного!

Чем же хоть как-то облегчить страдания воина? Внезапно чья-то тень упала на лицо Теора. Он поднял голову и увидел двух улунт-хазулов, наставивших острия копий прямо ему в грудь.

Один из чужаков сделал выразительный жест, и Теор, устало опустив голову, побрел в глубь острова.

Глава 9

День подходил к концу. С юга дул сильный ветер, гоня стаю черных облаков. Среди них то и дело вспыхивали молнии, и чуть позже на остров накатывались раскаты грома. В узком проливе поднялось сильное волнение. Мириады плавающих микроорганизмов начали фосфоресцировать, и волны несли к прибрежным льдинам мерцающий свет, рассыпающийся при ударе о берег миллионами живых искр.

Улунт-хазулы поспешно затащили свои корабли на берег и, собравшись группами, о чем-то тихо беседовали друг с другом. Пленные наярры лежали вповалку на окраине лагеря, забывшись в тяжелом сне.

Теор очнулся от острой боли: ему упиралось в плечо острие копья. Оказалось, что двое чужаков пришли за ним. Перемолвившись несколькими словами с охранниками, они заставили Теора подняться и грубо погнали куда-то. Пошатываясь от слабости, наярр едва переставлял связанные ноги. Руки были связаны тоже, но, к счастью, спереди, и он смог незаметно прикоснуться к диску коммуникатора. Улунт-хазулы были весьма суеверны, и это могло помочь ему. Исхитрившись, он все-таки сумел нажать кнопку вызова.

— Марк, — прошептал он, — отзовись! Кто-нибудь из землян, кто слышит меня, ответьте...

Диск молчал.

Теора подвели к одной из юрт, в которой жили военачальники улунт-хазулов. Острие копья вновь кольнуло его в плечо, подталкивая к входу. Внутри юрты, сложив руки на груди, стоял Чалхиз. Фосфоресцирующие цветы на потолке испускали слабый свет, едва освещавший его лицо, но глаза вождя горели, как лезвия кинжалов на солнце.

— Добрый вечер, — с усмешкой сказал Чалхиз.

Теор не ответил.

— Может быть, ты хочешь освежиться?

Вождь указал на стоявшие на столе чашу с аммиаком и тарелку, полную рыбы. Теор понял насмешку и едва не закричал от ярости, но сумел быстро овладеть собой. Ему надо было восстановить силы.

Чалхиз подождал, пока пленник насытится, затем с дружеской улыбкой заметил:

— Очень хорошо, что ты остался в живых, сын Элнора. Один из парней, бывших в составе моей свиты в Наярре, к счастью, узнал тебя среди пленников. Возможно, мы сумеем заключить взаимовыгодную сделку.

— Вот как? И что же я должен сделать? — устало спросил Теор.

— Немного. Тебе повезло — ваш город стойко держит оборону, так что ты мне пока нужен.

— Вам дорого обойдется его взятие, — глухо сказал Теор. — Сейчас все жители нашей страны, даже мирные фермеры, идут в Наярр со своими семьями, чтобы дать отпор врагу. Это серьезная сила.

— Не сомневаюсь. Хотя так или иначе мы со временем вынудим их сдаться. Но есть и другой путь — заключить соглашение о перемирии.

Теор на секунду потерял самообладание.

— Перемирие — с животными, подобными тебе?! — яростно воскликнул он.

Чалхиз схватился за рукоять топора и с угрозой произнес:

— Мы напали на Медалон по праву. Если бы ваша страна была затоплена наводнениями, бури разрушили бы ваши города, а население голодало месяцами — разве вы не попробовали бы захватить территорию более удачливых соседей?

«Это верно, — подумал Теор, — так бы мы и поступили. Но это не значит, что мы разрешим сделать такое другим».

Сильный порыв ветра так ударил по юрте, что ее деревянный каркас жалобно закрипел. По обшивке, сшитой из шкур животных, забарабанил дождь.

— Ладно, не будем говорить об этом. — Чалхиз успокоился. — Сейчас не время обмениваться оскорблениями. Я приговорил твоих родителей к смерти. Насколько я понимаю, теперь ты станешь главным Рива и унаследуешь титул лидера. Наярры подчинятся тебе, если ты прикажешь им капитулировать.

— Нет. Мы свободный народ. Наши вожди не могут приказывать наяррам делать то, чего они не хотят. Никто не обязан

прислушиваться к моим словам, и я надеюсь, что народ так и сделает. Тем более что я не собираюсь предать свое племя.

— Послушай меня, Теор, — с угрозой сказал Чалхиз. — Если твои соплеменники вздумают упрямиться, мы попросту уничтожим их. Если же они сдадутся на милость победителя, то мы позволим им уйти в горы. Я знаю, земли там бедны и населены воинственными дикарями, но зато наярры останутся живы. По-моему, это выгодная для вас сделка.

Теор сжал кулаки.

— Нет!

— Подумай хорошенько, сын Элкора. Медалон не стоит таких жертв.

— Не вам, варварам, судить об этом! — запальчиво возразил Теор. — Ваша прежняя страна состояла всего лишь из нескольких жалких островов, покрытых болотами. Не так ли? Мы же осваивали Медалон шестьдесят четыре года. Все стоило нам крови и тяжкого труда: дома, дамбы, поля, рудники. Неужто непонятно, что это значит для каждого наярра?

— Для вас, Рива, — может быть. Ваш род руководил, я знаю. Но рядовые наярры могут отнестись к нашему предложению иначе.

Теор пожал плечами, стараясь сохранять хладнокровие. Чалхиз оказался куда проницательнее, чем он ожидал.

— Народ вам тоже не поверит, — сказал он. — Кто даст гарантию, что ваша орда не нападет на мирное население, как только мы откроем городские ворота?

Чалхиз расхохотался:

— Придется уж вам положиться на мое слово. И на наш здравый смысл тоже. Подумай, Теор: наше племя немногочисленно и к тому же мало смыслит в земледелии. Чтобы прокормиться, многим воинам придется стать фермерами. К тому же, захватив Медалон, мы унаследуем и ваших многочисленных врагов-варваров. Какой же смысл рисковать армией, посылая ее в опасную погоню за вами? Сам видишь, мир выгоден для обеих сторон. Согласен?

Теор почувствовал, что силы понемногу начинают возвращаться к нему.

— Вот что я тебе отвечу, Чалхиз, — сказал он. — Лучшая часть нашей армии уцелела в сегодняшней бойне и ушла в горы. Вскоре она получит солидное подкрепление и возвратится. Вам придется уничтожить наярров до последнего, прежде чем вы захватите Медалон. В любом случае улунт-хазулы обречены.

Чалхиз взвыл от ярости, и, словно вторя ему, небо сотряс оглушительный раскат грома.

Успокоившись, вождь продолжил прежним, спокойным тоном:

— Мы пробудем в этих местах еще несколько дней, готовясь к походу на наярров. Я отделию тебя, Теор, от остальных пленников, дабы ты мог подумать как следует над моим предложением. Иначе я собственноручно разрежу тебя на куски перед городской стеной — в назидание твоим соплеменникам.

Чалхиз позвал стражника и приказал увести пленника, а сам выразительно повернулся к нему спиной.

Воин крепко схватил Теора за запястье. Тот послушно вышел из юрты и последовал за улунт-хазулом в другой конец лагеря. Здесь стояла небольшая хижина, наспех сооруженная из неотесанных бревен. Охранник грубо втолкнул в нее пленника и встал у входа с копьем в руке. Вспышки молний то и дело освещали несущиеся на север облака. За ними следовали все приближающиеся раскаты грома. Наконец на землю упали первые капли. Дождь быстро набирал силу и скоро превратился в сплошной хлещущий поток.

Теор прилег в углу. Он испытывал злое удовлетворение от мысли, что охранник сейчас мокнет около входа, но скоро на смену злорадству пришло отчаяние. Что он может предпринять в таком безнадежном положении? Захватчики одержали победу. Вместе с Элкором и Норлаком на дно моря ушли их мудрость и твердость. Чужаки готовятся к осаде города. Они могут без труда взять его в кольцо и начать вовсю хозяйничать на всей территории Медалона. А время идет к сбору урожая... С таким трудом возделанные земли могут быстро запустеть, а с ними одичают и оставшиеся в живых наярры. Вчерашние свободные фермеры и ремесленники могут стать жалким скотом, погоняемым кнутами улунт-хазулов. Неужто и его будущий ребенок, которого носит Линанта, станет рабом?

— Теор!

Он вскочил, удивленно озираясь. И не сразу понял, что голос доносится из диска коммуникатора.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня?

Наярр дрожащей рукой поднес диск к губам.

— Слышу, — едва скрывая волнение, ответил он. — Почему ты так долго молчал?

Внезапно молния вспыхнула так ярко, что он отчетливо разглядел фигуру часового, терпеливо стоявшего у входа. Чужак не обернулся — в шуме ветра и реве волн он не расслышал голосов внутри хижины.

— Я был очень занят, Теор, — после паузы вновь слышался голос землянина. — Только сейчас у меня появилась возможность выйти на связь с тобой через ДжоКом. Как дела, друг?

Теор в нескольких словах рассказал о случившемся.

— О, черт побери! — пробормотал Фрэзер, выслушав его.

— А что случилось с тобой, брат? — спросил Теор.

Воздух заметно похолодел. Давление повысилось настолько, что при дыхании в жабрах ощущалась глухая боль. Теор вспомнил, что Фрэзер рассказывал ему о климате Ганимеда. Там было настолько холодно, что аммиак лежал на его поверхности в виде снега. Атмосфера Юпитера сохраняла тепло, но по ночам часть его уходила туда, к мертвым каменным шарам, которые Фрэзер называет лунами. От мысли, что его друг находится так далеко, юпитерианин невольно вздрогнул.

— Теор, я так встревожен тем, что ты рассказал! — наконец слышался голос землянина. — Теперь я буду бояться за тебя... — Фрэзер усмехнулся. — И за себя, кстати, тоже. Нас тоже разбили, Теор. Чужаки с космолета отбили атаку и теперь диктуют условия. Всем колонистам, принимавшим участие в сражении, приказано безоружными явиться в определенное место. А командиры космолета сейчас ведут переговоры с нашими лидерами об условиях капитуляции Ганимеда.

— Плохие настали времена, — мрачно сказал Теор. — Неужто все во Вселенной пошло наперекосяк? Но объясни мне, Марк — если враги так сильны, зачем они ведут с вами переговоры? — Ожидая ответа, он с надеждой подумал: «Возможно, где-то здесь и зарыта истина, которая очень может сейчас мне пригодиться. Ведь Чалхиз не зря оставил меня в живых!»

— Я могу только догадываться, чего хочет Свейн, — после паузы ответил Фрэзер. — Мы же идем на соглашение по очень простой причине: чтобы с колонистами не расправились самым жестоким образом. И чтобы в первую очередь не уничтожили Аврору. Не могу твердо утверждать, но мне кажется, что адмирал Свейн приписывает нам свой собственный фанатизм. Он нуждается в нас и потому готов идти на компромисс.

— Но у вас есть какая-нибудь надежда со временем вновь напасть на крейсер? Или вы полагаетесь только на помощь извне?

Песок под ногами Теора был сырым и холодным. Ожидая ответа, он потер ноги одна о другую, стараясь хоть немного согреться.

Фрэзер вздохнул:

— Не представляю, что и делать. Мы можем захватить одну из лунных ракет, но они не предназначены для полетов за

пределы Юпитера. Вернее, полететь-то они полетят, но двигатели не смогут разогнать их до гиперболической скорости. Так что полет к Земле займет долгие месяцы. Свейн вернется туда гораздо раньше...

— Держись, Марк, — сказал Теор, не зная, как подбодрить друга. — Дела ваши плохи, но по крайней мере вас никто не гонит с Ганимеда. И враги — такие же люди, как и вы. Нам, наяррам, куда хуже сейчас...

Вновь вспыхнула молния, и вслед за ней оглушительно загрохотал гром, сотрясая землю. Гроза вновь приближалась.

— Не отчаивайся, Теор, быть может, мне удастся помочь вашему племени.

— Но как? — спросил Теор.

Несмотря на всю безнадежность положения, Теор испытал прилив надежды. Земляне имели столько удивительных вещей там, на небе. Быть может, они действительно сумеют для них что-то сделать?

— Теор, расскажи поподробнее о том, что произошло, — попросил Фрэзер.

Теор рассказал о событиях последних дней, стараясь не упустить ни одной важной детали. Когда он закончил, передатчик молчал так долго, что наярр даже забеспокоился, не испортился ли он.

— Хм... ты находишься не так далеко от города, и вокруг бушует буря, — после паузы произнес Фрэзер. — Это уже кое-что. Можешь ты убежать от охранника?

— Я сильно хромаю, и к тому же у меня связаны руки, — с сомнением ответил Теор. — А у стражника копье и кинжал.

— Если бы ты как-то отвлек его внимание, то смог бы завладеть его оружием, — продолжал Фрэзер. — Чертовски опасно, но другого выхода нет. Включи коммутатор на полную мощность и брось его рядом с хижиной — так, чтобы охранник не видел. А уж я закричу во всю глотку!

— Айя! — одобрительно воскликнул Теор и не без труда снял диск с шеи.

— Подожди, Теор... Если ты ранен, то... — Фрэзер заколебался.

— Ты сам сказал, Марк, что другого выхода у меня нет. Дай мне немного подумать... — Вскоре план бегства сложился в голове, и юпитерианин сказал: — У меня действительно есть шанс, друг. Я могу украсть одну из лодок и выйти в море. По суше мне не уйти — я ранен, и к тому же улунт-хазулы бегают куда быстрее меня. Но в море я могу поставить парус и уйти от погони. Может быть, мне понадобятся твои советы —

вы, земляне, куда искуснее в мореходстве, чем наярры. А теперь будь внимателен, Марк. Когда я громко закричу, закричи и ты. Произнеси какие-нибудь фразы, имитируя наш язык. Не сомневаюсь, что стражник испугается — ведь твоя речь звучит так непривычно для нашего слуха... Ну а я уж постараюсь, чтобы эта ночь стала для улунт-хазулов беспокойной.

Теор помедлил, не зная, какими словами проститься с другом. Все могло случиться, и, быть может, скоро он будет лежать на песке с ножом из остро отточенного льда в груди. Марк нарушил молчание первым:

— Не знаю, поможет ли это, но я все-таки скажу: да хранит тебя Господь, Теор! Пусть вся удача во Вселенной сегодня придет тебе на помощь!

— Нет, пусть половина ее достанется тебе, Марк! — пылко воскликнул наярр. — До свидания, друг. Жди моего сигнала.

Он подошел к выходу, держа диск между ладонями, и, помедлив, осторожно выглянул наружу. Дождь хлестнул ему в лицо. Охранник сразу же заметил пленника и, угрожающе подняв копьё, приказал немедленно вернуться в хижину.

Теор протянул вперед связанные руки и издал изумленный вопль, словно разглядев что-то во мраке ночи.

Стражник невольно обернулся, и Теор быстро швырнул коммуникатор в другую сторону. Теперь надо было выждать несколько минут...

Улунт-хазул вновь повернулся и угрожающе поднял копьё.

— Иди в свою конуру, иначе я проткну тебя насквозь! — яростно зарычал он.

Внезапно откуда-то из темноты раздался громкий голос Теора. Стражник подпрыгнул и стал испуганно озираться по сторонам. Вновь вспыхнула молния, озарив белым светом пустынный берег. Теор даже смог разглядеть ножны воина, заклепки на его копьё и длинный шрам на щеке. Диск сверкал среди камней, словно отполированный кусок льда, но никого рядом не было. Никого!

Стражник понял, что звуки странной речи доносятся именно из сверкающего круга, лежащего на земле. Его лицо исказила гримаса дикого ужаса. Издав сдавленный вопль, он отпрыгнул в сторону. Теор был забыт. Вновь небо раскололось от раскатов грома — и наярр бросился на врага.

Его пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала, висевшего на поясе улунт-хазула. Не успел стражник поднять копьё, как сверкающее лезвие вонзилось в его нижнюю челюсть.

Враг издал еще один вопль — на этот раз это был крик боли. Но у него хватило сил сжать торс наярра могучими

руками так, что у того перехватило дыхание. Теряя сознание, Теор все глубже и глубже вонзал кинжал. Кровь брызнула ему в лицо. Вскоре хватка врага ослабела. Стражник со стоном упал на песок и задергался, безуспешно пытаясь вырвать кинжал. Вскоре он умер.

Тяжело дыша, Теор огляделся. Все вокруг было закрыто пеленой дождя, и только тусклые отблески зарниц просачивались сквозь низкие облака — гроза уже ушла далеко на север.

— Я сделал это, — хрипло сказал Теор, подняв с земли диск. — Враг мертв. Надеюсь, никто не видел нашей схватки.

Он вновь надел коммуникатор на шею и занялся своими путами. Сжав копые ногами, он разрезал наконечником веревки на запястьях, то и дело тревожно озираясь по сторонам и прислушиваясь. Но он ничего не слышал, кроме шума дождя и разбушевавшихся волн.

Свободен! Он все-таки сумел освободиться!

Теор слишком устал, чтобы по-настоящему ощутить радость победы. Нагнувшись, он выдернул кинжал из тела стражника и побрел прочь, сильно хромая. Постой... надо взять еще пояс и ножны... Возвратившись, он с трудом перевернул тяжелое тело и расстегнул тугую пряжку. Помедлив, он решил захватить с собой и копые. Затем он пошел к берегу.

Вспыхнула молния. Теор увидел двух улунт-хазулов, неторопливо шедших вдоль берега. Топоры, которые воины несли на плечах, ослепительно засверкали. К счастью, воины смотрели в другую сторону, но шли явно по направлению к хижине.

Вновь настала тьма, и с первым раскатом грома Теор побежал к лодкам, лежащим невдалеке на отмели. Якоря их были на всякий случай вбиты в землю. Найрр вырвал на бегу один из них и уперся грудью в нос небольшого суденышка. Оно медленно сдвинулось с места и заскользило вниз по песчаному склону. Каждый раз, когда вспыхивала молния, Теор ждал, что его заметят, но вокруг было тихо. Зато в лагере вскоре начался переполох — видимо, те два воина обнаружили тело мертвого стражника. Хорошо еще, что никто, кроме Чалхиза, не знал, кого тот охранял.

Брызги аммиака окатили беглеца. Лодка с шумом шлепнулась в волны. Теор лег на дно лицом вниз и, дрожа, стал ждать, когда ветер отгонит суденышко от берега.

Нет. Нельзя бездействовать! Нужно как можно скорее уйти от острова. Теор поднялся и нащупал кормовую мачту. Парус был обернут вокруг реи неизвестного назначения и укреплен линиями и кольцами. Хорошо еще, что море слабо флуоресцировало, и кое-что во мгле можно было разглядеть.

Некоторое время Теор раздумывал, что делать. Лодка качалась на волнах. Ветер нес ее на север, и это было неплохо. Наярр стал развязывать парус. Освобожденный, парус расправился со звуком, похожим на пушечный выстрел, и надулся. Лодка немедленно зарылась носом в волны. Теора обдал фонтан холодных брызг. Он поспешно перебрался на корму и ухватился за румпель.

Лодка выровнялась. Парус вновь наполнился ветром, и суденышко, развернувшись, побежало прочь от берега. Теор ощутил восторг — лодка слушалась его!

Но вскоре она снова накренилась. Огромные волны вздымались и с грохотом рушились в бездну, увлекая за собой лодку. Борта трещали от их ударов. Дождь усилился и вовсю забарабанил по снастям и дну. Надо было спешно вычерпать аммиак — но как оставить румпель? Осмотревшись, Теор увидел рядом с ручкой румпеля два фиксирующих штыря, которые торчали из бортов. «Хорошая штука!» — с радостью подумал он и, закрепив руль, отправился на нос суденышка, надеясь отыскать там какую-нибудь емкость.

Найдя ковш, он энергично стал вычерпывать аммиак из лодки. Закончив работу, он решил вновь вернуться на корму — в такой сильный шторм лодку нельзя оставлять без управления. Дождавшись очередной вспышки молнии, он обернулся и посмотрел в сторону берега. Земля уже пропала из виду. Но среди волн он увидел черную тень. Она быстро приближалась. Внезапно из аммиака вынырнула маленькая зубастая голова на тонкой шее.

Надежда на спасение покинула Теора.

Глава 10

— Марк, — сказал Теор, — ты слышишь меня?

Одной рукой он взялся за румпель и выровнял крен.

Сквозь шум волн прорвался голос Фрэзера:

— Конечно, я слушаю. У тебя все хорошо? Ты смог убежать?

— Да. Но, боюсь, мы разговариваем с тобой в последний раз. Враги, должно быть, заметили мою лодку и послали погоню. Меня преследует огромное морское чудовище с наездником на спине. Именно такие животные недавно разбили наш флот. Я не могу уйти от монстра, но не хочу и сдаваться. — Теор помешкал, подыскивая прощальные слова. — Живи с радостью, друг! Пусть все твои беды уйдут прочь!

Он посмотрел в сторону кормы. Сквозь пелену дождя он увидел, что его преследует только одно чудовище. Впрочем, для него и одного было вполне достаточно...

— Эй, Теор, ты что, готовишься к смерти? — встревоженно закричал Фрэзер. — Не рано ли? Ты можешь пристать к берегу?

— Вряд ли. Да и все равно меня настигнут на суше.

Дождаясь ответной реплики, Теор взглянул в сторону правого борта. Берег был пока невидим, даже при вспышках молний. Может быть, вновь сесть к рулю и попытаться развернуть лодку? Или лучше прыгнуть за борт и поплыть? Нет, в такой шторм большое расстояние ему не одолеть.

— Я отдал бы правую руку за то, чтобы послать тебе сейчас ружье! — сказал Фрэзер, страдая от своего бессилия. — У тебя есть какое-нибудь оружие?

— Нож и длинное копьё... — Внезапно Теору наконец-то пришла в голову дельная мысль. — Погоди, я кое-что придумаю... Очень рискованно, но это мой последний шанс. Жди, я позову тебя — если останусь цел.

Он схватил копьё и пошел к мачте. Подняв со дна лодки якорный канат, он стал старательно привязывать копьё поперек мачты. Это была медленная, нелегкая работа, мешали темнота, дождь и сильная качка. Когда он закончил, монстр был уже близко.

— Марк! — воскликнул он, пытаясь перекрыть шум волн. — Мне нужен твой совет. Помнишь, ты рассказывал мне как-то о том, как люди ходят под парусами по земным морям? У меня почти нет опыта в управлении судном. Могу ли уйти от преследователей против ветра?

Теор забыл о своих страхах. Коротко и ясно он рассказал о своем плане и об оснастке лодки.

Фрэзер тоже успокоился. Он объяснил другу, как менять галсы. Теор взял одной рукой древко копья и повернул парус, а другой переложил руль вправо. Лодка сильно накренилась, едва не зачерпнув бортом аммиак, но вскоре вновь выровнялась и нехотя вышла на другой галс.

Монстр был слишком тяжел и неповоротлив, чтобы быстро совершить подобный маневр. Теор же упрямо держался нового курса. Аммиак переливался через борт и струился по его ступням холодным, искрящимся потоком, время от времени окатывая его с ног до головы. Монстр проплыл так близко от лодки, что Теор увидел отражение молнии в его огромных глазах. Улунт-хазул стоял на его плечах, держась за длинный повод,

наброшенный на рога животного. Вскоре преследователи оказались впереди и скрылись во мгле.

Теор перешел к решению другой задачи. Он ждал, когда монстр развернется и повернет назад.

— Не сомневаюсь, что улунт-хазул решил, будто я иду к берегу сдаваться в плен, — сказал он.

Он вновь развернул лодку и пошел навстречу врагу. Затем он отвязал копьё от мачты. «Только бы воин не увидел оружие в моих руках!» — подумал он.

Через несколько секунд прямо перед ним выросла черная стена — это была грудь монстра. Теор, не раздумывая, метнул копьё, и оно попало точно в цель.

Лодка затряслась так, что Теора отбросило к противоположному борту. Раздался хриплый вопль. Монстр отпрянул и ударом хвоста швырнул лодку на гребень высокой волны. Когда она соскользнула вниз, Теор увидел прямо перед собой покрытую костистым панцирем голову. Животное ревели от боли. Копьё глубоко вонзилось ему в горло. Теор бросился на дно лодки, сломав скамью гребца. Лежа в темноте под брызгами аммиака, он мрачно думал: «Как бы там ни было, этот чертов улунт-хазул уйдет на дно вместе со мной!»

От яростных ударов чудовища лодка продолжала рассыпаться на части. Нахлебавшись аммиака, она стала тяжело заваливаться на борт, и вскоре ее перекошенная мачта едва не коснулась пенных гребней. Теор, наполовину ослепленный и избитый, изо всех сил цеплялся за борт. Волны перекатывались через него.

Каким-то образом остатки снастей смогли вновь выровнять лодку, и чудом уцелевший парус понес ее на север. Теор выглянул из-за борта и увидел, как монстр бьется среди волн, пытаясь удержаться на поверхности. На его изогнутой спине не было видно наездника. Казалось, беда пронеслась мимо, но внезапно животное ринулось к лодке. Его огромный хвост взмыл в небо и с оглушительным грохотом обрушился на бедное суденышко. Еще один удар — и чудовище скрылось среди волн.

Теор плавал среди обломков, не веря, что остался жив, и отчаянно колотил руками и ногами по аммиаку, но волны то и дело захлестывали его, не давая вздохнуть. Теор пытался плыть, но сознание медленно покидало его.

Внезапно что-то сильно ударило его в бок. Теор машинально вцепился в это «что-то» руками и ногами. Больше он ничего не помнил...

Он очнулся, когда дождь ослабел, перейдя сначала в изморось, а затем в густой туман. Шторм утих, и его сменил злой, обычный для Юпитера ветер. Море еще свирепо шумело, не желая успокаиваться. Прибрежное течение швыряло в Теора обломки лодки. Но он мог теперь держаться на поверхности, и постепенно его сознание стало проясняться.

Теор осмотрелся. Туман скрывал все вокруг на расстоянии больше двух-трех метров, брызги волн висели в воздухе искрящимся водопадом. Теор плыл в вихре фосфоресцирующего света, раскачиваясь на крутых волнах. Он невероятно устал, каждая клеточка его тела болела — но он был жив, жив! Вскоре к нему вернулась надежда на спасение, и он впервые взглянул на спасительное «что-то», которое помогало ему держаться на поверхности.

Это был кусок обшивки с остатками шпангоутов. Сказочная, невероятная удача! Теор осторожно оседлал свою небольшую «лодку» и наконец перевел дух. Рядом плавал клубок якорного каната, в котором запутались несколько обломков дерева, в том числе половина скамьи для гребца. Ее можно было использовать в качестве весла.

«Да, я могу спастись», — подумал Теор и поднес к губам диск коммутатора.

— Марк!

Что-то захрипело и зашуршало, и словно издалека послышался знакомый голос:

— Угх... ухх... Это Теор?

— Да, я все-таки уцелел, друг! — Теор попытался улыбнуться, ощущая саднящую боль в разбитом лице. — Ты удивлен? Я снова выкарабкался из могилы!

Жизнь постепенно возвращалась к нему, и вскоре он почувствовал острый голод. Утолить жажду было нетрудно — морской аммиак вполне годился для питья. Содержание минеральных веществ в нем было крайне низким, зато присутствовали некоторые питательные вещества в виде аминокислот. Они синтезировались в верхних слоях атмосферы, где ультрафиолетовые лучи солнца воздействовали на газообразный метан и аммиак. Образовавшиеся органические молекулы опускались в нижние слои атмосферы. Некоторые из них достигали океана и составляли питательную среду для микрофлоры его поверхности. Та, в свою очередь, служила кормом для многочисленных высших животных. Но, конечно, морской аммиак не мог насытить Теора, а лишь раздражил аппетит. Он не ел почти целый день — с тех пор как по собственной инициативе сбежал от гостеприимного Чалхиза.

Вновь послышался голос Фрэзера:

— Вот это сюрприз! Я чертовски переживал за тебя, друг. Как дела?

Теор объяснил.

— После того как я выберусь на берег, я постараюсь найти остатки отряда Вальфило, — добавил он. — Они должны были уже перебраться через хребет Джоннари — это в нескольких милях к северу от меня. Может быть, удастся нагнать их. Но мне предстоит идти через огромную и дикую страну. Старики рассказывали, что в этих горах живет Скрытый народ. Но я надеюсь, что они меня не тронут.

— Отлично! Я так переживаю, что ничем не могу помочь тебе, Теор. Не могу даже больше оставаться около передатчика. Пока ты дрался на море, я уже успел сходить на совет колонистов. И сейчас меня срочно хочет видеть один человек. Я не знаю, что случилось, но это наверняка очень важно...

— Позови меня, когда сможешь. Удачи тебе, друг!

Вскоре небо чуть посветлело. Теор продолжал плыть, окруженный мерцающим туманом. Только к полудню зыбкая пелена стала расползаться, превращаясь в лохмотья. И тогда Теор увидел землю.

До нее было еще далеко, и все-таки наярр закричал от восторга. Около двух миль он проплыл среди скал из черного льда. Вершины окутывал туман, и можно было только догадываться об их высоте. Волны накатывались на белые отмели у подножий с ужасающим грохотом. Казалось, невозможно проплыть среди скал и остаться целым, но Теор настолько обессилен, что даже не задумался об этом.

Он осторожно отвязал обломок скамьи и начал грести, борясь с прибрежным течением. Несмотря на отчаянные усилия, он едва продвигался вперед. Так продолжалось час за часом. Любой человек сошел бы с ума от этой бесконечной гребли на месте, но Теор сумел сосредоточиться на боли в теле и сильном жжении в жабрах. Время, казалось, остановилось... Наконец среди скал он увидел узкий фьорд. «Уллولا! Сила все же благосклонна ко мне!» — с восторгом подумал наярр. Он заработал веслом еще неистовее. Вспенившийся аммиак клочьями летел назад под его энергичными гребками, и желанная мирная бухта постепенно приближалась.

Но вскоре двигаться вперед стало невозможно. Отливное течение было слишком сильным и постепенно сносило его назад в море.

Теор рискнул встать на свою «лодку» и оглядеться. Он увидел сравнительно спокойную поверхность аммиака во фьорде,

а в устье его — странный серый склон, резко выделявшийся среди черных скал.

Внезапно «лодка» сильно накренилась, и Теор едва не упал в волны. Поскользнувшись, он сильно ударился головой о доски. Прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя. Когда его сознание прояснилось, он нашел объяснение только что увиденному природному феномену.

Поверхность Юпитера редко охлаждалась настолько, чтобы аммиак мог замерзнуть, но в высокогорьях такое случалось, когда с полюсов приходили воздушные течения. В результате на склонах образовывались огромные ледники. Достигая моря, они не раскалывались на айсберги, как это происходило с земными ледниками. Дело в том, что твердый аммиак плотнее жидкого и попросту не тонет в море. Но на мелководье льдины быстро тают, создавая довольно сильное течение. Оно-то и относило Теора от берега. Возможно, корабль наярров с двумя гребными колесами и смог бы противиться ему, но одинокому пловцу это было не под силу.

«Уш! — с тоской подумал Теор. — Надо искать другой фьорд. Быть может, он окажется более гостеприимным...»

Но он не хотел обманывать себя. Ему приходилось видеть штурманские карты этого морского района. Они были весьма примитивными, но все же достаточно достоверными, чтобы понять: он на краю гибели. Если выбраться на берег в этом месте не удастся, то сильное прибрежное течение отнесет его в «котел», густо усеянный рифами и бурлящий водоворотами. И тогда ему конец...

— Марк! — позвал он. — Ты слышишь меня?

Только плеск волн был ответом ему. Не сразу наярр вспомнил, что Фрэзер ушел на какую-то важную встречу. Бессмысленно было ждать его возвращения.

Да и чем землянин мог помочь ему?

Или все-таки подождать? Марк так много рассказывал о море — ведь он сам вырос на земной океанической станции. Постой... Что-то Марк однажды объяснял ему... Ну конечно, он показывал живые картинки в Доме Оракула, повествующие о том, как земляне плавают на досках среди гигантских волн. Если взобраться на очень высокую волну, то она может вынести человека на берег! Почему бы нечто подобное не проделать и здесь, на Юпитере? Обломок борта имел снизу плоскую форму. Если освободить его от обломков снастей, то...

С новыми силами Теор взялся за работу. Он вытащил из-за пояса нож и стал яростно резать намокшие веревки. Волны то и дело захлестывали его, пена залепляла глаза и жабры, за-

трудная дышание. Теор работал почти вслепую, вскоре забыв даже о цели своих действий.

В конце концов он освободил плотно сбитые доски и улегся на них животом, свесив ноги. Вновь взяв в руки весло, он направился вслед за гребнем только что прошедшей под ним волны. Его неуклюжая «лодка» двигалась крайне медленно, и он опоздал. Только после невероятных усилий ему удалось наконец-то оседлать очередную высокую волну, которая стремительно понесла его в глубь фьорда.

Здесь царил невероятный покойствие. С высоты огромной волны Теор с ужасом смотрел на подножие скалы, где кипела пена. Правее лежала область зыби, за которой находился вожделенный берег. Но его упрямо сносило влево, навстречу гибели.

Теор отбросил бесполезное теперь весло и стал управлять доской, всем телом двигаясь по ее поверхности. Только тренированному человеку удался бы такой фокус, но Теор с детства имел дело с силами природы и умел их ощущать. Ему удалось-таки проскочить мимо скалы. Тут же волна с грохотом опала, бросив Теора в сторону ледника. Аммиак закипел вокруг него. Берег стремительно приближался, грозя разбить его в лепешку, но Теору удалось зацепиться ногами за резко поднимавшееся дно и немного замедлить движение. Вскоре ему с трудом удалось встать и по пенистому мелководью добраться до суши. Не сделав и нескольких шагов по берегу, он упал и погрузился в забытьё. Ночь, длинная ночь...

Когда Теор очнулся, солнце уже висело над западной частью фьорда. Волны ревели среди скал, освещенные последними лучами светила. Впереди лежал крутой склон ледника, из которого, словно титаны, поднимались в небо черные скалы. Вокруг простиралась дикая, необитаемая страна. И Теор был единственным живым существом на десятки миль окрест, вооруженный одним только ледяным ножом.

Глава 11

Фрэзер сидел и смотрел на передатчик. Наконец, не выдержав, он в бессильной ярости обрушил кулаки на панель управления. Звук удара гулко прокатился по кабине, погруженной во тьму. Сквозь обзорное стекло в кабину проник солнечный луч и высветил все вокруг так ясно, что Фрэзеру удалось разглядеть набухшие вены на своих руках. От недавней усталости и головной боли не осталось и следа. «Перестань ныть! — зло сказал он себе. — В сорок лет рановато чувствовать себя

стариком. Ты еще сможешь вставить адмиралу Свейну фитиль в то место, которое заменяет ему голову».

Он решительно поднялся и направился в кормовую часть краулера. Донни Мендоза предоставил ему оборудование для связи с главным передатчиком, как только узнал, что Фрэзер хочет установить контакт с Теором. Здесь же ему было выделено крошечное помещение для отдыха. Фрэзер разделся до пояса, налил немного воды в таз и тщательно растерся губкой. Еще больше ему хотелось очистить свою совесть после встречи с предательницей. Но, черт побери, Лоррейн навилась ему все больше и больше, и с этим ничего нельзя было поделать!

Он вспомнил, как Лори сунула ему записку с просьбой о встрече, и криво усмехнулся. Это было во время встречи конфликтующих сторон в Авроре — на переговоры в крейсере колонисты, естественно, не согласились. Фрэзер пришел вместе с Сэмом Хоши. В зале заседаний административного корпуса их ожидали Лоррейн и двое офицеров с «Веги», включая braveго адмирала. Все расселись по креслам, пытаясь выглядеть непри-
нужденно, но присутствие Свейна действовало угнетающе. Нет, он не кричал и не угрожал — у него был вид победителя, и от одного этого становилось тошно.

— Не собираюсь сегодня играть в дипломата, — резким тоном начал адмирал. — С моей точки зрения, вы все — мятежники. Вы убили и покалечили множество достойных граждан, верных законному правительству. Погибшие в бою колонисты меньше, чем вы, заслуживали смерти!

Хоши хотел было возразить, но промолчал и только с силой сцепил пальцы и помрачнел. Двое его сыновей погибли при попытке захвата «Веги».

Свейн скупой улыбнулся.

— Конечно, вы смотрите на прошедшие события по-другому, — продолжал он. — Я понимаю, переубедить вас сейчас невозможно. Но я не дипломат, а военный, и меня интересуют не столько эмоции, сколько реальные дела. Для меня куда важнее осуществление планов, чем немедленная расправа, пусть и справедливая.

— Немедленная? — переспросил Фрэзер. — Значит, о расправе вы хотите поговорить позже, когда на Ганимед придет полиция? И вы всерьез считаете, что мы будем помогать вам, зная, что через некоторое время нас посадят в тюрьму или даже расстреляют? Я уже не говорю о возможном промывании мозгов...

Лоррейн нахмурилась:

— Последнее — уже слишком, Марк.

— Ах, простите, я оскорбил ваши прелестные ушки неприличным выражением! — с иронией заметил Фрэзер. — Хорошо, заменим его официальным названием — «принудительное перевоспитание». Звучит куда приятнее, не правда ли? Свейн насупился.

— Я не собираюсь давать стопроцентных гарантий, — сказал он. — Однако надежда у вас появится. После того как мы *вместе* восстановим законное руководство в США, встанет вопрос о контроле над Землей и остальными планетами. Думаю, правительство не станет тратить силы и средства на то, чтобы изолировать систему Юпитера, — конечно, если я замолвлю о вас словечко. И я сделаю это — слово офицера, — если вы будете сотрудничать с экипажем «Веги».

Фрэзер с сомнением посмотрел на строгое, очень серьезное лицо адмирала — и вопреки желанию поверил. Так же, как в неизбежный арест в случае, если колонисты заартачатся. Свейн был человеком аккуратным и слов на ветер не бросал.

Хоши наклонился вперед.

— Здесь, в системе Юпитера, находятся пять тысяч человек, — бесстрастно сказал он. — Куда меньше, чем в любой из точек, по которым вы хотите нанести удар там, на Земле. Все мы хотим жить, но если вас можно остановить ценой жизни, то колонисты готовы погибнуть.

— Это не поможет, — спокойно ответил адмирал. — Да, это задержит нас на некоторое время, но не более того. С «Вегой» вы ничего не сможете сделать. Если Ганимед придется уничтожить, то мы перелетим на другие луны, — надеюсь, там люди окажутся более разумными. В принципе производство боеголовок можно наладить даже на астероидах. Не так удобно, как здесь, но попробовать можно. Впрочем, я верю, что вы не самоубийцы. — Свейн обвел колонистов цепким взглядом. — Посмотрите фактам в лицо. Вы разбиты наголову. Теперь колонистам надо заботиться не о мятежном правительстве, а о своих близких. Еще раз повторяю предложение: возвращайтесь домой и постарайтесь больше не причинять нам хлопот. Вскоре мы вернемся на Землю и оставим вас в покое.

— Вы можете даже присоединиться к тем, кто хочет оставить Аврору, — добавила Лоррейн. — Горожане соберут для вас все необходимые припасы.

— Прекрасный трюк, — фыркнул Хоши. — Проявив великодушие, вы хотите избавиться от потенциальных бунтарей и саботажников, не так ли?

— Конечно, — усмехнулся Свейн. — Неужели вы настолько неблагоразумны, что откажетесь от такого предложения?

«И этот человек говорит о гуманности! — подумал Фрэзер. — Я никогда не пойму хомо сапиенс. Наверное, поэтому мы и нашли общий язык с Теором. Кстати, надо побыстрее вернуться в краулер — Теор может вызвать меня».

Тем временем разговор крепко увяз в болоте взаимной подозрительности.

— Мы не можем уйти, — настаивал Хоши, — нам надо позаботиться о раненых. В городской больнице для этого есть все условия.

— Я могу послать с вами несколько врачей, все необходимое оборудование и медикаменты, — пообещала Лоррейн.

— Согласен, — кивнул Свейн. — Берите с собой все, что нужно, только побыстрее убирайтесь из города.

Спор вновь разгорелся.

В конце концов стороны пришли к соглашению. Колонисты поднялись и направились к выходу.

— Хороший день для вас, господа! — напутствовал их Свейн и сразу же погрузился в чтение разложенных на столе бумаг.

Лоррейн догнала Фрэзера в коридоре.

— Марк, подождите!

Он окинул девушку холодным взглядом.

— Марк, я так сожалею...

— Я понимаю, вы только выполнили свой долг, — спокойно сказал он.

— О, Марк, неужели вы не можете понять? Я считаю, что поступаю правильно — так же, как и вы. Кто знает, на чьей стороне истина? Где найти такие весы?

Лицо девушки выражало искреннее отчаяние. Только сейчас Фрэзер заметил, что она пришла на совещание в новом эффектном платье, правда, несколько коротковатом, но прекрасно подчеркивающим ее стройные ноги. Слезы заблестели в ее глазах. Лори выглядела сейчас красивой, как никогда, но в то же время жалкой. Фрэзер, вопреки желанию, едва не рассмеялся — нет, ненавидеть ее он не мог.

— Давайте пожмем друг другу руки, а? — пробормотала Лоррейн.

Хоши только пожал плечами и пошел к выходу. Фрэзер же машинально протянул руку. И с удивлением почувствовал, как ему в ладонь сунули клочок бумаги. В коридоре было полно

астронавтов с «Веги», и ему показалось, что за ним следят десятки подозрительных глаз.

— Пока, Марк, — сказала девушка и исчезла за соседней дверью.

Фрэзер догнал Хоши у кессонной камеры. Здесь дежурили двое вооруженных охранников. Вокруг было непривычно пусто: по приказу Свейна жителям Авроры было приказано находиться в своих квартирах. Лидер колонистов шел, опустив голову. В мыслях Фрэзера царил полный хаос, и он не смог найти слов утешения. Да и что можно сказать отцу, потерявшему сразу двух сыновей?

Только возле краулера Мендозы он улучил момент и прочитал записку, гласившую: «Встретимся в 8.00 следующего цикла за стоянкой лунных ракет, рядом с кратером Апахи. Держите это в секрете».

День на Ганимеде состоял из 7,15 земных суток, так что колонисты использовали для отсчета времени условные 24-часовые циклы. На других лунах населения было слишком мало, чтобы вводить свои временные системы.

Забравшись в кабину, Фрэзер стал снимать скафандр. «И какого дьявола Лори настаивает на встрече? — раздраженно думал он. — Чтобы вновь попытаться оправдать свое предательство? Вряд ли, она же знает, что меня не переубедить. Или она...»

Он усмехнулся. Самое приятное объяснение было самым невероятным. Он был некрасивым, немолодым и к тому же женатым. Других подходящих объяснений Фрэзер не нашел. Да и не время было думать об этом — Ева с детьми ждала его в поселке за горами, а Сэм Хоши готовился к возвращению домой. Очень грустному возвращению: двое его сыновей, а с ними несколько десятков колонистов, включая Пата Махони, остались на поле боя...

...Фрэзер с трудом отвлекся от воспоминаний. Он закончил свой утренний туалет, выжал над тазом губку и осторожно слил воду в очиститель, стараясь не расплескать. Затем он смазал щетину депилятором и через минуту вытер лицо, уже без следов волос. Надев скафандр, он вышел наружу и осмотрелся. Вокруг стояли лунные ракеты, мерцая серебристым светом, а над ними возвышалась иззубренная стена кратера Апахи. Колонисты, занятые своими делами, сновали взад и вперед, но их было немного: большинство сидели в краулерах, ожидая команды к отправлению. Над пиком Гленна густо высыпали звезды, а на востоке из-за горизонта выползал чудовищный шар Юпитера, наполовину окутанный тенью.

Фрэзер шел между космолетами, направляясь в северную часть взлетного поля. Он старался, чтобы его не заметили. Предчувствия у него были самыми скверными — от встречи с Лори он не ждал ничего хорошего.

Внезапно из мглы вынырнула фигура в серебристом скафандре и, схватив его за руку, увлекла в укрытие между опорами космолета. Вновь шлем прижался к шлему, и начался не слышимый ни для кого стороннего разговор.

— О, Марк, спасибо, что вы пришли! Я опасалась, что вы уже мне не доверяете.

— Почему же я должен был не прийти? — глухо сказал Фрэзер, безуспешно пытаясь разглядеть черты лица Лори за стеклом шлема.

— Это могла быть ловушка. Вспомните ваш побег из Авроры, и чем он закончился. Свейн был разъярен! Если бы вы слышали, какими карами он грозил вам! И все же во время подготовки к переговорам я назвала ваше имя. Я сказала адмиралу, что вы — один из самых влиятельных людей среди колонистов и сможете представлять интересы Ганимеда даже лучше, чем Сэм Хоши.

— Хм... спасибо, Лори, но вы же прекрасно знаете, что это не так. Я никогда не лез в лидеры. Не настолько уж я уверен в себе, да и в людях разбираюсь не очень хорошо.

— Это не так! — пылко воскликнула Лоррейн. — Вы человек ответственный, а это самое главное.

— Смешно слышать, Лори, — буркнул Фрэзер и вдруг с подозрением спросил: — Постойте, так вы не были уверены в моей безопасности и все-таки пригласили на встречу с этим людоедом Свейном?

— Я тоже рисковала, — оправдываясь, ответила Лоррейн.

— Вы?! — негодуя заорал Фрэзер. — Первая леди этой банды контрреволюционеров?!

— Марк, я на вашей стороне!

Он недоуменно пожал плечами.

— Почему вы не хотите меня понять? — дрожащим голосом сказала Лоррейн. — Я вовсе не поддерживаю адмирала. Он честный человек, но мне не нравится, как он действует, и еще больше — то, что он задумал. Повернуть ядерное оружие против своей собственной страны... То же самое он может проделать и с другими государствами Земли — всеми, кто не захочет подчиниться его приказам. Марк, услышав это, я проплакала весь вечер...

— Но вы же сотрудничали с ним, — не унимался Фрэзер.

— А что мне оставалось делать? По интеркому передали сообщение: Свейн нуждается в добровольцах, готовых помочь руководству крейсера установить контакт с колонистами. Кто-то должен был взвалить на себя эту тяжелую, неблагодарную работу? Я решила, что смогу смягчить неизбежное противостояние двух сторон и, по возможности, саботировать приказы Свейна. Это было непросто сделать, Марк! Офицеры «Веги» уже собрали сведения о многих из вас. К счастью, у них нет психозондов, иначе я не смогла бы обмануть их. Но среди членов экипажа крейсера нашлась пара специалистов по политическому сусу. О, эти умеют спрашивать! Они предупредили, что будут следить за каждым моим шагом и если я вздумаю противиться приказам адмирала... Я до сих пор вижу в кошмарных снах, как эти иезуиты забрасывали меня вопросами, один коварнее другого. Но я прошла через это, прошла! Впрочем, не это главное... Я сумела отговорить горожан от бессмысленного бегства. Знаю, многие презирают меня теперь. Когда я прохожу по улицам Авроры, я словно ловлю их мысли: «Если нам удастся избавиться от этого проклятого крейсера, то эта сука пожалеет, что появилась на свет!»

Девушка замолчала и всхлипнула.

— Простите меня, Лори, — с раскаянием сказал Фрэзер. Лоррейн не ответила. Казалось, она вот-вот разрыдается.

— Ну и какова сейчас ситуация в городе? — торопливо спросил Фрэзер.

— Странная... Я всегда думала, что оккупация — это нечто ужасное, когда на улицах то и дело звучит стрельба, людей арестовывают по малейшему подозрению и бросают в тюрьму... Но нет, жизнь идет своим чередом. Люди пока еще занимаются своей обычной работой. Они возвращаются домой после очередной вахты, готовят обед, играют в карты, болтают о пустяках... Только некоторые важные объекты в городе охраняют астронавты с «Веги». Но и это выглядит довольно мирно. С ними вполне можно поговорить. Вы знаете, как это бывает: слово за слово, и вы вдруг узнаете, что этот верзила — ваш земляк из Айовы, и вы расспрашиваете его, знает ли он вашего кузена Джо и как выглядит новый космопорт в Де-Мойне.

— Какая идиллия! — с насмешкой прервал ее Фрэзер. — У меня аж в глазах защипало от умиления.

— Нет-нет, конечно, не все так просто, — поспешно возразила Лоррейн. — Некоторые из горожан арестованы — из числа тех, кто открыто выражал свое недовольство. Но с ними обращаются совсем неплохо, их даже можно навестить в определенные часы.

— Просто прелесть, а не диктатура. Или brave адмирал называет ее иначе — скажем, *новый демократический режим*? Не удивлюсь, если многие из горожан поспешили заверить его в своей искренней преданности.

— Да, есть и такие... Только вокруг них с каждым днем растет невидимая глухая стена. — Лоррейн невесело рассмеялась. — Я говорю так, будто сама нахожусь в оппозиции властям. Но я действительно сотрудничаю не со Свейном, а со своей совестью!

— Хм... И много вас таких... двуликих Янусов? Только не обижайтесь, Лори.

— Не знаю. Я не очень-то стремлюсь сблизиться с такими людьми, да и они меня сторонятся. Хотя, возможно, это мне только кажется. Большинство колонистов слишком давно покинули Землю и далеко не так наивны в политике, как вы, Марк. Каждый знает, с какой стороны масло на бутерброде и вряд ли станет швырять его в грязь ради победы демократии. Конечно, если мы сумеем сокрушить Свейна, то все они объявят себя пятой колонной Сэма Халла!

«Подобно вам, Лори?» — неприязненно подумал Фрэзер, но вслух спросил:

— И как много в Авроре таких перевертышей?

— Пара сотен, не меньше. И несколько астронавтов с «Веги». Без их помощи, пусть и пассивной, мы вряд ли сможем взять верх. Большинство же людей будут просто выжидать, опасаясь обстрела города. Время примирит их с новоявленным диктатором и тоже сделает из них соглашателей.

— Боюсь, люди Хоши тоже могут дрогнуть, — вздохнул Фрэзер. — Поражение здорово подорвало их дух... Когда начнется производство боеголовок?

— Пока мы занимаемся подготовительными работами. Большая часть процесса может быть автоматизирована, но несколько инженеров требуется для установки оборудования и его запуска. Плюс рабочие на рудниках, плюс перевозка руды, очистка ее и производство изотопов. Все участники проекта будут находиться под непрерывным наблюдением, но изредка мы будем встречаться на технических совещаниях. Никто, я думаю, не испытывает особого энтузиазма, но повиноваться придется. Я постараюсь действовать так неумело, как только смогу, но астронавтов с «Веги» обмануть будет нелегко.

— Неужели весь экипаж крейсера настолько верен своему командиру-фанатику? — с раздражением спросил Фрэзер.

— Увы, да. Члены экипажей крейсеров тщательно отбираются и проходят периодические проверки, включая зондирова-

ние мозга. Не удивительно, что все астронавты беспрекословно подчиняются своему адмиралу. Свейну пришлось выбросить за борт лишь троих несогласных.

— Понимаю, — устало сказал Фрэзер. Окружающая тьма угнетающе действовала на него, он чувствовал себя, словно в ловушке. — И чего же вы хотите от меня, Лори?

— Марк, вы единственный человек, которому я могу доверять! — пылко сказала девушка. — Если вы поможете мне...

— В чем?

— Вы хороший пилот, один из лучших на Ганимеде.

— Приятно слышать. Вы хотите контрабандой пронести меня в кармане на одну из лунных ракет? Это бесполезно.

— Более бесполезно, чем даже вы думаете, Марк. Все космолеты на всякий случай лишены системы воздухообмена. Они будут установлены вновь лишь по личному приказу Свейна, если потребуется совершить полет на одну из лун.

— Погодите, но у адмирала есть свои космоботы!

— Часть из них уже находится на орбите Ганимеда. Любая попытка нападения на «Вегу» из космоса ими будет отбита. Остальные же шлюпки Свейн послал к другим лунам Юпитера. Не только, кстати, для устрашения, но и для шантажа. Если мы вдруг заартачимся, то колонистам на Ио и Каллисто грозит голод.

— Этот чертов адмирал все продумал... Но зачем же я тогда вам понадобился, Лори? Пусть я и опытный пилот, но дышать вакуумом как-то не научился.

— Я не говорю о лунных ракетах.

— Тогда о чем?

— Свейн все-таки проглядел один корабль. Он имеет достаточно мощные двигатели и сумеет предупредить Землю прежде, чем его смогут настигнуть.

— Любопытно. И что же это за суперкорабль-невидимка?

— «Олимпия».

— Что-о-о?

Фрэзер от души расхохотался:

— Лори, вы ничего не понимаете в...

— Я знаю, Марк, что вы хотите сказать. Да, полет «Олимпии» был отложен из-за неприятностей с племенем наярров, и потому на борту нет пищи, воды и даже воздуха. Но взлететь-то корабль может!

— Что верно, то верно, — после некоторого размышления согласился Фрэзер. — Даже Свейну не могло прийти в голову такое: бежать с Ганимеда на корабле, предназначенном для полета на Юпитер! Прямо из-под пушек «Веги», без припасов

и с небольшим количеством горючего — да, для этого надо быть еще безумнее, чем наш бравый адмирал. Хотя, если протаскать на борт «Олимпии» самое необходимое...

— Я не знаю, как это сделать, — призналась Лоррейн. — У меня не было времени подумать. Но вместе мы найдем какой-нибудь путь. Вы сможете управлять «Олимпией», Марк?

Тот только презрительно хмыкнул в ответ.

— Как я попаду на борт, вот в чем вопрос, — после паузы сказал он. — Сэм Хоши уходит к горам на рассвете, а что делать мне?

— Марк, пойдемте со мной! В Авроре вам ничего не грозит. Из-за подготовки к эвакуации там царит настоящий бедлам. Да и людей с «Веги» там немного — Свейн на всякий случай держит на борту крейсера большую часть экипажа. Вы... вы можете скрываться в моей квартире. Там мы все продумаем и составим план действий. Нам придется слегка похудеть, деля мой паек пополам, но это пустяки. Марк, я не буду презирать вас, если вы откажетесь! Вы человек семейный, а я одинока, и это разные вещи. Но это единственный выход, который я смогла найти.

«Быть снова свободным!» — Нет, это слова из какой-то мелодрамы. Фрэзер подумал, что ему предстоит сделать, и внутри у него все похолодело. Насколько приятнее такие вещи наблюдать по телевизору! Конечно, капитан Манли Валиант, Ужас Космических Глубин, справился бы с этим делом одним мизинцем. Он напялил бы поверх скафандра какое-нибудь рубище, нагрузил на тачку несколько тонн груза, запросто прошел бы мимо охраны, а затем прыгнул в раскрытый люк (предварительно швырнув в него тачку) — и был бы таков. Он же, Марк Фрэзер, был солдатом разгромленной армии, на его руках умер давний друг Пат Махони. Дома его ждала Ева и двое ребятишек, и это заметно умеряло его геройский пыл. Некогда в молодости он работал в арбитражном суде, изнывая от скуки, но при необходимости вновь этим мог заняться. С возрастом он стал понимать, что жизнь не обходится без компромиссов. Нет, дружище, ты не герой, и нечего строить из себя бравого космического волка, которому все нипочем.

Но Свейн явно жаждет его крови! Лоррейн говорит, будто он как участник переговоров подлежит амнистии. Хм... но если он вернется в Аврору и будет арестован, то колонисты вряд ли поднимут восстание, чтобы спасти его. Тюрьмой дело тогда вряд ли обойдется. Свейн разъярен тем, что ему пришлось пойти на компромисс, и наверняка устроит нечто вроде публичной казни — в назидание другим бунтарям.

Лоррейн потрясла его за руку.

— Так что вы собираетесь сделать, Марк?

Фрэзер с трудом отвлекся от своих мыслей.

— Надеюсь, я помещусь в вашей квартире, — улыбнулся он. — Кстати, у вас там не завалилось какой-нибудь пилули удачи? Мне бы она не помешала...

Глава 12

Теоретически Фрэзер мог бы ночевать в небольшой гостинице Авроры, обедать в столовой и мыться в городской бане. Практически же уединение ему было жизненно необходимо. Крошечная квартира Лоррейн имела все удобства. В городе не было принято ходить друг к другу в гости без предупреждения, так что неожиданных гостей опасаться не приходилось. Тем более что Лоррейн была объектом необъявленного бойкота большей части населения.

И все же в его убежище было тесновато. Как и все холостяцкие квартиры, оно состояло из небольшой спальни, миниатюрной кухни и душа. Повернуться Фрэзеру было буквально негде. Еще хуже был постоянный голод, и лишь тонирующие таблетки помогали ему сохранять бодрость. Первая совместно проведенная ночь оказалась не столь интригующей, как ему представлялось: часов до двух они обсуждали план бегства, а затем Марка сморил сон, и он улегся на пол. И хотя такая «постель» при пониженной гравитации была не столь уж и неудобна, спал он плохо.

Проснувшись утром, он обнаружил, что Лори уже ушла. Весь день он мерил шагами комнату, чувствуя себя, словно в ловушке. Его навестил Сэм Хоши. Фрэзер передал ему письмо для Евы. Узнав о его планах, лидер колонистов не стал стесняться в выражениях.

— Только недоумок мог связаться с бабой типа Лоррейн, — закончил он. — Что, она другого мужика не смогла себе подобрать? Ты, брат, человек семейный, соображать надо...

— Сэм, о чем вы говорите? — негодуя воскликнул Фрэзер, слегка, впрочем, покраснев. — Мы оба думаем о спасении колонистов! Армия наша разбита, ждать помощи, кроме как с Земли, неоткуда. На «Олимпию» Свейн внимания не обращает, поскольку она находится рядом с его крейсером. Грех этим не воспользоваться!

— Вот пусть эта красotka и воспользуется, — недовольно буркнул Хоши. — Помнится, для высадки на Юпитер специально готовились двое парней, не так ли?

— Да. Но один из них напал на астронавта с «Веги» и сейчас находится в тюрьме. А второй... второй недостаточно надежен. Я же с «Олимпией» справлюсь. На Земле мне не раз приходилось управлять батискафами, а космолет построен по их типу. Если за нами пошлют погоню, мы сможем спрятаться в атмосфере Юпитера, и это тоже плюс.

Хоши угрюмо молчал.

— Поймите, Сэм, я вовсе не лезу в герои! Если бы кто-нибудь захотел взяться за это дело, я с удовольствием отдал бы ему лавры и тернии. Но такого добровольца сейчас в Авроре не найти. Шансов у нас с Лори мало, но они есть. Есть!

В конце концов Хоши со вздохом пожал ему руку.

— Ты молодец, Марк. Не обращай внимания на мое нытье — сам понимаешь, какое у меня настроение. Обещаю: если с тобой что-нибудь случится, о Еве и ребятишках я позабочусь.

Хоши ушел, и Фрэзер вновь остался наедине со своими сомнениями. Сможет ли жена понять его?

Он с трудом заставил себя вернуться к проблемам, которые казались неразрешимыми.

Вопрос первый. Несколько охранников постоянно дежурят на поле возле «Веги». Они заметят любого, кто подойдет к «Олимпии», тем более если он будет везти ту самую тележку с тремя тоннами груза. Стрелять же эти ребята, увы, умеют...

Вопрос второй. Его скафандр реквизируют при входе в город. Обещали вернуть после ухода армии колонистов, но это будет не скоро. Правда, у Лори есть запасной, но он тесноват. Добежать до «Олимпии» в нем можно, но лететь к Земле?..

Вопрос третий. Охранников можно отвлечь, если Лори сумеет найти добровольцев, готовых пожертвовать собой. Но подобрать таких людей непросто, особенно если учитывать, с какой подозрительностью горожане относятся сейчас к девушке. Пока суд да дело, кто-нибудь из местных доброхотов может объяснить Свейну, что «Олимпия», несмотря на экзотические обводы, все-таки не батискаф, а космический корабль.

Вопрос четвертый. Как только Лори начнет действовать, соглядатаи наверняка это заметят. Если сюда, в ее квартиру, будут часто заглядывать посторонние люди, это вызовет подозрение.

Подобных вопросов было немало.

«И зачем я так легко клюнул на это безумное предложение? — в который раз упрекнул себя Фрэзер. — Да, “Олимпия” рядом, но с таким же успехом она могла находиться на альфе Центавра. Нет, погоди. Надо возвратиться к самому началу и спокойно все проанализировать с другой точки зрения. Вопрос номер один...»

Фрэзер заставил себя успокоиться, сел на кровать и, закрыв глаза, задумался.

Через несколько минут он нашел решение.

Лоррейн пришла только к вечеру. Тщательно закрыв за собой дверь, она с надеждой взглянула на Фрэзера:

— Привет, Марк. Как дела?

Ее голос был усталым, под глазами лежали тени. И все же Фрэзер не без удовольствия отметил, что девушка выглядела безукоризненно — Лори следила за своей внешностью более тщательно, чем любая записная красotka.

— Дела идут неплохо, — бодро сказал он. — Я все-таки нашел решение этой задачки!

— Что?!

Девушка шагнула к нему и в порыве восторга обняла за плечи. У Фрэзера екнуло сердце, от аромата духов слегка закружилась голова.

— Погодите, погодите, Лори, — пробормотал он, отстраняясь. — Нам надо все обсудить. Быть может, я что-то упустил...

— Нет-нет, я уверена, что все в порядке! — торопливо сказала девушка и, подойдя к буфету, достала из него бутылку вина и два бокала. — Неужели скоро весь этот ужас будет позади? Предлагаю это отметить, Марк.

— Э-э... я же совсем не пью, Лори. Пилотам такие вещи на пользу не идут, особенно если учесть мой возраст. Но вы можете отпраздновать за двоих, я не возражаю.

Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она, — только сначала я приготовлю что-нибудь вкусенькое на ужин. Кое-что мне удалось припрятать. И вот еще что, Марк. — Она слегка покраснела. — Я хотела бы переодеться.

— Конечно!

Фрэзер поспешно ретировался в душевую. Когда Лори позвала его, ее было уже не узнать. На девушке было короткое, облегающее темно-синее платье с роскошной брошью в виде кометы. Золотистые волосы были распущены, на шее сверкало ожерелье... Фрэзер мысленно перекрестился и попытался

вызвать в воображении образ Евы с ребяташками, но это ему не удалось.

Они уселись за овальным столиком, на котором были соблазнительно разложены диковинные для Ганимеда яства: розовые кружочки ветчины, консервированные омары и несколько апельсинов. И среди них сверкали два хрустальных бокала с вином темно-вишневого цвета...

Фрэзер с большим трудом удержался от соблазна выпить, зато закуске отдал должное. Насытившись, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Девушка не отрываясь смотрела на него, держа в руках бокал.

— Так что же вы придумали, Марк? — наконец спросила она.

Только сейчас он разглядел за ее спиной фотографию, висевшую на стене. Обычно колонисты предпочитали сентиментальные земные пейзажи, но Лоррейн оказалась исключением — на фотографии было изображено светящееся серебристое облако туманности NGC5457, окруженное мягкой мглой. На Фрэзера это действовало отвращающе. Нет, они разные, совершенно разные...

— Проблема в целом делится на две части. Первая состоит в том, чтобы проникнуть на корабль незамеченными, разогреть двигатель и взлететь прежде, чем орудия «Веги» начнут огонь. Вторая — в том, чтобы оснастить «Олимпию» всем необходимым для длительного перелета.

Лоррейн кивнула, внимательно глядя на него.

— Насколько я понимаю, в Авроре еще не отключены линии связи с другими поселениями Ганимеда. Это верно?

— Да. По крайней мере, в моем распоряжении находится передатчик, с помощью которого я поддерживаю связь с рудниками. При желании я могу улучшить момент и войти в контакт с кем угодно. Только с кем?

— Скажем, с руководством Блоксберга. Этот городок находится в другом полушарии Ганимеда — не думаю, что Свейн сумел добраться до него. Глава его администрации Том Гибхард был с нами во время атаки на крейсер и, я уверен, не откажется нам помочь. Кстати, с его помощью можно будет связаться и с Сэмом Хоши.

— Вы попросите людей из Блоксберга подготовить все необходимые припасы для нашего перелета?

— Именно так. Ящики с грузом можно легко забросить в люк за пять минут, а уж в космосе я разберусь, что к чему. Не так много мне и надо: воздух, еда, вода и кое-какое навигационное оборудование. Стимулирующие таблетки тоже пригодятся.

— Что вы задумали... «Олимпия» взлетит, выйдет на орбиту, а затем приземлится возле Блоксберга?

— Да. Но сначала я облечу вокруг Юпитера — тогда космоботы Свейна вряд ли сумеют проследить мою траекторию полета до конца. Адмирал скорее всего решит, что я направляюсь к одной из лун за помощью, и будет ждать меня где-нибудь около Ио или Каллисто. А я тихо-мирно вернусь к Ганимеду.

— Недурно задумано... Но откуда у Гебхарда навигационное оборудование?

— У него ничего подобного и нет. Но не遠далеке от Блоксберга находится старый космодром, который и сейчас используется в непредвиденных случаях. Там на приколе стоят несколько выработавших свой ресурс лунных ракет. С них можно снять все необходимое.

— На это потребуется время, Марк. Вы должны дать людям Гебхарда хотя бы несколько циклов.

— А я и не собираюсь спешить с возвращением. Как вам нравится мой план?

— Отлично... но как же насчет его первой части? Как проникнуть на «Олимпию»?

— Для начала вы должны вывести меня из города. Это возможно?

— Хм... После неудавшейся атаки крейсера Свейн стал крайне осторожен. У всех выходов стоит охрана, и без специального пропуска отсюда не выйти. О том, чтобы раздобыть краулер, я и не говорю — теперь ни одна машина не уходит в рейс без сопровождения астронавтов с «Веги».

— Мне не нужен краулер, я уйду пешком. С собой я возьму только сумку с инструментами.

— Что ж... я могу придумать правдоподобный предлог, чтобы выйти вместе с вами из Авроры. Скажу Свейну, что получила сведения о саботаже на одном из рудников и хочу осторожно проверить, так ли это. Предупрежу, что с собой нужно взять некоего Криса Койлтера, техника-измерителя, и переносное контрольное оборудование. Охранники знают меня в лицо, но вряд ли сообразят, что вы тот самый Марк Фрэзер, который руководил отрядом мятежников. Я помогу вам пробраться на «Олимпию» и... и полечу с вами в Блоксберг!

— Что? Но тогда вам не миновать тюрьмы! — воскликнул Фрэзер.

— Боже, да после взлета «Олимпии» я буду там в большей безопасности, чем в Авроре! Любопытно, что сделает Свейн, когда узнает о нашем бегстве? Против космопорта Земли он бороться не сможет, так что ему останется либо капитулиро-

вать, либо сделать из жителей Ганимеда заложников. Но в любом случае он проиграет.

— Вашими бы устами... — улыбнулся Фрэзер. — Что ж, от помощи не откажусь, хотя вы здорово рискуете, Лори.

— Пустяки. Меня волнует другое — как проникнуть на «Олимпию»? Едва мы выйдем из города и направимся к ней...

— Нет, мы сделаем иначе. Вы останетесь ждать меня в тени под ее опорами, а я побегу в дальний конец летного поля. Заберусь в одну из лунных ракет, отключу систему безопасности и, закрыв сопла, включу двигатель.

— Что-о-о? Да корабль же взорвется!

— Да, но не так, чтобы повредить все космолеты вокруг. И все же фейерверк будет славный!

Лоррейн взволнованно вскочила.

— Марк, но это же очень опасно! Вы можете погибнуть!

— Риск, конечно, есть. Но прогрев двигателя займет несколько минут. А когда после взрыва начнется суматоха, мы под шумок проникнем на «Олимпию» и включим ее двигатели. Вряд ли ребята с «Веги» заметят это.

— Нет, это опасно, опасно...

— Не будьте ребенком, Лори... — Марк наклонился и ласково погладил ее руку. — Я все рассчитал. За полторы минуты я добежу до «Олимпии», секунд тридцать уйдет на открытие грузового люка...

— Больше, Марк, куда больше! Он находится довольно высоко над землей, так что вам придется карабкаться по опоре и, держась за нее одной рукой, другой открывать плотно задраенный люк. Впрочем, вдвоем мы управимся быстрее.

Она замолчала и посмотрела на Фрэзера таким колдовским взглядом, что у него вновь закружилась голова. Не осознавая, что делает, он наклонился и поцеловал девушку.

Лоррейн сначала отшатнулась от неожиданности, затем ответила ему страстным поцелуем. После чего с нервным смехом высвободилась.

— Вы уверены, что не хотите выпить, Марк?

— Н-нет... В этом приятном деле вам придется действовать за двоих.

Остаток вечера прошел чудесно. Они проговорили до полуночи, и Лоррейн много рассказала ему о своей прежней жизни. Фрэзер больше слушал, время от времени вызывая перед своим внутренним взором образ Евы. Это удавалось ему настолько хорошо, что в конце концов, не обращая внимания на разочарованный взгляд Лоррейна, он вновь улегся спать на полу.

Глава 13

На запад — и вверх. Где-то за прибрежными скалами находился хребет, который наярры называли Неистовыми горами. Там, возможно, все еще странствовала армия Вальфило в поисках пути к равнинам Меладона. Но догнать их было нельзя.

И тем не менее Теор упрямо продолжал карабкаться вверх по каменистым кручам. Ему просто не оставалось ничего другого — разве что лечь и умереть. Холодный ветер бил ему в лицо, бросая навстречу клочья красного тумана. Этот туман сокращал видимость до нескольких шагов, стелясь мерцающими облаками между ледяными скалами. В таких диких местах Теору еще не приходилось бывать. Где-то справа шумел горный поток. Он подумал: может, стоит попробовать добраться до него и половить рыбы? Возможно, другой пищи ему в ближайшее время найти не удастся. Но, поразмыслив, он отказался от этой заманчивой идеи — слишком велики были шансы заблудиться в каньоне. Или свалиться в какую-нибудь расщелину, закрытую туманом. На Юпитере с его повышенной гравитацией это могло оказаться еще опаснее, чем для человека на Земле.

Теор прошел сквозь небольшой лесок, а затем, после долгого и изнурительного подъема, оказался на обширном плато, казавшемся совершенно пустынным. То и дело одолевали приступы головокружения, в жабрах ощущалось болезненное жжение. Причина этого была ясна. Высокая гравитация планеты приводила к тому, что атмосферное давление с высотой уменьшалось очень быстро. Он поднялся всего лишь на милю над уровнем моря, а концентрация необходимого для дыхания водорода снизилась почти вдвое. Каждый шаг теперь давался наярру с трудом, приходилось часто останавливаться, опускаться на колени и отдыхать, содрогааясь от гулких ударов сердца.

Горы такой высоты были редкостью на Юпитере. В коре планеты постоянно накапливалось фантастическое количество энергии, которая высвобождалась в виде землетрясений, извержений вулканов и гейзеров. В атмосфере постоянно бушевали чудовищной силы бури — одна из них, занимающая пространство диаметром около 30 тысяч миль, была названа людьми Большим Красным пятном. Однако гравитация и эрозия заметно подавляли горообразовательные процессы.

Памятуя об этих рассуждениях Фрэзера, наярр надеялся, что горная гряда расположена не столь далеко и ему удастся добраться до нее, не растеряв остатки сил. Но путь в никуда казался бесконечным, и Теор вскоре утратил представление о

времени. Широкими зигзагами, в обход скал, он упрямо шел вверх, почти не глядя по сторонам. Он смутно сознавал, что по этим диким местам еще не проходило ни одно живое существо, но у него не было даже сил удивиться этому. Он окончательно ослабел от голода, и только мысль о том, что Линанта и Порс ждут помощи в осажденном городе, заставляла его передвигать отяжелевшие ноги.

Подняв голову, он посмотрел вперед, но увидел лишь стену ущелья, испещренную жилами различных минералов. Испарения аммиака, поднимавшиеся с поверхности моря, конденсировались в атмосфере и, проливаясь дождями, давали начало бесчисленным горным потокам и ручьям. Частично они успевали замерзнуть и создавали нагромождения в виде льда и снега, которые очень мешали Теору. Дышать стало еще труднее — мешал острый, неприятный запах.

Зато мгла стала отступать. Несмотря на ночь, в горах было почти так же светло, как днем на равнине. Но Теору это мало помогало — для ориентации он использовал в основном инфракрасное излучение предметов, а на такой высоте камни блестели совсем иначе, чем на относительно теплой равнине Медалона.

Остановившись передохнуть, наягр в сотый раз щелкнул переключателем на диске коммутатора. Ответом на его призыв было только завывание ветра. Хотя чем мог бы сейчас помочь Марк? Ничем. И все же голос друга подействовал бы на Теора успокаивающе...

Придя в себя, Теор продолжил свой нескончаемый путь. Силы были на исходе. Он понимал, что гибель близка, и в глубине души даже радовался, что скоро мучениям придет конец. И только воспоминание о семье заставляло его брести вверх по осыпающимся кручам.

Туман вновь стал сгущаться, окрасившись в бурый цвет. Ветер стих, но откуда-то сверху доносился прерывистый свист. Едкий воздух жег жабры до боли. «Здесь не должно быть вулканических газов — что же это тогда? — с тревогой подумал Теор. — Какие дикие места... Однако старики поговаривали, что где-то здесь обитает Скрытый народ и творит среди облаков свое колдовство...»

Навстречу ему внезапно понесся поток воздушных хлопьев, совсем не похожих на снег. Теор протянул руку и поймал одну из «снежинок». К его изумлению, она зашевелилась на ладони. Оказалось, что она состояла из крошечных восьмиконечных звездочек, которые были живыми существами! Теор тщательно обследовал их усиками. Запах был незнакомым, но острый

голод заставил его положить комочек «снежинок» в рот. Вкус оказался чуждым и неприятным, но желудок принял эту ничтожную порцию пищи и потребовал еще.

И только тогда Теор осознал, насколько все это было невероятно. Здесь, высоко в горах, не могло быть ничего живого! Но было! И не легендарные летуны Скрытого народа, в которых он никогда не верил, а еле различимые глазом «звездочки». Они могли спасти его от голодной смерти — только как поймать достаточное количество «снежинок»? Дома он легко решил бы эту проблему, сделав мешок из листьев дарвы. Здесь же, среди скал, не было заметно и следа растений. Хотя... Раз один вид живых существ здесь существовал, то могли встретиться и более высокоорганизованные животные. Может быть, он входил в некий высокогорный слой биосферы, о котором наярры даже и не подозревали?

Вновь он услышал откуда-то сверху пронзительный свист и насторожился. Этот звук вполне могло издавать какое-нибудь существо. Или... Теор вспомнил легенды о Скрытом народе и поежился, но вновь продолжил подъем — что еще оставалось делать?

Облака стали сгущаться. Наярр некоторое время шел, глядя в небо, — и едва не свалился в пропасть. Оказалось, что он вышел на край горы. Вниз уходила крутая, гладкая стена, словно отрубленная гигантским топором. Ее поверхность влажно блестела от налипшего тумана. Теор подобрал обломок льда и швырнул в пропасть. Он услышал один удар о стену, второй, третий... Момента, когда осколок упал на дно, он не уловил. Вздвогнув от ужаса, Теор понял, что находится в верхней точке своего подъема, и скорее всего — в конечной. Дальше пути не было.

— Уш! — обругал он себя. — Умереть я всегда успею. Надо идти, пока есть силы.

Он оглядел гребень горы и заметил, что тот заметно опускается в восточном направлении. Туда он и пошел, стараясь не смотреть в пропасть. Теперь ветер дул ему в лицо, осыпая крупными хлопьями «звездочек». Внезапно позади послышался уже знакомый резкий свист. Теор оглянулся и с проклятием отпрыгнул в сторону. Притаившись за уступом скалы, он выхватил нож. Из тумана вынырнуло какое-то существо и, не обратив на наярра внимания, промчалось над пропастью и исчезло. Землянин мог бы сравнить это животное с длинными плавниками и густыми усиками вокруг огромного рта с китом. Теор же не видел ранее ничего подобного. Несколько минут он выжидал, пытаясь прийти в себя.

«Вот еще одна форма жизни — да еще какая! — ошеломленно подумал он. — Никогда не думал, что такие монстры могут плавать в облаках. Выходит, мы обитаем на дне необъятного воздушного океана, полного паразитических существ!»

Он вспомнил рассказы Фрэзера о том, что приборы землян зарегистрировали в верхних слоях атмосферы Юпитера наличие большого количества микроорганизмов. Тогда Теору это сообщение показалось неинтересным. Что за важность, если где-то над облаками летают мириады крошечных существ, которых даже нельзя разглядеть? Только теперь он понял, что именно эти незаметные глазу живые песчинки могли служить пищей для более крупных животных.

Будь Теор менее усталым, он вспомнил бы рассуждения Фрэзера на эту тему. По словам землянина, даже на значительных высотах воздух на Юпитере такой плотный, что способен удерживать предметы довольно значительного удельного веса. Немало здесь и распыленных веществ, скажем, соединений натрия, которые и создают роскошный цветной наряд Юпитера, а также частиц распавшихся в пыль микрометеоритов. Кроме того, верхний слой атмосферы принимал извне энергии больше, чем отдавал поверхности планеты, и потому был способен поддерживать фотосинтез на основе водорода и аммиака. Все это могло служить источником существования простейших форм жизни. Марк еще говорил, что на его родной Земле все было иначе и жизнь зародилась в океане и только много позже распространилась по атмосфере до больших высот.

Но сейчас наяру было не до подобных отвлеченных рассуждений. Он едва держался на ногах от голода и усталости и никак не мог придумать, как преодолеть пропасть. Задача казалась неразрешимой...

Вскоре из тумана выросла отвесная стена, преграждая ему путь. Обойти ее оказалось невозможно.

«Надо вернуться и поискать другую дорогу, — вяло подумал наярр. — Только что толку? Лучше потратить оставшиеся силы, вспоминая все лучшее, что было в моей жизни.

Но погоди... А это еще что?»

Только сейчас Теор разглядел колеблющуюся массу, лежащую у подножия стены. Дерево? Нет, но чем-то похоже...

Он подошел ближе и увидел огромный лист, почти квадратной формы со сторонами длиною не менее четырех футов. Его поверхность казалась выпуклой, но, приглядевшись, наярр понял, что лист просто лежит на валуне. Из углов тянулись толстые пушистые нити, опутывающие лежащее рядом боро-

давчатое «бревно». Когда Теор попытался приподнять его, выяснилось, что оно почти такое же тяжелое, как и он сам.

Наярр озадаченно задумался. Какое гигантское растение могло разбрасывать в воздухе эти летающие «парашюты» с семенем? Он приподнял край листа и увидел, что его наружная поверхность вполне могла собирать энергию солнечных лучей, а внутренняя, пушистая — впитывать аммиак и минеральные соединения из облаков.

Теор попытался вскрыть ножом бородавчатое «бревно» — внутри могло находиться съедобное содержимое — но оболочка оказалась твердой как камень. Вскоре он оставил бесполезные попытки и задумался: а не сделать ли из листа мешок для ловли летающих «звездочек»? Оставшуюся часть вполне можно было использовать как одеяло. Ведь он так долго страдал от холода...

Внезапно сильный ветер приподнял лист, и Теор едва успел схватиться за длинные нити. Его поволокло к краю пропасти. «Положись на свое счастье, — сказал себе наярр. — Ты ведь не раз летал на форгарах. Вспомни о Линанте и Порсе. Они так ждут твоей помощи!»

Нож дрожал в руке, когда он обрезал нити, освобождаясь от тяжелого «бревна». Пальцы немедленно покрыл липкий сок. Нити начали выскальзывать из рук, и тогда Теор стал лихорадочно обвязывать их вокруг своего туловища. И вовремя — ветер поднял лист, и тот, словно парашют, потащил наярра по льдистому склону, постепенно поднимая в воздух. Мимо мелькали иззубренные камни. Ударившись о любой из них, Теор мог погибнуть, и в худшем случае — не сразу, а после страшных мучений. При этой мысли он изо всех сил натянул «стропы» и постарался как можно плотнее прижаться к листу. Нити больно врезались в тело, и он едва не закричал. Но вскоре наярр сорвался с края скалы и поплыл над бездной.

Фрэзер ничего не рассказывал ему о восходящих потоках воздуха — на равнинах Медалона они были редкостью и не отличались особой силой. Здесь же, в горах, где давление было низким, а перепады температур — значительными, тепловые потоки были способны создавать заметную подъемную силу. Она во многом определяла траекторию полета «парашюта» Теора, который мог только беспомощно висеть на месте семени этого летающего растения и надеяться на удачу.

Сильный порыв ветра подхватил наярра и понес ввысь, в клубящиеся облака, под которыми, казалось, была бездонная пустота.

Звучал ли этот странный свист в его помутившемся сознании, или где-то в ночи к нему неслась смерть?

Теор открыл глаза и увидел крылатые тени, вынырывающие из облаков аммиака и вновь исчезающие в них. Это их пронзительный свист смешивался с шумом ветра и звоном туго натянутых «строп» «парашюта».

Наярр не знал, как долго продолжался его полет, поскольку некоторое время находился в полубессознательном состоянии. Но постепенно ощущение реальности вернулось к нему, и тогда он понял, что воздушный поток несет его вниз, к противоположной стене ущелья.

Внезапно он вырвался из облаков и едва не ослеп от яркого инфракрасного сияния солнца, низко висевшего над горизонтом. Теор впервые увидел полукруг радуги, создаваемой лучами, проходящими через пыль из мельчайших ледяных кристаллов. Далеко внизу была видна огромная равнина, серая, неровная, переходящая на востоке в коричневые полосы лесов. За ними небо озарялось красными сполохами — там должны были находиться вулканы. Сейчас они были окутаны мглой, да и Теору вскоре стало не до них.

Его окружали странные летающие существа ростом приблизительно фута три. Тела их были плоскими, похожими на рыбы, с двумя перепончатыми крыльями по бокам. Две ноги заканчивались острыми крюкообразными когтями. Змеевидные шеи были увенчаны остроносими головами с небольшими глазками. Летуны, казалось, были дикими животными, но вскоре Теор разглядел у них по паре рук с длинными пальцами. Некоторые из летунов несли веревки, остальные — гарпуны.

«Скрытый народ, — похолодев, подумал Теор. — Выходит, рассказы об этом племени не были легендами...»

Сопrotивляться здесь, высоко в воздухе, было бесполезно, и наярру оставалось только безропотно ожидать, что с ним будут делать летуны. Крылатые существа вихрем носились вокруг него, пронзительно пересвистываясь между собой. Горловых мешочков у них не было, и звуки летуны воспроизводили ртом. Не было видно у них и жабер. «Похоже, Скрытый народ дышит таким же способом, как и земляне, — подумал Теор. — Марк, Марк, где ты... Я помню твои рассказы об эволюции на Земле. Неужели нечто подобное было и здесь, и некогда у нас, наярров, и у Скрытого народа были общие предки?»

Поначалу летуны не проявляли агрессивности, и Теор стал надеяться, что ему разрешат спуститься. Но внезапно его туловище обвили арканы — один, второй, третий... Наярр и не пытался отбиваться — нацеленные на него гарпуны выразительно свидетельствовали, что это бессмысленно. Петли опутали и его передние ноги. Натянув веревки, летуны потянули его за собой, словно взяв на буксир. Крылья с шумом хлопали в воздухе. От боли в тесно стянутой груди Теор едва не потерял сознание, но чуть позже ему полегчало. И тогда он решил расслабиться и немного отдохнуть. Как знать, быть может, у него еще появится шанс на спасение?

Вдали появилось странное сияющее облако. Один из летунов ринулся вперед и вскоре вернулся, о чем-то пронзительно свистя. Ему ответил хор голосов, но Теор, как ни пытался, не мог понять ни единого слова.

Увидев, куда его тащат, он не удержался от изумленного крика. Это было невероятное скопление светящихся шаров, какой-то силой спрессованных в плавающее в небе облако толщиной в сотню футов и около полумили в диаметре. Поверхность этого летающего города была усеяна бесчисленными округлыми вмятинами, похоже, служившими летунам гнездами.

В одно из таких гнезд и принесли Теора. Пузырчатая поверхность слегка прогнулась под его ногами. Наярр пошатнулся и увидел, как на него угрожающе нацелились острия гарпунов. Двое летунов отрезали острыми обломками костей «парашютные стропы», а затем и веревки, сжимавшие его торс. Пути на ногах были из предосторожности оставлены. Теор усмехнулся — неужто они всерьез считали, что он попытается бежать?

Несколько летунов продолжали кружиться над его головой, о чем-то возбужденно пересвистываясь. «Надо им как-то ответить», — вяло подумал Теор, но силы совсем оставили его. Не обращая внимания на происходящее вокруг, он закрыл глаза и погрузился в дрему.

Его разбудил рассвет. Некоторое время Теор тупо оглядывался по сторонам, не понимая, где находится. Постепенно память стала возвращаться. Он был в летающем городе Скрытого народа!

Летуны суетились в гнезде, занятые своими делами, и не обращали на него внимания. Теор рискнул выбраться наверх. С трудом передвигая спутанные ноги, он поднялся по пологому склону и вышел на край гигантского пузырчатого облака. Далеко внизу курилась утренняя дымка равнина Медалона. Теор увидел на юге горы Джоннари, тянувшиеся до самых

подножий могучего хребта Дикой Стены. На севере дымилась жерла вулканов. Отсюда, с огромной высоты, все это казалось непривычно маленьким, расплывчатым и недостижимым...

Упругие шары под его ногами мягко колыхались на ветру. Пушистые облака неспешно проплывали мимо, уходя к дуге океанского берега, неясно вырисовывающегося на западе. Теор вспомнил о своих приключениях на море и сразу же потерял охоту любоваться потрясающей панорамой. Повернувшись, он поплелся назад к гнезду.

Летуны — как ему показалось, в основном женщины и молодежь — неустанно трудились в своих гнездах. Одни из них раскладывали сушиться куски мяса, другие очищали странного вида фрукты, третьи свивали веревки из волокон незнакомых Теору растений. Рядом с ними стояли искусно сплетенные корзины. Инструментами служили обломки трубчатых и хрупких на вид костей. К Теору немедленно подскочил мужчина с гарпуном и, угрожающе жестикулируя, заставил быстрее идти к своему гнезду. Древко его оружия было собрано из тех же трубчатых костей, а в качестве наконечника служил остроточенный клык какого-то животного.

От голода и недостатка воздуха Теор все еще туго соображал, но сон немного подкрепил его. «Бедные варвары, — с жалостью подумал он, — да вы менее цивилизованны, чем даже Лесные люди! Ну конечно, у вас же нет ни льда, ни минералов, ни древесины. Похоже, вы не рискуете спускаться на поверхность и живете только на этих высотах».

Пожалуй, лишь летающий город мог вызвать восхищение. Составляющие его легкие шары, по-видимому, были сорваны с каких-то плавающих в воздухе растений. Естественным путем они не могли собраться в такое гигантское облако — это явно было делом рук многих поколений летунов. Но что соединяло шары друг с другом — неужели клей? Теор мог только догадываться об этом.

Его взгляд остановился на веревках, стягивающих передние ноги. Как ни странно, летуны оставили нож у него на поясе, даже не заинтересовавшись им или просто не разглядев в темноте. Теор легко мог освободиться. Но почему его связали — из осторожности, или причина была в чем-то похуже?

Громкий пересвист заставил его поднять глаза к небу. На край гнезда спустились двое мужчин с гарпунами в руках. Теор невольно залюбовался их странными, завораживающими глазами и вспомнил фантастические истории, которые старики

рассказывали о Скрытом народе. Жаль, что они казались лишь легендами...

— Приветствую вас! — сказал он, но не получил ответа.

Вряд ли летуны знали язык наярров, ведь контакты между двумя расами могли быть лишь случайными и мимолетными. Скорее всего, только ранения и болезни могли заставить эти крылатые существа спускаться вниз, на равнину — к мраку, удушливо густому воздуху и невыносимой жаре. Но вряд ли даже эти немногие летуны смогли вернуться к своим сородичам и рассказать о другой жизни и других племенах.

Трое охранников о чем-то возбужденно пересвистывались — их мелодичный разговор показался Теору прекрасной песней. Но внезапно они подняли гарпуны и угрожающе двинулись к наярру.

Тот невольно отшатнулся. Спутанные ноги подкосились, и он упал.

— Чего вы хотите от меня? — в отчаянии воскликнул он. — Зачем вы принесли меня сюда, если хотели просто убить? Неужто вы, подобно улунт-хазулам, не имеете понятия о жалости и сострадании?

Охранники переглянулись, явно ничего не поняв из его слов. Да и глупо было бы надеяться, что взаимопонимания удастся достигнуть в первый же день. Теор вспомнил, каким трудным был путь наярров и землян друг к другу. Немало циклов потребовалось, чтобы наярры стали воспринимать звуки, издаваемые небесными камнями, как звуки речи других разумных существ. Вряд ли летуны знали о поверхности Юпитера больше, чем люди с Ганимеда...

Теор решительно выхватил нож и одним движением рассек веревки, опутывающие его передние ноги. Охранники замерли: они не ожидали от пленника такой прыти. Наярр вскочил на ноги и, подняв нож, протянул летунам другую руку с растопыренными пальцами.

— Я такое же разумное существо, как и вы, — четко сказал он. — Я произношу слова, а не издаю бессмысленные звуки подобно диким животным. Взгляните на мои пальцы — разве они могут принадлежать твари, лишенной мозга?

Он старался не двигаться, чтобы не испугать летунов. Им ничего не стоило вонзить гарпуны ему между ребер, и даже странно, что они еще этого не сделали. Возможно, они ждали дневного света, чтобы толком рассмотреть пленника.

Теор указал на пояс, стягивающий его торс, и на диск коммуникатора.

— Посмотрите на эти вещи — животные не могут иметь ничего подобного. И еще вспомните, как хитроумно я летел в воздухе, привязав себя к листу дерева. Неужто это не доказывает, что я обладаю разумом?

«Вряд ли эти дикари осознают различие между собой и остальными живыми существами, — равнодушно подумал он. — Они неспособны даже удивиться, что пойманное ими “животное” ведет себя столь разумно».

Но летуны, как оказалось, были весьма озадачены его поведением. Один из охранников опустил гарпун и, повернув к пленнику свой изогнутый клюв, что-то просвистел. Найрр покачал головой.

— Прости, друг, но я не понимаю тебя. Хотя... помнится, земляне начали контакт с того, что показали нам множество рисунков.

Он снял с себя веревки и на одной из них стал завязывать узлы. Затем опустился на колени и выложил на одном из шаров контур, в котором можно было без труда узнать голову летуна. Это произвело на охранников ошеломляющее впечатление. Обрадовавшись, Теор вскочил на ноги, и летуны немедленно в испуге взмыли в воздух. Теор замер, не зная, что делать. Охранники кружились над ним, размахивая гарпунами, но никто из них не сделал рокового броска.

Успокоившись, Теор выразительно указал на свой рот, давая понять, что голоден. Летуны поняли его, и один из них улетел к центру города и вскоре вернулся с куском мяса и несколькими шаровидными плодами. Они содержали едкий сок, которым найрр наконец-то смог утолить мучавшую его жажду. Поев, он окончательно успокоился — вряд ли бы его накормили, если бы хотели убить.

Действительно, один из охранников вскоре спустился на край гнезда и начал делать знаки, которые можно было понять так: говори, я слушаю. Теор, жестикулируя, стал объяснять, что живет на поверхности и его дом находится там, на горизонте, где светятся жерла вулканов. Он дал понять, что хочет быть перенесенным туда, — конечно, о далеком Найрре и речи идти не могло. Но остатки армии Вальфило, по его представлению, бродили где-то в лесах за вулканами, и это давало ему шанс на спасение.

Теор несколько раз повторил эту нехитрую просьбу, и летун, казалось, понял его. И сразу же отшатнулся в ужасе. Было ясно, что полет к земле его страшит. Да и почему они должны ради пленника идти на риск?

Теор вновь вынул нож и продемонстрировал, как здорово ледяное лезвие может резать веревку — куда лучше, чем обломки костей. Затем он объяснил жестами: отнесите меня к вулканам, и нож будет ваш.

Охранник в ответ сделал выразительный выпад гарпуном. Теор понял его так: проще тебя убить, чужеземец, и без хлопот завладеть ножом.

Наярр вздрогнул — он понял, что загнал себя в ловушку. Но ему в голову пришла спасительная мысль, и он бросился к краю летающего облака. Встав на шар рядом с пропастью, он поднял нож и объяснил жестом, что если он умрет, то и нож упадет вместе с ним.

Охранники стали озадаченно пересвистываться. Наконец один из них улетел. Теор уселся на шар и стал ждать.

Летун вернулся довольно скоро и не один, а по крайней мере с десятком своих сородичей. Они закружились над наярром, и тот вздохнул с облегчением: в их руках не было гарпунов. Летуны приняли его условия!

Двое аборигенов подошли к гнезду, таща за собой «парашют» Теора. Тот торопливо стал обматывать остатки «строп» вокруг туловища.

— Я могу только положиться на вашу честь, — пробормотал он, лихорадочно пытаясь сообразить, какую ловушку летуны могут ему подстроить.

Один из них вновь указал на нож, но наярр в ответ решительно указал в сторону вулкана. Существо выразительно вздохнуло и поднялось в воздух. Ухватившись за свободные концы нитей, летуны потащили Теора к краю облака. Вскоре он уже плыл в небе, провожая взглядом летающий город Скрытого народа. «Даже странно, — подумал он, — что никто из наярров ни разу не видел подобных городов и животных, обитающих в этих слоях атмосферы». Впрочем, на такой высоте, не менее мили, редко появлялись просветы между облаками, а сами летуны были попросту незаметны с земли.

«Парашют» с наярром быстро плыл над лесом, плавно снижаясь. Летуны, похоже, честно собирались выполнить свою работу. Но с каждой минутой она давалась им все с большими и большими усилиями. Теор же, напротив, чувствовал себя с каждой минутой все лучше и лучше. Он наконец-то нормально дышал, да и мучивший его холод стал постепенно отступать. Вскоре несколько летунов, не выдержав, бросили нити и умчались ввысь, но остальные, к счастью, не последовали их примеру.

«Каким же сокровищем должно быть для них это ледяное лезвие!» — с удивлением подумал Теор. Здесь, внизу, концентрация водорода возросла почти вдвое, и дышать ему стало совсем легко, но как же такой воздух жег, должно быть, горла бедным летунам! И все же они держали свое слово.

Впереди стал неясно вырисовываться силуэт одного из вулканов. Он был относительно невысок, и Теор видел сверху его кратер, похожий на овальное озеро огня. Столб дыма поднимался высоко к дождевым тучам. Далеко на востоке небо озаряли вспышки молний — там всюду бушевала гроза.

«Парашют» снизился настолько, что наярр услышал, как шумит лес под порывами ветра. Запахи стали резкими и густыми, и Теор замахал руками, пытаясь защитить органы обоняния. Летуны завывали. Здесь, внизу, для них царила глубокая ночь, освещенная лишь светом вулканического огня. И все же они мужественно ринулись вниз.

Волнистая поверхность стремительно приближалась навстречу Теору. Он сильно ударился согнутыми ногами о землю, перевернулся несколько раз да так и остался лежать, ошеломленный. Затем, дрожа, поднялся и осмотрелся. Он находился на обширной поляне среди высоких деревьев, над которыми грозно возвышался конус вулкана, извергающий красный столб дыма. Летуны, вереща, кружились над его головой.

Непослушными руками наярр стал освобождаться от «парашюта», разрезая ножом прочные нити одну за другой. Порыв ветра приподнял лист и потащил Теора в сторону. Еще один удар — и он был свободен. «Уллола, я все-таки спасся! — с восторгом подумал он. — И все благодаря Скрытому народу. Надо честно расплатиться с ними... хотя здесь, в этом диком крае, нож мне бы очень пригодился. Да что делать...»

Один из летунов спустился на землю, закутавшись в крылья, выжидающе посмотрел на наярра. Тот подошел к крылатому существу и протянул сверкающий клинок.

— Прощай, брат, — сказал он. — Спасибо за все, что вы сделали для меня.

Летун что-то просвистел ему в ответ и, схватив нож, немедленно поднялся в воздух. Его собратья сделали над наярром последний круг и по широкой спирали медленно поплыли к облакам. «Они знают об эффекте декомпрессии — Марк как-то рассказывал о нем, — подумал Теор. — Не скоро мои друзья-летуны вновь увидят солнце. Ну а моя дорога домой будет еще более далекой...»

Ему нельзя было терять время, но Теор стоял посреди лесной поляны, пока последний летун не исчез в облаках.

Проводив взглядом новых друзей, Теор внимательно осмотрелся и почувствовал, как страх вновь закрадывается в его душу.

Он находился на краю леса, состоявшего из толстоствольных деревьев с низко стелющимися ветвями и характерной для Юпитера листвою, которая землянину напомнила бы легочную ткань. Их своеобразный фотосинтез основывался на реакции получения водорода путем разложения метана и аммиака. Поскольку солнечного света не хватало, важную роль играла площадь поверхности листы — при «легочной» структуре она была максимальной. Кроны редко поднимались выше пятнадцати футов, но лес казался наярру бесконечным. Вальфило мог быть где угодно среди этого океана деревьев. В одиночку же путь к городу не одолеть...

Теор перевел взгляд на мрачную громаду вулкана, над которым поднимался яркий столб дыма. Вскоре Теор услышал глухой рокот и почувствовал, как под ногами задрожала земля. Он был знаком с вулканическим огнем, не раз ему приходилось помогать кузнецам в Атхе. Но тогда его окружали опытные мастера с инструментами. Теперь же он был один, и, кроме пары рук, у него ничего не было, даже простейшего оружия.

Но наярр не стал поддаваться панике. Он пошел в сторону вулкана, внимательно глядя по сторонам. Вскоре он нашел среди корней деревьев пару обломков льда, в кристаллах которого было немало соединений кремния и магния. Для наярра это было то же самое, что обсидиан для древнего человека. Теор умело расколол один из камней на куски. Самый крупный можно использовать в качестве топбра, а несколько мелких — как наконечники для копий. Затем он разыскал среди деревьев кусты ларрика, отличающиеся тонкими и прямыми ветвями, и срезал самую длинную из них. Из обтесанной ветви получилось вполне удовлетворительное древко для копья. Расщепив его конец, наярр закрепил там один из наконечников и крепко привязал тонкими корнями. Оставшиеся наконечники наярр завернул в лист дерева и засунул за пояс. Оружие получилось грубым, неуклюжим, уступало даже копьям дикарей, но Теор был рад и такому. Он сразу же почувствовал себя куда увереннее.

Теперь надо заняться пищей. Наярр не очень-то тешил себя надеждой, но, видимо, удача окончательно вернулась к нему. Скоро он набрел на след скальпада. Теор в нерешительности остановился. С этим грозным зверем трудно справиться в оди-

ночку, да еще с таким примитивным оружием. Но это было мясо, много мяса...

«И не только мясо», — внезапно подумал наярр с волнением. Панцири скальпадов использовали в кузницах Атха в качестве котлов для выплавки металлов. Огня же на склонах вулкана должно быть предостаточно!

Ему пришла в голову неплохая идея, и он решительно двинулся в глубь леса. Возбуждение перед предстоящей схваткой охватило его.

Теор нашел скальпада на поляне, среди густого кустарника. Зверь кормился, переламывая мощными челюстями жесткие ветки. Его куполообразный панцирь медленно плыл в озере листвы. Не раздумывая, Теор с воинственным кличем бросился в атаку.

Ему навстречу поднялась бронированная шея, увенчанная массивной головой. Усики зверя выпрямились. Мгновение скальпад изучал нежданного противника, а затем раскрыл пасть с крючкообразными клыками и заревел. Взбрыкнув похожими на столбы ногами, он тяжело побежал Теору навстречу.

— Кей-юи! — закричал наярр и метнул копьё, целясь в горловой мешочек зверя. Острие с глухим звуком вонзилось точно в незащищенную плоть.

Скальпад закружился на одном месте. Теор едва увернулся от челюстей, которые легко могли перекусить его руку. Зверь затряс головой и о валун разбил в щепки древко копья. Фонтан крови взметнулся над кустарником. Похоже, рана оказалась смертельной, но наярр не мог ждать — ночь приближалась быстрее, чем гроза. Он взял в одну руку топор, а в другую — самый крупный из оставшихся наконечников. Наярр сделал несколько кругов вокруг бьющегося в конвульсиях животного и, выждав удобный момент, вонзил наконечник в глаз скальпада. Тот яростно взвыл и едва не отхватил ему кисть. Теор вновь стал терпеливо кружить вокруг поверженного зверя, с трудом уворачиваясь от щелкающих челюстей. Несколько раз он бросал наконечники, словно кинжалы, в голову скальпада, но промахивался. Когда у него не осталось ничего, кроме топора, он отчаянно бросился в атаку, бешено нанося удары. Скоро он с ног до головы был забрызган кровью отчаянно защищавшегося животного. Это была трудная, опасная схватка, и, когда усики скальпада окончательно поникли, Теор уже едва держался на ногах.

Приближалась буря, и у Теора не было времени для отдыха. Крепко сжав скользкий от крови топор, он принялся разделять

вать тушу. Отрезав сочный кусок мяса, он взялся за панцирь, который непременно хотел захватить с собой. Вокруг закружились птицы-могильщики, ожидая своей доли, а со стороны деревьев послышался угрожающий вой. Теор торопливо свернул панцирь из толстой кожи и пошел в сторону вулкана.

Его склоны были относительно пологими и не шли в сравнение с прибрежными скалами, но наярр едва передвигал ногами от усталости. Не успел он одолеть и половины подъема, как начался дождь. Тяжелые капли аммиака больно хлестали по его телу. Низкие облака то и дело освещались вспышками молний. Из кратера вместе с красным дымом повалили еще и серый пар, и вскоре Теора окутали клубы тумана, в которых плясали бесчисленные искры. Идти стало еще труднее, зато пар немного защищал от жара, пышущего из многочисленных трещин в лаве. Вскоре Теор нашел то, что искал, — небольшую дыру в склоне, из которой хлестали языки пламени. Почувствовав едкий запах, жабры наярра немедленно закрылись, и он вынужден был отступить, чтобы глотнуть относительно чистого воздуха.

Затем он приступил к сооружению стенки вокруг маленького жерла. Ему пришлось перетаскать множество обломков камней, пока края этой «чаши» не стали относительно ровными. Развернув панцирь, наярр разместил его на «горне», словно котел. Дождь быстро наполнил его жидким аммиаком, который немедленно стал испаряться.

Теперь ему не оставалось ничего другого, кроме как ждать и надеяться на удачу. Невдалеке он нашел торчавшую из склона небольшую скалу и спрятался под ее козырьком, словно под крышей. И только тогда он наконец-то смог утолить голод. То, что мясо скальпада было сырым, несколько его не смущало — кулинарным искусством наярры пока еще не овладели. Правда, дома он иногда пробовал вареное мясо, добавляя в бульон специи. Дом... Существует ли он еще, или враги превратили Наярр в развалины?

Насытившись, он улегся на бок и задремал. Непогода разгулялась вовсю, дождь хлестал нещадно, но это вполне устраивало Теора — котел все время наполнялся.

Дождь продолжался всю ночь, весь день и еще одну ночь. Все это время Теор проспал, приходя в себя после пережитых потрясений. И только когда над вулканом стал подниматься туман, уходя в посветлевшее небо, он очнулся и почувствовал себя вполне отдохнувшим. Впервые после отплытия из Медалона он с оптимизмом смотрел в будущее. Перекусив, он быстро пошел к своему «горну». Панцирь скальпада был затянут

черной коркой. Разбив ее, наярр увидел на дне солидных размеров металлическую отливку. Это был почти чистый натрий.

Как-то эту идею высказал Марк Фрэзер. Землянин объяснил Теору, что натрий хорошо растворяется аммиаком и образует с ним ряд соединений — именно они и придавали облакам Юпитера характерную окраску. Дождь в течение многих часов наполнял панцирь жидким аммиаком, который, испаряясь, оставил на дне достаточное количество натрия. Теперь оставалось только пустить его в ход, но для этого нужно было подняться к жерлу вулкана.

Несколько часов Теор карабкался на гору с южной стороны. Склон становился все круче, а жар от подземного огня — все сильнее. Дышать становилось все труднее, и наярр часто останавливался, чтобы передохнуть. В эти минуты он неотрывно смотрел на огромную лесистую равнину, тянущуюся до самой Дикой Стены. Где-то там должна была находиться армия Вальфило, его последняя надежда на спасение. Но сначала нужно было дать знать о себе. Именно для этой цели Теор и добыл натрий.

К ночи он добрался до края кратера. Полуослепший, едва дышащий, он тем не менее нашел в себе силы заглянуть в кипящее жерло вулкана. Это было ужасное, невероятное зрелище. Наярр отшатнулся, но вновь заставил себя подойти ближе. Оторвав от мягкого слитка кусок, он швырнул его в озеро огня.

Едва он успел укрыться за ближайшим обломком лавы, как язык пламени вспикел там, где он только что стоял. Часть дымного столба тотчас окрасилась в желтый цвет. Через некоторое время он бросил второй кусок металла, за ним — третий. Выждав солидную паузу, он метнул в кратер четвертый кусок и наконец — пятый. И каждый раз столб дыма немедленно менял свой цвет. Это было визуальной интерпретацией барабанного сигнала: «Жду помощи!»

Оставшейся части слитка хватило только, чтобы еще один раз повторить просьбу о помощи. После этого Теору оставалось одно — ждать. Он полагал, что вспышки и изменение цвета дыма должны быть заметны на расстоянии многих десятков миль. Но видели ли все это воины Вальфило? И захотят ли они вернуться, чтобы помочь неизвестно кому?

Теор спустился в свое убежище под скалой и, тяжело дыша, стал ждать. Ночью он заснул беспокойным сном.

Под утро его разбудил топот чьих-то ног. Оглядевшись, Теор с радостью увидел двух воинов, поднимающихся по

склону горы. Увидев сородича, они галопом понеслись ему навстречу.

— О, да это же Рива, наш Рива!

Теор с волнением обнял товарищей. Ему не верилось, что долгий и трудный путь в полном одиночестве по диким горам остался позади — вряд ли хоть один юпитерианин прежде одолевал такой. Но борьба еще не закончилась...

— Нам надо немедленно уходить, — сказал он. — Это плохое место для наярров.

Оказалось, что разведчики прилетели к подножию вулкана на форгарах и предусмотрительно захватили с собой еще двух. Перед тем как отправиться в обратный путь, они коротко отвели на расспросы Теора.

— Нам нечего особенно рассказывать, сын Элкора, — грустно сказал один из воинов. — Мы не могли оставаться на побережье, и потому перешли через перевал и остановились в лесу, на берегу озера. Там мы и раскинули лагерь. Наше начальство так и не решило, что делать: вернуться и умереть в бою либо ждать подкрепления. Некоторые считают, что мы должны направиться на восток Медалона, а затем двигаться на юг, пока мы не разыщем Лесное племя. Этот народ умеет драться и может помочь. Но другие говорят, что за это улунтахазулы могут захватить всю страну. И первым падет Найрр.

— Да, у нас осталось мало времени, — согласился Теор. — Горожане не смогут долго выдержать осаду, тем более что запас продовольствия у них невелик. Затем погибнут мастерские Атха — враг не оставит там камня на камне. Даже если нам и удастся отвоевать оставшуюся часть Медалона, без Найрра и Атха мы обречены. Узнав, что наша цивилизация гибнет, на нас со всех сторон ринутся орды дикарей.

Он продолжал размышлять об этом, пролетая на форгаре над лесом. Что же делать, как выиграть войну у куда более сильного противника? Ясного ответа он так и не нашел, но после всего происшедшего его вера в собственные силы значительно возросла. В лагерь около озера он вошел решительным шагом и сразу же направился к шатру Вальфило, над которым развевалось знамя армии наярров.

Покрытый шрамами ветеран с неподдельной радостью приветствовал сына Элкора. Он был поражен, выслушав историю о скитаниях Теора. Подробно рассказав обо всем, что произошло во время отступления его войска, Вальфило спросил:

— Что предлагаешь делать, сынок?

— Как можно быстрее идти в Медалон, — решительно ответил Теор. — Если мы пересечем Дикую Стену через

Ворота Ветра, то выйдем на равнину недалеко от реки Брантор. В тех местах растет густой лес, и мы можем построить плоты и быстро и незаметно спуститься вниз по течению к Наярру. Выйдем на берег, зайдем врагу в тыл и сразу же атакуем его. Когда горожане увидят, что к ним пришла помощь, они сделают вылазку. Улунт-хазулы окажутся в тисках между двумя отрядами...

— Которые они так же легко порубят на куэки, как и один, — мрачно закончил Вальфило. — Сынок, моя армия уже не та, что несколько дней назад схватилась с чужаками на побережье. Многие убиты, еще больше погибло от ран и голода.

— У тебя есть другой план? — едва сдерживая ярость, спросил Теор.

— Есть. Мы можем поселиться здесь. Охота тут неплохая, мы уже убедились в этом. В лесах, правда, немало дикарей, но они не осмелятся напасть на нас. Здесь и появится новая страна наярров. На склонах вулкана мы построим кузницу и сможем изготавливать оружие. Цивилизация наярров со временем возродится вновь, а о Медалоне... нужно забыть.

— Что? Оставить все, что создали наши предки?

Вальфило опустил голову.

— Другого пути нет. Послушай меня, старика. Я был воином всю сознательную жизнь и привык жертвовать многим, очень многим, чтобы сохранить самое важное. А что может быть важнее нашего народа? Поход к Наярру не спасет горожан, а лишь приведет к гибели всего нашего племени. И тогда тьма опустится на мир — ведь в этой части планеты мы — единственное цивилизованное племя.

— Ты — опытный воин и знаешь, как сражаться, куда лучше, чем я, — гневно произнес Теор. — Но ты имеешь весьма смутное представление о том, на чем зиждется наша цивилизация. Почему наярры раньше не попытались пересечь Медалон и поселиться в этих местах? Да потому, что здешняя местность куда беднее, чем ты думаешь. Частые дожди вымывают из почвы питательные вещества, поэтому здесь могут расти только твердые как камень деревья. Для сельского хозяйства здешняя земля не годится. Охотой долго не проживешь, надо заниматься разведением скота — а чем ему здесь питаться? Ты говоришь, на вулкане можно построить кузницу. Но я сам видел — там нет подходящих минералов, они встречаются только на побережье. Я уже не говорю о том, что, отдав Наярр, мы останемся без накопленных нашим племенем знаний, без письменности и очень скоро впадем в варварство. Наша цивилизация очень хрупка, и не вы, воины, — носители ее. Если

мы останемся здесь, то тьма придет неизбежно. В бою же у нас есть шанс на победу, а здесь его совсем нет!

— Это только твое мнение, сынок, — глухо произнес Вальфило. — Я думаю иначе. И потом, я вовсе не собираюсь отдавать врагу Медалон навсегда. Окрепнув, мы можем отво-
евать его с помощью соседних племен.

— Руины Наярра и разоренные поля и фермы — это ты хочешь сказать? — возмутился Теор. — Неужели наш народ превратят в рабов только потому, что мы сейчас струсили?

Гребень Вальфило воинственно поднялся.

— Не стоит называть меня трусом, сынок, — иначе я могу забыть, что ты из рода Рива, — с угрозой процедил он.

Теор едва сдержался. На помощь пришло врожденное хладнокровие Рива. Успокоившись, он сказал:

— Хорошо, я запомню твое обещание со временем вернуться в Медалон. А теперь собери армию — воины должны знать, как обстоят дела.

Остаток дня Теор ходил от хижины к хижине и беседовал с солдатами и офицерами. Он приводил им те же аргументы, с помощью которых пытался убедить Вальфило, и уходил, давая возможность воинам самим обдумать ситуацию. Общение с Фрэзером многому научило его, и сейчас было самое время воспользоваться плодами своего красноречия.

Ближе к закату над озером стал сгущаться туман. На поляне собралась большая часть уцелевшей армии — увы, наярров осталось совсем немного. Теор взобрался на высокий камень и огляделся. Последние лучи солнца освещали сильно поредевший лес копий. Шлемы и щиты были помяты, но на них еще можно было различить эмблемы полков, чью славную историю знали все, даже дети.

— Наярры! — зычно крикнул Теор, и его голос звучным эхом отразился от темной стены леса. — Вы знаете, что оба моих полукота погибли в море. Вы остались без вождя и его мудрого советника. А теперь я, единственный из оставшихся в живых Рива, должен оставить вас!

— Что? — в бешенстве заорал Вальфило. — Ты обманул меня, Теор! Я запрещаю...

— Я буду говорить, — твердо ответил Теор. — По закону никто не может прерывать Рива. Потом можешь говорить что угодно, но сейчас ты обязан выслушать меня. — Он вновь повернулся к войску. — Наярры! Враг мародерствует в Медалоне. Он окружил город и ждет, когда наши жены и дети умрут от голода или сдадутся в рабство. Неужели мы позволим им сделать это?

Воины негодующе закричали, размахивая оружием.

Теор повторил все аргументы в пользу начала новой военной кампании. Он не преминул отметить: ваш командующий против этого, но решать вам. Я же в любом случае вернусь в Медалон и найду свою смерть в бою.

Воины загомонили, но скоро стало ясно, что большинство поддерживает молодого Рива. Только Вальфило прыгнул на валун и встал рядом с Теором. На него немедленно нацелились десятки копий.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — спокойно сказал старый воин. — Я остаюсь при своем мнении, но армию не оставлю. Через два или три дня мы соберем достаточно еды и двинемся к Медалону. Разойдись!

Он соскочил на землю, Теор последовал за ним. Вальфило укоризненно взглянул на Рива.

— Сынок, ты произнес в мой адрес много жестоких, несправедливых слов, — хрипло сказал он. — Я никого не предавал и всегда действовал лишь в интересах наярров. По крайней мере, мне так кажется.

— То же самое делаю и я, — ответил Теор и дружески обнял старика за плечи. — Ты сам говорил, что не раз жертвовал второстепенными вещами ради главного...

— Верно. Вот ты и пожертвовал моей честью, Рива, — горько сказал Вальфило.

— Нет! Я только выступил против намерения остаться здесь. Но важно другое — мы снова вместе, и ты поведешь армию домой.

Заходящее солнце осветило лицо Теора багряными лучами. Вальфило долго смотрел на него, затем нагнулся и положил топор у его ног — это был древний знак повиновения.

— Все же ты истинный Рива, сынок! — воскликнул он. — Спасибо, что в такой тяжелый момент ты взял на себя ответственность — для меня она была непосильной ношей. Похоже, мне недолго осталось жить, но я умру в бою, и сердце мое будет светлым в этот час. Вперед, Теор, сын Элкора!

Глава 16

Фрэзер со вздохом облегчения отложил в сторону гаечный ключ.

— Все, — сказал он, — в системе управления двигателя предохранителей больше нет. Теперь остается только запустить его.

Он поднялся, чувствуя себя в скафандре как никогда неуклюжим, и оказался лицом к лицу с Лоррейн. Свет фонаря, который она держала в руке, создавал в тесном машинном отделении гротесковые тени. Переборка между отсеками сияла, словно была раскалена.

— Нам пора идти, — сказал он, жалея, что у него не находится ласковых слов для девушки.

— Марк...

— Что?

— О... ничего. — Выражение лица девушки вдруг стало уверенным, словно она на что-то решилась. — Я только хочу сказать... Если у нас ничего не выйдет и мы оба... Короче, я рада, что оказалась здесь рядом с вами, Марк. Только с вами я и хотела быть.

Сердце Фрэзера дрогнуло. Он благодарно погладил девушку по руке в массивной перчатке.

— Я могу сказать то же самое, милая. В последнее время я себя не узнаю — похоже, все-таки становлюсь джентльменом. И во многом благодаря вам, Лори.

— Дьявол, неужто не ясно, что мне тоже нелегко было вести себя, как леди? — выпалила Лоррейн и с облегчением улыбнулась. — Ладно, пошли, сейчас не время для такого разговора.

Они поднялись по трапу в техотсек. Фрэзер включил систему прогрева двигателя и нажал кнопку «старт». Корпус лунной ракеты заметно задрожал.

— А теперь — бегом! — крикнул он и подтолкнул девушку к люку.

Та немного помедлила, словно хотела, чтобы он вышел первым, но Фрэзер бесцеремонно ткнул ее в спину. Спрыгнув на землю, они побежали в северную часть взлетного поля. Вскоре они оказались в тени посадочных опор одного из космолетов, откуда открывался отличный вид на город, на ошестившийся орудиями крейсер и торпедообразный корпус «Олимпии». Полнеба занимал колоссальный шар Юпитера, находившийся в фазе 3/4, рядом с ним серебрилась полоса Млечного Пути. Но сейчас Фрэзеру было не до небесных красот — он смотрел лишь на вооруженных людей, окружавших «Вегу». «Недолго им осталось скучать», — подумал он с усмешкой и мысленно начал отсчет: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...

Через минуту земля вздрогнула так, что зашатались массивные опоры ракет. Фрэзер не стал оборачиваться — он и так знал, что на другом конце поля в небо поднялся столб

пламени и дыма. И тогда они с Лоррейн побежали к «Олимпии», уже не заботясь о том, заметят их или нет. Астронавты около крейсера дружно отошли под его защиту, видимо, ожидая нового нападения повстанцев. Никто из них, к счастью, не обратил внимания на две фигуры в скафандрах, бежавшие совсем в другую сторону.

Оказавшись в спасительной тени «Олимпии», двое заговорщиков перевели дух после бешеной гонки. Здесь было где спрятаться. Космолет предназначался для аэродинамической посадки на поверхность Юпитера и потому имел эллипсоидную форму, сильно вытянутую в горизонтальном направлении. Корпус опирался на четыре массивные колесные опоры. Грузовой люк располагался гораздо ниже, чем в обычных космолетах, но все же достаточно высоко, чтобы до него можно было добраться без помощи трапа.

Фрэзер кивнул, и девушка послушно взобралась на его плечи, осторожно выпрямилась и ухватила за рукоятку. После нескольких отчаянных попыток ей удалось открыть люк. Тогда Фрэзер подбросил ее, и девушке не составило труда забраться в грузовой трюм. Затем она помогла забраться и Фрэзеру.

Они бросились к пилотской кабине. Путь им преградила массивная дверь с тугим запором, с которым тоже пришлось повозиться. Проклиная все на свете, Фрэзер уселся в кресло первого пилота. Целый час он посвятил тщательному изучению системы управления «Олимпией» с помощью документации, которую Лоррейн стащила из техархива Авроры из-под носа у Свейна. Только после этого Фрэзер стал готовить корабль к взлету, включая один агрегат за другим. Когда двигательная установка заработала и пол кабины задрожал, он вздохнул и с облегчением откинулся на спинку кресла. Пот струился по его лицу и застилал глаза. Через десять минут двигатель будет разогрет, а пока можно наконец-то отдохнуть.

Ему хотелось узнать, что делают сейчас люди Свейна, но на «Олимпии» не было иллюминаторов, а включать обзорные экраны было рискованно, радары крейсера могли обнаружить это.

— Лори, как вы думаете, чем сейчас заняты эти бравые вояки? — с нервным смешком спросил он. — Держу пари, что они носятся взад-вперед, словно курицы с отрубленными головами!

— Вряд ли, Марк, — ответила девушка, сидевшая в соседнем кресле в расслабленной позе. — Адмирал здорово вымуштровал своих парней. Но я тоже не отказалась бы поглядеть — а вдруг они запаниковали?

Фрэзер наклонился к ней и помог застегнуть пояс безопасности.

— Все в порядке, милая, — ласково сказал он. — Самое трудное уже позади. Теперь все пойдет как по маслу. Как вам нравится роль героини, спасительницы Земли?

Девушка рассмеялась в ответ:

— Вам больше подходит роль героя, Марк. Представляете обложки журналов с вашей эффектной фотографией и подписью: «Марк Фрэзер, самый большой трепач в Солнечной системе?»

— Да, я люблю приврать, грешен, — в таком же легкомысленном тоне ответил он. — Как и все пилоты. Вам-то хорошо, Лори, вы выглядите как секс-бомба. А я стар, некрасив и могу попасть на обложку «Плейбоя», только если стану героем. Вот я и стараюсь!

Девушка серьезно посмотрела на него.

— Вы вовсе не старый, Марк, — тихо сказала она. — А вот я уже почти что старая дева. Я давно уже не думаю о мальчиках, настоящие мужчины мне больше по вкусу. И вы, Марк, в этом отношении вне конкуренции — по крайней мере здесь, в системе Юпитера. Давно хотела вам сказать...

Она смущенно замолчала, и в этот момент двигатель заработал на всю мощь.

— Пора! — воскликнул Фрэзер и, уже не таясь, включил внутреннее освещение и обзорные экраны.

И увидел множество людей, бегущих с оружием в руках по направлению к лунным ракетам — видимо, бравый Свейн решил нанести упреждающий удар по несуществующему врагу. Сам же крейсер был окружен двойным кольцом солдат, которые спешно строили баррикады из обломков камней.

— А Свейн стал осторожен! — усмехнулась Лоррейн.

— Сегодня он, похоже, останется в дураках, — процедил Фрэзер, щелкая многочисленными тумблерами на панели управления. — Но будет жаль, если кто-то из этих парней случайно окажется рядом с «Олимпией» во время взлета.

— Вас это так беспокоит?

— Да. Думаю, надо рискнуть и предупредить их, что до старта осталось тридцать секунд.

Он включил передатчик и настроил его на волну «Общий прием».

— Внимание! — торопливо сказал он. — Космолет «Олимпия» готовится к взлету. Немедленно очистите площадку рядом с ним! Повторяю: немедленно очистите площадку рядом с «Олимпией»!

В динамике что-то щелкнуло, захрипело, и чей-то удивленный голос спросил: «Дьявол, кто это говорит?» Фрэзер не обратил на него внимания — он смотрел на крейсер. Одно из орудий стало поворачиваться в сторону «Олимпии». Люди на взлетном поле замерли в растерянности.

— Осталось десять секунд! — заорал Фрэзер. — Бегите, черт бы вас побрал!

И люди бросились врассыпную. Но двое астронавтов, судя по скафандрам — солдаты, побежали в сторону «Олимпии», поднимая бластеры. «Эти идиоты сгорят, это уж точно», — подумал Фрэзер и решительно нажал на рычаг пуска.

Корабль вздрогнул так, что у Фрэзера клацнули зубы. Снизу поднялось облако выхлопных газов. Затем раздался оглушительный грохот, который не могла ослабить даже солидная звукоизоляция. Космодром быстро стал уходить вниз. Вскоре на экранах был уже виден весь огромный, изъеденный кратерами и трещинами шар Ганимеда. Над его восточным краем висел ослепительный диск Солнца.

Лоррейн застонала, но Фрэзер снизил тягу лишь тогда, когда корабль достиг двойной скорости убегания. Затем он вернул оба кресла в обычное маршевое положение. Ганимед ушел в сторону, и теперь центральный экран заполняла черная бездна, усыпанная искрами звезд.

— Лори, как дела? Нормально? Тогда включите экран заднего обзора. Я хочу убедиться, что нас не преследуют.

— Этого не может быть, — слабым голосом ответила девушка, еще не успев прийти в себя после бурного старта. — Все их космоботы находятся на патрулировании вокруг других лун. А от «Веги» мы сможем уйти.

— Да, но не так-то просто убежать от их боевых ракет, — возразил Фрэзер. — В любом случае надо будет постараться сесть возле Блоксберга незамеченными, иначе... Черт побери!

Компьютер высветил на дисплее несколько колонок цифр, затем нарисовал две кривые, нацеленные в ярко блестящую точку, обозначавшую «Олимпию».

— Они все-таки успели произвести залп! — взволнованно воскликнула Лоррейн. — Но ракеты летят с большим начальным промахом, так что...

— Утешила, нечего сказать, — пробурчал Фрэзер, с мрачным видом изучая траектории боевых снарядов. — На такой случай у них есть головки самонаведения. Если Свейн догадается использовать главный радар Авроры и сможет скорректировать их курс, то ракеты скоро обнаружат нас и будут гнаться

за нами хоть до самого Юпитера. Хотя туда нам надо еще долететь...

Фрэзер уселся за компьютер и занялся расчетом траектории полета «Олимпии». Без навигационных таблиц это можно было сделать лишь приближенно, но Фрэзер положился на свой опыт. Затем он на одну десятую прибавил ускорение — большего при скромных энергетических ресурсах корабля позволить было нельзя.

Рядом с панелью приемника замигала красная лампочка.

— Вызов, — с тревогой сказала Лоррейн. — Выходит, они знают наши координаты?

— Вряд ли. Скорее всего, они ведут передачу широким радиолучом. Я могу ответить точно так же — обнаружить нас они все равно не смогут.

Он включил приемник.

— Внимание, космолет «Олимпия»! Вы слышите меня? — послышался в кабине голос адмирала Свейна.

Фрэзер увидел в глазах девушки неприкрытый страх и разозлился.

— Говорит «Олимпия», — резко ответил он. — Какого дьявола вам надо?

— Хочу спросить кое о чем, — сухо сказал адмирал. — Говорит комендант временной администрации Ганимеда Свейн. Кто вы? Назовите свои имена.

— Я весь внимание, — с иронией ответил Фрэзер. Он и не думал называть свое имя — частично из упрямства, но главным образом из-за опасений, что его семья может подвергнуться репрессиям со стороны новых властей.

— Именем закона, немедленно возвращайтесь!

— Если это все, что вы можете сказать, то я отключаю приемник, — спокойно ответил Фрэзер.

— Подождите. Я догадываюсь, что вы собираетесь предпринять. Это совершенно очевидно. Вы рассчитываете достичь Земли, но вам это не удастся. На борту «Олимпии» нет ни воздуха, ни воды, ни пищи. Возможно, вы смогли во время взрыва пронести с собой кое-что, но на далекий перелет этого в любом случае не хватит.

— И все же я дышу пока, — заметил Фрэзер.

— Наверняка вы одеты в скафандры. Для того чтобы поддерживать воздухообмен в объемах всего космолета, требуются немалые запасы кислорода, которых у вас нет. Никакие химические очистители вам не помогут.

— Адмирал, вы рассчитываете запугать меня? — усмехнулся Фрэзер. — Хорошо, теперь моя очередь рассказывать

страшилку. Когда на Ганимед придут корабли военно-космических сил, вам придется ответить за все, что вы натворили и еще натворите в системе Юпитера. Подумайте об этом и ведите себя соответственно.

— Заткнись, болван! — неожиданно взорвался Свейн. — Кого ты хочешь перехитрить? Я отлично понимаю, что прямо на Землю ты не полетишь — если, конечно, экипаж корабля не самоубийцы. Значит, где-то ты намереваешься запастись воздухом, водой и пищей. На соседних лунах это тебе не удастся — мои космоботы дежурят на орбитах и получили приказ открывать огонь без предупреждения.

«Замечательно, — весело подумал Фрэзер. — Именно поэтому тебе, тупоголовый вояка, и не удастся контролировать пространство вокруг Ганимеда».

— Я думаю, вы это тоже учли, — успокоившись, вежливо продолжил адмирал. — Значит, у вас остается один путь — вернуться в какой-нибудь район Ганимеда, где вам смогут помочь. На всякий случай я вышлю на орбиту патруль, так что не надейтесь провести меня! Лунных ракет на космодроме вполне достаточно для этой цели. Они, правда, не предназначены для патрульной службы, но мы успеем оснастить их радары и будем контролировать каждый фут поверхности. Если вы все-таки рискнете опуститься на Ганимеде, предупреждаю: «Вега» тотчас выйдет на орбиту и уничтожит вас.

— О нет, нет, нет... — прошептала Лоррейн, побледнев.

Фрэзер чувствовал себя не лучше и все-таки сумел выдать из себя:

— С чего это вы решили, что я захочу сунуться под огонь пушек?

— Вы неплохо блефуете, незнакомец, но карта ваша бита, — ответил Свейн. — Я восхищаюсь вашей стойкостью — не так часто среди гражданских лиц приходится встречать настоящих мужчин. Даю слово офицера, что, если вы тихо-мирно возвратитесь на Ганимед и сядете рядом с Авророй, я всего лишь посажу вас под арест и со временем передам в руки суда. Естественно, после того, как в США будет восстановлено законное правительство. — Голос адмирала ослабевал по мере удаления «Олимпии» от Ганимеда. Но сталь и лед в его интонациях были заметны по-прежнему. — Если же вы откажетесь возвратиться с повинной, то вы обречены. Я брошу на патрулирование все силы и буду ждать неделю или две — на большее у вас не хватит ресурсов. Это отвлечет от дела многих людей, производство боеголовок будет замедлено, но я готов пойти на это. Кто знает, быть может, в системе Юпитера

есть какой-нибудь тайный склад на одном из астероидов? Рисковать я не желаю. Учтите, отказываясь вернуться, вы подписываете себе смертный приговор.

Фрэзер взглянул на Лоррейн. В ее широко открытых глазах стояли слезы, но тем не менее она упрямо помотала головой.

— Перестаньте играть в героя! — рявкнул Свейн. — Ваша смерть ничего не изменит. Возвращайтесь, пока я гарантирую вам жизнь.

— Все верно, — устало сказал Фрэзер. — Вы победили. Черт с вами, я поворачиваю назад.

Он выключил передатчик и испытующе взглянул на Лоррейн. Та была близка к истерике.

— Нет, нет, ни за что! — всхлипнула она, умоляюще глядя на Фрэзера. — Лучше смерть, чем такой позор!

— Глупости, — буркнул Фрэзер. — О какой смерти вы толкуете, красавица? Я согласился только для того, чтобы выиграть несколько лишних минут. Чем дальше мы успеем уйти от Ганимеда, тем сложнее им будет корректировать полет своих ракет.

— Значит, вы надеетесь, что мы сможем уйти от них?

— Н-нет, боюсь, что нет. Но мы попробуем. — Он коснулся регулятора тяги, но тут же отдернул руку. — Пожалуй, не стоит увеличивать скорость. Это может насторожить Свейна. Лори, буду говорить откровенно. Две ракеты следуют за нами по пятам, и уцелеть нам будет нелегко. Но даже если мы уйдем от них, я все равно теперь не знаю, как нам попасть в Блокс-берг. — Он грустно взглянул на девушку. — Мне очень нелегко сейчас, Лори. Повстанцы, конечно, узнают о пропаже «Олимпии» и нашем исчезновении и будут рассчитывать на меня. Страшно их подвести! Но еще страшнее подвергать вашу жизнь смертельной опасности.

— Теперь не время говорить об этом, Марк, — ласково сказала девушка. — Тем более что именно я подбила вас на эту авантюру. Если я попаду в руки Свейна, то «промывания мозгов» мне не избежать. Но я хотя бы одинока. А у вас есть Ева и дети...

— Дьявол! — взорвался Фрэзер. — Что это мы распустили юнии? У нас еще есть шансы. Когда ракеты приблизятся, я включу полное ускорение и начну маневрировать так, что чертям станет тошно. Жаль, что у нас нет противоперегрузочных таблеток. Ничего, придется потерпеть.

Девушка перестала всхлипывать и озадаченно взглянула на него.

— Не понимаю. Вы же говорили, что эти ракеты имеют головки самонаведения...

— Да, но, скорее всего, тепловые, нацеленные на факел двигателя. Если мы будем включать его в импульсном режиме, то ракетам придется за нами изрядно погоняться. Кто знает, может, к моменту, когда ракеты нас достигнут, мы будем в безопасном месте?

— Где же это?

Фрэзер молча указал на чудовищный шар Юпитера, плывший по звездной реке.

Глава 17

Когда армия Вальфило вошла в ущелье, пересекавшее Дикую Стену в северном направлении, Теор впервые услышал удары чужих барабанов. Он сразу же остановился, и воины последовали его примеру.

Теор прислушался. Над иззубренными скалами, окружавшими ущелье с обеих сторон, гудел ветер. Их вершины были едва различимы на фоне темного, покрытого облаками неба, и все же кое-где можно было разглядеть редкие деревья, растущие прямо на камнях. Ветви раскачивались под порывами холодного ветра. Здесь же, на дне ущелья, царили тьма и густой туман. Лишь с трудом можно было различить силуэты воинов, едва державшихся на ногах после долгого пути.

— Ты слышал? — спросил Теор.

— Да, — ответил Вальфило. — Вражеские наблюдатели нас заметили. — Где-то слева на скалах вновь забили барабаны. — Лазутчиков нелегко будет поймать, — озадаченно сказал старый воин, обводя ущелье взглядом. — Плохое для боя место — сверху нас могут забросать камнями, и воинам негде будет спрятаться.

Теор задумался. Вернуться или, несмотря ни на что, идти дальше? Назад путь короче, и там, в предгорьях, войско быстро сможет развернуть ряды и отразить любые попытки улунтахазулов прорваться через ущелье. Но если атака не последует, то они могут потерять впустую много дней. А в это время Наярр наверняка падет, и тогда Линанту и Порса ждет гибель.

— Идем вперед, — наконец решительно сказал Теор.

— Я не имею права обсуждать приказы Рива, — почти-тельно ответил Вальфило, склонив голову. — Но мы идем навстречу гибели. — Он жестом подозвал к себе адъютанта и сказал:

— Вышлите вперед отряд разведчиков. Пусть они найдут соглашения и уничтожат их. Полкам же сомкнуть ряды и продолжать движение.

Загremели барабаны наярров. Это гулко прокатилось вдоль стен ущелья. Захрустел лед под сотнями ног, и полки вновь двинулись в сторону Медалона. С приходом ночи мрак еще больше сгустился, но Теор решил не делать привала, надеясь пройти ущелье как можно быстрее. Вскоре разведчики вернулись. Увы, вражеских наблюдателей им найти не удалось, да это и неудивительно — здесь, в горах, легко спрятаться. Отрядов улунт-хазулов также не обнаружили поблизости, и это было удачей. Но Теор был мрачен, как Вальфило: он знал, что враги дадут им бой на равнине.

Около полуночи воины достигли Ворот Ветра. Скалы разошлись в стороны, и теперь впереди лежал неровный, покатым склон, ведущий в Медалон. Вдали виднелась мерцающая лента — это Брантор нес свои воды к океану. Здесь, в конце ущелья, армия остановилась на отдых. Но Теор, несмотря на усталость, так и не смог сомкнуть глаз и лишь перед рассветом задремал.

Его разбудил грохот барабанов. Встряхнувшись, Теор вышел из-под наскоро сооруженного навеса и стал вглядываться в пелену дождя, изредка освещаемую вспышками молний. Звук доносился откуда-то из-за реки. Хотя это могло только казаться — на равнине барабанный бой можно было услышать и за десять миль.

Остальные воины тоже проснулись. Теор услышал встревоженные крики в темноте, заглушаемые воем небесной бури. Он схватил свой барабан и передал сигнал: «Тихо, тихо, тихо». Шум голосов постепенно стих, и тогда Теор смог расслышать далекие звуки вражеского барабана — теперь он понял, что они доносились с юга. «Боом-бом-бррр-бом! Воом-бом-брр-бом! Та-та-бом-боом-брр! Брр-та-бом-бом-бом...»

Вскоре из тьмы показался патрульный отряд.

— Я послал их вперед, понадеявшись, что они поймут хоть одного лазутчика, — объяснил старый Вальфило.

— Ты опасаясь, что враги могут напасть из засады?

— Нет, лазутчики слишком малочисленны для этого. Но, судя по бою барабанов, большой отряд врага где-то неподалеку и знает о нашем приближении.

— Это улунт-хазулы, — глухо сказал Теор.

Вальфило выругался.

— А кто же еще? Чалхиз знает эти места лучше, чем я думал. Сразу после битвы на побережье он наверняка послал

отряды лазутчиков во всех направлениях, по которым мы могли отступить в Медалон. Так что шансов устроить ему приятный сюрприз больше нет. О каждом движении нашего войска будет ему известно.

— И что же нам теперь делать? — упавшим голосом спросил Теор.

— Мы еще можем вернуться в леса за Дикой Стеной.

— Нет!

— Тогда надо соорудить здесь укрепления, это очень удобная позиция.

— И какой в этом смысл? Враги без хлопот возьмут Найрр, а с нами разделаются на досуге.

— Верно. Остается одно — идти вперед открыто и быстро, не тратя времени на постройку плотов. Припасы мы можем получить по дороге у фермеров. Но сначала нам надо сделать в ущелье хотя бы простейшие укрепления, чтобы у нас в тылу на всякий случай была сильная позиция для обороны. Не исключено, что мы можем и проиграть битву.

Теор неохотно согласился. Строительство оборонительных редутов займет время, за которое враг подтянет силы, а Теор слишком хорошо знал, что его армия слаба.

Рассвет воспламенил облака, и мгlistый туман стал медленно подниматься к небу. Воины принялись строить несколько рядов стен, преграждавших дорогу в ущелье. На скалистые стены было поднято множество валунов, чтобы ими можно было при необходимости бомбардировать отряды противника.

Теор вместе со всеми таскал тяжелые камни, лишь изредка отвлекаясь, чтобы выслушать сообщение разведчиков. Им все-таки удалось поймать одного из лазутчиков, но это было небольшим утешением.

День, а также следующая ночь прошли в непрерывной работе, и только под утро Вальфило решил, что позиция готова для обороны. После короткого отдыха полки найрров вышли из ущелья и направились в сторону холмов. К вечеру они разбили лагерь возле Брантора. На рассвете Теор вновь слышал грохот — это уже переговаривались армейские барабаны. Войско улунт-хазулов оказалось ближе, чем он ожидал.

Найрры быстро пошли вдоль реки. Их запасы подошли к концу, а добытого охотой едва хватало на всех. Впереди простиралась необъятная равнина, поросшая редким кустарником. Поток Брантора бурно шумел в перекатах, неся фосфоресцирующие воды к океану.

С каждым часом воины шли все медленнее и медленнее — их силы заметно убывали. «Ничего, скоро мы подойдем к зоне

земледелия, и фермеры помогут нам», — подбадривал себя Теор.

Ближе к полудню в небе появился всадник на форгаре. Приземлившись, вестник подбежал к Теору с криком:

— Генерал Рива, я видел армию врага! Она необъятна, словно море!

— Что? — вздрогнул Вальфило. — Так рано?

— Они приплыли на кораблях, — объяснил вестник. — Брантор весь почернел от судов.

Теор прислушался. Да, грохот вражеских барабанов заметно приблизился.

— Что ж, это вполне возможно, — хмуро сказал он. — Морские чудовища могут поднять корабли улунт-хазулов даже вверх по течению. Ты посчитал их количество?

— Да. Кораблей больше, чем два раза по шестьдесят четыре, и на каждом множество воинов.

— Выходит, они сняли осаду Наярра, — задумчиво пробормотал Теор.

Вальфило покачал головой:

— Не обязательно. Наверняка они оставили небольшие патрульные отряды, чтобы помешать горожанам уйти в глубь страны. Да и спуститься по течению к Наярру для армии Чалхиза не представит труда — они могут быстро нагнать наших людей и уничтожить.

— Горожане не так уж и беззащитны! — пылко воскликнул Теор. — Они могут не обороняться, а наоборот, атаковать врагов с тыла.

— Каким же это образом? Морские чудовища дают Чалхизу неограниченные возможности для маневра. Конечно, если горожане не будут вступать в бой, а постараются побыстрее соединиться с нашими полками... — Вальфило задумчиво поскреб массивный подбородок. — Да, это наша последняя надежда. Надо передать в Наярр послание. Горожане должны рискнуть всем — хотя им мало что осталось терять — и быстро двинуть свои отряды сюда, на север. Мы же должны постараться завязать длительную битву, отходя постепенно назад к ущелью. Возможно, Чалхиз не разгадает наш отвлекающий маневр. Хотя вряд ли это сработает. Чалхиз успеет положить немало наших воинов, прежде чем подоспеет подмога из Наярра, и тогда без труда сможет воевать на оба фронта. Но плата, которую он заплатит за Медалон, будет немалой.

— Когда они нападут на нас? — глухо спросил Теор.

— Полагаю, ночью они разобьют лагерь, а утром предпримут атаку. У нас есть немного времени, чтобы подготовиться к битве.

Вальфило собрал своих адъютантов и стал отдавать приказы.

Вскоре полки вновь двинулись в путь, направляясь в сторону холмов. Их седловидные склоны могли защитить фланги во время боя. Все кустарники вокруг были втоптаны в грязь, и берег реки стал красно-бурым от сотен кентавров. Многие наярры исхудали настолько, что можно было пересчитать их ребра, и поэтому никто не возразил, когда Вальфило приказал резать большинство оставшихся форгаров. Слишком уж мало их осталось, чтобы всерьез помочь во время боя, а армия была голодна. Охотники приходили с пустыми руками, и Теор стал всерьез беспокоиться, хватит ли припасов до начала боя. «Это я привел воинов на край гибели!» — с тоской думал Рива. Только сейчас он стал осознавать, насколько безумным был его план. Теперь он жаждал только одного — чтобы копье врага быстрее прервало его душевные муки.

Перед закатом наярры сделали последний привал. Этой ночью многие воины спали плохо, а оба военачальника вообще не сомкнули глаз. Утром, когда мгла стала рассеиваться, в тумане промелькнула тень — это вернулся один из разведчиков на форгаре. Он сообщил, что корабли улунт-хазулов уже причалили к берегу неподалеку от холмов. Но, судя по всему, враги толком не знали, где находятся наярры, и потому в разные стороны были посланы отряды лазутчиков. Некоторые из них даже направились вплавь по реке, выставив глаза над поверхностью потока.

Туман стал медленно подниматься. Было так холодно, что изморозь, оседая на телах бойцов, сразу же превращалась в лед. Три изношенных знамени развевались над рядами воинов, закованных в чешуйчатые доспехи. Их лица были суровыми. Теор и Вальфило находились в центре передней линии и, как все, смотрели в сторону леса, за которым протекал Брантор. С первыми лучами солнца из-за деревьев высыпали орды серых гигантов. Они быстро построились под грохот барабанов и не спеша двинулись к холмам. Зарябило в глазах от блеска щитов, панцирей, множества разноцветных знамен полков, а вскоре — и от оскала клыков. Улунт-хазулов было по крайней мере втрое больше, чем воинов Вальфило. А помощь из Наярра так и не пришла, хотя в город было послано несколько вестников на форгарах...

— Смотрите! — крикнул Вальфило, указывая в центр полчища врагов. — Это знамя вождя — я видел его во время битвы на берегу залива. Чалхиз сам будет командовать боем.

Барабаны чужаков застучали быстрее, и улунт-хазулы прибавили шаг. Наярры возбужденно закричали, многие воины стали потрясать копьями. Затем Вальфило отдал команду, и войско стало готовиться к встрече противника. Воины второй линии положили копья на плечи бойцам первого ряда, так же поступили наярры других рядов. Затем они галопом помчались навстречу противнику.

Ближе, ближе, еще ближе... Несколько всадников на форагах взмыли в воздух и стали бросать сверху камни на врагов, но без заметной пользы. Теор вспомнил свои эксперименты с луком и стрелами, которые он изготовил по совету Фрэзера. Тогда ему показалось, что в условиях Юпитера такое оружие неэффективно, но сейчас он пожалел, что у наярров его нет. Он крепче сжал в руке топор и, как все бойцы первой линии, стал высматривать своего противника в первом ряду улунт-хазулов. Им как будто мог стать могучий парень с рваной раной на левой щеке. Воздух кипел от воинственных криков. Вскоре две орды столкнулись друг с другом.

Шедшие первыми улунт-хазулы с безрассудной храбростью бросились на копья наярров, видимо, понадеявшись на свои роговые панцири и щиты. Но чужаки были мгновенно смяты. Один из серых гигантов справа от Теора успел отбить палицей копье, нацеленное ему в грудь, но тут же другое копье вонзилось в его незащищенный бок. Чужак завопил, истекая кровью, но его голос потонул в оглушительном грохоте боя.

Противник Теора, отбиваясь от сыпавшихся на него копий, ринулся на молодого вождя. Тот едва успел отразить удар копья, нацеленного ему в горло. В свою очередь он обрушил топор на плечо врага. Улунт-хазул зарычал и вновь попытался достать его копьем. Теор отбил древко в сторону, но ударить не успел — могучая рука схватила его за запястье. Положение стало отчаянным. Вскинув щит, Теор рубанул его краем по руке противника. Улунт-хазул с воплем отшатнулся, но наярр не дал ему прийти в себя. Еще дважды он ударил врага топором по плечу и, ринувшись вперед, оказался позади оглушенного гиганта. Не успел тот повернуться, как лезвие топора глубоко вонзилось ему в спину. Фонтаном хлынула кровь. Улунт-хазул рухнул на землю, но тут же другой чужак наступил на еще дышавшего товарища и бросился на Теора.

Наярры выдержали первый натиск врага, и вскоре оба войска перемешались. Битва рассыпалась на множество отдельных

поединков. Теор старался быть впереди, но внезапно поскользнулся и упал. И вовремя — в этот момент над его головой просвистел нож. Едва наярр поднялся, как ему вновь пришлось вступить в схватку. Обменявшись ударами, противники были оттеснены другими борющимися парами. Теор тяжело дышал — силы его быстро таяли. И вдруг он услышал, что диск на его груди ожил.

Не успел Теор наклонить голову, как мимо него пролетел топор, едва не отрубив ему руку. Его противник уже был рядом и, подняв копьё, бросился на него.

Теор увернулся от разящего удара и кинулся врагу под ноги. Улунт-хазул по инерции перескочил через него, и в этот момент наярр изо всех сил ударил его щитом по незащищенному брюху. Чужак завопил и, высоко подпрыгнув, рухнул на грудь изрубленных тел.

Поднявшись, Теор увидел недалеко Вальфило. Забрызганный кровью ветеран отчаянно отбивался сразу от нескольких серых гигантов. Теор ринулся было ему на помощь, но его опередили несколько наярров с копьями наперевес. И тогда, вместо того чтобы вновь вступить в бой, он повернулся и побежал вверх по склону, расталкивая скачущих ему навстречу наярров. Он старался не обращать внимания на их возмущенные и презрительные взгляды. «Мне надо выбраться из этой мясорубки, чтобы поговорить с Марком, — убеждал он себя. — Это может оказаться очень важным. Землянин всегда помогал мне советами».

Но перед его глазами стояла недавно виденная страшная картина: залитый кровью Вальфило отражает атаку нескольких врагов. И он, Рива, даже не попытался помочь старому воину!

Глава 18

После полета при пяти g переход к невесомости был подобен прыжку в пропасть. Мозг Фрэзера затуманился, и он провалился в красную ночь.

Однако тонкая нить сознания все еще тянулась из забытья, и, судорожно ухватившись за нее, Фрэзер стал карабкаться к мерцающему вдали пятну света. Когда он наконец очнулся, то сразу же взглянул на часы. К его удивлению, прошло всего несколько минут.

На экране заднего обзора еще не было видно преследующих корабль ракет, но радары говорили: они рядом и все время

приближаются. Конвульсивным движением Фрэзер включил боковые сопла и развернул «Олимпию» в сторону Юпитера.

Чудовищный шар, еще недавно висевший в космосе, исчез. Теперь весь экран занимала панорама желто-зеленых и коричневых облаков, испещренных глубокими темными трещинами. Вслед за ними несяся светящийся вихрь — это был гигантский шторм длиной в десятки тысяч миль. Фрэзер остановил вращение корабля и вновь включил маршевый двигатель. Навалившаяся перегрузка едва не задушила его. Рядом кто-то захрипел («Слава Богу, Лоррейн жива!» — подумал Фрэзер), но он даже не повернул головы, сосредоточившись на управлении кораблем, который входил в верхние слои атмосферы планеты.

Фрэзер выбрал самую крутую из всех возможных траекторий, которые только мог выдержать человек. Настигающие «Олимпию» ракеты таких ограничений не имели и поэтому быстро стали ее нагонять. Когда Фрэзер убедился, что сделал все, что мог, он собрался с силами и посмотрел на Лоррейн. Она, к счастью, уже давно потеряла сознание. Лицо девушки было залито кровью, текущей из носа. «Хорошо, что Лори отключилась сейчас, — подумал Фрэзер. — Посадка на планету будет очень тяжелой — если ракеты Свейна еще раньше не сделают из «Олимпии» решето. Бедная девушка — и зачем я взял ее с собой!»

Он знал, что должен сейчас думать о Еве и ребятишках, но две серебристые точки, появившиеся на экране, заставили выбросить из головы все сентиментальные мысли. Расстояние между «Олимпией» и ракетами сокращалось с каждой минутой. Но плотность воздуха росла очень быстро. Скоро корпус космолета разогрелся докрасна — Фрэзеру оставалось только надеяться, что ракеты чувствуют себя не лучше. Вскоре они дружно спустились в средние слои атмосферы, которая при такой скорости создавала им заметную подъемную силу. На что аэродинамическая форма «Олимпии» сразу же отреагировала, и корабль заскользил по касательной к этой «воздушной подушке», подпрыгивая, словно камешек, брошенный под малым углом к поверхности озера. Как и надеялся Фрэзер, системы управления ракет не были рассчитаны на полет в условиях Юпитера и не сумели совершить подобный же маневр. Круто уйдя вниз, ракеты, словно метеориты, устремились к поверхности планеты, продолжая накаляться. Как и следовало ожидать, их теплоизоляция скоро не выдержала, и боеголовки взорвались. Фрэзер увидел, как на экране на фоне темных

облаков на мгновение появились две искры света. «Вот так-то, Свейн», — ехидно шевеля губами, прошептал он.

Но времени для того, чтобы радоваться чудесному избавлению от гибели, не оставалось. Быстро теряя скорость, «Олимпия» стала входить в нижние слои атмосферы. Могучий ураган подхватил ее, словно перышко, и, бросая из стороны в сторону, понес на запад. Кабину наполнил пронзительный свист ветра. Сознание Фрэзера вновь затуманилось. Он прилагал все силы, чтобы не потерять контроль над кораблем. «Надо выйти на орбитальную траекторию, — думал он, едва двигая непослушными руками по панели управления. — Держись, держись... ты можешь сделать это...» Когда корабль все-таки вышел на расчетную траекторию, Фрэзер включил киберштурман и вновь погрузился в забвение.

Очнувшись, он вновь первым делом посмотрел на часы. На этот раз он проспал долго, слишком долго. Но движение по орбитальной траектории помогло ему восстановить силы — в состоянии невесомости его разбитое тело чувствовало себя значительно лучше. Еще больше он обрадовался, увидев плывущую к нему через кабину Лоррейн. Она пришла в себя раньше его и выглядела совсем неплохо.

— Марк, как вы себя чувствуете? — взволнованно спросила девушка.

Фрэзер расстегнул ремни безопасности и, взяв к потолку, осторожно пошевелил руками и ногами, затем повертел головой из стороны в сторону.

— Все дьявольски болит, но кости, кажется, целы, — хрипло ответил он. — А как вы?

— То же самое. Я уже полчаса как очнулась и просто извелась, не зная, как вам помочь. — Девушка с облегчением улыбнулась и, подплыв ближе, обняла его за плечи. — Марк, неужели мы вышли сухими из воды? Представляю, как взбесился бы Свейн, если бы узнал, как мы провели его!.. О-ох, до чего болит бок...

Эти слова напомнили Фрэзеру, что у них остался небольшой запас стимулирующих таблеток. Проглотив по паре штук, они запили их соком из емкостей, встроенных в задние стенки скафандров, и вскоре почувствовали себя значительно лучше...

— Как насчет того, чтобы немного перекусить? — спросил Фрэзер. — Нам надо восстановить силы. Посадка будет нелегкой...

— Нет, я не хочу! — запротестовала Лоррейн, слегка покраснев. — Хотите, я отдам вам свои таблетки концентратов? Все-таки вам вести корабль.

Фрэзер наотрез отказался и заставил девушку немного поест. Затем Лоррейн решила принять душ и пошла в соседний отсек. Вернулась она на удивление посвежевшей, и Фрэзер, не выдержав, последовал ее примеру. Он также забрался в ящик, чем-то напоминавший гроб. Это была аварийная душевая, предназначенная для случаев, когда внутри космолета по тем или другим причинам отсутствовал воздух. Здесь, при тусклом свете лампочки Фрэзеру пришлось изрядно помучиться, чтобы снять с себя скафандр. Затем, извиваясь, словно червь, он помылся остатками воды, по счастью оказавшейся в контейнере душевой. Наконец он почувствовал себя лучше настолько, что даже захотел взглянуть в небольшое зеркальце, закрепленное на стенке. Он стер с лица запекшуюся кровь и жалел, что нечем снять изрядную щетину. Теперь он готов был вновь влезть в тесный скафандр и терпеть изнуряющий дискомфорт до конца.

Вернувшись в кабину, он увидел, что Лоррейн, словно замороженная, смотрит на экран, на котором мелькали желто-зеленые облака.

— Никогда не видела ничего более величественного и страшного, чем Юпитер, — тихо сказала она.

— Да, — кивнул Фрэзер, — неплохая компенсация за наши мучения.

Лоррейн опустила голову.

— Но не за наши ошибки, верно? Мы ведь ошиблись, ввязавшись в эту авантюру с побегом из Авроры, да?

— Не надо распускать нюни, — резко ответил Фрэзер, помрачнев. — Мы захватили из-под носа у Свейна «Олимпию», долетели до Юпитера и здесь сумели свернуть головы его ракетам-убийцам. Вряд ли кто-нибудь мог сделать больше на нашем месте. Мы свободны, Лори, свободны!

— Да, свободны: умереть от жажды, если, конечно, у нас раньше не кончится воздух, — с горькой иронией ответила девушка. — Умереть мы можем многими способами — но как нам выжить? И как спасти колонистов? Я уже не говорю о Земле, которая скоро может оказаться во власти этого безумца Свейна... Если бы у нас были навигационные таблицы...

— То что бы мы сделали? — с усмешкой спросил Фрэзер.

— Самую простую вещь. Вывели бы «Олимпию» на траекторию полета к Земле и написали послание правительству США, а затем открыли бы люки. Орбитальные станции слежения наверняка заметили бы наш корабль и перехватили бы его. Народы Земли узнали бы об угрозе из космоса. Да, мы погибли бы, но погибли бы с чистой совестью!

Фрэзер покачал головой.

— Боюсь, вы ошибаетесь, Лори, — мягко сказал он. — Чтобы успеть на Землю раньше Свейна, «Олимпии» надо лететь с гиперболической скоростью. Киберштурман этого корыта не предназначен для таких штук, здесь без пилота не обойтись. Нет, шею Свейну нам таким образом не свернуть. Надо придумать что-нибудь другое...

Он замолчал, пораженный внезапной идеей. А что, если...

Лоррейн с тревогой посмотрела на него:

— Что с вами, Марк?

— Так... Пришла в голову одна мысль. Дурацкая, сумасшедшая, но все же... Если бы мы сумели раздобыть немного кислорода и воды на Юпитере, то не надо было бы и лететь на Землю.

— Что-о?

— Все, что у нас есть, — это пустые трюмы «Олимпии». А на поверхности этой милой планетки сколько угодно льда. Нам, конечно, и носа нельзя высунуть наружу в таких скафандрах, но люди Теора могут нагрузить трюмы до предела. А уж я как-нибудь сумею наладить электролиз кислорода из воды.

— Но ведь лед на Юпитере не чистый, в нем много примесей аммиака и метана! Разве вы сможете избавиться от них?

— Постараюсь. Но сначала надо попытаться связаться с Теором.

Фрэзер включил бортовой нейтринный передатчик. Его мощность была невелика, и до лун его сигнал дойти не мог. Но до релейных спутников, вращающихся вокруг Юпитера, дальности его действия вполне могло хватить. А дальше сигнал должен был попасть к Теору обычным путем, через передатчик, который наяры величали Оракулом.

— Теор, это говорит Марк. Ты слышишь меня? — сказал он на общем языке.

— Какая странная речь, — заметила Лоррейн. — Сплошное щелканье и свист. Вы молодец, Марк, — мало кто научился говорить на языке этого племени юпитериан. Что, нет ответа?

— Нет. Боюсь, отвечать уже никому...

Только сейчас Фрэзер вспомнил о том, что его друг сам находится в бедственном положении. Кто знает, спасся ли он, нашел ли остатки разгромленного войска Вальфило? Или бродит, потеряв надежду, среди диких, необитаемых гор? Но тогда у них с Лоррейн нет шансов на спасение...

— Теор! Брат, почему ты молчишь? Ответь, прошу тебя!

Прошло несколько томительных минут, прежде чем Фрэзер услышал глухой, усталый голос друга:

— Уш! Небо, благодарю тебя! Марк, я счастлив услышать твой голос.

— Как дела, брат?

— Тяжелая битва идет, Марк. Я с трудом вырвался из сечи, чтобы поговорить с тобой. Похоже, для наярров настал последний день. Но я рад, что ты жив, Марк!

— Расскажи, что произошло. Я нахожусь недалеко от тебя — об этом ты можешь судить по отсутствию паузы между нашими ответами. Может быть, мне даже удастся... Но об этом потом, я хочу сначала узнать о твоих приключениях.

Теор коротко рассказал другу о своих странствиях в горах, о Скрытом народе, о том, как ему удалось найти армию Вальфило в лесах Дикой Стены. Фрэзер с изумлением выслушал эту фантастическую историю, а затем, помрачнев, обрисовал ситуацию, в которую попали они с Лоррейн.

— Странно, как переплелись наши судьбы, — задумчиво заметил Теор. — Не знаю, что посоветовать тебе, Марк. Что касается меня, то я должен вернуться к холмам — туда, где умирает мой народ под топорами чужаков. И все же мы хорошо воевали — и ты, и я, разве не так?

— Если бы я мог тебе помочь, — с тоской произнес Фрэзер. — Но погоди, я, кажется, придумал!

— Что? Показать твой летающий корабль нашим врагам? Но уже поздно...

— Теор, я не желаю тратить драгоценное время на споры. Я лечу к тебе. Держись пока подальше от драки, без тебя нам с наяррами не договориться. Может твое войско продержаться еще несколько часов?

— Да, да, конечно! Не сомневаюсь, что улунт-хазулы достаточно нахлебались своей и чужой крови и захотят отойти на время, чтобы собраться с силами перед новой атакой. Мы тоже можем отступить и больше не лезть в драку, а дать противнику погоняться за нами по равнине. Но как тебе удастся...

— Жди моего следующего вызова. Я прилечу, обязательно прилечу!

Фрэзер выключил передатчик и повернулся к Лоррейн.

— Наденьте ремни, красавица. Мне очень жаль, но нам еще немного придется помучиться при пяти г.

Девушка не стала спорить. Сев в кресло, она стала торопливо застегивать пояса безопасности, а когда закончила, Фрэзер коротко объяснил ей, как обстоят дела.

— Так или иначе, но войну наяврам мы поможем выиграть, — заключил он.

Девушка ласково коснулась его шлема:

— Марк, вы молодчина. Я уже говорила, что вы — настоящий мужчина!

— Э-э... о чем я хотел сказать? Да, о том, что, если повезет, и мы сможем выпутаться из ловушки, в которую нас загнал Свейн. Но сначала я хочу впустить в корабль юпитерианскую атмосферу. В принципе, это не предусматривалось в программе полета «Олимпии», но ведь на борту совсем нет воздуха! Мне что-то не хочется, чтобы корпус этой посуды треснул, словно орех. Приготовьтесь, Лори.

Он нажал несколько кнопок, игнорируя тут же вспыхнувшую табличку с надписью «Опасность». Воздух планеты с шумом ворвался через приоткрывшиеся заглушки. В кабине сразу потемнело от пыли. А затем Фрэзер начал спуск.

Было не просто погасить орбитальную скорость, составлявшую 26 миль в секунду, да еще в условиях постоянного чудовищного шторма, но корабль стал потихонечку снижаться. Перед глазами людей открывалась фантастическая панорама, которую не приходилось видеть никому из землян.

Сначала исчезли звезды. Небо сменило черную окраску на темно-фиолетовую с белесыми поясами облаков, состоящих из кристаллов льда. Они сияли под косыми лучами солнца. Внизу открывался бескрайний воздушный океан, в котором плыли темные фронты туч — каждый размером с земной материк, — озаряемые бесчисленными искрами молний. Даже бывалому Фрэзеру стало не по себе, когда корабль начал падать в этот мир титанических облаков, а Лоррейн не выдержала и закрыла глаза, вся дрожа от страха.

Фрэзер выключил двигатель, когда воздушное давление поднялось до уровня, соответствующего двадцати милям земной высоты — здесь же расстояние до поверхности было куда меньше. Затем «Олимпия» выпустила по бокам крылья, и началась аэродинамическая часть полета.

Вскоре корабль вошел в слой облаков парообразного аммиака. Экраны немедленно окутала тьма. Фрэзер переключил их на инфракрасный диапазон волн, но видимость улучшилась мало. И только когда рядом вспыхнула гигантская молния, на мгновение проявились силуэты причудливых скал и каньонов этого облачного царства. Чуть позже на «Олимпию» водопадом обрушился дождь, и корабль забрыкался, словно необъезженный мустанг. Стрелки на приборах начали бешеную пляску —

не меньше трясло Фрэзера с Лоррейн. Это был, наверное, самый жуткий участок спуска.

Через час корабль вышел из зоны дождя. Он спустился уже настолько, что окружающее давление стало поистине чудовищным. Ни один космолет, созданный руками человека, не мог бы уцелеть в таких условиях — кроме «Олимпии». Ее кабина и двигательный отсек были заключены в оболочку из суперпрочного сплава стали со специальной структурой, в которой молекулы были до предела сближены друг с другом. Только отверстия для входного и грузового люка нарушали моноструктуру конструкции. Но створки были настолько массивными, что юпитерианская атмосфера им была не страшна. Корабль не имел иллюминаторов, а экраны работали от приборов, уже опробованных на автоматических станциях, сброшенных на поверхность Юпитера. Кое-кто из ученых утверждал, что многие части конструкции «Олимпии» могли выдержать даже полет к Солнцу. И все же «Олимпия» была не столько космолетом, сколько своеобразным батискафом. Она не столько летала, сколько плыла через плотную юпитерианскую атмосферу.

Корпус вновь затрясся, на сей раз от ударов аммиачных градин. Взглянув на экран, Лоррейн в ужасе закрыла глаза и застонала:

— Марк, да эти градины весят не меньше, чем я. Что, если они разобьют оболочку?

— Тогда до поверхности мы долетим самостоятельно, — усмехнулся Фрэзер и полностью сосредоточился на управлении кораблем.

Наконец они вышли из штормового вихря и попали в относительно спокойную зону, которая на экранах выглядела плотным зеленым туманом. Фрэзер тихо выругался сквозь зубы — никогда во время полета он не чувствовал себя таким беспомощным. Судя по величине давления, они должны были уже врезаться в поверхность планеты, но земли пока не было видно. И дальномеры молчали — бешеная тряска вывела их из строя. Но когда же кончится этот проклятый туман?

Внезапно зеленая пелена спала, и на экране открылась панорама поверхности Юпитера. Снимки, переданные с автоматических станций, немного подготовили обоих колонистов к этому зрелищу, но действительность оказалась куда более впечатляющей. Над ними простирался золотистый купол небес, в котором кипели бирюзовые, медно-зеленые и ультрамариновые облака. В северной части неба висел черный грозовой фронт, обрушивающий на поверхность дождь, по сравнению с которым Ниагара показалась бы ручейком. Среди бушующих

аммиачных потоков то и дело вспыхивали зигзаги молний, от одного вида которых Лоррейн стало плохо.

Внизу тоже было на что посмотреть. На западе расстился океан, над которым висела пелена мрака. Огромные волны, светясь мириадами искр, мерно катили свои пенные гребни на восток, где с оглушительным грохотом накатывались на гигантскую дугу берега. Пространство суши, густо поросшее кустарником, тянулось к далекому горизонту и таяло в бронзовом тумане. На юге высоко к облакам поднимался ледяной хребет, невдалеке от которого к морю стремилась фосфоресцирующая лента реки. Фрэзер с трудом оторвался от завораживающего зрелища, чтобы взглянуть на приборную панель. Радары регистрировали излучение автоматического маяка — того, что находился в Доме Оракула вместе с другими механизмами землян, но сигнал был слишком слаб. То ли они находились слишком далеко от Наярра, то ли сели аккумуляторы маяка. Фрэзер еще немного снизил корабль и, развернувшись, полетел на север.

— Эй, Марк, смотрите! — внезапно закричала Лоррейн и указала на нижний экран. Фрэзер присмотрелся и увидел стаю похожих на рыб существ, плывших в воздухе в полумиле ниже «Олимпии». По равнине, поднимая тучи пыли, бежало стадо шестиногих животных с могучими бивнями. При виде «Олимпии» они в панике стали разбегаться в разные стороны.

— Странно, — еле слышно произнесла Лоррейн и облизнула пересохшие губы. — Я почему-то всегда считала, что поверхность Юпитера напоминает гигантский ледник.

— А Теору поверхность нашей Земли показалась бы скаленной каменистой оболочкой, — с усмешкой заметил Фрэзер. — Все относительно в этом мире, красавица.

— Но в этом холодном мире так много жизни! Это так прекрасно!

Фрэзер кивнул:

— Угу. Юпитер — настоящее чудо Вселенной. Жаль, что нам недолго придется любоваться им. Увы, его обитатели не так уж ценят жизнь себе подобных — совсем как адмирал Свейн. И это может дорого обойтись не только наяррам, но и нам с вами, Лори.

Неожиданно девушка с любопытством спросила:

— Ваш друг Теор — он что, тоже имеет семью?

— Да. Он очень заботливый супруг и, если бы не война, скоро был бы счастливым отцом. А сейчас жизни всех наярров висят на волоске.

Фрэзер пытливо поглядел на Лоррейн, но та помрачнела и отвернулась.

Впереди появилась довольно широкая река, которая скорее всего была Брантором. «Олимпия» сделала широкий вираж и полетела на небольшой высоте вдоль берега к океану. Вскоре радиокompас подсказал, что корабль находится над Наярром. Внизу действительно расстиралась равнина со следами интенсивной деятельности разумных существ. Сам город сверху был больше похож на запутанный лабиринт. Между зданиями суетилось множество наярров. Завидев небесный корабль, они стали в ужасе прятаться кто куда.

— Теор, как дела? — напряженным голосом спросил Фрэзер.

— Хуже, чем я надеялся. Чужаки еще не сбросили нас с холмов, но с каждой их атакой наши ряды редеют. Где ты находишься?

— Над Наярром

— Город еще держится?

— Да. Сверху что-то не видно лагеря улунт-хазулов. Но твои сородичи испуганы и не пытаются установить контакт со мною.

— Дай им время. Члены Совета знают, как использовать коммуникатор в Доме Оракула — сейчас они просто растерялись. Они знают несколько слов из общего языка, так что в случае моей гибели смогут помочь тебе. Но я еще надеюсь на спасение. Марк, твое появление в небе должно быть как можно более эффектным и пугающим!

— Постараюсь. Но сначала объясни, как найти место, где идет битва. Когда мой корабль повиснет над холмами, отдай своим командирам приказ немедленно отступить. Ваша армия должна укрыться за холмами.

Фрэзер замолчал, лихорадочно размышляя. Только сейчас ему стала до конца ясна тактика его будущих действий.

— Теор, ты сможешь установить связь с врагом?

— Я полагаю, Чалхиз отлично понимает язык наших барабанов.

— Предупреди его, что Оракул скоро прилетит с неба и уничтожит его войско, если улунт-хазулы не сдадутся!

— Как Чалхиз будет смеяться! Ты не представляешь, что они сделают с нами, если твоя угроза окажется пустым звуком.

— Я не бросаю слов на ветер, — сухо заметил Фрэзер.

— Надеюсь. Это ведь может спасти и тебя? Теперь слушай внимательно — надо лететь в сторону...

Фрэзер внимательно выслушал друга. К его радости, голос Теора звучал бодрее — видимо, наяры поверили, что спасение возможно.

— Еще одна важная деталь, — сказал Фрэзер, когда Теор закончил. — Предупреди своих людей, чтобы они не смотрели в сторону моего корабля. Пусть закроют лица щитами или отвернутся. Я уже близко. Удачи тебе, Теор!

— Пусть небеса помогут тебе в этот трудный час, брат!

Фрэзер отключил связь и коротко пересказал содержание беседы Лоррейн.

— Хорошо придумано, — сказала она задумчиво. — Только вдруг ваш план не сработает?

Фрэзер промолчал.

«Олимпия» летела вдоль Брантора. Через несколько минут внизу появились корабли улунт-хазулов, рядом с которыми отдыхали морские чудовища. Вдали показалась холмистая местность, усеянная тысячами кентавров. Поначалу Фрэзеру показалось, что на поле боя царит хаос, но затем он заметил, что небольшая часть юпитериан стала отходить за один из холмов. Улунт-хазулы пока не преследовали их — видимо, они были порядком измотаны долгой битвой. На земле остались сотни лежащих тел — они выглядели так же жутко и трогательно, как погибшие колонисты на поле у Авроры.

— Теор, ты готов? — процедил Фрэзер, сжав ручки управления.

— Айя!

Фрэзер бросил корабль вниз.

Он надеялся, что улунт-хазулы разбегутся при одном виде небесного корабля. Но это были мужественные воины, умевшие подчиняться строгой дисциплине. Звуковые сенсоры корабля донесли до Фрэзера взрыв барабанного боя. Видимо, звучал сигнал: «Всем собраться!», потому что воины стали организованно строиться в ряды. Выстроившись огромным квадратом, они подняли вверх копыта и разразились громкими криками, словно грозили космическому богу.

→ Теор, я вижу яркий флаг в центре войска. Может, там находится их вождь?

— Да, скорее всего Чалхиз сам командует боем. Мне стыдно, что я сейчас не со своими людьми и не участвую в битве.

— Я тоже чувствую нечто подобное... Ну что ж, надо проведать Чалхиза и передать ему привет от тебя.

«Олимпия» слегка накренилась, и Фрэзер выстрелил в сторону знамени двумя химическими ракетами — единственным оружием, находящимся на всякий случай на борту корабля. Ни

на Ганимеде, ни в космосе они не представляли никакой угрозы для противника, поскольку их боеголовки были специально рассчитаны на реакцию с нижними слоями юпитерианской атмосферы, но здесь они сработали на славу.

В небе словно вспыхнуло маленькое солнце. Земля запылала, ледяные склоны холмов расплавились и потекли, превратившись в бурные потоки. Облака паровозного аммиака окутали все кругом. Многие улунт-хазулы вспыхнули, как факелы. Чуть позже пришла страшная ударная волна, бросившая на землю немногих уцелевших воинов. Могучий порыв ветра покати́л их к реке, словно легкие шарики.

Фрэзер не мог точно сказать, много ли улунт-хазулов попали в этот адский котел. Он взглянул на другую сторону холмов, где лежали вповалку сбитые с ног наярры. Вскоре он с облегчением увидел, как в сторону реки бегут и сотни уцелевших чужаков, обожженных, вопящих от боли, но живых! Это было все, что осталось от могучей армии Чалхиза.

— Теор, как чувствуют себя ваши люди? — спросил он, стараясь не думать о тысячах существ другого мира, которых только что погубил.

— Слава небесам, мы хорошо защищены склоном холма! Все ошеломлены ужасным огнем, упавшим с неба, но потихоньку начинают приходить в себя. Вальфило уже отдал полкам приказ двигаться к реке и захватить остатки вражеского войска, пока они не уплыли на кораблях к морю. Иначе чужаки могут собраться в банды и начать терроризировать население Медалона. В крайнем случае мы прогоним их за Дикую Стену, там дикие племена быстро с ними разделаются. Спасибо тебе, Марк, ты спас нас от верной гибели! Ты собираешься сесть?

— Конечно, — сказал Фрэзер дрогнувшим голосом.

— Мы ждем тебя, брат! Подумать только, ты будешь первым землянином, посетившим нашу планету!

Фрэзер выключил передатчик и влажными глазами посмотрел на Лоррейн. Та, не скрывая слез радости, сбросила ремни безопасности и, вскочив, прижала его шлем к своей груди.

— О, Марк, вы совершили настоящее чудо! Вы, вы...

— Я — убийца, — глухо сказал Фрэзер, зажмурившись. — Я убил тысячи инопланетян.

— Но вы спасли целую цивилизацию от гибели! — горячо возразила девушка. — Только подумайте, сколько жизней было бы погублено, если бы вы не вмешались в эту бойню! Я уже не говорю о том, что у нас есть шанс разделиться со Свейном...

— Мы сделаем это, Лори, сделаем! — прошептал Фрэзер и, уже не сдерживаясь, заплакал.

Фрэзер сидел в пилотском кресле и испытывал танталовы муки. Ему было наплевать, что наступил исторический момент, что люди впервые высадились на казавшемся вчера недоступном Юпитере и там, за бортом корабля, находятся десятки наярров. Долгое пребывание в тесном скафандре заставило позабыть все возвышенные чувства. Все его тело чесалось от пота, а желудок выворачивался. Запахи также были далеко не ароматическими. Но больше всего он страдал от голода. Единственное, что он смог себе сейчас позволить, был сон. Пока наярры нагружали трюмы «Олимпии» льдом, они с Лоррейн всласть выпались. Вот таким оказался первый контакт людей с разумными обитателями Юпитера.

Когда он очнулся, Лоррейн еще спала. Некоторое время Фрэзер сидел и удивлялся, до чего фантастический план спасения пришел ему в голову. Но что еще можно было придумать в таком отчаянном положении? Правда, Теор предложил ему перелететь к Атху. Местные кузнецы, мол, могут быстро очистить нужное количество льда от примесей. Но молодой наярр скоро сам передумал, посчитав, что жители Атха скорее всего разбежались, узнав о приближении врага, и вся эта операция займет слишком много времени.

Фрэзер взглянул на экран. День близился к закату. Солнца не было видно, его закрывали толстые слои облаков, но купол неба на западе был заметно светлее. Туман окутывал вершины холмов, на которых кое-где виднелись могучие деревья, раскачивающиеся под порывами ветра. Вдали виднелась лента реки, мерцающая мириадами искр, а на горизонте возвышалась темная громада Дикой Стены.

— Черт, до чего же мне хочется...

— Чего, Марк? — сразу же отозвалась проснувшаяся Лоррейн.

— Когда-нибудь вновь вернуться сюда и посмотреть на эти места при свете дня.

— Почему бы и нет? Если бы мы были экипированы как следует и имели запас стимулирующих таблеток, то вполне могли бы провести здесь несколько дней. Не переживайте, вас наверняка пригласят в следующую экспедицию, а я... Все-таки я женщина и не очень-то подготовлена для таких полетов.

— Хм... вряд ли и меня возьмут в полет, Лори. Здесь нужны пилоты получше, а что касается контакта с Теором... этим я вполне могу заниматься и сидя на Ганимеде. Стар я для таких полетов, вот в чем дело.

Девушка закусила губу, не зная, чем утешить друга.

— Я даже не могу толком воспринимать происходящее, — продолжал жаловаться Фрэзер. — Я словно отупел. Вы помоложе, Лори, так что смотрите во все глаза — впоследствии вам придется рассказывать ученым, на что похож Юпитер вблизи.

— Если это «впоследствии» будет вообще, — хмуро пробормотала Лоррейн.

— Вы не верите в мой план?

— Да я вообще не думаю сейчас о Свейне! Меня волнует другое — сможем ли мы взлететь! Когда я вспоминаю о нашем спуске на эту чудовищную планету, меня просто дрожь пробивает. Думаю, улететь отсюда не легче...

Фрэзер промолчал.

Тем временем наярры закончили погрузку. Это оказалось нелегко — таскать глыбы льда после кровавой, изнуряющей битвы. Они прошли мимо экрана, и земляне рассмотрели их израненные тела, опущенные руки и бессильно опавшие гребни. Нетвердой походкой воины направились в сторону реки. А Теор подошел к носовой части корабля и встал прямо перед экраном. Косые лучи солнца отражались в его больших глазах и диске коммуникатора, висевшего на груди.

— Мы закончили, брат, — сказал он усталым голосом. — Скажи, чем мы можем еще помочь?

— Вы и так много сделали для нас, — ответил Фрэзер.

— Теперь ты можешь взлететь?

— Да.

— Я даже не видел вас за стенками этой металлической оболочки. Неужели наши руки никогда не встретятся? Уш, в странном мире мы живем.

— Я свяжусь с тобой, как только смогу, Теор.

— Буду переживать за тебя и твою подругу. Пусть сила будет с вами всегда!

— Прощай, Теор.

— Прощай, Марк.

Юпитерианин махнул рукой и побрел в сторону холма. Фрэзер еще некоторое время с волнением смотрел ему вслед, затем положил руки на панель управления. Закрыв грузовой люк, он включил двигатель. Струи огня вырвались из сопел, и корабль медленно стал уходить в небо, поднимая тучи пыли. Теор стоял на склоне и махал рукой. Вскоре он исчез во мраке.

Взлет действительно оказался непростым, но на сей раз Юпитер не стал обрушивать на корабль удары своих чудовищных ураганов. На высоте около двадцати миль Фрэзер открыл

заглушки и заполнил все отсеки корабля, кроме кабины, почти чистым водородом. Поднявшись над облаками, он увеличил тягу и при пяти g вышел на орбиту. У него едва хватило сил совершить маневр разворота, а затем он включил киберштурман и погрузился в спасительный сон.

Очнувшись, он почувствовал себя по-прежнему слабым, но все же отдохнувшим. Даже не верилось, что позади остались посадка на поверхность Юпитера и встреча с Теором, пусть и через толщу экрана.

— Как вы себя чувствуете, Лори? — обратился он к девушке.

Та улыбнулась в ответ, однако лицо ее было очень бледным.

— Нет, Марк, полеты на Юпитер не для меня, — еле слышно ответила она. — Эта перегрузка едва не раздавила меня... И к тому же я очень голодна. Я думаю, мы можем съесть последние концентраты, верно?

Фрэзер кивнул:

— Да. И напиться вволю. Больше нет смысла беречь остатки припасов. Но сначала надо собрать эту штуку, о которой я вам говорил. Не хочется прилетать к Свейну без подарка.

— Я уже подготовила все необходимое, пока вы спали, Марк.

Девушка кивнула в сторону койки, заваленной инструментами, запасными агрегатами и кусками проволоки, которые она принесла из ремонтного отсека.

— Я даже уже начала монтировать эту установку — в технике я все-таки кое-что понимаю, — улыбнулась она.

Марк с уважением посмотрел на девушку. Он совсем упустил из виду, что Лоррейн была хорошим инженером и умела разбираться не только в административных делах. При янтарном освещении Юпитера лицо девушки показалось ему удивительно красивым.

— Вы просто прелесть, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Не надо, Марк, — смущенно прошептала Лоррейн и тут же, упрямо мотнув головой, возразила сама себе: — Нет, надо! У нас может и не быть другого времени, чтобы выяснить отношения.

— Что я могу сказать, Лори? — вздохнув, сказал Фрэзер. — Я бы с удовольствием свернул шею мужчине, который вздумает жениться на вас.

— Это что, признание в любви? — нервно рассмеялась девушка. — Что ж, тогда отвечу в вашем стиле: я давно ненавижу вашу жену. И знаете, не очень-то ей завидую. Она

никогда не сможет пережить с вами того, что пережили мы вместе во время этого безумного перелета.

— Да, это верно... Но впереди нас ждут тяжелые часы, Лори. И неизвестно, чем все это кончится.

Лоррейн посмотрела на него глазами, полными слез, и отвернулась.

— Ладно, Марк, давайте займемся нашей установкой. Никогда я не ненавидела свой скафандр так, как сейчас. И ваш тоже.

Фрэзер озадаченно хмыкнул и слегка покраснел. «Все-таки Лори порой бывает излишне прямолинейна», — смущенно подумал он.

Несколько часов они работали вместе, обмениваясь лишь короткими фразами. Наконец установка была закончена. Фрэзер подключил ее к системе управления двигателем. Усталые, но довольные, они вновь уселись в кресла. После короткого отдыха Фрэзер стал готовиться к посадке на Ганимед.

Луна была уже хорошо видна и занимала почти пол-экрана, так что можно было разглядеть наиболее крупные ее кратеры и трещины. У Фрэзера были тяжелые предчувствия, но страха он не испытывал. «Я вновь лечу, чтобы убивать, — подумал он. — Мало того что я уничтожил сотни улунт-хазулов, теперь я должен пролить кровь людей. О Господи, зачем ты звалил мне на плечи этот непосильный груз?»

Рассердившись, он резким движением включил передатчик.

— Космолет «Олимпия» вызывает диспетчерскую станцию Авроры, — произнес он. — Включите сопроводительный луч и разрешите мне посадку.

— Что? «Олимпия», вы сказали? — воскликнул незнакомый голос.

— Да. — Фрэзер назвал свои координаты. — Ваш радар может подтвердить, что мы находимся в этой области. Так как насчет сопроводительного луча?

— Подождите минутку, — взволнованно сказал незнакомец. — Я должен связаться с начальством.

«Конечно, ты должен сообщить Свейну об этом неожиданном сюрпризе, — с усмешкой подумал Фрэзер. — Ладно, порадай старика. А мне надо думать о другом — как уберечь Лори. Как бы ни обернулись дела, она должна остаться целой и невредимой!»

В радио некоторое время был слышен только шум космического фона, затем что-то щелкнуло, зашуршало, и в кабину ворвался возмущенный голос адмирала:

— Черт побери! С чего это вы решили вернуться?

— А что нам остается делать? — мрачным тоном произнес Фрэзер. — Мы ушли от ваших ракет, но что мы можем сделать еще?

— Кто вы такой, в конце концов? Мисс Власек с вами?

— Да, — сказала Лоррейн с вызовом. — И горжусь этим.

Фрэзер назвал свое имя. Лгать сейчас было бессмысленно и опасно.

— Так-так... Мало вам того, что вы натворили на Ганимезде? Но как вы могли уйти от моих ракет?

Фрэзер рассказал, почти ничего не скрывая.

— Мы садились на поверхность Юпитера. Вы можете проверить с помощью сканеров — наши трюмы наполнены юпитерианской атмосферой и частичками льда. Мы надеялись, что наяры как-то помогут нам, но радиомаяк в их городе не работал. Быть может, его разрушили улунт-хазулы. Вы ведь слышали об этой войне, адмирал? Мы пытались найти моего друга Теора, но на такой огромной территории без радиомаяка разыскать никого нельзя. Запасы воздуха и воды стали кончаться, и мы решили вернуться. У нас просто нет другого выхода.

— Выходите на орбиту, я пришлю к вам космобот.

— Слишком поздно, — горько сказал Фрэзер. — Воздух в кабине настолько сперт, что мы задохнемся, прежде чем ваши люди придут нам на помощь. Дайте мне сопроводительный луч, и я сам посажу «Олимпию»!

— Хм-м-м... что-то я не доверяю вам, Фрэзер. Слишком уж шустрым парнем вы оказались. Кто знает, может, вы что-то задумали?

— Дьявол, о чем вы говорите, — простонал Фрэзер. — Что мы можем сделать вашему драгоценному крейсеру? Сесть ему на голову? Но ваши пушки изрешетят нас, прежде чем мы приблизимся к нему хотя бы на милю. Разве мы стали бы возвращаться, если бы не хотели жить?

Адмирал молчал. После короткой паузы он неохотно сказал:

— Если вы так сильно хотите жить, то, надеюсь, не откажетесь назвать имена ваших сообщников?

Сердце Фрэзера бешено заколотилось. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Лоррейн покачала головой и приложила палец к стеклу своего шлема.

— Ну что? — с усмешкой сказал Свейн. — Надо сказать, что для людей, у которых вот-вот кончится воздух, вы слишком хладнокровны.

— Нам трудно говорить на эту тему, — ответила Лоррейн.

— Это ваши трудности. Я хочу знать имена, прежде чем вы посадите корабль. А потом уж мы поговорим более подробно. Но сначала я хочу знать имена предателей.

Лоррейн, побледнев, стала называть имена колонистов, которые так или иначе были связаны с планом захвата «Олимпии». Она не могла блефовать. Свейн уже достаточно хорошо ориентировался на Ганимеди, и обмануть его было невозможно. С этой минуты игра, которую затеяли Фрэзер и Лоррейн, стала опасной не только для них двоих.

— Что ж, похоже на правду, — после долгой паузы ответил Свейн. — До некоторых из этих мерзавцев я уже и сам добрался.

На экране киберштурмана вспыхнул сопроводительный луч. Фрэзер с облегчением вздохнул и обменялся улыбками с Лоррейн.

— Я хочу поставить перед вами еще кое-какие условия, — неожиданно продолжил Свейн. — Я все-таки не могу поверить вам полностью. Быть может, вблизи поверхности вы вдруг начнете маневрировать и сумеете оказаться внутри радиуса обстрела моих пушек. Рисковать я не намерен. Вы сядете на милю западнее Авроры и в трех милях к северу от кратера Навайо. Мои люди встретят вас. При любом отклонении от этой траектории вы будете немедленно уничтожены.

— Ладно, ваша взяла, — угрюмо согласился Фрэзер.

Он начал спуск. Луна поползла по экрану влево, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре корабль уже летел так низко над поверхностью, что казалось, острые скалы вот-вот попрут его брюхо. В звездном небе всплыл огромный пузырь Юпитера, испещренный желто-зелеными полосами. Впереди по курсу появилось море Навиум, темное и пустынное. «Неужели здесь и в самом деле когда-то будет плескаться вода? — подумал Фрэзер. — Но я буду тогда уже стар, очень стар...»

Поверхность стремительно приближалась. Фрэзер изменил траекторию полета, направляясь в северную часть космодрома. Включив тормозные двигатели, корабль стал медленно спускаться. Это была чертовски сложная штука — неаэродинамическая посадка. Фрэзер прекрасно умел делать это на Ганимеди, но на луне больших размеров, и тем более на планете, не рискнул бы совершить подобный маневр.

Сильный толчок — и корабль уже стоял на посадочных опорах, которые приняли большую часть удара на себя. Фрэзер облизнул окровавленные губы — во время спуска он прикусил кончик языка. Ядерный двигатель еще продолжал пульсиро-

вать, но все тише и тише. Пыль за корпусом корабля постепенно оседала, и вскоре над горами можно было разглядеть солнце.

Лоррейн с облегчением вздохнула и стала расстегивать ремни безопасности.

— Я сказала Свейну, что у нас в кабине есть воздух и мы не хотим, чтобы он вытек через люк. Так что у нас есть немного времени...

Фрэзер не ответил — он не отрываясь смотрел на «Вегу», которая, словно стальная гора, возвышалась в миле от них. Взлетное поле между двумя кораблями было ровным, словно стол, и на нем ничего не было, даже краулеров. «Повезло, — подумал он. — Хотя в этом повезло».

— Пора идти, — через минуту сказала девушка. Ее лицо было очень бледным. Наступил решительный момент.

Они вошли в кессонную камеру и терпеливо стали ждать, когда давление упадет до нуля. Странное спокойствие овладело Фрэзером. Он сделал все, что мог, остальное должны были решить законы физики. Или, может быть, сам Господь.

— Это был хороший корабль, — тихо сказал Фрэзер и, не обращая внимания на всхлипывания девушки, открыл наружный люк. Поверхность казалась пугающе далекой, но трапа у них не было. Фрэзер прыгнул первым и, приземлившись, сильно ушиб голень. Лоррейн последовала за ним, но более удачно.

И вновь они решили переговариваться, прикоснувшись шлемами, — Свейну об этом знать было ни к чему.

— Они наблюдают за нами из крейсера, — нервно сказала Лоррейн. — Мы должны идти в их сторону, иначе...

— Нет уж, дудки! — возразил Фрэзер. — Не желаю сгореть, словно спичка. Пусть стреляют, черт с ними.

Он решительно взял девушку за руку и зашагал в противоположную сторону, к кратеру Навайо.

— Эй, куда это вы направились? — подозрительно спросил Свейн.

— Мы идем к городу, — невинным голосом ответил Фрэзер. — На ваше гостеприимство, адмирал, мы не очень-то рассчитываем.

— Немедленно вернитесь! Я хочу, чтобы вы оба вышли на поле перед «Вегой» — там вас встретят мои люди. Быстро, иначе мы будем стрелять!

Фрэзер не ответил и лишь быстрее зашагал к кратеру. Лоррейн едва успевала за ним. Не выдержав, вскоре они перешли на бег. Их целью были громадные валуны, лежащие у подножия крутой стены.

Рядом вспыхнула ослепительная нить лазерного луча. В точке, куда он ударил, каменный склон кратера стал плавиться. Фрэзер толкнул Лоррейн на землю и прикрыл ее собой. Дымясь, огромное пятно побежало к ним, словно хищный зверь.

— Нет! — сдавленно вскрикнула девушка, пытаясь освободиться. — Вы не должны... Ева...

Смерть была уже в нескольких метрах, когда устройство, которое Фрэзер с Лоррейн смастерили во время полета, наконец сработало. Двигатель «Олимпии» ожил и выбросил назад мощный огненный факел. Его жар проник даже через скафандры лежащих около кратера людей. Горизонтально расположенный на колесных опорах корабль дрогнул и медленно сдвинулся с места. Киберштурман, в который была введена специальная программа, оценил координаты положения «Веги» и включил боковые сопла, корректируя траекторию движения. Стальная «торпеда», катясь на своих сверхпрочных колесах, словно вулкан, ринулась к крейсеру. Люди на борту «Веги» в течение полутора десятка секунд в ужасе смотрели на фантастический снаряд, неотвратимо несущий им гибель.

Орудия крейсера, конечно же, могли уничтожить этого огнедышащего дракона, но, пока артиллеристы разворачивали стволы, «Олимпия» была уже внутри зоны обстрела. И все же «Вега» имела опытный экипаж, готовый к любым неожиданностям. Пилот успел включить двигатели, и корабль с максимальной перегрузкой взлетел, вдребезги размолоотив выхлопными газами бетонные плиты. Часть этого могучего удара пришлась на «Олимпию» и разрушила отсеки, наполненные юпитерианскими водородом и льдом. К небу взметнулся столб пламени и накрыл беглеца.

В нескольких сотнях метров над поверхностью вспыхнуло маленькое солнце. Потом вниз стали падать тысячи дымящихся обломков. Фрэзер едва успел оттащить девушку за ближайший валун, который прикрыл их, словно щит.

Через минуту огненное облако рассеялось, и газы улетучились в космос. Земля вздрогнула в последний раз и успокоилась.

Настала тишина.

Фрэзер встал на нетвердых ногах и помог подняться Лоррейн. На ее лице застыла маска ужаса.

— Вы... вы в порядке? — хрипло спросил Фрэзер.

— Да... кажется, жива, — задыхаясь, ответила девушка. — Город... город цел?

Они разом взглянули на восток, жмурясь от солнечных лучей. Купол Авроры был не поврежден, однако неподалеку от него лежали крупные обломки.

— Слава небесам, мы все-таки сделали это! — воскликнул Фрэзер, не веря своим глазам.

Билл Эндерби встретил их у восточного портала. Не находя слов от волнения, он просто обнял по очереди Фрэзера и Лоррейн.

— Я знал, что вы разделаетесь с этим крейсером, — наконец произнес он. — Черт, неужели Свейну и его банде настал конец?

— А что с гарнизоном, который остался в Авроре? — устало спросил Фрэзер.

— Что они могли сделать? Конечно, вояки с «Веги» сдались без единого выстрела. Взрыв крейсера поверг их в шок — они-то были уверены в неуязвимости своего стального чудовища.

— Да, но есть еще космоботы на орбитах вокруг лун, — робко напомнила Лоррейн.

— Э-э, чепуха! — отмахнулся Эндерби. — Пилотам остается только прилететь с поднятыми вверх лапками. Запасы воздуха и воды на их борту настолько ограничены, что они и не подумают начинать войну. Да и что космоботы могут сделать Авроре? Погодите, — спохватился он, — вы не ранены? Мисс Власек, может быть, вам нужна помощь?

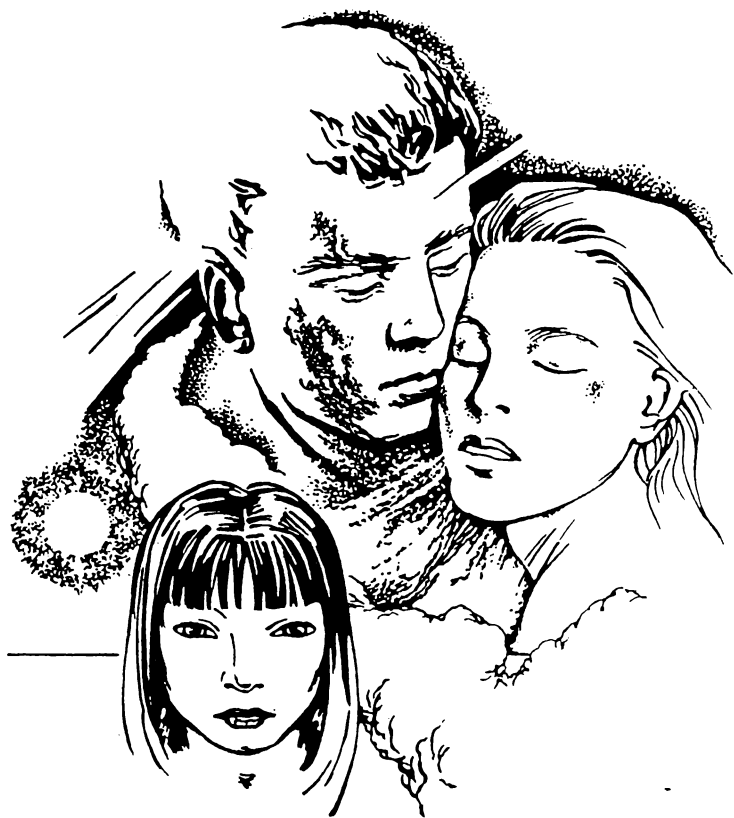
Девушка покачала головой, не отрывая вопрошающих глаз от Фрэзера.

— Марк, дружище, а для тебя я могу сделать что-нибудь?

Фрэзер повернулся и посмотрел в сторону гор, над которыми висел чудовищный шар Юпитера.

— Да, — сказал он. — Помогите мне связаться с семьей. Я хочу, чтобы жена и дети поскорее приехали в Аврору.

Лоррейн опустила голову и молча пошла вслед за Биллом через портал. А Фрэзер все стоял и смотрел, как диск солнца приближается к полосатому Юпитеру. Близилось затмение, но он знал, что Ева и ребятишки успеют приехать в город, прежде чем оно закончится.

ТАУ — НОЛЬ

Глава 1

— Посмотрите-ка — вон там, прямо над Десницей Господа... Это он?

— Да, думаю, это он. Наш корабль.

Весь вечер они бродили по Миллесгардену*, и теперь тут, кроме них, уже не осталось ни одного посетителя. Он видел скульптуры впервые и восхищался ими, а она молча прощалась с тем, что было до сих пор частью ее жизни. С погодой им повезло. В этот день, один из последних дней лета, на Земле светило солнце, ветерок качал ветви деревьев и тени листвы танцевали на стенах белокаменных вилл, ясно, звонко журчали фонтаны.

А когда солнце село, парк вдруг ожил. Показалось, будто каменные дельфины резвятся в волнах, Пегас рвется в небеса, а Фольке Фильбитер** живо вглядывался вдаль, будто и вправду надеялся разглядеть там своего потерянного внука, и конь его словно по-настоящему споткнулся, переходя брод... Орфей чутко прислушивался к чему-то, юные сестры пугливо обнимались — все скульптуры ожили, воскресли на одно краткое безмолвное мгновение, но этот миг их жизни был для них не менее реален, чем время, текущее по людским часам, для живых людей.

— Кажется, что они живые, что это они устремлены к звездам, а наш удел — остаться здесь, стариться и умереть... — прошептала Ингрид Линдгрэн.

Чарльз Реймонт не расслышал ее слов. Он, стоя на вымощенной плитами площадке под березой, листья которой уже тронула желтизна, не отрываясь смотрел в небо на «Леонору Кристина». «Десница Господа», величественная колонна, взды-

* Миллесгарден — парк в Стокгольме, украшенный скульптурами Карла Миллеса. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Фольке Фильбитер — легендарный народный герой Швеции времен раннего средневековья.

мавшая в небеса Гений Человека, могущественно белела на фоне зеленовато-голубого неба. Крошечная, быстро летящая звездочка блеснула и погасла над скульптурой.

— Вы уверены, что это не спутник? — нарушила молчание Линдгрэн. — Вот уж не думала, что мы ее увидим...

Реймонт искоса посмотрел на спутницу.

— Вы первый помощник и не знаете, где летает ваш корабль?

По-шведски Реймонт говорил с ужасным акцентом, как, впрочем, и на всех остальных языках, кроме родного, и ощущалось в этом что-то вроде насмешки.

— Я же не навигатор, — оправдываясь, сказала Линдгрэн. — И потом, я вообще-то, честно говоря, стараюсь сейчас как можно реже думать о корабле, о полете. И вам советую. Столько лет только об этом придется теперь думать. — Она подошла к Реймонту поближе и произнесла почти умоляюще: — Прошу вас. Не надо портить такой прекрасный вечер.

— Простите, — извинился Реймонт. — Я ничего такого не имел в виду.

Тут к ним подошел смотритель, остановился неподалеку и нерешительно проговорил:

— Прошу прощения, но мы должны запереть ворота.

— О! — Линдгрэн вздрогнула и посмотрела на часы, потом огляделась по сторонам. Кругом было пусто — никого, кроме скульптур Карла Миллеса*, персонажей, которых он изваял из камня и металла три века назад. — Да ведь парк давно уже должен был закрыться! Я совсем забылась.

Смотритель понимающе кивнул:

— Я так понял, что господин и госпожа очень хотели еще побродить по аллеям; вот я и не стал вас торопить, после того как другие посетители ушли.

— Значит, вы нас знаете? — удивленно спросила Линдгрэн.

— Кто же вас не знает! — восхищенно воскликнул пожилой смотритель, глядя на Линдгрэн.

Она была высокая, стройная; с правильными чертами лица, светловолосая, синеглазая. Одета намного изысканнее, чем можно было ожидать от космолетчицы, и ей удивительно шли глубокие мягкие тона легкого платья времен раннего средневековья.

* Карл Миллес (1875—1955) — знаменитый шведский скульптор, лауреат многих престижных премий в области искусства.

Реймонт выглядел полной противоположностью: крепко сложенный, темноволосый, с суровым обветренным лицом. Правую бровь пересекал шрам, который, судя по всему, Реймонта совершенно не смущал. Его строгая рубашка и простые брюки запросто сошли бы за форменные.

— Спасибо, что не выдали нас, — поблагодарил он смотрителя, скорее формально, нежели от души.

— Я решил, что вам будет неприятно, если на вас станут глазеть, — объяснил смотритель. — Не сомневаюсь, — добавил он, — вас многие узнали, но повели себя так же, как я.

— Вот видите, какие мы, шведы, тактичные люди, — сказала Линдгрэн, улыбаясь Реймонту.

— Разве я спорю? — пожал плечами ее спутник. — Это так типично для Солнечной системы. И вообще, — добавил он, немного помолчав, — всякий, кто завоевывает мир, вынужден быть вежливым. Римляне в свое время были куда как вежливы. Пилат, к примеру.

Смотрителя явно смутил столь неожиданный выпад. Линдгрэн обиженно возразила:

— Я сказала «alskvardig», а не «artig» («тактичны», а не «вежливы»). Благодарю вас, господин смотритель. — Она протянула старику руку.

— Приятно было познакомиться, мисс первый помощник Линдгрэн, — церемонно поклонился смотритель. — Желаю вам счастливого пути и благополучного возвращения домой.

— Если путь наш будет действительно счастливым, — уточнила Линдгрэн, — домой мы не вернемся никогда. А если вернемся... — Она запнулась. Если они вернутся, смотрителя уже не будет в живых. — Позвольте вас еще раз поблагодарить, — кивнула она старику. — Прощайте, — сказала она деревьям, фонтанам и скульптурам.

Реймонт пожал смотрителю руку, пробормотал что-то нечленораздельное, и они с Линдгрэн вышли за ворота парка.

Высокие стены отбрасывали густую тень на мостовую. В тишине гулко звучали шаги. Через некоторое время Линдгрэн задумчиво проговорила:

— Я все думаю: действительно ли мы видели наш корабль? Мы ведь сейчас на такой широте... Даже корабль с двигателем Буссарда не так велик, чтобы сверкнуть в лучах закатного солнца.

— Его можно заметить, если выпущены ловушки силового поля, — сказал Реймонт. — Корабль вчера вывели на околоземную орбиту для последних испытаний.

— Да, все правильно. Программу испытательных полетов я видела. Но мне совершенно не обязательно помнить, что происходит с «Леонорой Кристин» каждую минуту. Особенно потому, что до отлета еще так много времени — почти два месяца. Зачем думать об этом? Какой от этого толк?

— Ну, ясно. Какое мне, простому корабельному констеблю, до этого дело, — ухмыльнулся Реймонт. — Будем считать, что я тренируюсь на случай тревоги.

Линдгрэн искоса, с опаской посмотрела на Реймонта. Они подошли к парапету на набережной. Вдалеке на другом берегу поочередно загорались огоньки Стокгольма. Над домами и деревьями сгущалась ночная тьма. Поверхность воды канала стала похожа на темное зеркало. Звезд на небе было пока еще совсем немного, только Юпитер, видимый невооруженным глазом, горел ярко и ровно.

Реймонт присел и подтянул к берегу взятую напрокат лодку. Спускавшиеся в воду якорные цепи придавали ей полное сходство с настоящей. У Реймонта была специальная лицензия, позволявшая причаливать практически где угодно. Ведь межзвездная экспедиция — событие всемирного масштаба. Утром они с Линдгрэн совершили настоящий круиз по архипелагу — несколько часов подряд любовались пышной зеленью островов, среди которой живописно расположились нарядные домики, легкими парусами, чайками и солнечными зайчиками на синих волнах. Таких красот на бете Девы им не увидеть, а уж по пути туда — тем более.

— Карл, — назвала Реймонта на шведский манер Линдгрэн, — у меня такое ощущение, что я вас совершенно не знаю. Да и не только я, наверное.

— А? — откликнулся Реймонт. Борт лодки ударился о гранитный берег. — Моя биография записана, как и у всех остальных членов команды, — буркнул он и прыгнул на кокпит.

Придерживаясь одной рукой за борт, другую он подал Линдгрэн. В принципе, можно было бы и не опираться на плечо Реймонта, но она оперлась. А его рука даже не дрогнула от ее веса.

Линдгрэн села на скамейку неподалеку от штурвала. Реймонт повозился с рулем, отвинтил головку цилиндра. Раздался еле слышный звук — заработал молекулярный двигатель, и тут же послышался плеск воды за кормой — завертелся винт. Движения Реймонта были далеко не такими изящными, как у его спутницы, зато он действовал быстро и четко.

— Да, мы все знаем друг о друге то, что написано в полетных документах, — кивнула Линдгрэн. — Но про вас там сказано предельно кратко, по минимуму. «Чарльз Ян Реймонт. Гражданство — межпланетчик. Возраст — тридцать четыре года. Родился в Антарктиде, но не в самой престижной колонии...» Да, там, на нижних уровнях Полиюгорска, мальчику, отец которого рано умер, светили только нищета и неуверенность в завтрашнем дне. «В юности попал на Марс (каким образом — не указано) и работал там, то и дело меняя профессии — до тех пор, покуда не начались беспорядки... Потом... потом он сражался с “Зебрами”, да так отчаянно, что ему в конце концов предложили место в Корпусе Лунных Спасателей. На Луне Реймонт завершил свое образование и, быстро продвигаясь по служебной лестнице, дослужился до чина полковника, в коем был направлен в полицию для улучшения работы. Когда он подал заявление на участие в экспедиции, Генеральный Руководитель Проекта с радостью дал положительный ответ на запрос». Вот и все. О вас как о человеке там ни слова не сказано, — не унималась Линдгрэн. — Неужели вам удалось это скрыть даже во время психологического тестирования?

Реймонт перешел на нос лодки, перегнулся через борт и аккуратно выбрал оба якоря, сел к штурвалу и завел двигатель. Магнитный мотор работал бесшумно, винт почти беззвучно вертелся за кормой, но лодка быстро и легко заскользила вперед. Реймонт смотрел прямо перед собой.

— Почему вас это так интересует? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нам предстоит прожить рядом не один год. Очень может быть — до конца жизни.

— Ну, тогда я поистине удивлен, что вы решили этот день провести со мной.

— Вы же меня пригласили, Карл.

— После того как вы позвонили мне в гостиницу. Наверное, по корабельному реестру вы знали, где я остановился?

Миллесгарден растаял за кормой. Было темно и не видно, покраснела ли Линдгрэн. Глядя в спину Реймонта, она призналась:

— Да. Просто я подумала, что, может быть, вам одиноко. У вас же никого нет, верно?

— Да, родственниками на Земле я не обзавелся. А сейчас... мотаюсь по всяким красивым местечкам. Там, куда мы направляемся, такого не предвидится.

Линдгрэн подняла глаза к небу. Юпитер горел еще ярче — ровным белым светом, словно ночник. Рядом с ним загорались

все новые и новые звезды. Она поежилась и поплотнее закуталась в плащ. Стало совсем по-осеннему прохладно.

— Не предвидится, это точно, — грустно проговорила она. — Там все будет чужим... Мы даже не можем вообразить, что собой представляет планета, на которую мы летим... а ведь она наша соседка, сестра, можно сказать... и нам предстоит путь длиной в тридцать два световых года.

— Таковы люди, — коротко отозвался Реймонт.

— А почему вы решили лететь, Карл? — задала вопрос Линдгрэн.

Он пожал плечами.

— Из любопытства, пожалуй. И еще... откровенно говоря, я успел нажить врагов в Корпусе. Кого-то гладил против шерсти, кому-то продвинуться не давал. Да и сам зашел в тупик — дальше мне выслужиться не удалось бы, если бы я не стал соблюдать неписанные законы внутренней политики. А я их презираю, законы эти. — Он обернулся и встретился взглядом с Линдгрэн. — А вы почему?

Она вздохнула:

— Наверное, из чистой романтики. Я с детства мечтала полететь к звездам — как тот принц из сказки, что грезил о стране эльфов. В конце концов я сумела уломать родителей, и они разрешили мне поступить в Академию.

Реймонт улыбнулся — на этот раз теплее, чем обычно.

— И, судя по всему, вы на хорошем счету в межпланетной службе. Первый полет за пределы Солнечной системы — и сразу в должности первого помощника.

Линдгрэн протестующе подняла руки.

— Зачем вы так? Между прочим, я свою работу знаю и делаю хорошо. Просто в наше время, как ни странно, женщине легче продвинуться по службе, чем мужчине. В такой экспедиции женщины очень нужны. И работа на борту «Леоноры Кристины» у меня будет не совсем обычная. Мне придется больше заниматься... ну, скажем так: человеческими взаимоотношениями, чем астронавигацией.

Реймонт отвернулся и снова стал смотреть вперед.

Лодка обогнула мыс и понеслась к Сальтсвону. Тут движение было гораздо более оживленным. Мимо то и дело проносились суда на подводных крыльях. Грузовая подводная лодка медленно удалялась в направлении Балтики. А в темном небе, словно светлячки, мелькали огоньки воздушных такси. Освещенный центр Стокгольма стал похож на многоцветный пылающий костер. Тысячи звуков непостижимым образом сливались воедино, звуча подобно многоголосому хору.

— Хочу вернуться к моему вопросу, — сказал Реймонт. — Вернее, к контрвопросу, поскольку вы меня вынудили его задать. Только не думайте, что мне была неприятна ваша компания. Напротив — очень даже приятна, и, если вы не откажетесь со мной поужинать, я буду считать сегодняшний день одним из лучших в жизни. Но... как только закончились тренировки, почти вся наша группа распалась, рассыпалась, как капельки ртути. Каждый нарочито избегает встреч с будущими товарищами по команде. Наверное, все считают, что сейчас лучше проводить время с теми, кого больше никогда не увидят. А вы... вы же тут успели корни пустить. Древний, уважаемый род, обеспеченное семейство, где все друг друга любят. У вас, как я понимаю, живы и мать, и отец. Братья, сестры, родные и двоюродные, — наверняка все просто жаждут сделать для вас все, что в их силах, в эти оставшиеся до отлета несколько недель. Почему же вы покинули их сегодня?

Линдгрэн не ответила.

— Все дело в ваших шведских замашках, — сделал вывод Реймонт. — Как это похоже на правителей человечества. Зачем меня только сюда понесло? Ну да ладно, я ведь тоже имею право на личную жизнь, и его у меня никто не отнимет. Ну так что — поужинаете со мной? Я отыскал очень милый ресторанчик, где посетителей обслуживают по старинке, то бишь живые официанты.

— Да, — ответила Линдгрэн. — Спасибо, с удовольствием.

Она встала и осторожно коснулась плеча Реймонта. На кончиках ее пальцев напряглись железные мускулы.

— Только... не называйте нас правителями, — попросила она. — Мы вовсе не такие. Просто таково было одно из условий мирного договора после ядерной войны, когда планета была на грани гибели... нужно же было что-то делать.

— Угу, — буркнул Реймонт. — Знаете, я время от времени почитываю книжки по истории. То-се, «Всемирное Разоружение», «все силы Интерпола брошены на его обеспечение», и так далее. «*Sed quis custodiet ipsos custodes?*»* Кому же доверить контроль за уничтожением оружия, способного уничтожить всю планету? Кому поручить организацию деятельности органов расследования и наказания? Ну конечно же, стране, которая достаточно велика и развита, для того чтобы превратить мир и спокойствие в главную отрасль производства. Но между тем недостаточно велика, для того чтобы одолеть другие

* «Но кто же будет сторожить стерегущего?» (лат.) — цитата из Лукиана.

страны или навязать кому бы то ни было свою волю без поддержки большинства наций. Такой стране вдобавок, о которой все хорошего мнения. Короче говоря — Швеции.

— Значит, вы все понимаете! — радостно воскликнула Линдгрен.

— Да. И последствия тоже. Власть, таким образом, находится на самообеспечении и действует, исходя из логической необходимости. Деньги, которые платит вся планета на содержание аппарата, осуществляющего контролирующие функции, стекаются сюда, и потому вы стали самой богатой страной на Земле. И само собой разумеется — центром мировой дипломатии. А в то время, когда каждый реактор, каждый космический корабль, любая лаборатория потенциально опасны и должны находиться под неусыпным надзором, получается, что по каждому конкретному вопросу последнее слово непременно остается за каким-нибудь шведом. А это означает, что перед вами выслуживаются даже те, кто давно уже от вас не в восторге. Ингрид, голубушка, тут уж ничего не поделаешь — мало-помалу ваш народ превращается в римлян.

Линдгрен явно расстроилась.

— И вы тоже нас не любите, Карл?

— Как сказать... В конце концов, вы не хуже остальных. До сих пор вы были вполне гуманными правителями. Даже слишком гуманными, я бы сказал. А уж я лично и вообще должен быть вам несказанно благодарен: ведь вы позволили мне стать человеком без гражданства, а это как раз то, что мне нужно. Нет, лично мне вы ничего плохого не сделали. Только... — Реймонт махнул рукой в сторону ярко освещенных башен. — Долго это все равно не протянется.

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю... Просто я уверен в том, что ничто не вечно. Как распрекрасно ни продумывай систему, со временем она все равно устаревает и гибнет. — Реймонт помолчал, подбирая слова. — В вашем случае, — продолжил он после паузы, — конец наступит из-за той самой стабильности, которой вы так гордитесь. Разве что-нибудь глобально изменилось на Земле с конца двадцатого столетия? Разве сейчас мы имеем желаемое положение вещей? По моему мнению, — задумчиво проговорил Реймонт, — это и есть одна из главных причин колонизации Галактики — бегство от Ragnarok*.

* Ragnarok — сумерки богов (*швед.*). (В переносном смысле — конец света.)

Линдгрэн сжала кулаки и промолчала. Небо над городом было залито огненным заревом, и звезды тут были почти не видны, а вот в других местах — ну, например, в Лапландии, где у родителей Линдгрэн был летний домик, звезд на небе так много, и они такие яркие...

— Кавалер из меня неважный, что и говорить, — извинился Реймонт. — Ладно, давайте не будем говорить об азбучных истинах и обсудим что-нибудь поинтереснее. Как, к примеру, насчет аперитива?

Линдгрэн рассмеялась, но не сказать, чтобы очень весело.

Реймонт направил лодку в Стрёммен*, причалил, помог Линдгрэн выбраться на набережную, и они зашагали по мосту в Старый Город. Всю дорогу Реймонт болтал на отвлеченные темы. За королевским дворцом освещение улиц стало более мягким. Линдгрэн и Реймонт проходили по узким улочкам мимо позолоченных фасадов зданий, которые стояли здесь уже не одну сотню лет. Туристский сезон уже закончился, так что, за исключением редких пешеходов и электроциклистов, Реймонт и Линдгрэн были совсем одни.

— Я буду очень скучать по всему этому, — призналась она.

— Да, тут красиво, — согласился он.

— Тут не просто красиво, Карл. Тут ведь не музей под открытым небом. Тут люди живут. А те, кто жил тут раньше, — они все тоже так реальны... Башня Ярла Биргера**, церковь Риддархольм***, Дом Благородных, Золотые Покои, где пил и пел Глашатай... А в космосе, Карл, вдали от тех, кого уже не будет на свете, мне будет так одиноко...

— И все-таки вы летите.

— Да. Хотя мне нелегко. Нелегко покинуть мою мать, выносившую и родившую меня, моего отца, который брал меня, маленькую, за ручку и показывал созвездия на ночном небе. Знал ли он, к чему это приведет? — Линдгрэн замолчала и перевела дыхание. — Знаете, я, наверное, потому вам и позвонила. Нужно было вырваться из дома, забыть о том, какую боль я им всем причиняю. Хотя бы на день.

— Выпить вам надо, вот что, — резюмировал Реймонт. — А мы уже пришли.

* Стрёммен — гавань Стокгольма.

** Ярл Биргер — основатель династии Биргерссонов, объединитель Швеции (XIII в.).

*** Риддархольм — церковь в центре Стокгольма, усыпальница шведской знати.

Окна ресторанички смотрели на Большую Рыночную Площадь. Запросто можно было вообразить, как мимо невысоких зданий по мостовой прогуливаются рыцари. Правда, вспомнить наколотые на копья отрубленные головы и текущие по этой самой мостовой ручьи крови не хотелось — а ведь такое произошло здесь как-то зимой, давным-давно...* Люди не любят вспоминать о том, как одни из них убивали других.

Реймонт подвел Линдгрэн к столику, стоявшему в уютном, озаренном свечами кабинете на двоих, и заказал водку и пиво.

Линдгрэн пила наравне с Реймонтом, хотя явно не имела большого опыта, да и весовая категория у нее была другая. Еда, поданная после аперитива, оказалась обильной даже по скандинавским стандартам, и под нее было выпито изрядное количество вина, а после — еще и коньяк. Линдгрэн болтала без умолку. Реймонт не прерывал ее.

А она рассказывала о своем доме, что стоял неподалеку от Троттингхольма, и окружающие сады и парки как бы принадлежали Ингрид, о солнечных зайчиках на вошеном паркете и столовом серебре, что передается в их семье из поколения в поколение, о шлюпке на озере с парусом, надутым ветром, свежим ветром, который трепал ее волосы, об отце с трубкой в зубах, и он поворачивает румпель... О зимних ненастьях и о чудесном теплом празднике посреди жестокой зимы — Рождестве, о коротких светлых летних ночах, о факелах, что зажигают в канун дня святого Иоанна в память о тех огнях, что приветствовали возвращение Бальдра из подземного царства**, о прогулке под дождем с первым возлюбленным, о том, какой тогда был дивный прохладный воздух, как чудно пахло сиренью... О путешествиях по Земле — пирамидах, Парфеноне, Париже — какой он на закате с вершины Монпарнаса... о Тадж-Махале, Ангкор-Вате, Кремле, Мосте Золотых Ворот, а еще о Фудзияме, Большом Каньоне, водопаде Виктория, Большом Барьерном рифе...

О том, сколько было в родном доме любви и счастья, но какая там при этом царила строгость и даже чопорность в присутствии гостей, о музыке, которой была наполнена ее жизнь — прежде всего о Моцарте... О замечательной школе, где она училась и где учителя и одноклассники открывали ей

* Вероятно, имеется в виду народное восстание 1434—1436 гг. под предводительством Энгельбректа Энгельбректсона, жестоко подавленное дворянством.

** Бальдр — в древнескандинавской мифологии бог Солнца и Света, сын Одина и Фригт. Слепой бог Хед убил его прутром из омелы — единственной вещью, на которой не было заклятия Фригт. Но верховные боги вызвали Бальдра из подземного царства и вернули на землю.

как бы новую вселенную, об Академии, где ей поначалу пришлось так трудно, что и представить было невозможно, и о том, как она радовалась, когда все стало получаться... О полетах в космос, на другие планеты... о том, как она стояла в снегах Титана, а над ее головой проплывал Сатурн, очаровавший ее своей красотой, и о том, что она всегда-всегда мечтала вернуться к доброму миру, его людям, его радостям и святостям... Да, да, конечно, тут хватало проблем, тут было много жестокости, но ведь все эти проблемы можно было бы со временем решить с помощью разума и доброй воли, и было так радостно верить в это — это была некая новая религия, призванная улучшить мир, довести его до совершенства — конечной цели... Ну а пока это было не так, она должна была стараться делать все для того, чтобы человечество двигалось по пути добра.

Но при этом она вовсе не синий чулок, пусть он так не думает. Порой ей кажется, что она, наоборот, ведет слишком свободный образ жизни. Но зла при этом никому не делает, как ей кажется. Она живет большими надеждами и высокими целями.

Реймонт налил Линдгрэн последнюю чашечку кофе. Официант не торопился нести счет. Похоже, деньги его мало интересовали.

За время ужина пара как-то незаметно перешла на «ты».

— Надеюсь, — сказал Реймонт, — несмотря на некоторые досадные мелочи, ты все-таки сочтешь день удачным?

Ингрид в упор посмотрела на него ясными синими глазами. Голос ее немного дрожал.

— Сочту, — сказала она решительно. — И сделаю все для этого. И позвонила я тебе не просто так. Помнишь, во время тренировок я убедила тебя приехать сюда перед отлетом?

Реймонт закурил сигару. В космосе курить будет нельзя, чтобы не перегружать системы очистки воздуха. Сегодня еще можно было себе позволить эту роскошь.

Ингрид наклонилась и накрыла руку Реймонта своей.

— Я думала о будущем, — сказала она. — Двадцать пять мужчин и двадцать пять женщин. Пять лет в металлической скорлупе. И еще пять, если мы сразу вернемся. Это большой кусок жизни, как ни крути.

Реймонт кивнул.

— А ведь мы наверняка задержимся для проведения исследований, — продолжала она. — Если третья планета окажется пригодной для жизни, мы вообще останемся там навсегда, станем там жить, обзаведемся детьми. Хочешь не хочешь, а придется создавать семьи.

Негромко — может быть, для того, чтобы не прозвучало грубо, Реймонт спросил:

— Так ты думаешь, из нас с тобой получится парочка?

— Да, — твердо, решительно заявила Линдгрэн. — Может быть, я веду себя нескромно... но, видишь ли, в первые недели полета я буду жутко занята и у меня не будет времени на всякие там нюансы и ритуалы ухаживания. Может запросто выйти, что мне ничего такого не захочется. А думать о будущем и готовиться к нему нужно. Что я и делаю.

Реймонт поднес к губам руку Ингрид.

— Это большая честь для меня, Ингрид. Но... мы такие разные.

— Наверное, потому меня так тянет к тебе. — Она коснулась кончиками пальцев его губ, погладила щеку. — Я хочу узнать тебя поближе, Карл... Ты настоящий мужчина. Таких, как ты, я никогда не встречала.

Наконец появился официант. Реймонт расплатился. Только сейчас Ингрид впервые заметила, что он немного волнуется. Рука его, когда он гасил сигару, едва заметно дрожала.

Не поднимая глаз, Реймонт сообщил:

— Я остановился в гостинице на Тиска Бринкен. Там не слишком шикарно, предупреждаю.

— Мне все равно, — шепнула Ингрид. — Думаю, я этого не замечу.

Глава 2

С борта одного из челноков, доставлявших членов команды на «Леонору Кристин», открывался вид на корабль, похожий на серебристый клинок, острие которого было нацелено на звезды.

Внешние бортовые конструкции не портили, а как бы, наоборот, украшали причудливым орнаментом стройный конический силуэт корабля — люки и шлюзы, системы сенсорных датчиков, камеры для двух катеров, предназначенных для высадки десантов, паутина батарей системы Буссарда, которые сейчас, правда, были убраны. Основание конуса было довольно-таки массивным — там располагался реактор, помимо всего прочего, но его объемность скрадывалась общей длиной «Леоноры Кристин».

Нос корабля венчала конструкция, напоминавшая каркас плетеной корзины. По окружности располагались восемь ажурных цилиндров, вытянутых в направлении кормы — трубы

акселераторов, направлявших поток энергии назад при движении корабля с межпланетной скоростью. В «корзине» находилась система управления и источник энергии.

Внизу было подобие рукояти клинка, цветом темнее, чем серебристое «лезвие» корпуса, и заканчивающееся затейливой «головкой» — двигателем Буссарда. Корпус экранирован от радиации.

Такова была «Леонора Кристин», седьмой, самый новый корабль в серии. Внешняя простота его силуэта диктовалась миссией, для которой предназначался корабль. Обшивка его была чувствительной, как человеческая кожа, а его внутренние конструкции отличались такой же сложностью и тонкостью, как внутренние органы человеческого организма. Со времени, когда впервые была предложена идея создания таких кораблей, то есть с середины двадцатого столетия, до того момента, когда мечта воплотилась в реальность, были потрачены миллионы человеко-часов умственного и физического труда, и некоторые из тех, кто работал над созданием кораблей, были величайшими гениями. И хотя в то время, когда началась сборка «Леоноры Кристин», уже был накоплен большой опыт и существовали необходимые инструменты, хотя технический прогресс в целом достиг настоящего расцвета (ему наконец перестали мешать войны сами по себе и даже их угроза), все равно нашлись такие, кто выражал бурное недовольство проектом из-за его стоимости: столько денег, и все это ради того, чтобы отправить пятьдесят человек к одной-единственной, да к тому же совсем близкой — рукой подать — звезде?

Все правильно. Таковы размеры Вселенной.

Корабль летел вокруг Земли, и Вселенная была везде — позади него, впереди и вокруг. Далеко-далеко, дальше Солнца и планет, царила прозрачная чернота — тьма, сравнить которую было не с чем. Назвать пространство совсем черным было нельзя — отраженный свет есть везде. И все же... это была та вечная ночь, от зрелища которой оберегают нас наши милосердные небеса. Ткань ночи была усеяна звездами — они горели ровным, немерцающим светом, холодным, пронизывающим. Те звезды, что хорошо видны и с поверхности Земли, тут представляли во всем блеске: серебристо-синяя Вега, золотая Капелла, янтарная Бетельгейзе. Тому, кто видел это впервые, было трудно объединить звезды в знакомые созвездия — их было слишком много. Ночь, полная солнц.

Млечный Путь опоясывал небеса серебристо-ледяной лентой, Магеллановы Облака, с Земли туманные, мерцающие, отсюда выглядели густыми и ярко светились. Туманность Ан-

дромеды отчетливо горела на расстоянии больше миллиона световых лет... и казалось, что душа тонет в бездонных глубинах Вселенной, и хотелось перевести взгляд на что-то более привычное и менее пугающее — хотя бы на интерьер кабины челнока.

Ингрид Линдгрэн вошла на капитанский мостик, ухватила за скобу и, повиснув в воздухе, доложила:

— Готова приступить к выполнению обязанностей, господин капитан.

Ларс Теландер обернулся, чтобы поприветствовать ее. Забавно было наблюдать за его тощей фигурой, ставшей такой нескладной в условиях невесомости — капитан напоминал не то плывущую рыбу, не то парящего ястреба. В обычной жизни капитан был ничем не примечательным седым пятидесятилетним мужчиной. Ни на его форме, ни на форме Ингрид не было никаких погонов и нашивок — никаких военных условностей, которых строго придерживаются на обычных космических кораблях.

— Добрый день, — поздоровался с Ингрид капитан. — Надеюсь, прощание с Землей прошло не слишком печально?

— Все хорошо, — ответила она и немного покраснела. — А у вас как?

— О... все в порядке. Я большей частью разыгрывал из себя туриста, колесил по Земле от края до края. Просто удивительно — сколько же всего я раньше не видел!

Линдгрэн смотрела на капитана немного сочувственно. А капитан проплыл по рубке к креслу пилота — одному из трех, стоявших около пульта управления и приемно-передающего устройства. Шкалы, считывающие экраны, индикаторы и прочие приборы уже всю работу — мигали, покачивали стрелочками, выводили на экранах кривые. Но почему-то их обилие только подчеркивало одиночество капитана. Пока не зашла Линдгрэн, в рубке царила тишина, которую нарушало только негромкое урчание кондиционеров да редкое пощелкивание реле.

— Значит, у вас на Земле никого не осталось? — спросила она.

— Никого из близких, — ответил Теландер, и его длинное, сухое лицо озарила неловкая улыбка. — Не забывайте, по стандартам Солнечной системы, я уже почти сто лет прожил. Когда я в последний раз навестил родину — деревеньку Даларна — внук моего брата уже был гордым папашей двух сорванцов. Им трудно считать меня близким родственником.

Теландер родился за три года до старта первой экспедиции к альфе Центавра. Пошел в детский сад за два года до того, как первые мизерные сообщения от экспедиции долетели до станции на обратной стороне Луны. Рос замкнутым, мечтательным ребенком. В возрасте двадцати пяти лет окончил Академию, имея выдающиеся успехи в области межпланетных полетов, и был зачислен в первый состав экспедиции на эпсилон Эридана. Экспедиция вернулась на Землю через двадцать пять лет, но из-за временного сдвига для ее участников прошло всего одиннадцать, шесть из которых они провели на разных планетах. Сделанные членами команды открытия увенчали их неувядаемой славой. Ко времени их возвращения уже был готов корабль, предназначенный для полета к тау Кита. Теландер мог полететь на нем в должности первого помощника, если бы согласился стартовать меньше чем через год. Он согласился. На этот раз он вернулся на Землю через тринадцать лет, по его часам, в должности командира корабля, заменив на этом посту капитана, погибшего на жестокой незнакомой планете. А на Земле прошел тридцать один год. В это время на орбите уже полным ходом шла сборка «Леоноры Кристины». Разве можно было найти для нее лучшего командира? Теландер растерялся. Согласись он, все те три года, что оставались до старта новой экспедиции, только и придется, что думать об отлете и готовиться к нему... Но отказаться было невыносимо. И потом, на Земле он стал чужим, здесь все ему было незнакомо.

— Давайте займемся делами, — сказал капитан. — Видимо, Борис Федоров и его инженеры прибыли вместе с вами?

Она кивнула:

— Он с вами свяжется по интеркому, как только обоснуется и все налаживает, он так мне сказал.

— Хм. Мог бы оказать мне любезность и сообщить о своем прибытии.

— Он не в настроении. Всю дорогу от Земли надутый сидел. Это имеет значение?

— Нам в этой скорлупе придется довольно долго пробыть вместе, Ингрид, — усмехнулся Теландер. — И конечно, наше настроение и поведение имеют значение.

— О, Борис скоро придет в себя. Может быть, он выпил лишнего, а может быть, какая-нибудь девица отказала ему прошлой ночью, ну или еще что-нибудь в таком духе. На тренировках он мне показался очень мягкосердечным человеком.

— Данные психопрофилирования говорят об этом. И все же есть нечто такое в каждом из нас, чего не выразишь никаким

тестированием. Всякие потенциальные качества. И нужно следить за тем, — сказал Теландер, махнув рукой в сторону закрытого колпаком оптического перископа, словно это и был тот самый прибор, с помощью которого можно было замерить эти самые качества, — чтобы их проявление не застало тебя врасплох, — как хороших черт, так и дурных. А они проявляются. Всегда проявляются. Ну ладно, — прокашлявшись, проговорил Теландер. — Научный персонал прибывает по графику?

— Да. Двумя рейсами. Первый — в тринадцать сорок, второй — в пятнадцать ровно.

Теландер сверился с графиком прибытия членов команды, припиленным к рабочему столу. Время совпадало с расчетным.

— Сомневаюсь, что нужен был такой большой интервал между рейсами, — добавила Линдгрэн.

— Требования безопасности, — равнодушно отозвался Теландер. — Ну и потом, тренировки, конечно, дело хорошее, но все равно надо дать сухопутным крысам время освоиться с невесомостью.

— Карл с ними управится, — сказала Линдгрэн. — Если понадобится, он всех перетащит поодиночке и быстрее, чем может показаться на первый взгляд.

— Реймонт? Наш констебль? — уточнил Теландер, глядя на Линдгрэн, ресницы которой подозрительно вздрагивали. — Я знаю, он не новичок в невесомости и он прибудет с первым челноком, но что, он и правда такой удалец?

— Мы с ним побывали на «L'Etoile de Plaisir»*.

— Где-где?

— Это спутник-курорт.

— А-а-а, вот вы о чем. Играли в невесомость?

Ингрид отвела взгляд и кивнула. Капитан снова улыбнулся:

— Как я понимаю, это вы чередовали с другими играми?

— Он будет жить у меня. В моей каюте.

— Гм-м-м... — пробормотал Теландер и смущенно потер подбородок. — Я бы, честно говоря, предпочел, чтобы он находился на посту, в боевой готовности на случай беспорядков среди... гм-м-м... пассажиров. Собственно говоря, он для того и зачислен в команду.

— Что ж, я могу уйти в его каюту, — предложила Линдгрэн.

Теландер покачал головой.

* «Звезда Развлечений» (фр.)

— Нет. Офицеры должны жить, что называется, в офицерской стране, на своей половине. И то, что их каюты располагаются на ближайшей к капитанскому мостику палубе, это не пустая прихоть. Ингрид, в ближайшие пять лет вы усвоите, как важны в нашем деле символы. Ну... — сказал капитан, пожав плечами, — в конце концов, остальные каюты — на следующей палубе. Пожалуй, он, в случае чего, сможет быстро дотуда добраться. В общем, если ваш приятель не возражает, пусть переезжает, я не против.

— Спасибо, — негромко поблагодарила Линдгрэн.

— Вы уж простите, но я все-таки несколько удивлен, — извинился капитан. — Никак не думал, что вы его выберете. Думаете, ваши отношения — это надолго?

— Надеюсь. Он говорит, что тоже хочет этого, — ответила Ингрид и, справившись со смущением, пошла в атаку: — Ну а вы? Завели знакомства?

— Нет. Попозже. Безусловно, но попозже. Поначалу я буду слишком занят. В моем возрасте с такими делами не торопятся, — рассмеялся Теландер, но тут же стал серьезен. — Что касается времени, то терять его нам не следует. Прошу вас, принесите результаты проверки и...

Челнок подлетел к кораблю и состыковался с ним с помощью специальных якорей — маленькое тупоносое суденышко в сравнении с величественной, стройной «Леонорой Кристин». Корабельные роботы — сенсорно-компьютерно-эффекторные устройства — осуществили процедуру стыковки — челнок, так сказать, поцеловался с кораблем. В будущем роботов ждала куда более сложная работа, чем эта. Из шлюзовых камер откачали воздух, открылись их внешние клапаны, и камеры соединились одна с другой с помощью плотного пластикового воздухонепроницаемого кольца. Потом в шлюзы снова накачали воздух, проверили, нет ли хоть малейшей утечки, и, когда стало ясно, что все в порядке, открылись внутренние клапаны.

Реймонт отстегнул привязные ремни и плавно поднялся в воздух, глядя на ряд пассажирских кресел. Американский химик Норберт Вильямс тоже возился с пряжкой ремня.

— Не отстегивайтесь, — скомандовал ему Реймонт по-английски. Шведский знали все, но не все достаточно хорошо. В ученой среде главными языками общения сделались английский и русский. — Оставайтесь на местах. Я же вам сказал еще в порту: я всех провожу в каюты по одному.

— Насчет меня можете не волноваться, — заверил Вильямс. — Я в невесомости отлично передвигаюсь.

Вильямс был краснощеким коротышкой с соломенно-желтыми волосами, обожал яркую одежду и говорил оглушительно громко.

— Да, вы все более или менее имеете об этом понятие, — согласился Реймонт. — Вы тренировались, но все равно — это далеко от тех рефлексов, которые приобретаются только долгим опытом.

— Ну, побарахтаемся немного. Что с того?

— А то, что возможны несчастные случаи. Не обязательно, но возможны. Мой долг — предотвратить их. Я обязан препроводить всех до одного в каюты, где вы будете находиться в ожидании дальнейших распоряжений.

Вильямс покраснел.

— Послушайте, Реймонт...

Серые глаза констебля в упор уставились на него.

— Это приказ, — четко выговорил Реймонт. — Я имею право приказывать. Давайте не будем начинать полет с перепалок.

Вильямс защелкнул пряжку ремня. Он явно злился — руки дрожали, губы плотно сжались, на лбу выступили капельки пота и струйками стекали по щекам, сверкая в лучах флуоресцентного светильника над его головой.

Реймонт обратился к пилоту челнока по интеркому. Пилот не должен был переходить на «Леонору Кристин» — ему предстояло отстыковка и возвращение на Землю, как только члены команды перейдут в корабль.

— Вы не возражаете, если мы начнем переход? Это займет некоторое время, так что пусть народ пока отдохнет, отвлечется.

— Можете топать, — ответил голос пилота. — Все в норме, опасности никакой. Только... ну да, дело понятное, они же Землю теперь не увидят чертовски долго, а?

Реймонт объявил о разрешении отстегнуть ремни. Все, как один, только успев отстегнуться, торопились к гласисловым иллюминаторам. Реймонт занялся препровождением ученых в каюты.

Четвертой он должен был проводить Чиюань Айлинь. Реймонт долго не решался оторвать ее от иллюминатора — она просто прилипла к стеклу.

— Теперь вы, пожалуйста, — сказал Реймонт. Она не отвечала. — Мисс Чиюань, — позвал он и коснулся ее плеча. — Прошу вас, ваша очередь.

— О! — воскликнула она, словно очнувшись ото сна. В глазах ее стояли слезы. — Я... простите меня... Я совсем забылась...

Корабль и состыкованный с ним челнок приближались к очередному рассветному зареву. Величественный горизонт Земли был залит светом и играл тысячами красок — от рубиново-красной, как осенние кленовые листья, до темно-синей, как круги на перьях павлина. Одно мгновение был виден зодиакальный свет, словно гало вокруг поднимающегося огненного диска. Выше — звезды и ущербная луна. А внизу — планета... искрящиеся, переливающиеся просторы океанов, облака, таящие в себе ливни и гром, зелено-коричнево-снежные материки и города, похожие на шкатулки с драгоценностями. Каждый видел, каждый чувствовал, что планета живая.

Чиюань никак не могла расстегнуть пряжку ремня. Ее тоненькие пальчики не могли с ней справиться.

— Оторваться невозможно, — пробормотала она по-французски. — Спи крепко, Жак, отдохни без меня...

— Вы сможете на корабле в иллюминатор смотреть сколько угодно, как только закончатся перегрузки, — успокоил ее Реймонт, тоже по-французски.

Его голос вернул женщину к реальности.

— Значит, мы все-таки улетаем, — вымученно улыбнулась она.

Настроение у нее явно было не элегическое — скорее это был экстаз.

Она была маленькая, хрупкая, похожая на мальчишку, в рубашке с высоким воротником и широких брюках, сшитых по новомодному восточному фасону. Мужчины, однако, были единогласны в своем мнении о том, что личико у нее чуть ли не самое очаровательное из всего дамского состава экспедиции. Волосы у Чиюань были прямые, длинные, иссиня-черные. Когда она говорила по-шведски, легкий китайский акцент превращал ее речь в подобие песенки.

Реймонт помог женщине отстегнуться и обнял за талию. На нем не было ботинок с тяжелой подошвой, облегчающих передвижение в невесомости. Реймонт оттолкнулся одной ногой от кресла и поплыл по проходу. Около люка он ухватился за скобу, снова оттолкнулся и, проплыв через шлюз, оказался внутри корабля. Как правило, его клиенты расслаблялись, и ему было легче препровождать их — неуклюжие попытки помочь только мешали ему. С Чиюань все было по-другому. Она знала, как себя вести. Ну и в конце концов, она была планетологом, ей не занимать опыта передвижения в условиях невесомости.

Поэтому они продвигались вперед легко и быстро.

Путь от входного люка пролегал через грузовые палубы — они располагались вокруг центральной оси корабля в несколько слоев и служили средством дополнительной защиты для персонала. Тут были установлены лифты для поднятия и спуска тяжелых грузов. Но, пожалуй, большей популярностью должны были пользоваться винтовые лестницы, обвивающие цилиндрические шахты скоростных лифтов. Реймонт и Чиюань направились к одной из таких лестниц — она вводила их от палубы, служащей центром тяжести корабля. Здесь располагалось электрическое и гироскопическое оборудование. Лестница вела в жилые отсеки. Невесомые, они проплыли над ступенями, не касаясь их. В полете они набрали такую скорость, что от действия центробежной и кориолисовой сил немного закружились головы. Было похоже на легкое опьянение, когда хочется хохотать без удержу.

— И-е-ще-о-дин-кру-жок-и-и-и!

Каюты гражданского персонала располагались вдоль двух длинных коридоров. Напротив — двери ванн и комнат. От пола до потолка в каждой каюте было два метра, жилая площадь — четыре квадратных метра. Две двери, две прихожих, два встроенных шкафа с полками до потолка, две кровати, которые можно было либо сдвинуть, либо раздвинуть. Во втором случае можно было разделить кровати плотной ширмой, и каюта превращалась в две отдельные спальни.

— Это путешествие надо будет описать в моем дневнике, констебль, — заявила Чиюань, ухватившись за скобу и прижавшись лбом к металлической двери. В уголках ее губ еще таился смех.

— С кем вы делите каюту? — поинтересовался Реймонт.

— Пока что — с Джейн Седлер, — ответила Чиюань и кокетливо посмотрела на Реймонта, сверкнув глазами. — Если у вас нет другого предложения.

— А? Я... Я буду жить с Ингрид Линдгрэн.

— Уже? — разочарованно протянула она. — Простите. Я повела себя бестактно.

— Да нет. Это я должен просить прощения. Заставил вас ждать вместе с остальными, словно вы тоже новичок в невесомости.

— Ну, вы же не могли делать исключений, — сказала Чиюань, снова ставшая серьезной. Она подплыла к кровати и начала разбирать постель. — Хочу поваляться немного в одиночестве и подумать.

— О Земле?

— О многом. Мы покидаем гораздо больше, чем кто-либо из нас в силах осознать, Чарльз Реймонт. Это что-то вроде смерти — после которой наступит воскресение — но все равно вроде смерти.

Глава 3

... ноль!

Ионный двигатель заработал. Если бы человек мог проникнуть за его толстый плотный кожух и увидел, как он работает, он бы не прожил и секунды. Однако никто не слышал шума двигателя, не ощущал никакой вибрации. Двигатель был слишком совершенен, чтобы производить шум и вибрацию. В так называемом «машинном отделении», которое в действительности было чем-то вроде электронного мозга, работники слышали отдаленное урчание насосов, перекачивающих из цистерн реакционную массу. Но они на это почти не обращали внимания, будучи заняты наблюдением за счетчиками, дисплеями, измерительными приборами, экранами считывающих устройств и кодовыми сигналами, говорящими о работе системы двигателя. Рука Бориса Федорова всегда находилась неподалеку от кнопки аварийного отключения. Капитан Теландер и Федоров негромко переговаривались по линии внутренней связи. Правду сказать, никакое ручное управление «Леоноре Кристин» не требовалось. Даже менее сложные корабли со всеми функциями справлялись сами. А «Леонора Кристин» — и подавно. Ее многофункциональные встроенные роботы осуществляли все операции более быстро и четко — и даже более гибко, безусловно, в пределах программирования, — чем любой из людей. Но чисто психологически людям необходимо было быть рядом с приборами.

В жилых же отсеках для тех, кто там находился, единственным признаком, что корабль движется, было возвращение силы тяжести. Пока ее прирост был невелик — менее одной десятой g, все-таки появилось ощущение «верха» и «низа». Члены команды смогли наконец покинуть койки. Из динамиков интеркома послышался голос Реймонта: «Сообщение констебля персоналу, свободному от вахты. Вы можете свободно передвигаться по кораблю, то есть по своей палубе и выше. (Насмешливо): Напоминаю, что официальная церемония прощания — пожелания счастливого пути и все такое прочее — будет передаваться в полдень по Гринвичу. Для тех, кто хочет посмотреть, она будет показана в спортивном зале».

Вещество для реакции поступило в камеру. Термоядерные генераторы активировали мощнейшие электрические дуги, расщеплявшие атомы на ионы, магнитные поля, которые разделяли положительные и отрицательные частицы, силы, которые формировали пучки частиц, механизмы ускорителей, разгонявших частицы до субсветовой скорости. И при этом — никаких взрывов, языков пламени. На это энергия не тратилась. Все, что только могло быть выжато из физических законов, тратилось на то, чтобы толкать «Леонору Крестин» вперед.

Корабль такого веса нельзя было разогнать, как, скажем, патрульный крейсер. Тогда понадобилось бы столько топлива, сколько корабль не смог бы поднять, имея на борту пятьдесят человек и все, что могло им потребоваться в течение десяти—пятнадцати лет, да еще — уйму приборов для научных исследований по прибытии, да еще (на тот случай, если данные, переданные автоматической станцией, подтвердятся и третья планета беты Виргинис окажется пригодной для обитания) машины и оборудование для ее освоения. Корабль медленно покидал орбиту Земли. Его пассажиры приникли к иллюминаторам, глядя на родную планету, тающую среди звезд.

Космос требует экономии. Каждый кубический сантиметр внутреннего пространства корабля должен работать. Но люди — умные, чувствительные — просто сошли бы с ума в такой насквозь «функциональной» среде. До сих пор корабельные помещения отделывали только металлом и пластиком. Однако люди с художественным вкусом не желали с этим мириться. Реймонт увидел в коридоре Эмму Глассголд — молекулярного биолога. Она разрисовывала стену, изображая лес по берегам освещенного солнцем озера. Полы в зоне отдыха и жилых отсеках были застелены ярко-зеленым, пружинящим, похожим на весеннюю траву покрытием. Воздух, поступавший из кондиционеров, был не только очищен: он пропусклся через гидропонные теплицы, где росли живые растения, а также через систему коллоидных растворов Дарелла. Его температура, запах и ионизация время от времени менялись. Сейчас пахло свежим клевером, а из камбуза доносились аппетитные ароматы — всем известно, что изысканная еда помогает пережить многие лишения.

Целая палуба была отведена под помещения для отдыха. Спортивный зал, он же театр и зал для собраний, занимал ее большую часть. В столовой хватало места, чтобы сидеть с комфортом — даже ноги вытянуть было можно. Тут же располагались комнаты для настольных игр, плавательный бассейн,

небольшие садики и беседки. Кое-кто из дизайнеров спорил о том, оборудовать ли эту палубу кабинками для искусственных сновидений или не стоит. Следует ли напоминать людям, проходящим сюда, чтобы развлечься и отдохнуть, о том, что за дверьми таких кабинок прячутся суррогаты покинутой ими реальности? Но в конце концов, искусственные сновидения — тоже развлечение, тоже отдых. Не размещать же их в зоне лазарета — а это была единственная альтернатива.

Пока что в этих аппаратах особой необходимости не было. Путешествие только началось. На корабле царила атмосфера радостного возбуждения. Мужчины скандалили, женщины болтали без умолку, столовая оглашалась взрывами хохота, а во время досвольно часто проводившихся танцевальных вечеров члены команды флиртовали напропалую. Проходя по спортивному залу, Реймонт увидел там группу, азартно сражающуюся в ручной мяч. При небольшой силе тяжести, когда игроки могли буквально ходить по стенам, игра представляла собой увлекательнейшее зрелище.

Реймонт вошел в помещение плавательного бассейна. У бортика располагалась уютная ниша, где можно было отдохнуть от шумной толпы. Но сейчас, в двадцать один ноль-ноль, тут никого не было, кроме Джейн Седлер, которая в глубокой задумчивости стояла на краю бассейна нахмурившись. Джейн, высокая брюнетка из Канады, работала биотехнологом в группе органического синтеза. Черты лица у нее были ничем не примечательные. Тонкая футболка и шорты облегали ее высокую грудь и широкие бедра.

— Какие-нибудь трудности? — поинтересовался Реймонт.

— О, привет, констебль, — ответила она по-английски. — Да нет, все в порядке. Просто я думаю, как бы тут оформить интерьер покрасивее. От меня ждут рекомендаций в этом плане.

— Может, что-нибудь наподобие римских бань?

— Ага! — весело прищурилась Седлер. — Это идея. Но тогда сколько всякого нарисовать нужно? Нимфы, сатиры, топовые рощицы, здания храмов и тому подобное? Ну что ж... — Она рассмеялась. — Предложу нимф и сатиров. Не понравится — всегда можно переделать, только бы красок хватило. По крайней мере, будет чем заняться.

— Неужели кто-то может прожить пять лет — и еще пять, если нам суждено вернуться, — рассчитывая на хобби? — медленно проговорил Реймонт.

Седлер снова рассмеялась:

— Никто не сможет, конечно. Не волнуйтесь. У каждого на борту полно работы: у кого — научные изыскания, у кого — роман о Великой Космической Эпохе, у кого — преподавание греческого языка вперемежку с тензорными вычислениями.

— Конечно. Я читал программу. Как думаете, она сработает?

— Констебль, да будет вам! У других же экспедиций все получалось, а мы чем хуже? Поплавали бы лучше, поныряли бы, что ли, — посоветовала Седлер, усмехаясь.

Реймонт изобразил улыбку, разделся, повесил одежду на поручень. Джейн Седлер восхищенно присвистнула.

— Ого! — воскликнула она. — Да вы, констебль, турист, не иначе, — целая коллекция бицепсов, трицепсов и прочего.

— Такая работа. Надо держать себя в форме, — немного смущенно отозвался Реймонт.

— Послушайте, заходите как-нибудь ко мне, когда будете свободны от дежурства, покажете какие-нибудь упражнения, что ли...

— Я бы с радостью, — сказал Реймонт, окинув оценивающим взглядом фигуру Джейн. — Но дело в том, что мы с Ингрид...

— Ладно вам. Я же пошутила. У меня, похоже, в ближайшее время тоже появится постоянный возлюбленный.

— Правда? Кто, если не секрет?

— Элоф Нильссон, — ответила Седлер и предостерегающе подняла руку. — Только, пожалуйста, ничего не говорите. Да, он, конечно, не Адонис. И манеры у него не самые любезные подчас. Но он такой умный, наверное, самый умный на корабле. Его так интересно слушать. И еще... — Она отвела взгляд и закончила: — Он так одинок...

— А вы просто красавица, Джейн, — сказал Реймонт. — Послушайте, у нас с Ингрид тут встреча назначена. Может, присоединитесь к нам?

Джейн запрокинула голову.

— Черт подери, вы хоть и полицейский, а все-таки человек! Не бойтесь, я не выдам вашу тайну. И не задержусь здесь. Личная жизнь — это личная жизнь. Желаю вам тут наедине удачи.

Она помахала рукой и ушла. Реймонт проводил ее взглядом и прыгнул в воду. Вскоре в бассейн вошла Ингрид.

— Прости, что опоздала, — извинилась она. — Была связь с Луной. Очередные идиотские расспросы — как у нас тут дела. Поскорее бы уйти в глубокий космос.

Ингрид поцеловала Реймонта. Он не ответил на поцелуй.

— Что случилось, милый? — обеспокоенно спросила она.

— Скажи, ты считаешь меня слишком грубым? — спросил он требовательно.

Она ответила не сразу. Ее светлые волосы искрились в лучах флуоресцентного света, поток воздуха слегка пошевеливал их. Из спортивного зала доносился шум игры. Наконец Ингрид ответила вопросом:

— Почему ты спрашиваешь?

— Из-за одной фразы. Ничего дурного, но все равно обидно.

Линдгрэн нахмурилась:

— Я тебе уже говорила... несколько раз, когда ты навел порядок... словом, ты вел себя более жестко, чем нужно, на мой взгляд. На корабле нет дураков, злодеев и саботажников, пойми.

— Что, мне не следовало обрывать Норберта Вильямса, когда он за обедом начал поносить шведов? Знаешь, такие замашки ни к чему хорошему не приведут. Я понимаю, — сказал Реймонт, сцепив одной рукой другую, зажатую в кулак, — военная дисциплина тут ни к чему, она нежелательна... пока. Но я видел столько смертей, Ингрид. Может настать такое время, что мы просто не выживем, если не будем действовать сообща и реагировать на приказы как положено.

— Да, безусловно, на бета-Третьей, — согласилась Линдгрэн. — Хотя автоматическая станция не сообщила о каких-либо признаках наличия там разумной жизни. В худшем случае нам там встретятся вооруженные копьями дикари — и вряд ли они будут настроены враждебно по отношению к нам.

— Я не об этом. Я об опасностях типа бурь, землетрясений, болезней. Бог знает, сколько всякого такого может оказаться на планете, совершенно не похожей на Землю. Мало ли что может случиться по пути. Я не уверен, что люди знают о Вселенной абсолютно все.

— Банально.

— Да. Старо, как космические полеты, и еще старше! Однако не менее реально от этого. — Реймонт задумался, подбирая слова. — Я растерян. Ситуация для меня непривычная. Я пытаюсь... каким-то образом... сохранить само понятие власти, дисциплины. Нет, не тупого повиновения уставу и офицерам. Понятие такой власти, которая имеет право послать человека на смерть, если это необходимо, ради спасения остальных.

Она смотрела на него удивленно и испуганно.

— Вижу, ты не понимаешь, — вздохнул Реймонт. — Не можешь понять. Ты жила в слишком благополучном мире.

— Может быть, ты сумел бы мне это объяснить как-то иначе, — нежно проговорила Ингрид. — Может, я бы тоже смогла помочь тебе кое-что понять. Это будет нелегко. Ты ведь никогда не расставался с оружием. Но давай попробуем, ладно? — она улыбнулась и шлепнула его по бедру. — А сейчас, глупыш, мы не на работе. Давай поплаваем?

Ингрид разделась. Реймонт не спускал с нее глаз. Она любила занятия спортом, после которых загорала под ультрафиолетовой лампой. У нее была красивая грудь, широкие бедра, тонкая талия. Чудесный бронзовый загар очень шел к светлым волосам.

— Боже мой, — восхищенно проговорил Реймонт по-русски. — Ты просто красавица!

Она грациозно повернулась на носке.

— К вашим услугам, господин, если поймаете!

Ингрид побежала к трамплину и четко, красиво нырнула. Ее прыжок получился замедленным из-за малой силы тяжести — что-то вроде балета в воздухе. И брызги воды так же замедленно взметнулись и упали.

Реймонт не стал нырять с трамплина — прыгнул прямо с бортика. Плавать было приятно. В воде невесомость не чувствовалась. Казалось, будто купаешься в реке или в море. Ингрид как-то сказала, что из-за таких чудесных мелочей она вряд ли будет мучиться ностальгией. Весь космос принадлежал человеку.

Они плавали наперегонки, ныряли, выныривали, Ингрид то подплывала к Реймонту, то выскальзывала из его объятий и уплывала, и их веселый смех эхом отскакивал от стен. Когда наконец Реймонт догнал и обнял ее, она обвила его шею руками и прошептала:

— Ну все, ты меня поймал...

— М-м-м-м-м... — пробормотал Реймонт и поцеловал ямочку между ключицами. — Давай-ка заберем одежду и пойдем.

Ингрид весила сейчас всего шесть килограммов, и Реймонт легко вынес ее из бассейна на одной руке. Когда он нежно погладил кожу Ингрид, она рассмеялась:

— Сладостлюбвец!

— Скоро сила тяжести станет обычной, и тогда я вряд ли смогу поднять тебя одной рукой, — напомнил ей Реймонт и со скоростью, при которой на Земле можно было запросто сломать шею, помчался вниз по ступенькам винтовой лестницы к офицерской палубе.

А потом в полутемной каюте Ингрид подперла щеку ладонью, и ее глаза встретились с его глазами. Ее тело казалось янтарно-золотым. Ингрид нежно коснулась щеки Реймонта.

— Ты очаровательный любовник, Карл, — прошептала она. — Лучше тебя у меня никого не было.

— Ты мне тоже очень нравишься, — признался он.

Ингрид нахмурилась, в голосе ее прозвучала нотка боли:

— Но ты только в постели расслабляешься. Да и расслабляешься ли? Забываешь ли обо всем?

— Было бы о чем забывать, — угрюмо пробурчал Реймонт. — Я тебе все про себя рассказал.

— Анекдотики всякие. Обрывки. Все как-то бессвязно... Вот в бассейне впервые за все время ты хоть чуть-чуть раскрылся по-настоящему. Чуть-чуть и тут же снова спрятался. Почему? Я же не собираюсь обижать тебя, Карл, делать тебе больно.

Он сел, нахмурился.

— Не понимаю, о чем ты. Люди узнают друг друга, когда живут рядом. Ты знаешь, что я люблю художников-классиков, таких, как Рембрандт и Бонестель, и терпеть не могу абстракционистов и хромодинамиков. Не очень разбираюсь в музыке. Юмор у меня солдафонский. Что касается политики, то я убежденный консерватор. Больше люблю жареное мясо, чем тефтели, но никогда не прочь культурно развлечься. Я люблю азартные игры, неплохо играю в покер, и здесь бы играл, будь в этом смысл. Люблю и умею работать руками, а потому с удовольствием приму участие в устройстве лабораторных помещений, как только позовут. Не раз пытался прочесть «Войну и мир», но всякий раз зысыпаю. Чего же тебе еще? — спросил он, в сердцах хлопнув ладонью по матрасу.

— Я хочу все знать о тебе, — немного грустно сказала Ингрид и красноречиво обвела рукой каюту. Дверца шкафа была открыта, на плечиках висели ее лучшие платья. На полочках были расставлены и разложены любимые безделушки — старая статуэтка Глашатая, лютня, с десятков неразвешенных картин, маленькие фотографии родственников, нарядная шведская кукла. — А ты с собой ничего такого не взял.

— Я всю жизнь кочую со скоростью света.

— И дороги тебе, судя по всему, выпадают нелегкие. Может быть, когда-нибудь ты станешь со мной более откровенен, — сказала Ингрид и обняла Реймонта. — Карл, давай больше не будем об этом. Я не хочу тебя огорчать. Иди ко мне. Понимаешь, все теперь не так просто... Я люблю тебя, Карл...

Когда была набрана нужная скорость, полет земного корабля к тому знаку зодиака, которым управляла Дева, стал свободным. Сопла остыли, и корабль превратился в подобие

кометы. Теперь на него действовала только гравитация — определяла курс, уменьшала скорость.

Все шло по плану. Однако действие гравитации нужно было свести к минимуму. В межзвездной навигации слишком много тонкостей, а потому команда — профессиональные космополиты, ученые и инженеры — трудилась не покладая рук.

Борис Федоров вывел бригаду в открытый космос для осуществления сложнейшей операции. Для того чтобы работать в условиях невесомости, нужно было обладать большим опытом владения как инструментами, так и собственным телом. Но даже самые опытные специалисты ухитрялись порой отстыковываться и отлетать от корабля, а потом, чертыхаясь, выбирать фал и подтягиваться к обшивке. Освещение оставляло желать лучшего: либо глаза слепили лучи солнца, либо царила густая, словно чернила, темнота, которую разрывали только лучики укрепленных на шлемах фонарей. То же самое — и со слышимостью. Речь смешивалась с шумом дыхания и пульса — звуки концентрировались и усиливались внутри оболочки скафандра — да добавьте сюда еще треск всевозможных космических шумов, — все это звучало в наушниках. Система очистки воздуха в скафандрах была далеко не такая совершенная, как внутри корабля, и потому отработанные газы удалялись плоховато. За несколько часов работы внутри скафандра образовывалась настоящая парилка — запах пота, водяные пары, уголекислота, сероводород, ацетон... белье прилипало к телу... жутко болела голова, и даже на звезды смотреть не хотелось.

Но, невзирая на все трудности, модуль Буссарда — рукоять и головка клинка — был отсоединен. Отвод его от корабля был делом тонким и небезопасным. В отсутствие трения и тяжести, он сохранял каждый грамм своей значительной инерционной массы. Стоило ему начать двигаться, затормозить его было крайне тяжело.

Наконец модуль отплыл от корабля на буксире. Федоров лично проверил результат отстыковки.

— Получилось, — пробурчал он и добавил: — Надеюсь.

Его сотрудники подсоединили свои фалы к буксиру. Федоров сделал то же самое, связался по радио с Теландером. Включились механизмы выбора буксира — он сматывался, унося инженеров внутрь корабля.

У них были причины торопиться. Пока модуль будет двигаться за корпусом приблизительно по одинаковой траектории, вступят в действие дифференциальные силы. Вскоре они и вызовут нежелательный сдвиг в относительной расстановке. И

до начала следующей стадии процесса бригада должна оказаться внутри корабля. За его пределами обстановка создастся, мягко говоря, неблагоприятная для живых организмов.

«Леонора Кристин» выпустила паутину сетей силового поля. Они ярко сверкали в лучах солнца — серебро на черном. Наверное, издавлекора корабль сейчас был похож на паучка, одного из тех отважных путешественников, что отправляются в дорогу по тоненьким нитям собственных паутинок. Да в конце концов, по сравнению с колоссальными размерами Вселенной «Леонора Кристин» и была крошечной точкой.

И все же то, что сейчас происходило с кораблем, с человеческой точки зрения, было грандиозно. Внутренний источник направил энергию к генераторам ловушек. Паутину ловушек окружило поле магнитогидродинамических сил — невидимое, но простиравшееся на многие тысячи километров — плод динамического взаимодействия, это поле не отличалось статичной конфигурацией, но удерживалось и контролировалось с потрясающей точностью, грандиозно мощное и еще более грандиозно сложное.

Сила поля захватила плывущий на буксире модуль Буссарда, установила его в микрометрически точное положение относительно корпуса корабля и пристыковала к «Леоноре Кристин». Мониторы подтвердили, что операция прошла успешно. Капитан Теландер провел окончательные переговоры с Луной, получил «добро» и отдал приказ. Теперь всю работу на себя взяли автоматы.

Работа ионного ускорителя на малой мощности создала умеренную скорость — десятки километров в секунду. Этого было достаточно, чтобы заработал главный двигатель. Его мощность нарастала и нарастала. «Леонора Кристин» тронулась в путь!

Глава 4

В одном из садов был установлен экран внешнего обзора. Черноту небес и бриллианты звезд прекрасно обрамляли папоротники, орхидеи, фуксии и бугенвиллея. Журчали и поблескивали струи фонтана. Воздух тут был теплее, чем в других отсеках, — влажный, напоенный ароматами цветов и зелени.

Однако все это не позволяло забыть о том, что корабль движется. Система Буссарда не была еще разработана до такой степени, чтобы команда и пассажиры корабля ощущали себя так, как если бы они находились внутри электрической ракеты. Везде теперь была легкая вибрация и слышалось что-то вроде

тихого шелеста. Вибрация, правда, была едва заметной и все же пронизывала и металл, и тело, а может быть — и сны...

Эмма Глассголд и Чиюань Айлинь сидели на скамейке среди цветов. До прихода в оранжерею они гуляли, болтали. Все шло к тому, что они должны были стать подругами. А вот в оранжерею обе, не сговариваясь, примолкли.

Глассголд вдруг часто заморгала и отвернулась от экрана.

— Не надо было сюда приходить, — пробормотала она. — Давай уйдем.

— Почему? Здесь так красиво, — удивленно откликнулась женщина-планетолог. — Намного приятнее, чем глазеть на голые стены каюты, от которых скоро тошнить начнет. Так и хочется сбежать.

— А вот от этого не сбежишь, — проговорила Глассголд, указывая на экран. В это мгновение он был настроен на дальнюю перспективу, и Солнце виделось звездочкой — такой же, как остальные. Чиюань искоса посмотрела на Глассголд. Биолог тоже была невысокого роста, темноволосая, но глаза у нее были большие и синие, лицо круглое и розовое, фигурка демонстрировала склонность к полноте. Одевалась она просто — как на время работы, так и в свободное время. Не пропуская общих мероприятий, она присутствовала на них скорее как наблюдатель, чем активный участник. — Всего за пару недель, — продолжала Глассголд, — мы добрались до границ Солнечной системы. Каждый день... вернее, каждые двадцать четыре часа, поскольку такие понятия, как «день» и «ночь», для нас больше не существуют. Так вот, каждые двадцать четыре часа наша скорость возрастает на восемьсот сорок пять километров в секунду.

— Ну, такой малютке, как я, остается только радоваться, что сила тяжести вернулась к земной, — попыталась пошутить Чиюань.

— Пойми меня правильно, — пылко откликнулась Глассголд. — Я не собираюсь вопить: «Поверните обратно!» — Она попробовала пошутить: — Ведь тогда я ужасно разочарую психологов, которые меня тестировали. Похоже, — продолжала она печально, — мне нужно время... чтобы немного привыкнуть... ко всему этому.

Чиюань понимающе кивнула. Китайка, одетая в новенькое с иголки кимоно (наряды были одним из ее увлечений), была так не похожа на подругу... Она погладила руку Глассголд и попыталась успокоить ее:

— Не ты одна в таком состоянии, Эмма. Этого можно было ожидать. Сейчас многие начинают понимать — не умом, а

всем своим существом, — что означает участие в таком полете.

— А ты, похоже, совсем не переживаешь.

— Нет. Стоило только Земле растаять позади — и все. Да и до этого я себя чувствовала вполне терпимо. Прощаться тяжело, верно. Но у меня есть кое-какой опыт. Привычка думать о том, что впереди.

— Мне стыдно, — пробормотала Глассголд. — Ведь я жила счастливо. Намного, наверное, счастливее тебя. Может быть, из-за этого я и стала такой чувствительной?

— Ты действительно была счастлива? — негромко спросила Чиюань.

— Ну... да. Разве нет? Ты не знаешь? Родители мои всегда преуспевали. Отец работал инженером на опреснительном заводе, мать — агрономом. В Негеве так красиво, когда зеленеют поля... там тихо, спокойно, не так жарко илюдно, как в Тель-Авиве или Хайфе. Но в университете мне тоже очень нравилось. Была возможность путешествовать и всегда в замечательной компании. Я успешно работала. Да, я была счастлива.

— Почему же тогда ты решила участвовать в этой экспедиции?

— Научный интерес... настоящая эволюция в исследовании планет...

— Нет, Эмма, — Чиюань тряхнула головой, и челка ее взметнулась, словно воронье крыло. — Звездолеты доставили на Землю столько данных, что их хватило бы на сто лет — и улетать никуда не надо. От чего ты бежишь? — Глассголд прикусила губу. — Наверное, не надо было спрашивать, — проговорила Чиюань. — Но мне хочется тебе помочь.

— Я отвечу, — кивнула Глассголд. — Мне кажется, ты и правда можешь мне помочь. Ты моложе меня, но больше видела, больше знаешь. — Глассголд нервно сцепила пальцы. — Если бы я сама могла объяснить, в чем дело... Как это вышло, что города вдруг стали казаться мне вульгарными и глупыми? А когда я приезжала домой навестить родню, и в провинции мне было скучно и пусто. Вот я и подумала, что в экспедиции для меня будет что-то такое — может быть, цель? Не знаю. Заявку на участие я подала, повинуюсь душевному порыву. Когда меня вызвали на тестирование, родители так переполошились, что дома просто невозможно было оставаться. А ведь семья у нас была такая дружная! Мне было ужасно больно покидать их. Папа... он всегда был такой большой,

надежный... и вдруг сразу постарел, стал каким-то маленьким...

— А мужчина тут не замешан? — поинтересовалась Чиюань. — Про себя я могу тебе сказать, потому что это не секрет. У меня был жених, мы были помолвлены, он знал о том, что я улетаю.

— Был один однокурсник, — пробормотала Глассголд. — Я любила его. И сейчас люблю. А он, наверное, даже не догадывается.

— Бывает, — кивнула Чиюань. — Это либо проходит, либо превращается в болезнь. Эмма, ты же умница. Тебе всего-то и нужно — выбраться из своей скорлупы. Общайся с товарищами по команде. Заботься о них. Выбирайся время от времени из своей каюты к кому-нибудь из мужчин.

— Я так не привыкла, — смущенно проговорила Глассголд.

— Ты что, девственница? — вздернув брови, спросила Чиюань. — Этот номер не пройдет, если нам придется основывать колонию на Третьей бете. Генетического материала — раз-два и обчелся.

— Я хочу выйти замуж как положено, — с трудом скрывая возмущение, сказала Глассголд, — и родить столько детей, сколько дарует мне Бог. И они будут знать, кто их отец. Ничего дурного не случится, если я не стану резвиться на скрипучих койках, пока мы летим. На борту полно девушек, кому такое в радость.

— Вроде меня, — спокойно резюмировала Чиюань. — Без сомнения, будет время, когда наладятся более стабильные связи. Но пока почему бы время от времени не предаваться удовольствиям?

— Прости, — извинилась Глассголд. — Мне не стоило осуждать никого. Это личное дело каждого. Ведь у нас с тобой была такая непохожая жизнь.

— Это верно. И я готова поспорить: моя жизнь была не менее счастливой, чем твоя. Наоборот.

— Что?! — Глассголд широко раскрыла рот от удивления. — Ты, наверное, шутишь.

Чиюань усмехнулась.

— О моем прошлом ты имеешь самые приблизительные сведения, Эмма, если на то пошло. Догадываюсь, о чем ты думаешь. Нищая, разрозненная страна, измученная непрерывными революциями и гражданскими войнами. Семья у меня была просвещенная, приверженная традициям, но бедная — такая бедность ведома только аристократам в самые худшие

времена. Но как только появилась возможность, родители пожертвовали всем, чтобы оплатить мое обучение в Сорбонне. Когда я получила ученую степень, я много трудилась, чтобы вернуть долг и помочь родителям встать на ноги. — Чиюань прищурилась и посмотрела на экран, где Солнце мало-помалу становилось все более тусклой звездочкой, и продолжила: — Теперь о моем женихе. Мы с ним тоже были однокурсниками, вместе учились в Париже. А потом мне пришлось часто отлучаться по работе. В конце концов он отправился к моим родителям, в Пекин. Я должна была приехать туда как можно скорее, и мы должны были стать мужем и женой перед Богом и людьми, а не только фактически. В Пекине произошли уличные беспорядки. Мой жених погиб.

— О Боже! — вырвалось у Глассголд.

— Это всего лишь поверхностные факты, — прервала ее Чиюань. — Разве ты не видишь — я тоже была счастлива? У меня был теплый, родной дом, где меня любили, может быть, даже больше, чем тебя, потому что в конце концов мои родители поняли меня и не стали удерживать. Я много повидала и не из окна купе первого класса. У меня был мой Жак. Были и другие — и до него, и после — он бы не осудил меня за это. Мне не о чем жалеть, меня не мучает неизлечимая боль. Мне повезло, Эмма. Я счастлива. — У Глассголд не нашлось, что ответить. Чиюань взяла ее за руку и встала. — Ты должна освободиться от себя самой, — сказала планетолог. — Постепенно ты этому научишься. И может быть, я тебе хоть капельку сумею помочь. Пойдем-ка ко мне в каюту. Мы сошьем тебе платье, которого заслуживает твоя красота. Скоро праздник — День мира, и я хочу, чтобы ты отлично выглядела и от души повеселилась.

Задумайтесь: один световой год — непостижимая бездна времени. Измеримая, но все равно непостижимая. При обычной скорости — ну, скажем, при нормальной скорости автомобиля в городском транспортном потоке, то есть два километра в минуту, — чтобы преодолеть такое расстояние, вам потребуется почти девять миллионов лет. А ближайшие к Солнцу звезды находятся от него на расстоянии в девять световых лет Бета Девы — на расстоянии тридцати двух световых лет.

И все же такие расстояния были преодолимы. Корабль, скорость которого при нормальной силе тяжести непрерывно возрастала, преодолевал расстояние в половину светового года чуть меньше, чем за год. При этом корабль двигался со скоро-

стью, близкой к предельной — триста тысяч километров в секунду.

Тут возникала масса проблем. Откуда бралась масс-энергия для обеспечения такой скорости? Даже в Ньютоновой Вселенной невозможно было представить себе ракету, способную поднять на старте топливо такого веса. В Эйнштейновом пространстве проблем, по идее, должно было возникать еще больше — масса корабля и полезная нагрузка возрастали в зависимости от скорости, стремясь к бесконечным величинам в случае показателей скорости, близких к световой.

Но топливо и материал для реакции существовали в самом космосе! Ведь в космосе было достаточное количество водорода. Безусловно, концентрация его по земным стандартам была невелика: примерно один атом на один кубический сантиметр в районе Солнца. И тем не менее, когда корабль достигал скорости света, на каждый квадратный сантиметр его сечения за секунду обрушивалось тридцать миллиардов атомов водорода. (Эти цифры имеют отношение к первому этапу полета — атомарная плотность межзвездного пространства выше вблизи звезды.) Энергетика поистине ужасающая. Жесткое, проникающее излучение измеряется мегарентгенами, а ведь тысяча рентгенов в час — это смертельная доза. Не помогут никакие экраны. Даже если представить себе нереально толстую обшивку, она все равно со временем будет разрушена.

Однако ко времени разработки «Леоноры Кристин» уже были известны нематериальные средства защиты: магнитогидродинамические поля, волны которых распространялись на миллионы километров, захватывая атомы с помощью диполей без нужды в ионизации и направляя их потоки. Эти поля не были средством пассивной защиты, чем-то вроде щитов. Они не пропускали космическую пыль и все газы, за исключением водорода. Водород они улавливали, отводили от корпуса на безопасное расстояние и направляли в специальную воронку, где происходило его сжатие, а затем — электромагнитное воспламенение в двигателе Буссарда.

Корабль был не маленький, и все-таки, по сравнению с размерами окружавшего его поля, он казался всего-навсего металлической песчинкой. При этом сам корабль никакого поля уже не генерировал. Он только инициировал процесс при минимальной реактивной скорости. Ни термоядерных реакторов, ни трубок Вентури — всей системы, приводившей корабль в движение, — ничего этого не было на борту. Система эта была большей частью вообще не материальна, а представляла собой результат приложения векторов космического масштаба.

Устройства управления кораблем, оснащенные компьютером, даже отдаленно не напоминали автопилот. Они являлись скорее некими катализаторами, которые при умелом манипулировании могли воздействовать на течение чудовищных реакций, управлять ими, вовремя замедлять и прекращать... но не резко, а постепенно.

Звездным светом полыхала водородная горелка в модуле Буссарда: здесь фокусировались электромагнитные силы. Грандиозное действие газового лазера превращало фотоны в мощный пучок энергии, которая и толкала корабль вперед. Любое твердое тело, попавшее в этот пучок, превращалось в пар. Процесс был эффективен не на все сто процентов. Но большая часть свободной энергии шла на ионизацию водорода, ускользнувшего от сгорания. Эти протоны и электроны вместе с продуктами сгорания также отбрасывались назад силовыми полями — язык плазмы, вносившей свою лепту в обеспечение движения корабля.

Процесс этот не отличался устойчивостью. Скорее, своей нестабильностью он был близок к обмену веществ в живом организме и точно так же постоянно балансировал на грани катастрофы. В материальном составе космического пространства существовали непредсказуемые колебания. Охват, интенсивность и конфигурация силовых полей должны были регулироваться в зависимости от этих показателей, с учетом миллионов разнообразнейших факторов — такая задача была по плечу только компьютерам. Поступление информации и подача ответных сигналов производились со скоростью света — потрясающей скоростью, при которой миллион километров преодолевался за три целых и три десятых секунды. И все же такая скорость была далека от идеальной и могла привести к смертельной ошибке. И опасность такой ошибки нарастала, поскольку «Леонора Кристин» двигалась уже со скоростью, настолько близкой к предельной, что начали происходить временные сдвиги.

Но тем не менее... шли недели и месяцы, а корабль летел вперед.

В результате многократных циклов биологические отходы превращались в воздух для дыхания, питьевую воду, пищевые продукты и органическое волокно, и все это служило для поддержания равновесия среды в помещениях корабля. Побочным продуктом переработки отходов являлся этиловый спирт, служивший сырьем для производства небольшого количества вина

и пива. Крепких напитков не производили и почти не употребляли. Но кое-кто, конечно, захватил с собой с Земли бутылки спиртного. Наличие винного пайка на корабле давало пьющим преимущество — непьющие с готовностью отдавали им свою долю, а те могли сберечь свой неприкосновенный земной запас для особых случаев.

Строгих правил на сей счет не существовало, но довольно быстро установилась традиция выпивать не в каютах, а в столовой. Для удобства общения здесь стояли отдельные столики вместо общего длинного стола. А потому в промежутках между трапезами столовая запросто превращалась в клуб. Мужчины-энтузиасты оборудовали около одной из стен бар, где можно было приготовить коктейли и лед, завесили переборки плотными шторами — видимо, им казалось, что разрисованные стены меньше соответствуют обстановке, которая должна сопутствовать принятию спиртного. Из динамиков лилась негромкая музыка, приятная для слуха — милая смесь от гальярда шестнадцатого века до последних новинок, транслировавшихся с Земли.

Около восьми вечера в клубе, как правило, не было ни души — в это время в спортивном зале начинались танцы. Все, кто был свободен от вахты и хотел потанцевать — а таких было большинство, — отправлялись переодеться. Все, особенно женщины, старались принарядиться. Техник Иоганн Фрайвальд выглядел отлично в золотистой рубашке и серебристых брюках — этот наряд сшила ему его подруга. Поскольку она запаздывала, да и оркестр еще не был в сборе, Фрайвальд принял приглашение Элофа Нильссона отправиться в бар.

— Только, чур, ни слова о работе, ладно? — попросил Фрайвальд, широкоплечий весельчак с крупными чертами лица. Сквозь жидковатые светлые волосы проглядывала уже обозначившаяся розоватая лысина.

Нильссон хрипловато проговорил:

— Но мне срочно нужно обсудить с тобой кое-что, пока я не забыл. Знаешь, меня просто озаарило, когда я переодевался. — Он просто-таки сгорал от нетерпения. — И прежде чем размышлять дальше, мне бы хотелось проверить свою догадку на практике.

— Jawohl*, — согласился Фрайвальд, — если ты угощаешь и не станешь долго мучить меня.

Астроном отыскал на полке собственную бутылку, захватил два стакана и направился к столу.

* Ладно (нем.).

— Я прихвачу воды, — сказал Фрайвальд, но Нильссон не расслышал. — Эх, Нильссон, Нильссон, — вздохнул Фрайвальд, взял кувшин с водой и последовал за товарищем.

Нильссон уселся за столик, вытащил блокнот и принялся что-то чертить. Он был невысокого роста, толстый, неряшливый и некрасивый. Его не в меру амбициозный отец растил и воспитывал Нильссона как вундеркинда и решил во что бы то ни стало сделать его знаменитостью. Родом Нильссон был из древнего университетского города Упсала. Брак Нильссона вышел крайне неудачным — похоже, и он, и его супруга приняли решение пожениться от отчаяния, и в итоге Нильссон, невзирая на то что у них был ребенок, развелся с женой, как только получил возможность записаться в команду «Леоноры Кристины». Но когда он начинал говорить не на простые общечеловеческие темы — конечно, тут он был полный профан, — а о своей науке, почти сразу же забывалось о его высокомерии и напыщенности, вспоминалось о том, что именно он окончательно доказал гипотезу о колебаниях Вселенной, и воочию виделось, как вокруг его головы сверкает звездный венец...

— ...уникальная возможность получить некоторые ценнейшие данные. Ты только подумай, от чего мы отталкиваемся: десять парсеков. Да плюс возможность исследовать спектр гамма-лучей с более высокой точностью, при условии, что они трансформированы в менее энергетические фотоны. И не только это. И все равно я неудовлетворен.

Не думаю, что мне так уж необходимо пялиться на электронное изображение неба — узкополосное, затуманенное, с помехами, не говоря уже о треклятых оптических сдвигах. Нам нужно установить на обшивке зеркала. Улавливаемое ими изображение можно передать по световодам к биноклям, фотоувеличителям и камерам на борту.

— Брось, — возразил Фрайвальд. — Я отлично знаю: все предыдущие попытки сделать такое провалились. Нет, всю конструкцию, конечно, можно собрать и смонтировать снаружи корабля, но индукционное поле Буссардова модуля очень скоро превратит зеркало в... ну, словом, оно будет годиться разве что для комнаты смеха. Это точно.

— Вот я и придумал, как оборудовать защитный пластик сенсорами, контурами обратной связи и автоматическими флексорами, которые будут управлять положением зеркал, — все это будет автоматически компенсировать возможные искажения. Мне бы хотелось услышать твое мнение по поводу того, насколько реально собрать такую конструкцию — можно

сделать и апробировать-таки флексоры, Фрайвальд, или нет? Вот черновой набросок, посмотри...

Нильссона прервали.

— А, старики, вот вы где!

Астроном и механик подняли головы. К ним направлялся Вильямс. В правой руке химика была зажата бутылка, а в левой — наполовину осушенный бокал. Физиономия его была краснее, чем обычно, он тяжело дышал.

— Was zum Teufel!* — воскликнул Фрайвальд.

— А ну-ка по-английски, парень; — сказал Вильямс. — Нынче только по-английски. А еще лучше по-американски, да. — Он подошел к столу, плюхнулся на стул так, что тот чуть не развалился под его весом. От Вильямса жутко разило виски. — Слышишь ты, швед? Сегодня чтоб болтали по-нашему, по-американски. Понял?

— Пожалуйста, оставьте нас, — вежливо попросил астроном.

Но Вильямс не ушел. Он облокотился о стол и грозно спросил:

— Знаете, что сегодня за день? А, знаете?

— Сомневаюсь, что вам это известно, учитывая ваше состояние, — проговорил по-шведски Нильссон, с трудом скрывая брезгливость. — По календарю сегодня четвертое июля.

— Вер-р-р-но говоришь! — прорычал Вильямс. — А что это значит, понимаешь? Нет? — Вильямс повернулся к Фрайвальду. — А ты, Хайни, понимаешь?

— Годовщина, да? — угадал механик.

— Точно, годовщина! Как это ты догадался? — вздернул брови Вильямс и поднял бокал. — Ну-ка выпейте-ка со мной, вы. Эт-то я нарочно поберег на сегодня. Ну, выпьем?

Фрайвальд дружески подмигнул Вильямсу и чокнулся с ним.

— Prosit! — произнес он и выпил.

Нильссон выдавил:

— Skal**, — но поставил бокал на стол, пить не стал.

— Четвертое июля, — проговорил Вильямс. — День независимости. М-моей страны. А я хотел, чтоб вечеринка для всех... А никто не захотел. Ну, один кто-то со мной тяпнул, ну еще кто-то... а потом принялись за свои танцульки... — Он уставился на Нильссона пьяными глазами. — Слуш-шай, швед, — проговорил он грубо. — Или ты с-со мной выпьешь шас, или я тебе с-станка в г-лотку вс-суну:

* Какого черта! (нем.).

** Ваше здоровье (нем., швед.).

Фрайвальд крепко сжал руку Вильямса. Химик сделал попытку встать. Но Фрайвальд удержал его.

— Успокойтесь, прошу вас, доктор Вильямс, — сдержанно уговаривал американца немец. — Если вам хочется отметить национальный праздник, мы с удовольствием присоединимся к вам. Верно? — подмигнул он Нильссону.

Астроном едва слышно проговорил:

— Я знаю, в чем дело. Мне еще до отлета рассказывал один сведущий человек. Он пережил крах. Не сумел смириться с идеей руководства.

— Чертова преуспевающая государственная бюрократия! — пьяным эхом откликнулся Вильямс.

— И стал мечтать о том, как было бы славно, если бы миром снова, как в имперскую эру, правила его страна, — продолжал Нильссон. — Ему мерещилась система свободного предпринимательства — да существовала ли она вообще? Лично я сильно сомневаюсь. В итоге он стал политиком-реакционером. И когда руководящие власти собрались арестовать некоторых видных американских деятелей по обвинению в конспирационной деятельности, представляющей угрозу Мирному Договору...

— Я смылся, — закончил за Нильссона Вильямс срывающимся, готовым перейти в визг голосом. — Н-на д-другую звездоч-чку. В н-новый, т-с-з-ть, мир. С-свобода, а? С-свобода, я говорю, ну и что же, что тут ш-шведы всякие под ногами путаются? Все равно с-свобода.

— Видишь? — с усмешкой обратился Нильссон к Фрайвальду. — Он — всего-навсего жертва романтического национализма. Нашей древней державе тоже пришлось его перебороть в течение жизни последнего поколения. Жаль, что его не утешают исторические романы и паршивая эпическая поэзия.

— Ро-ман-ти-ч-ско-го?! — взревел Вильямс, тщетно пытаясь стряхнуть руку Фрайвальда. — Ч-чтобы ты п-нимал, д-дерьмо ты л-лупоглазое, куриная твоя башка! Д-да я бы с т-тобой в-водиться н-не стал! Да и небось не водился с тобой никто... Брали тебя в в-викингов играть, а? То-то! А бабы тебя люб-били, а? Жена сбежала, поди? А меня люб-били, понял, еще как люб-били, тебе и не с-снилось, с-сукин ты сын! А н-ну, пус-сти меня, я ему покаж-жу, кто з-здесь м-мужчина!

— Пожалуйста, — умоляюще проговорил Фрайвальд. — Bitte*, джентльмены. — Он встал и вцепился в плечи Вильямса,

* Пожалуйста (нем.).

не давая тому подняться. В упор посмотрел на Нильссона. — И вы тоже, сэр, — продолжил довольно резко. — Вы не имели права дразнить его. Могли бы оказать любезность человеку и выпить в честь его национального праздника.

Нильссон открыл рот, чтобы возразить, но тут вошла Джейн Седлер. Конец беседы она выслушала, стоя в дверях столовой. Затем подошла к столику. Выглядела удивительно торжественно в строгом платье. Нахмутив брови, она сказала:

— Йоганн прав, Элоф. Давай-ка лучше пойдем отсюда.

— Идти плясать? — возмущенно воскликнул Нильссон. — После такого?

— Особенно после такого, — резко кивнула Седлер. — Ох и надоело мне твое упрямство, дорогой. Ругаться будем или оставим все, как есть?

Нильссон, сердито бормоча что-то, все-таки поднялся и предложил Джейн руку. Она была чуть-чуть выше его ростом. Вильямс обмяк, по лицу его было видно, что он того и гляди расплачется пьяными слезами.

— Я побуду с ним, Джейн, попробую его утешить, — шепотом пообещал Фрайвальд.

— Конечно, Йоганн, у тебя получится, — нервно улыбнулась Седлер. У нее с Фрайвальдом был короткий роман, а потом она ушла к Нильссону. Их взгляды встретились. Нильссон шаркнул ногами, кашлянул. — Еще увидимся, — сказала Седлер, и они вышли из столовой.

Глава 5

Когда «Леонора Кристин» набрала скорость, близкую к скорости света, даже невооруженным глазом стали видны оптические последствия передвижения с такой скоростью. Скорость корабля и скорость лучей света от звезд складывались, как векторы, и результатом этого были оптические аберрации. Видимое положение предметов, за исключением недвижущихся, и впереди и позади оказывалось сдвинутым. Созвездия меняли привычные очертания, становились странными, неузнаваемыми, а то и вовсе исчезали, а звезды, их составляющие, беспомощно блуждали во тьме. Позади корабля звезд становилось все меньше, а впереди — все больше.

Одновременно вступил в силу эффект Допплера. Поскольку корабль преодолевал световые волны, источники которых находились за кормой, для корабля длина волн возрастала, а

частота — снижалась. Точно так же по отношению к встречным световым волнам происходило уменьшение длины и рост частоты. И в результате объекты позади виделись как бы сдвинутыми в красную область спектра, а впереди — в синюю.

На капитанском мостике стоял трансформирующий вьюер — единственный на корабле, поскольку прибор этот был сложный и дорогой. Компьютер производил непрерывные расчеты реальной картины неба за бортом — такой, какой бы она была, будь корабль неподвижен — и проецировал на экран именно такую картину. Этот прибор стоял на мостике не для удобства или развлечения. Нет! Это было незаменимое навигационное устройство.

Естественно, компьютеру была необходима информация о том, где в действительности находится корабль и с какой скоростью относительно других небесных тел он движется. А определить это было совсем не просто. Скорость — точная скорость, как и точное направление движения, колебались в зависимости от вариантов состава межзвездного пространства, из-за вынужденного несовершенства отдачи комплекса Буссарда, а также из-за времени, в течение которого корабль двигался с ускорением. Отклонение от заданного курса было ничтожным, однако в астрономических масштабах любая неточность могла стать последней каплей в чаше роковых ошибок. И всякую ошибку надо было исправлять, как только она возникала.

А потому аккуратный, крепкого телосложения, чернобородый навигатор Огюст Будро был одним из тех немногих, кто должен был выполнять свои обязанности в течение всего полета. Работа его не сводилась к простой логической цепочке типа определить местоположение и скорость корабля и за счет полученных данных скорректировать оптические сдвиги, дабы на основании данных коррекций проверить данные о местоположении и скорости корабля. Главными маяками для Будро служили далекие галактики, дополнительную информацию он черпал из статистического анализа наблюдений за отдельными, расположенными ближе к кораблю звездами, математические расчеты осуществлял с помощью формул последовательного приближения.

Специфика работы превращала Будро в правую руку капитана Теландера, который проверял расчеты, вводил в компьютер и отдавал команды относительно тех или иных изменений в курсе корабля, а также сделала Будро главным помощником Бориса Федорова, который осуществлял эти приказы на прак-

тике. В итоге работа шла слаженно и четко. Никто из членов экипажа не замечал никаких изменений, ну разве что порой корабль пронизывала легкая дрожь, или во время минимального нарастания вектора ускорения ощущалось что-то вроде наклона палубы на несколько градусов.

Помимо всего прочего, Будро и Федоров старались поддерживать связь с Землей. «Леонора Кристин» пока находилась в пределах досягаемости для коммуникационных сетей Солнечной системы. Несмотря на сложности в связи из-за воздействия силовых полей корабля, пучок лучей мазера с Луны все еще доставал «Леонору Кристин», и по нему шли вопросы, развлекательные передачи, новости, поздравления. А корабль пока мог отвечать с помощью своего передатчика. На самом деле связь должна была стать регулярной тогда, когда «Леонора Кристин» доберется до беты Девы. Ее предшественник, автоматическая станция, без всяких проблем принимала и передавала информацию. Станция и теперь производила передачу данных, но принимать информацию возможности на корабле не было, и члены команды собирались прочесть всю информацию со станции в записи по прибытии к месту назначения.

Проблемы коммуникации были таковы: Солнце и планеты — это крупные, стабильные небесные тела. Они движутся в пространстве с умеренной скоростью, которая редко превышает пятьдесят километров в секунду. При этом движутся они плавно, не делая каких-либо зигзагов. Очень просто вычислить, где они будут находиться через много веков, и соответствующим образом ориентировать пучок волн, несущий ту или иную информацию. Космический корабль — совсем другое дело. Люди не вечны, они должны спешить. Аберрации и сдвиги вследствие эффекта Доплера влияют и на радиоволны. Со временем общения с Луны начнут поступать на такой частоте, что никакие бортовые устройства не в состоянии будут их уловить. Но еще раньше, за счет того или иного непредсказуемого фактора, к тому времени, когда временной разрыв между мазерным проектором и кораблем будет составлять несколько месяцев, луч потеряет корабль из виду.

Федоров, совмещавший также и должность главного связиста, возился с детекторами и усилителями. Он усиливал сигналы, посылаемые кораблем в сторону Солнца в надежде, что они помогут ему более точно определить будущее местоположение корабля. Несмотря на то что он понимал, что пройдет несколько дней, пока придет ответ, он не отчаивался. И бывал вознагражден. Но когда «Леонора Кристин» вошла в глубокий

космос, качество приема стало хуже, длительность — короче, а промежутки между сеансами связи — длиннее.

Ингрид Линдгрэн нажала кнопку звонка. Звукоизоляция кают была настолько совершенна, что стучать в дверь было бесполезно. Ответа не последовало. Она еще раз позвонила, и снова никто не ответил. Линдгрэн растерялась, постояла, переминаясь с ноги на ногу, и в конце концов нерешительно нажала ручку. Дверь была не заперта. Ингрид толкнула дверь и, не заглядывая в каюту, негромко позвала:

— Борис! Ты дома? Все в порядке?

Ингрид услышала скрип, шорох и звук шагов. Федоров распахнул дверь.

— О! — воскликнул он. — Добрый день.

Ингрид смотрела на него. Федоров был грузным мужчиной среднего роста, лицо у него было широкое, скуластое, каштановые волосы на висках тронула седина — а ведь ему было всего сорок два. Он явно несколько дней не брился и одет был в комбинезон, напаяленный, видимо, второпях.

— Можно войти? — спросила Ингрид.

— Пожалуйста, — сказал Федоров, впустил Линдгрэн и закрыл за ней дверь. Половина каюты была отделена ширмой, на второй половине обитал руководитель биосистемщиков Перейра. Кровать была не прибрана. На столике стояла бутылка водки.

— Прошу прощения за беспорядок, — извинился Федоров. — Выпить хочешь? Стаканов нет, но можно из горлышка... Все здоровы. — Федоров хмыкнул, нет, скорее крякнул. — Откуда тут микробам взяться?

Линдгрэн присела на краешек кровати.

— Нет, спасибо, — отказалась она. — Я при исполнении.

— Да и я вроде бы тоже. Только... — Федоров, ссутулившись, встал около Линдгрэн. — В общем, я позвонил на мостик и сказал, что неважно себя чувствую и мне лучше передохнуть.

— Может, тебе стоит показаться доктору Латвале?

— Зачем? Физически я в полном порядке. — Федоров помолчал и сделал вывод: — Ты пришла меня проводить.

— Это моя обязанность. Твоя личная жизнь — это твоя личная жизнь. Но ты один из самых важных сотрудников на корабле.

Федоров улыбнулся. Улыбка получилась такая же вымученная, как и смешок, который он выдавил из себя чуть раньше.

— Не волнуйся, — сказал он. — С головкой у меня тоже все в норме.

Он потянулся за бутылкой, но отдернул руку.

— Знаешь, это даже не ступор, нет. Просто что-то вроде... как это у американцев называется... кайф, вот как.

— Кайфовать лучше в компании, — объявила Линдгрэн и, немного помолчав, добавила: — Пожалуй, я все-таки выпью немного.

Федоров подал ей бутылку и уселся рядом на кровать. Ингрид приняла бутылку и проговорила:

— Skal.

Сделав маленький глоток, она передала бутылку Федорову, тот пробормотал по-русски:

— Твое здоровье, — и выпил.

Некоторое время они сидели молча, потом Федоров поерзал и сказал:

— Ладно. Тебе-то нужно об этом узнать. Вообще-то я бы никому не сказал, особенно... женщине. Но про тебя я кое-что знаю, Ингрид... Ингрид, дочь Гуннара, так?

— Точно, Борис Ильич.

Он внимательно посмотрел на нее и улыбнулся более искренно.

Ингрид сидела удобно, ей было уютно, и вся ее фигурка, казалось, излучала тепло и доброту.

— Я верю... — запнулся Федоров. — То есть надеюсь, что ты все поймешь и никому не станешь рассказывать о том, что я тебе скажу.

— Обещаю молчать. Если речь о понимании, то я попробую понять.

Ингрид переплела пальцы, оперлась локтями о колени.

— Дело сугубо личное, понимаешь? — сказал Федоров тихо, запинаясь. — Ничего такого страшного. Скоро пройдет. Просто... последняя передача... меня расстроила.

— Музыка?

— Да. Музыка. Уровень помех был такой, что телевизионные приемники не приняли передачу, да и звук был не лучше. Это последняя передача, Ингрид, дочь Гуннара, и больше передач не будет, пока мы не доберемся до цели и не станем принимать информацию, устаревшую на сто лет. В эти последние минуты, когда звук то исчезал, то снова появлялся, прорываясь сквозь треск и шипение помех, и в конце концов музыка смолкла — я понял, что больше ничего не будет.

Федоров замолчал. Ингрид ждала.

Он встряхнулся.

— А передавали русскую колыбельную, — печально проговорил Федоров. — Мне ее мама пела.

Ингрид положила руку на плечо Федорова и легонько погладила.

— Только не думай, что я занимаюсь тем, что сижу и себя жалею, — торопливо проговорил Федоров. — Это пройдет. Просто вспомнились те, кого я уже никогда не увижу.

— Наверное, я тебя понимаю, — пробормотала Ингрид.

Для Федорова это был второй межзвездный полет. Раньше он летал на дельту Павонис. Данные, полученные автоматическими станциями, говорили о том, что эта планета может быть похожа на Землю, и экспедиция отправилась туда, обуреваемая высокими помыслами. Реальность же оказалась настолько кошмарной, что оставшиеся в живых члены экспедиции проявили истинный героизм, задержавшись там и осуществив исследования в течение минимума времени. К моменту возвращения на Землю для астронавтов прошло двенадцать лет, а на Земле за это время минуло сорок три.

— Сомневаюсь, что поймешь. — Федоров покачал головой и развернулся к Ингрид. — Да, мы понимали, что за период нашего отсутствия умрут наши близкие. Мы понимали, что многое изменится. Понимаешь, поначалу я даже радовался, что узнаю кое-что в своем родном городе: лунные дорожки на глади воды каналов и рек, купола и башни Казанского собора, Александра и Буцефала на мосту в начале Невского проспекта, сокровища Эрмитажа... — Федоров отвернулся и устало покачал головой. — Но сама жизнь... Она стала совсем другой. Встретиться с ней было все равно что встретиться с любимой и узнать, что она стала шлюхой. — Федоров брезгливо оскабился. — Вот именно! Я работал в космосе пять лет как проклятый — исследования, разработки — все ради усовершенствования двигателя Буссарда, как ты, надеюсь, помнишь. Ну и ради того, чтобы добиться назначения на эту должность. На Третьей бете можно все начать сначала. — Федоров замолчал, а потом проговорил еле слышно: — И тут вдруг мамина песенка... В последний раз...

Он поднес к губам бутылку.

Ингрид молчала минуты две, потом сказала:

— Пожалуй, Борис, теперь я немного понимаю, почему это на тебя так подействовало. Я ведь занималась социоисторией. Когда ты был мальчишкой, люди были... как бы это поточнее выразиться... ну, менее расслаблены, что ли. В большинстве

стран они залечивали раны, нанесенные войной, занимались контролем над рождаемостью и порядком в общественной жизни. Теперь деятельность людей переключилась на совершенно иные проблемы, на осуществление проектов, захватывающих воображение, — как на Земле, так и в космосе. Такое впечатление, что нет ничего невозможного. А в основе устремлений человечества лежит готовность к тяжкому труду, патриотизм, преданность делу. Наверное, у тебя всегда было два божества, которым ты преклонялся всей душой, — Отец-Техника и Мать-Россия. — Ингрид накрыла руку Федорова своей ладонью. — Ты вернулся, — сказала она, — а никто не обрадовался. — Он кивнул и прикусил губу. — Потому ты презираешь современных женщин? — спросила она.

— Нет! — вздрогнул Федоров. — Что ты!

— Так почему же тогда ни один из твоих романов не длился больше двух недель, а чаще — одну ночь, свободную от вахты? — резко спросила Ингрид. — Почему тебе легко и весело только в мужской компании? Надеюсь, мы, другая половина человечества, все же интересуем тебя не только телесно? Или ты думаешь, тут и интересоваться нечем? Ведь то, что ты сказал только что насчет шлюх...

— С дельты Павонис я вернулся с твердым намерением жениться, — обиженно ответил Федоров.

Линдгрэн вздохнула.

— Борис, нравы меняются. С моей точки зрения, ты рос во времена неразумного пуританства. Но оно было оправдано, поскольку было реакцией на ранее процветающую распушенность... нуда ладно... — Ингрид продолжала, старательно подбирая слова: — Дело в том, что человеческие идеалы все время претерпевали изменения. Массовый энтузиазм, царивший в годы твоей юности, сменился холодным, рациональным классицизмом. Теперь и классицизм отступает, а на смену ему приходит нечто вроде неоромантизма. Одному Богу ведомо, к чему это все приведет. Может быть, мне не придется по сердцу перемены. Но как бы то ни было, подрастает новое поколение. И мы не имеем права навязывать ему свою мораль, свои вкусы, свое отношение к жизни. Вселенная слишком велика.

Федоров словно окаменел. Ингрид уже решила встать и уйти, но он вдруг пошевелился, схватил ее за руку и усадил снова рядом с собой.

— Ингрид, — с трудом выговорил он. — Мне бы хотелось... поближе познакомиться с тобой... как с человеком.

— Я рада,

Федоров поджал губы.

— А теперь тебе лучше уйти. У тебя роман с Реймонтом. Я не хотел бы неприятностей.

— Мне бы хотелось дружить с тобой, Борис, — призналась Ингрид. — Ты мне с первой встречи запомнился, и я восхищаюсь тобой. Ты мужественный, прекрасный ученый, ты добрый — восхитительные качества для мужчины. Мне бы хотелось, чтобы все эти качества увидели твои товарищи по экипажу, особенно — женского пола.

— Лучше уходи, — пробурчал Федоров, сдерживаясь, чтобы не обнять Ингрид.

Она прищурившись посмотрела на него.

— Я уйду, — сказала она. — Но если нам еще придется поговорить, ты обещаешь говорить со мной откровенно?

— Не знаю, — ответил он. — Надеюсь, но не знаю.

— Давай попробуем, — предложила Ингрид. — Прямо сейчас. Я не тороплюсь, меня никто не ждет.

Глава 6

Каждый из ученых, членов экипажа, запланировал как минимум один научный проект, дабы занять делом первые пять лет полета. Проект Глассголд был посвящен изучению химических основ жизни на второй планете эписILON Эридана. Разобрав и установив в лаборатории свои приборы, Глассголд занялась экспериментами с фотофитами и культурами ткани. Через некоторое время она получила продукты реакций и теперь занималась выяснением того, что они собой представляют. Норберт Вильямс проводил анализы по просьбе сразу нескольких ученых, в том числе и для Глассголд.

Шел первый год полета, и однажды поздно вечером Вильямс принес в лабораторию Глассголд результаты исследования последнего материала, переданного ему для анализа, — с результатами он всегда являлся лично.

Глассголд радостно приветствовала вошедшего в лабораторию Вильямса. Рабочий стол, около которого она стояла, был заставлен пробирками, сосудами и всевозможными приборами — тут был рН-метр, смеситель, устройство для изготовления срезов и еще целая куча оборудования.

— Понимаешь, — сказала Глассголд, — мне ужасно не терпится узнать, какие именно метаболиты производят сейчас мои зверюшки.

— Ну и беспорядочек... — пробурчал Вильямс, с трудом найдя место, чтобы положить на стол пару листков, исписанных

результатами анализов. — Эмма, ты уж прости, но придется повторить. И, боюсь, не один раз. Работать с микроскопическими количествами крайне трудно. Мне приходится проводить хроматографические исследования всех типов, которые я могу провести, да еще рентгеновскую дифракцию, да еще целую серию ферментных проб — тут они все перечислены, — чтобы хоть приблизительно определить структурную формулу.

— Понятно, — вздохнула Глассголд. — Прости, я создаю тебе дополнительную нагрузку.

— Да это ерунда — нагрузка. Чем мне еще заниматься, пока мы не долетим до беты Девы? Без работы я бы просто сбрендил, честно говоря, а твоя работа — самая интересная, — признался Вильямс и пригладил волосы. — Хотя, опять-таки честно говоря, не могу понять, зачем тебе это нужно, кроме как убить время. Я к тому, что теми же самыми проблемами занимаются на Земле, только там народу побольше этим занято и оборудование получше. Там наверняка расщелкают все твои загадки еще до того, как мы доберемся до цели.

— Наверняка, — кивнула Эмма. — Вопрос в том, попадут ли к нам результаты?

— Думаю, не попадут, если мы не будем проявлять интереса. Да если и пошлем запрос, ответ придет тогда, когда мы уже состаримся или, того хуже, помрем. — Вильямс наклонился к Глассголд через стол. — Все дело вот в чем: на что нам вот это сдалось? Какая бы биологическая жизнь ни встретилась нам на бете Девы, все равно будет другая, не такая, как эта.

— Отчасти ты прав, — согласилась Глассголд. — Но практическая польза от моих исследований все же есть. Чем шире будут мои знания о разнообразии жизни во Вселенной, тем легче мне будет изучать ее частные проявления там, куда мы летим. И тогда мы скорее и точнее пойдем, следует ли нам жить там и звать к себе других людей с Земли.

Вильямс потер подбородок.

— Гм-м-м. Пожалуй, ты права. С этой точки зрения я на дело не смотрел.

Слова их были весьма прозаичны, но за ними скрывалась патетика. Ведь экспедиция летела к бете Девы не из праздного любопытства, не просто, так сказать, посмотреть. Это было бы слишком расточительно — потратить на любопытство столько времени, труда, связывать столько надежд, мечтаний... Да и покорить новую планету так легко, как в свое время была покорена Америка, никто не надеялся.

Экипажу предстояло провести как минимум пять лет в системе беты Девы, исследовать тамошние планеты с помощью имевшегося на корабле оборудования, дабы дополнить информацию, ранее полученную автоматическими станциями. А если третья планета системы окажется обитаемой, экипаж «Леоноры Кристин» никогда уже не вернется на Землю, даже профессиональные космолетчики. Им придется остаться на планете и умереть там, но до этого — нянчить детей и внуков, открывать тайны и загадки нового мира и передавать отгадки на Землю тем, кто жаждет их услышать. Ведь действительно любая планета — это мир, всегда иной, всегда бесконечно таинственный. А эта планета так сильно и так странно напоминала Землю, что открывать ее загадки, скорее всего, будет восхитительно и захватывающе.

Экипаж «Леоноры Кристин» был непоколебим в своей решимости основать такую научную базу. Но еще больше путешественники возлагали надежды на то, что их потомки не захотят улетать из новоявленной колонии, что Третья бета обязательно превратится из базы в колонию, а из колонии — в Новую Землю, а потом и в ту стартовую площадку, откуда отправятся к далеким звездам новые экспедиции. Иначе завоевать Галактику было просто невозможно.

И, словно пытаясь отвернуться от картин, переполнявших ее воображение, и немного стыдясь своих чувств, Глассголд, покраснев, призналась:

— И потом... я увлечена изучением жизни эпсилон Эридана. Я хочу узнать, откуда она берет свое начало, что ею управляет. Ты же сам сказал: если нам суждено остаться, все ответы придется добывать самим — ведь пока мы живы, с Земли их не получить.

Вильямс молча вертел в руках набор для титрования. Он глубоко задумался, но в конце концов шум вентилятора, резкие химические запахи, яркие цвета реагентов и красителей заставили его очнуться.

— Гм-м-м, — промычал он. — Эмма...

— Да? — рассеянно отозвалась Глассголд.

— Как насчет перерыва? Давай заглянем в клуб — выпьем немножко перед обедом. Ставлю свой паек.

Глассголд ушла за стойку с приборами.

— Н-нет, спасибо, — смущенно ответила она. — Я... У меня полно работы.

— И времени на работу — хоть отбавляй, — заметил Вильямс. — Ну ладно, не хочешь коктейля, а как насчет чашечки кофе? Или по саду побродим?.. Слушай, я не собираюсь

к тебе приставать — просто хочется поближе познакомиться, и все.

Глассголд сглотнула подступивший к горлу комок и улыбнулась.

— Хорошо, Норберт, — проговорила она с неожиданной теплотой. — Мне тоже этого хочется.

Через год после старта «Леонора Кристин» летела со скоростью, близкой к предельной. До цели оставалось лететь тридцать один год, и еще год должен был уйти на то, чтобы замедлить скорость.

Но на самом деле все было не совсем так. В предыдущем утверждении не взята в расчет относительность. Именно потому, что существует абсолютная предельная скорость (то есть скорость света и нейтрино в вакууме), существует и взаимозависимость таких понятий, как пространство, время, материя и энергия. В уравнениях появляется фактор «тау». Если c — это скорость света, а v — скорость корабля, то тау равно:

$$1 - v / c .$$

И чем ближе v к c , тем ближе тау к нулю.

Представим, что посторонний наблюдатель измеряет массу космического корабля. Получаемый результат отражает массу покоя, то есть массу корабля, не движущегося по отношению к наблюдателю, поделенную на тау. Таким образом, чем быстрее движется корабль, тем больше его масса, что соответствует общим законам Вселенной. Дополнительную массу корабль приобретает из кинетической энергии движения: $e = mc$.

Кроме того, если наш «стационарный» наблюдатель смог бы сверить время на корабельных часах с временем на своих собственных, он бы заметил расхождение. Промежуток между двумя событиями (к примеру, от рождения до смерти), измеренный на борту корабля, где это происходит, равен промежутку, проходящему по часам наблюдателя, умноженному на тау. То есть можно сказать, что внутри корабля время течет пропорционально медленнее.

Уменьшаются параметры длины. Наблюдателю корабль видится укороченным в направлении движения — укороченным на фактор тау.

А измерения, производимые на корабле, имеют такие же особенности. Для члена экипажа, наблюдающего с борта корабля за Вселенной, звезды выглядят как бы уменьшенными, но при этом масса их увеличена, расстояние между ними

уменьшено, они сияют и появляются в поле зрения удивительно замедленно.

Но на самом деле картина еще более сложна. Не следует забывать о том, что корабль в действительности и набирает ускорение, и замедляет полет относительно всего космоса в целом. Из-за этого проблема выходит за рамки частной относительности и становится всеобъемлемой. Взаимоотношения типа «звезда — корабль» в действительности не отличаются симметрией. Не возникает близнецового парадокса. Когда скорости уравниваются вновь и произойдет восстановление, звезда преодолеет расстояние медленнее, чем корабль.

Если уменьшить тау до одной сотой и вывести корабль в свободный полет, расстояние длиной в световое столетие для вас минет за один год по вашим часам. Безусловно, за эти сто лет на Земле ваши друзья и родственники состарятся и умрут, и вам никогда не вернуть этих лет. При таких параметрах тау неизбежно стократное увеличение массы. Двигатель Буссарда, черпающий из космоса энергию водорода, способен это обеспечить. На самом деле, глупо было бы останавливать двигатель и дрейфовать, когда можно взять и уменьшить значение тау.

Итак, для того чтобы добраться до других звезд и при этом не успеть состариться, необходимо непрерывное ускорение до самого момента, пока корабль не подлетит вплотную к избранной звездной системе, после чего необходимо перевести работу модуля Буссарда в режим замедления. Ограничивает движение скорость света, показателей которой достичь полностью не удастся никогда. Но вот в чем вы не ограничены, так это в том, что можете приближаться к ее значению сколь угодно близко. Следовательно, вы не ограничены и в возможности уменьшать значение тау.

В течение года, во время которого сила тяжести на борту «Леоноры Кристин» составляла единицу, различия между движением корабля и движением медленно летящих звезд накапливались незаметно. Теперь график круто пошел вверх. Экипаж корабля постоянно замечал, что расстояние до цели сокращается, но не только потому, что корабль приближается к ней, но еще и потому, что для них, относительно них, меняется геометрия пространства. Чем дальше, тем больше чувствовалось, как естественные процессы, происходящие за бортом «Леоноры Кристин», ускоряются.

На глаз, правда, это было еще не так уж заметно. На самом деле, в соответствии с программой полета, средний показатель тау должен был немного превышать 0,015. Но настало мгновение, когда продолжительность минуты на борту «Леоноры Кристин» стала соответствовать шестьдесят одной секунде в

галактике, потом — шестидесяти двум, шестидесяти трем... шестидесяти четырем... шестидесяти пяти... шестидесяти шести... шестидесяти семи...

Первое Рождество, а с ним и другие праздники — Ханука, Новый год, дни зимнего солнцестояния, которые члены экипажа праздновали все вместе — наступили довольно скоро, в самом начале путешествия, и ознаменовались проведением веселого и красочного карнавала. На следующий год праздники встретили несколько более сдержанно, но все же все палубы были украшены самодельными гирляндами, в мастерских вовсю порхали иголки и ножницы, из камбуза доносились запахи пряностей — каждый старался по-своему порадовать кого-то еще. Гидропонисты, посоветовавшись, решили, что, пожалуй, могут пожертвовать свежие лозы и ветки для того, чтобы в спортивном зале было водружено некое подобие елки. Фильмотеку перетрясли до основания и отобрали фильмы, в которых действие происходило зимой — снег, катание на санках и все такое прочее... из динамиков лились мелодии Рождественских гимнов. Шли репетиции мистерии. Шеф-повар Кардуччи продумывал, как лучше организовать банкеты. Общественные помещения и каюты оглашались радостным смехом — ни одного вечера не обходилось без сборища. В соответствии с молчаливым договором никто не вспоминал о том, что с каждой секундой Земля становится еще на триста тысяч километров дальше.

Реймонт шагал по гудящей, словно улей, палубе, где располагались помещения для отдыха. Кое-кто из членов экипажа развешивал по стенам новые самодельные украшения. Конечно, с материалами для рукоделия на корабле было туговато, но умельцы ухитрились смастерить украшения из того, что было под руками, и развешивали цепи, склеенные из алюминиевой фольги, стеклянные шарики, игрушки, сшитые из лоскутков. А другие играли в разные игры, болтали, пили крепкие напитки и угощали остальных, флиртовали, шумели. А из динамика, заглушая болтовню, смех, шум, шелест и треск, лилась мелодия:

*Adeste, fideles,
Laete, triumphantes,
Venite, venite ad Bethleem!**

* «Приблизьтесь, верные,
Ликуйте, празднующие,
Придите, придите в Вифлеем» (лат.) — строчки Рождественского гимна.

И, похоже, она одинаково радовала Ивамото Тетсуо, Гуссейна Садека, Иешу бен-Цви, Мохандаса Чидамбарана, Пхра Такха, Като М'Боту, и Ольгу Собески, и Иоганна Фрайвальда.

Механик, заметив Реймонта, добродушно взревел:

— Guten Tag, meine Liebe Schutzmann!* Иди-ка приложишь к моей бутылочке! — и, подняв бутылку, приветственно помахал ею. Другой рукой он обнимал Маргариту Хименес. Над их головами к переборке был пришпилен листок бумаги, на котором красовалась надпись: «ОМЕЛА»**.

Реймонт остановился. С Фрайвальдом они были приятели.

— Спасибо, не могу, — поблагодарил он. — Бориса Федорова не видел? Я думал, он тут появится после работы.

— Н-нет, я его не видел. Я тоже думал, он явится — тут у нас, видишь, как весело. А он вроде в последнее время вообще как-то повеселел, вот только почему — в толк не возьму. А на что он тебе сдался?

— По делу.

— По делу... Вечно ты в делах, — проворчал Фрайвальд. — Надо же и отдохнуть когда-то. Что до меня, то я отдыхаю на все сто! — воскликнул Фрайвальд и прижал к себе Хименес. Она прильнула к нему. — А ты ему не звонил в каюту?

— Звонил, конечно. Не отвечает. — Реймонт шагнул прочь, но обернулся и сказал: — Схожу к нему, а потом, может, и вернусь хлебнуть твоего шнапса.

Он пошел дальше по палубе и, когда спускался по лестнице на офицерскую палубу, все еще слышал мелодию и слова: «Iesu, tibi sit gloria»***. В коридоре было пусто. Реймонт подошел к двери каюты Федорова и нажал кнопку звонка.

Инженер тут же открыл дверь. На нем была облегающая пижама. На столике красовалась бутылка французского вина, два бокала и блюдо с сэндвичами по-датски. Он был явно не на шутку удивлен. Растерянно отступил на шаг внутрь каюты.

— Что... — пробормотал он по-русски. — Ты?

— Можно с тобой поговорить?

— Гм-м-м, — протянул Федоров. — Я жду гостью.

Реймонт усмехнулся:

— Дело понятное. Не волнуйся, я долго не задержусь. Но дело срочное.

Федоров поморщился.

* Добрый день, мой любимый полицейский! (нем.).

** В некоторых европейских странах в канун Рождества стены домов украшают ветками омелы.

*** «Иисусе, слава тебе» (лат.).

— Такое срочное? Нельзя подождать, когда я заступлю на вахту?

— Видишь ли, поговорить надо с глазу на глаз, — объяснил Реймонт. — И капитан Теландер так считает. Этот момент не был учтен в программе, — продолжал Реймонт, пройдя в каюту мимо Федорова. — По программе мы должны были перейти к режиму большого ускорения седьмого января. Тебе лучше известно, что на подготовительные работы твоим ребятам понадобится два-три дня, да и всем остальным тоже достанется. Ну, словом, как-то уж получилось, что те, кто составлял программу полета, выпустили из виду, что шестое января — число особое для жителей некоторых западноевропейских стран. Двенадцатая Ночь, Канун праздника Трех Святых Королей — называй как хочешь, но все равно это последние дни в цепи новогодних праздников. В прошлом году про шестое нечаянно позабыли, а вот в этом году я слышал разговоры о том, что было бы славно встретить праздник как положено — с танцами и чем-то наподобие древних ритуалов. И как было бы здорово, если бы все получилось! Подумай, ведь от настроения людей так много зависит, и было бы просто кошунством отказать экипажу в желании повеселиться. Словом, мы со шкипером хотели бы, чтобы ты подумал о возможности отложить переход к высокому ускорению на несколько дней.

— Ладно, ладно, я подумаю, — торопливо пообещал Федоров и стал теснить Реймонта к распахнутой двери. — Завтра поговорим...

Но он опоздал. На пороге стояла Ингрид Линдгрэн. Она была в форме — видимо, спустилась сюда сразу после окончания вахты на капитанском мостике.

— Yud!* — вырвалось у нее.

Она застыла на месте.

— О, Линдгрэн! — попытался изобразить удивление Федоров. — Какими судьбами?

Реймонт чуть не задохнулся. Лицо его окаменело. Он, как и Линдгрэн, стоял не двигаясь, только так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони и костяшки пальцев побелели.

А из динамика полилась мелодия нового Рождественского гимна.

Линдгрэн лихорадочно переводила взгляд с Реймонта на Федорова. Она жутко побледнела. Вдруг она резко выпрямилась, запрокинула голову и сказала:

* Боже! (швед.).

— Нет, Борис. Не будем лгать.

— Верно, не стоит, — холодно согласился Реймонт.

Федоров развернулся к нему.

— Да! — крикнул он. — Хорошо! Я скажу! Да, мы были вместе несколько раз. Она тебе не жена!

— Я этого и не утверждал, — возразил Реймонт, не сводя глаз с Линдгрена. — Но я собирался сделать ей предложение, когда мы доберемся до цели.

— Карл... — прошептала Линдгрена. — Я люблю тебя.

— Я понимаю, один партнер может прискучить, — словно не расслышав ее признания, продолжал Реймонт ледяным тоном. — Тебе захотелось развлечься. Твое право. Только я думал, ты все-таки выше того, чтобы делать это тайком.

— Оставь ее в покое! — крикнул Федоров и бросился к Реймонту.

Констебль уклонился от удара и выставил руку. Инженер отлетел, в ярости глотая воздух, опустился на край кровати и принялся потирать ушибленную руку.

— Перелома нет, — успокоил его Реймонт. — Но если ты тронешься с места, пока я здесь, я тебе его обеспечу. Только, — добавил он, словно извиняясь, — не считай это ударом по своему мужскому достоинству. Я просто-напросто, в отличие от тебя, специалист по рукопашному бою, вот и все. Мы же цивилизованные люди, так давай ими и останемся. Тем более что драться незачем. Она, насколько я понимаю, твоя.

— Карл...

Линдгрена робко шагнула к Реймонту. По ее щекам текли слезы.

Реймонт отвесил ей театральный поклон.

— Вещи из твоей каюты заберу, как только разыщу свободную койку.

— Нет, Карл... Карл... — Она схватила его за рубашку. — Я никогда не думала... Послушай... Я была нужна Борису. Да, я признаюсь, мне было с ним хорошо, но дальше дружбы у нас не заходило, и... я должна была ему помочь, а с тобой...

— Почему же ты мне ничего не рассказывала? Или ты считала, что это не мое дело?

— Нет-нет, я так не думала, но я боялась... ты мог такое сказать... ты ведь так ревнив... а тут ревность ни при чем, потому что мне нужен только ты, только ты один!

— Всю жизнь я был беден, — сказал Реймонт, глядя ей в глаза. — И до сих пор у меня примитивная мораль бедняка — в частности, в том, что касается собственности. На Земле еще

можно было хоть что-то с этим поделать. Сразиться с соперником, развеять тоску долгим путешествием, или нам с тобой куда-нибудь вместе перебраться. А здесь это невозможно — ни то, ни другое, ни третье.

— Как ты не понимаешь?! — воскликнула она.

— А ты? — спросил он, снова до боли сжав кулаки. — Нет, — сказал Реймонт, покачав головой, — ты совершенно искренне считаешь, что не сделала мне ничего плохого. Будем считать — искренне. Мне будет очень тяжело без тебя.

Реймонт оторвал от себя руки Линдгрэн.

— Прекрати хныкать! — рявкнул он.

Она вздрогнула, ссутулилась, замерла.

Федоров злобно взревел и сделал попытку встать.

Ингрид махнула рукой, веля ему сидеть.

— Так-то лучше, — кивнул Реймонт и шагнул к двери. Обернувшись, он посмотрел на парочку. — Никаких сцен, интриг и жалоб, — твердо заявил он. — Когда пятьдесят человек заперты в одной скорлупке, все либо ведут себя как подобает, либо все погибают. Мистер инженер Федоров, капитан Теландер и я хотели бы получить от вас сведения по интересующему нас вопросу как можно скорее. Вы можете посоветоваться со старшим помощником Линдгрэн, не забывая о том, что предмет разговора желательно не разглашать до того дня, когда мы будем готовы сделать официальное объявление. — И вдруг на один только миг боль и обида взяли верх, и Реймонт процедил сквозь зубы: — Главное для нас — корабль, черт бы вас подрал! — Но, тут же взяв себя в руки, он пробормотал, щелкнув каблуками: — Мои извинения. Желаю приятно провести вечер.

И вышел.

Федоров встал, подошел к Линдгрэн и обнял ее.

— Мне... очень жаль... — проговорил он смущенно и неуклюже. — Если бы я думал, что вот так выйдет, я бы ни за что...

— Ты не виноват, Борис, — с трудом шевеля губами, проговорила Ингрид.

— Если бы ты согласилась перебраться ко мне, я был бы рад.

— Нет, спасибо, — холодно отказалась она. — Пока мне лучше в эти игры не играть. Я, пожалуй, пойду, — сказала Ингрид и освободилась из объятий Федорова. — Спокойной ночи.

Дверь за ней закрылась, и Федоров остался один, не считая сэндвичей и вина.

*Дитя святое Вифлеема,
Сойди к нам поскорей!*

Лился из динамика светлый мотив псалма.

После внесения соответствующих изменений в программу полета «Леонора Кристин» была переведена в режим движения с высоким ускорением — сразу же после праздника Крещения Господня*.

В масштабах Вселенной мало что изменилось. Ведь корабль уже давно летел со скоростью, близкой к скорости света. Но при более быстром уменьшении показателей тау, при том, что его средняя величина становилась все меньше, время на корабле, естественно, начинало течь медленнее.

Раскинув шире паутину ловушек водорода, раскалив сильнее термоядерную горелку, от которой работал двигатель Буссарда, корабль увеличил силу тяжести до трех *g*. Произойди такое при низкой скорости, она возросла бы почти на тридцать метров в секунду. При теперешней же скорости корабля увеличение ее было едва заметно, и чем дальше — тем меньше. Это — снаружи. Внутри корабля сила тяжести возросла втрое, и показатели эти были ощутимы и вполне реальны.

Вряд ли бы сумели люди выдержать такую перегрузку и остаться в живых. Слишком велика была бы такая стрессовая нагрузка для сердца, легких, а в особенности — для жидкостного баланса в человеческом организме. Бороться с перегрузкой, в принципе, можно было бы с помощью лекарств. Но был и другой способ — намного лучше.

Силы, которые приближали скорость корабля вплотную к скорости света, были не просто грандиозны. При необходимости они могли быть подвергнуты точнейшей корректировке. Настолько точной, что их взаимодействие с космосом — его материей и его собственными силовыми полями — могло поддерживаться почти что на постоянном уровне, несмотря ни на какие перемены во внешних условиях. Точно так же и толкающая корабль вперед энергия могла быть соответствующим образом трансформирована в более слабые поля внутри обшивки.

* Праздник Крещения Господня по церковному календарю отмечается 19 января (6 января по старому стилю).

Затем этой установившейся взаимосвязью можно было оперировать на основе асимметрии атомов и молекул, и в итоге величина ускорения приравнивалась бы к той, которую продуцировал внутренний генератор. Правда, на практике все было не так уж идеально и компенсация нормальной силы тяжести не достигалась полностью.

И все-таки сила тяжести внутри корабля оставалась близкой к той, что наблюдалась бы на поверхности Земли, независимо от того, какую скорость набирал корабль.

Подобное смягчение эффекта перегрузок достигалось только при релятивистских скоростях. При передвижении с умеренной скоростью и, соответственно, при высоких параметрах тау атомы недостаточно массивны, слишком капризны и непослушны, чтобы их можно было успешно улавливать. При приближении к скорости света атомы становятся тяжелее — не сами по себе, а по отношению ко всему, что находится за бортом корабля — до тех пор, пока взаимодействие полей между кораблем и космосом не примет устойчивую конфигурацию.

Сила тяжести, увеличенная втрое, — это не предел. При условии того, что паутина ловушек расправлена полностью, в таких участках, где материя менее рассеяна — например, в туманностях, — сила тяжести могла быть увеличена еще сильнее. Сейчас же, при условии высокой рассеянности атомов водорода, мало было только выигрывать во времени — поскольку формула имеет вид гиперболической функции, — для того чтобы понизить предел безопасности. При компьютерной разработке программы полета были учтены и другие факторы, такие, как оптимизация приращения массы по отношению к минимизации преодоленного расстояния.

Таким образом, тау не возрастало бесконечно. Это был динамичный показатель. Его воздействие на массу, пространство и время можно было рассматривать как фундаментальное явление, создававшее совершенно новые взаимоотношения между человеком и Вселенной, по которой он летел.

На корабельном календаре значился апрель, а на часах — утро. Просыпаясь, Реймонт не потягивался, не зевал, как большинство мужчин. Он по обыкновению сразу и резко садился.

Чиюань Айлинь проснулась раньше. Она совсем по-азиатски сидела на коленях на полу около кровати и смотрела на Реймонта удивительно серьезно — совсем не похожая на ту игривую и возбужденную женщину, что провела с ним ночь.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросил Реймонт.

Она только шире открыла глаза и вздрогнула. Потом медленно улыбнулась.

— Знаешь, — задумчиво проговорила она, — я видела когда-то ручного ястреба. Ну, то есть не такого, какими бывают домашние собаки, — он охотился со своим хозяином и, полетав, садился на его плечо. Просыпаешься ты в точности как тот ястреб.

— Пф-ф-ф, — фыркнул Реймонт. — У тебя вид встревоженный, я про это спросил.

— Я не встревожена, Чарльз. Я задумалась.

Реймонт невольно залюбовался ею. Когда она была раздета, в ее облике не оставалось ничего мальчишеского. Грудь у китаянки, правда, была маленькая, но ее очертания в сочетании с тонкой талией делали фигурку Чиюань гармоничной. А смуглая нежная кожа цветом напоминала песчаные дюны на берегу залива Сан-Франциско, согретые летним солнцем. Черные блестящие волосы Чиюань пахли этим солнцем — казалось, они вобрали в себя все тепло Земли.

Ночь они провели в каюте Реймонта, вернее, на его половине, шторой отделенной от половины соседа — Фоксе-Джемисона. Обстановка тут явно не отвечала присутствию такой красавицы. В ее каюте царила красота.

— О чем? — спросил Реймонт.

— О тебе. О нас.

— Волшебная была ночь, — улыбнулся Реймонт и, наклонившись, погладил шею Чиюань. Она тоже улыбнулась и замурлыкала. — Хочешь, чтобы она продлилась?

Она снова стала серьезна.

— Знаешь, о чем я думала? — проговорила она, и Реймонт нахмурился. — О понимании между нами. У нас обоих были романы. По крайней мере, у тебя-то точно, за последние несколько месяцев. — Реймонт помрачнел. — У меня, конечно, ничего такого серьезного не было. Так, кратковременные интрижки, — торопливо продолжала Чиюань. — И честно тебе скажу, никакой охоты у меня нет продолжать в том же духе. Как минимум, все это кокетство, заигрывание бесконечное... словом, это отвлекает меня от работы. А я сейчас разрабатываю серьезные гипотезы о строении коры планет. Для этого нужно как следует сосредоточиться. Тут помогла бы долгая, прочная связь.

— Мне не хотелось бы заключать никаких контрактов, — буркнул Реймонт.

Она обняла его за плечи.

— Я все понимаю. Я не об этом. И не прошу, и не предлагаю ничего подобного. Просто... чем больше времени мы проводим вместе — говорим, танцуем и все остальное... ты мне все больше нравишься. Ты спокойный, сильный, нежный, по крайней мере, со мной. Я бы могла быть счастлива с тобой — пусть не будет ничего официального, но пусть будет некий альянс, о котором бы знали все на корабле, и пусть это продолжается ровно столько, сколько мы оба будем этого хотеть.

— Идет! — воскликнул Реймонт и поцеловал ее.

— Так быстро соглашаешься? — удивилась китаянка.

— Ну так ведь я тоже об этом думал. И я подустал от флирта. С тобой мне будет легко... — проговорил он и нежно коснулся ее талии и бедра. — Очень легко.

— Много ли в этих словах исходит от сердца? — шутливо спросила Чжунань и рассмеялась. — О нет, прошу прощения, такие вопросы под запретом... Не перебраться ли нам ко мне в каюту? Я точно знаю, что Мария Тооманен не откажется поменяться с тобой местами. Тем более что она тоже держит свою половину каюты закрытой.

— Отлично, — кивнул Реймонт. — Милая, а ведь у нас еще целый час до завтрака...

Третий год полета «Леоноры Кристин» близился к концу, десятый — по звездным часам, когда случилось несчастье.

Глава 7

Внешний наблюдатель, неподвижный по отношению к звездам, увидел бы все намного раньше, чем находящийся на корабле. При той бешеной скорости, с которой летела «Леонора Кристин», она, можно сказать, двигалась наполовину вслепую. Даже не располагая такими совершенными сенсорами, какими располагал корабль, сторонний наблюдатель узнал бы о грозящей катастрофе на несколько недель раньше. Но даже существуй он на самом деле, он не смог бы о ней предупредить.

Но никакого наблюдателя не было, а была только ночь, раскинувшаяся между бесконечно далекими друг от друга солнцами, снежная белизна Млечного Пути да редкое призрачное мерцание туманностей или других галактик. На расстоянии в девять световых лет от Солнца корабль был совершенно одинок.

Автоматический сигнал тревоги разбудил капитана Теландера. Он открыл глаза и сел на койке, а вслед за сигналом тревоги из динамика послышался голос Линдгрена: «Korg i

Негген памн!»* От того, сколько страха и тревоги было в ее голосе, Теландер проснулся окончательно. Не переодеваясь и не задерживаясь, дабы ответить на сигнал, он выбежал из каюты.

На счастье, он был одет — читая микрофильмированный роман, взятый из библиотеки, Теландер задремал прямо в одежде.

На бегу капитан не заметил ничего — ни разукрашенных «под весну» переборок, ни запаха грозы, которым были наполнены коридоры, — кроме вибрации и необычного шума двигателя. Ступени винтовой лестницы дрожали и скрежетали под его подошвами, и эхо этого скрежета гулко разносилось по пролетам.

Капитан домчался до следующей палубы и вбежал в рубку. Линдгрэн стояла около вьюера. Вьюер... Что вьюер? Не больше чем игрушка при таких обстоятельствах. Правду говорили приборы — огоньки на панели пульта управления словно взбесились. И все же Линдгрэн не отрываясь смотрела в окуляр.

Капитан проскользнул мимо нее. Сигнал тревоги, разбудивший его, все еще мигал на экране, подсоединенном к астрономическому компьютеру. Капитан прочел данные и несколько секунд не мог вдохнуть. Он лихорадочно пробежался глазами по шкалам и дисплеям. Принтер шелкнул, и из его щели выползла лента. Капитан схватил ее. Значки и цифры бесстрастно и подробно, с точностью до запятой, отражали результаты расчетов. А на экране мерцал и мерцал сигнал тревоги.

Теландер нажал кнопку сигнала общей тревоги. Взвыли сирены, и их вой эхом прокатился по коридорам. По интеркому капитан отдал приказ всем членам экипажа, свободным от вахты, собраться в зале вместе с пассажирами. И добавил через мгновение, что каналы внутренней связи будут открыты, для того чтобы те, кто находится при исполнении обязанностей, также смогли принять участие в собрании.

— Что же будем делать? — вскрикнула Линдгрэн в наступившей тишине.

— Боюсь, почти ничего, — буркнул Теландер и подошел к вьюеру. — Там что-нибудь видно?

— Плохо. Четвертый квадрат, — ответила Линдгрэн, закрыла глаза и отвернулась.

Капитан прильнул к окуляру вьюера. Перед его глазами предстало космическое пространство, увеличенное во много раз. Изображение оказалось туманным и несколько искажен-

* Господи Всевышний! (швед.)

ным. При той скорости, которую набрала «Леонора Кристина», оптика не успевала устранять дефекты изображения. И все же звезды были видны — прекрасные, чудные, подобные бриллиантам, аметистам, рубинам, топазам, изумрудам — настоящая сокровищница. Ближе к центру горела бета Девы. По идее, она должна была выглядеть почти как земное Солнце, но из-за спектральных сдвигов обрела холодно-голубоватый оттенок. Но вот и она, на самом краю поля зрения... эта крошечная тучка... Неужели она должна была уничтожить корабль и погубить пятьдесят человеческих жизней?

Капитан не успел толком сосредоточиться. Корабль огласился криками, топотом, восклицаниями. Теландер оторвался от окуляра, выпрямился и сказал:

— Я схожу на корму. Надо проконсультироваться с Федоровым, прежде чем я обращусь к остальным. Нет, — покачал он головой, заметив, что Линдгрэн хочет идти с ним. — Оставайся на мостике.

— Зачем? — резко спросила она. — Это приказ?

— Да, — кивнул Теландер. — Твоя вахта еще не закончилась. — На бледном лице капитана мелькнуло слабое подобие улыбки. — Если только ты не веришь в Бога, приказы — это единственное, на что мы сейчас можем положиться.

Сейчас никому не пришло бы в голову, что обстановка гимнастического зала — скажем, баскетбольные корзины — совершенно не соответствует яркой, праздничной одежде собравшихся там людей. Многие не успели переодеться. Большинство стояли, поскольку времени расставить стулья тоже не было. Взгляды всех были прикованы к Теландеру, который поднялся на сцену. Все замерли. Лица у многих покрылись испариной... корабль продолжал сотрясаться.

Теландер оперся руками о край трибуны.

— Дамы и господа, — проговорил он, разрывая голосом тишину. — У меня плохие новости. — И, не останавливаясь, торопливо продолжил: — Позвольте мне сразу сказать вам, что, судя по поступившей к этому часу информации, наши шансы остаться в живых отнюдь не безнадежны. Но мы в беде. Не могу сказать, что такая ситуация не была предусмотрена, но сама природа угрозы такова, что ее нельзя было предусмотреть, во всяком случае — в наше время, когда технология Буссарда находится на раннем этапе разработки...

— Ближе к делу, черт бы вас подрал! — крикнул Норберт Вильямс.

— Тихо, вы! — сказал Реймонт. В отличие от большинства собравшихся, стоявших, взяв друг друга за руки, он нахо-

дился рядом со сценой в полном одиночестве. Значок констебля красовался на его темно-коричневом форменном костюме.

— Вы не имеете... — начал было Вильямс, но, видимо, кто-то его одернул, поскольку он умолк, не договорив фразы.

Теландер заговорил еще более встревоженно и торопливо:

— Приборы обнаружили... препятствие. Небольшую туманность. Можно сказать, крошечную, скопление пыли и газа, в поперечнике не более миллиарда километров. Но она перемещается с необычайной скоростью. Может быть, это остаток более крупной туманности, образовавшейся вследствие взрыва сверхновой, но такой, который сохраняется за счет действия гидромагнитных сил. Может быть — просто звезда. Точно не знаю.

Но факт состоит в том, что мы с этой туманностью столкнемся. Примерно через двадцать четыре часа по корабельному времени. Что при этом произойдет, я тоже не знаю. Если повезет, мы пролетим ее насквозь, не получив серьезных повреждений. Если нет... если возникнет перегрузка защитного поля... что сказать? Мы все знали о том, что наше путешествие таит в себе опасности. — Капитан услышал тяжелые вздохи, похожие на тот, какой он сам издал, когда увидел результаты расчетов, увидел, как люди закрывают глаза, хмурятся, как дрожат их губы, как чьи-то пальцы чертят в воздухе какие-то знаки — наверное, пытаясь отвести беду... — Подготовиться к столкновению практически невозможно. Кое-какие меры по защите корабля, безусловно, приняты, но на самом деле защита, что называется, на пределе. К моменту столкновения мы будем во всеоружии. Так что... теперь можно обсудить сложившуюся ситуацию.

Вильямс, оттолкнув великана М'Боту, прорвался к сцене.

— Господин капитан! Автоматическая станция на маршруте не выявила никаких опасностей. По крайней мере, она о них ни слова не сообщила. Верно? Кто же отвечает за то, что мы вляпались в такую дрянь?

Зал загомонил.

— Тише! — крикнул Реймонт. Вернее, всем показалось, что крикнул, хотя на самом деле он произнес слово негромко, но придал ему силу и вес. Кое-кто бросил на него недовольные взгляды, но шум сразу утих.

— Мне показалось, что я все четко объяснил, — сказал Теландер. — Облако это по космическим масштабам невелико, неярко, на большом расстоянии невидимо и невыявимо. Оно движется с большой скоростью, исчисляемой в километрах в секунду. Таким образом, если предположить, что станция дви-

гальс по маршруту, идентичному нашему, эта туманность запросто могла ей не попасться — ведь это было пятьдесят лет назад, не забывайте. Кроме того... мы можем не сомневаться в том, что маршрут следования станции и наш маршрут не совпадают полностью. Нужно помнить не только об относительном смещении нашего Солнца и беты Девы, но и о расстоянии между ними. Тридцать два световых года — это намного больше, чем в состоянии себе представить наш ограниченный разум. Крошечные колебания линии, абстрактно проведенной от звезды к звезде, означают грандиозные сдвиги многих астрономических объектов на этой линии.

— Подобная ситуация не могла быть предусмотрена заранее, — добавил Реймонт. — Вероятность столкнуться с чем-либо подобным была крайне невелика. И все же время от времени кому-то выпадает длинная соломинка.

Теландер вздрогнул.

— Я вас не узнаю, констебль. Я не давал вам слова.

Реймонт вспыхнул.

— Капитан, я всего-навсего пытаюсь упростить дело, чтобы вас не держали тут, заставляя разжевывать очевидное. Так мы будем языками трепать, пока не врежемся.

— Не оскорбляйте товарищей, констебль. И будьте добры, дождитесь, пока я дам вам слово.

— Прошу прощения, капитан, — извинился Реймонт, сложил руки за спиной и помрачнел.

Теландер проговорил, вкладывая в слова всю, какую мог, заботу и участие:

— Прошу вас, не бойтесь задавать вопросы, какими бы глупыми они вам ни показались. Все вы располагаете знаниями в области теории межзвездной астронавтики. Но я, будучи профессионалом, знаю, как странны могут быть ее парадоксы, как трудно их понять и осмыслить. Будет лучше, если каждый поймет, с чем именно нам предстоит столкнуться... Доктор Глассголд?

Специалистка по молекулярной биологии опустила руку и смущенно начала:

— Не могли бы мы... я хочу сказать, что... понимаете, на Земле небулярные объекты, подобные такому, с каким нам предстоит встретиться, считаются областями с высоким вакуумом. Правда? А мы... мы летим почти что со скоростью света, и с каждой секундой скорость нарастает. И масса, соответственно. Наше обратное тау, видимо, в настоящий момент составляет что-то около пятнадцати. А это означает, что масса

корабля грандиозна. Так каким образом нас может остановить облачко пыли и газа?

— Хорошо подмечено, — кивнул Теландер. — Если нам повезет, мы проскочим сквозь него без сколь-либо значительных повреждений. Но не забывайте, что пыль и газ движутся относительно корабля так же быстро и их масса точно так же возрастает.

На облако должны воздействовать силовые поля, обеспечить захват водорода, подачу его в систему двигателя, и отогнать лишнюю материю от обшивки. Это скажется на нас определенным образом. Более того, произойдет все крайне резко и быстро. То, что поля способны сделать, скажем, за час, они не сумеют сделать за минуту. Мы должны надеяться, что поле справится с этой задачей и что обшивка выдержит напряжение.

Я переговорил с инженером Федоровым. Он считает, что, скорее всего, серьезные повреждения нам не грозят. Однако он подчеркивает, что его точка зрения — всего лишь экстраполяция. В эпоху освоения новой техники чему-либо научиться можно только на собственном опыте. Мистер Иватомо?

— С-с-с-т! Как я понимаю, обогнуть туманность невозможно? Один день по корабельному времени — это же почти две недели по часам космоса, или я не прав? Словом, уклониться от этой небу... небулы нельзя?

— Нет, боюсь, что нельзя, — покачал головой Теландер. — Мы набираем ускорение при утроенной силе тяжести. Что же касается окружающей нас Вселенной, это ускорение непостоянно, но неуклонно снижается. А потому мы неспособны резко изменить курс. Даже полный вектор, нормальный при нашей скорости, не уведет нас достаточно далеко в сторону от столкновения. Словом, как бы то ни было, у нас не хватит времени подготовиться к такому серьезному изменению графика полета. Слушаю вас, бортинженер М'Боту.

— А если бы сбавили ускорение, это не помогло бы? Мы должны все время оперировать в одном или другом режиме, ведь мы на это способны — вперед или назад то есть. Но я подумал, что, если бы сбавили ускорение, это смягчило бы последствия столкновения.

— Компьютер на этот счет никаких рекомендаций не дает. Может быть, ему недостает информации. Но в лучшем случае это даст всего лишь крошечный процент сдвига... Боюсь, что... Я думаю, что у нас нет иного выбора, кроме как... Да?

— Вляпаться, — проговорил Реймонт по-английски.

Теландер бросил на него раздраженный взгляд. Реймонт остался невозмутим.

Вопросы сыпались один за другим, и Теландер всех выслушивал, с каждой минутой все больше мрачней. Глубокие морщины залегли на его лбу и щеках. Когда капитан наконец произнес: «Все свободны», констебль не вернулся к Чиюань. Он, можно сказать, довольно грубо прорвался к Теландеру и потянул его за рукав.

— Думаю, нам стоит переговорить с глазу на глаз, сэр, — сказал он.

По-шведски он снова заговорил с акцентом, хотя в последнее время он у него уже почти пропал.

Теландер холодно отозвался:

— Полагаю, сейчас не время секретничать, констебль.

— Что ж, давайте назовем это данью вежливости остальным и поработаем наедине, — предложил Реймонт.

Теландер вздохнул:

— В таком случае идемте со мной на мостик. На приватные беседы у меня времени нет.

Похоже, парочке членов экипажа хотелось-таки еще о чем-то спросить капитана, но Реймонт так на них посмотрел и так выразительно рыкнул, что они сразу ретировались. Теландер, выходя из зала, не смог удержаться от улыбки.

— Есть от вас польза, как ни крути, — признался он.

— Парламентский вышибала, одним словом? — хмыкнул Реймонт. — Боюсь, от меня потребуется намного больше.

— На бете Девы — безусловно. Специалист по спасательным работам и организации деятельности в катастрофических ситуациях там будет крайне необходим, *когда* мы туда доберемся.

— А вот вы как раз и занимаетесь тем, что скрываете от людей правду, капитан. Вы ведь всерьез напуганы тем, что нам грозит. Подозреваю, что шансы наши не настолько хороши, как вы их выставляете. Верно?

Теландер испуганно обернулся и промолчал. Только тогда, когда они добрались до лестницы, он тихо ответил:

— Я просто-напросто ничего не знаю. И Федоров тоже. До нас ни один корабль Буссарда не проверяли в таких ситуациях. Конечно! Мы либо проскочим и более или менее сохранимся, либо все до единого погибнем. Причем если произойдет последнее, то погибнем мы не от лучевой болезни. Если материя туманности проникнет сквозь защитные экраны и доберется до нас, мы просто испаримся — быстрая и безболезненная смерть, неотвратимая. Я решил, что не стоит омрачать людям последние часы жизни, рассказывая о такой возможности.

Реймонт буркнул:

— Вы помалкиваете о третьем варианте. Мы ведь можем уцелеть, но при этом здорово покалечиться.

— Как это, черт подери, мы можем уцелеть?

— Трудно сказать. Возможно, удар будет таков, что часть команды погибнет. Ответственные люди, которых жаль потерять... ведь пятьдесят человек — это очень мало. — Реймонт замолчал и задумался. Звук шагов заглушало дрожание переборок. — В целом, реакция была достойная, — признал констебль. — Пока что все повели себя мужественно, разумно и интеллигентно. Но невозможно рассчитывать на такую реакцию во всех случаях. Представьте себе, что мы станем, мягко говоря, инвалидами. Как долго продержатся моральные уставовки да и само благоразумие? Я хочу быть готовым к тому, что придется поддерживать дисциплину.

— В этой связи, — снова взяв холодный тон, отозвался Теландер, — прошу вас помнить о том, что вы действуете на корабле в соответствии с моими приказами и подчиняетесь корабельному уставу.

— Проклятье! — не сдержался Реймонт. — За кого вы меня принимаете? За какого-нибудь новоявленного Мао? Я прошу у вас разрешения на то, чтобы отобрать несколько надежных людей и тихо-спокойно подготовить их к действиям на случай экстренной ситуации. Я выдам им оружие, безусловно, исключительно парализующего действия. Если ничего не случится... ну, пусть случится, но при этом все будут вести себя как положено, что мы теряем?

— Взаимное доверие, — ответил капитан.

Они добрались до мостика. Реймонт вошел в рубку, продолжая аргументировать свою точку зрения. Теландер отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и поспешил к пульту управления.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

— Да. Приборы приступили к формированию карты плотности туманности, — отозвалась Линдгрэн. Увидев Реймонта, она вздрогнула, но продолжала докладывать автоматически, не глядя на него: — Получены следующие рекомендации... — и указала на ленту, выползшую из щели принтера.

Теландер просмотрел распечатки.

— Похоже, нам удастся проскочить сквозь наименее плотную область туманности, если мы выработаем боковой вектор за счет активации декселераторов номер три и четыре в сочетании с системой акселерации... Процедура сама по себе опасная. Это нужно обсудить. — Капитан нажал клавиши

интеркома и быстро переговорил с Федоровым и Будро. — В штурманской. Срочно!

Он повернулся и был готов уйти, но Реймонт попытался остановить его.

— Не сейчас, — отрезал Теландер и размашисто зашагал к двери.

— Но...

— Я сказал «нет»!

Реймонт застыл, глядя ему вслед, опустив голову, пригнувшись, словно приготовился бежать. Но это было бесполезно. Ингрид Линдгрэн минуту (за которую по космическим часам минуло пятнадцать минут) молча смотрела на него и наконец негромко спросила:

— Чего ты от него хочешь?

— А? — Реймонт выпрямился. — Чтобы он отдал приказ об организации небольшого полицейского формирования. А он мне наговорил какой-то ерунды насчет того, что я не доверяю, дескать, своим товарищам.

Их взгляды встретились.

— И не хочешь оставить их в покое на те последние часы, что им, возможно, суждено прожить, — закончила фразу Линдгрэн.

Они впервые встретились после ссоры и говорили без подчеркнутой формальности.

— Знаю! — пылко воскликнул Реймонт. — Они думают, что делать нечего, только ждать, и все! И как они проведут это время, спрашивается? Что будут делать в итоге? Трепаться, читать любимые стишки, жрать любимую еду с удвоенным винным пайком — вино земное, безусловно, — слушать музыку, пялиться на видеозаписи спектаклей и балетов, а кто-то вовсе займется любовью. Уж это обязательно.

— Разве это так уж ужасно? Преступно? — возмутилась Линдгрэн. — Если нам суждено погибнуть, разве не лучше, если мы покинем эту жизнь, продолжая любить ее? Разве мы не цивилизованные люди?

— Если бы мы стали хоть чуточку менее цивилизованными, наши шансы не погибнуть увеличились бы.

— Ты боишься умереть?

— Нет. Я просто люблю жизнь.

— Забавно... — проговорила Линдгрэн. — Наверное, ты ничего не можешь поделать со своей грубостью, жесткостью. Таков уж ты есть. Но почему так упорно не желаешь от нее избавиться?

— Если честно, — ответил Реймонт, — то я так нагляделся на то, что делает с людьми образование и культура, что меня все меньше и меньше тянет их приобретать.

Линдгрэн не сдержалась. С покрасневшими глазами она бросилась к Реймонту и воскликнула, схватив его за руку:

— О, Карл, неужели стоит опять приниматься за старые споры, когда нам жить-то осталось, может быть, всего один день? Я... Я любила тебя, Карл, — продолжала она пылко, не обращая внимания на то, что Реймонт холоден как лед. — Я хотела, чтобы мы прожили с тобой всю жизнь, чтобы ты стал отцом моих детей, где бы это ни произошло — на бете Девы или на Земле. Но... мы все так одиноки, все до одного — здесь, посреди звезд. Мы обязаны делиться с другими всей добротой, на какую только способны, и принимать эту доброту, иначе... иначе жить хуже, чем умереть.

— Если только не уметь сдерживать эмоции.

— Неужели ты думаешь, что у меня были какие-то еще эмоции... кроме чисто дружеских, кроме желания помочь ему перебороть тоску, кроме желания убедиться в том, что он не влюблен в меня по-настоящему, — я говорю о Борисе. А в уставе сказано ясно и четко: во время полета мы не имеем права вступать в официальные браки, поскольку тут для этого нет соответствующих условий, мы лишены...

— Короче говоря, мы с тобой прервали отношения, являющиеся нежелательными по уставу.

— У тебя было полно женщин после этого! — возмущенно воскликнула она.

— Некоторое время — да. Пока я не нашел Айлинь. А ты снова спишь с кем попало.

— Имею право. Нормальные человеческие потребности... Я не ставлю на себе крест... — Она запнулась и выпалила: — Как ты!

— Я тоже не ставлю, — возразил Реймонт, — за исключением тех случаев, когда... словом, я считаю, что бросать партнера, когда дела плохи, — это свинство. — Пожав плечами, Реймонт добавил: — Какая разница? Ты же сама сказала — мы свободные люди. Мне было нелегко, но я в конце концов убедил себя в том, что несправедливо осуждать тебя и Федорова за то, что вы наслаждались этой самой свободой. Не хочу портить тебе настроение после вахты.

— Взаимно! — отрезала Линдгрэн и яростно вытерла заплаканные глаза.

— Что касается меня, то я буду занят по уши практически до последней минуты. Раз мне не позволили сделать это по приказу, я сам объявлю набор добровольцев.

— Ты не посмеешь!

— Но ведь мне этого не запретили. Соберу несколько человек, в частном порядке — тех, кто согласится. Сформируем маленький оперативный отряд, готовый, когда будет нужно, сделать все, что в наших силах. Собираешься доложить капитану?

Она отвернулась.

— Нет. Уходи, прошу тебя.

Подошвами ботинок Реймонт прогрохотал по коридору.

Глава 8

Сделано было все, что только можно было сделать. Теперь члены экипажа, облаченные в скафандры, пристегнувшись к койкам, снабженным спасательными коконами, ждали мига столкновения. Кое-кто переговаривался по встроенному в шлем радио с соседями по каютам, другие предпочитали молчать. Конструкция шлемов не позволяла смотреть друг на друга — виден был только потолок над лицевым стеклом.

Каюта Реймонта и Чиюань выглядела совсем не так весело и нарядно, как обычно. Китайка сняла шелковые драпировки, закрывающие переборки, убрала низенький столик, на котором раньше стояла ваза эпохи Хань и лежал плоский камень, на котором был нарисован горный пейзаж и тончайшей каллиграфией, рукой ее отца, было написано стихотворение, сложила в шкаф наряды, набор для рукоделия, бамбуковую флейту. Голые стены озарял мертвенный флуоресцентный свет.

Они долго лежали молча, хотя радионаушники были включены. Реймонт слышал дыхание Айлинь и стук собственного сердца.

— Чарльз, — позвала она его наконец.

— Да, — отозвался он негромко и спокойно.

— Мне было хорошо с тобой. Как бы мне хотелось прикоснуться к тебе...

— Мне тоже.

— Можно попробовать. Позволь мне коснуться твоей души. — Реймонт так растерялся, что не сумел ответить. Она продолжала: — Ты никогда не раскрывался полностью. Думаю, я не первая женщина, кто говорит тебе такое.

— Ты права, — ответил он, и она по его голосу поняла, что ему непросто было в этом признаться.

— Уверен ли ты в том, что ты вел себя правильно?

— Что тут объяснять? Мне не по душе типчики, которых только то и занимает, что их собственные маленькие невроты. Вселенная так громадна.

— Например, ты никогда не рассказывал о своем детстве, — сказала она. — Я тебе о своем все выложила.

— Считай, что я тебя пощадил, — фыркнул Реймонт. — Ничего хорошего на нижних уровнях Полиюгорска не было.

— Я слышала о том, какие там были условия. Но никогда не могла понять, как могли допустить такое.

— Власти Надзора были беспомощны. Никакого вмешательства во внутренние дела. Местные шишки оставались чересчур нужными, для того чтобы их можно было просто взять и скинуть. Что-то вроде военных диктаторов в твоей стране, пожалуй, или «Леопардов» на Марсе, до того как там началась буча. Из Антарктики еще можно было выкачать уйму денег — так думали те, кому было наплевать, что запасы ископаемых истощены до предела, что того гляди погибнет окончательно местная фауна и флора, будет безвозвратно утеряна сама ледяная первозданность материка... — Реймонт запнулся, почувствовав, что повысил голос. — Ну, что об этом теперь говорить! Все позади. Интересно, удастся ли людям повести себя иначе на бете Девы? Сильно сомневаюсь.

— А с каких пор тебя стали волновать подобные вещи? — спросила Чиюань.

— Ну, во-первых, я должен сказать «спасибо» моему учителю. Отца моего убили, когда я был еще совсем маленький, а когда мне исполнилось двенадцать, мать уже просто изнемогла в борьбе за жизнь. Но был там у нас один человек, мистер Меликот, абиссинец — не знаю, долго ли он протянул в нашей треклятой школе, — но он жил ради нас и ради того, чему нас учил, и мы чувствовали это, и наш разум мало-помалу просыпался... Не знаю, был ли я его любимчиком, выделял ли он меня. Но я стал много думать и читать, а потом — говорить и делать, и из-за этого угодил в беду, и пришлось мне уматывать на Марс... не будем говорить, как именно... Да, пожалуй, я таки был его любимчиком, если уж на то пошло.

— Вот видишь, — проговорила Чиюань, улыбаясь под стеклом шлема. — Не так уж трудно сорвать с себя маску.

— Это ты о чем? — удивленно спросил Реймонт. — Я просто пытался честно ответить на твой вопрос, вот и все.

— Очень скоро мы все можем умереть. Может быть, ты и согласился ответить мне именно поэтому. Как это похоже на тебя, Чарльз. Я начинаю многое понимать, начинаю видеть человека за ответами на вопросы, на бесчисленные «почему». Почему про тебя говорят, что ты честен и небогат, например.

Почему ты так часто угрюм, почему не любишь красиво одеваться, хотя выглядел бы просто великолепно в модной одежде, почему ты так старательно прячешь свое настоящее лицо за принципом: «Идите своей дорогой, если не хотите идти моей», отчего просто мурашки по спине бегут, честное слово, и...

— Погоди! Развернутый психоанализ? И все на основании нескольких фраз о детстве?

— О нет, что ты. Это было бы смешно. Но многое мне стало ясно — из одного того, *как* ты рассказывал. Одиноким волк в поисках логова.

— Хватит!

— Ладно. Я счастлива, что ты... Нет, больше не буду, если только ты сам не захочешь... — Чиюань замолчала, а потом заговорила совсем о другом: — Как я скучаю по зверюшкам... Даже не думала, что буду так скучать. У родителей жили карпы и певчие птички. У нас с Жаком в Париже был кот. Пока мы не улетели так далеко от Земли, я даже не догадывалась, какая это важная часть жизни — животные... Пенье цикад летней ночью, бабочки, колибри, рыба, выпрыгивающая из воды, воробьи на улицах, лошади... у них бархатные носы и такой теплый запах... Как думаешь, на Третьей бете будет что-нибудь похожее на земных зверей?

Удар.

Удар, который вся система защиты корабля стремилась отразить быстро и эффективно.

Пассажиры почувствовали резкое изменение силы тяжести. А еще — комок в груди, поднимающийся к горлу. В глазах потемнело. Выступил пот, бешено заколотилось сердце. И корабль отреагировал на столкновение почти как живое существо. Скрип. Треск. На такие удары он не был рассчитан. Система защиты «Леоноры Кристин» была не слишком массивна (все из-за экономии веса), но она трудилась вовсю: отделяла атомы водорода, соединенные с атомами азота и кислорода, отгоняла от корабля частички пыли, превратившиеся в метеороиды. От скорости облако вытянулось в длину, стало тонким, и корабль прорвался сквозь него за несколько минут. Но вся беда была в том, что в момент столкновения туманность относительно корабля уже не представляла собой облако. Нет, теперь это было нечто наподобие прочной стены.

Из-за работы в режиме жуткой перегрузки вышла из строя одна из термоядерных горелок.

Со звезд момент столкновения выглядел иначе. Будь у звезд зрение, они бы увидели, как бесформенная темная масса столк-

нулась с неким объектом — необычайно плотным и быстро движущимся. Гидромагнитные силы ударили по атомам, завертели их, ионизировали, соединили. Бушевала радиация. Объект окутало сияние метеоров. Казалось, что, продвигаясь вперед, он пробивает туннель сквозь туманность. Туннель получался довольно-таки широкий, потому что от корабля исходила ударная волна, распространявшаяся в стороны и разрушавшая всякую материю на своем пути.

Если внутри туманности и находились какие-то зародыши звезд и планет, им уже никогда не суждено было сформироваться.

Корабль пролетел туманность насквозь и при этом не потерял скорости. С еще большим ускорением он помчался к далеким звездам.

Глава 9

Реймонт очнулся. Вряд ли он долго был в обмороке. А вдруг долго? Стояла тишина. Или он оглох? Вдруг в обшивке дыра и воздух сквозь нее вытек в космос? Вдруг защитные экраны вышли из строя и гамма-лучи уже гуляют по отсекам корабля?

Нет. Прислушавшись, он уловил знакомый негромкий гул двигателя. Перед глазами привычно и мягко горел флуоресцентный светильник. На переборку падала тень спасательного кокона, и края тени расплывались — значит, с атмосферой внутри все было в порядке. Сила тяжести вернулась к нормальным показателям. Как минимум, большинство автоматических систем корабля, следовательно, действовало нормально.

— Хватит драматизировать, — услышал Реймонт собственный голос, далекий, словно чужой. — Работы полно.

Он принялся отстегивать ремни. Руки плохо слушались — все мышцы ныли и дрожали. По щеке в рот сбежала струйка крови, и Реймонт ощутил ее солоноватый вкус. А может, это пот? «Ничего, — подумал он, как ни странно, по-русски. — Я в порядке». Справившись наконец с ремнями, Реймонт снял шлем, приняхался. Легкий запах гари и озона — это ерунда. Он глубоко вдохнул.

В каюте все было кувырком. Ящики шкафа выдвинулись, и на пол вывалилось все их содержимое. Реймонт позвал Чиюань. Она не отзывалась. Реймонт встал и добрался по заваленному вещами полу к ее койке. Снял шлем. Чиюань ровно, спокойно дышала — никаких свистов или хрипов, которые говорили бы о повреждении внутренних органов. Реймонт оттянул веко —

зрачок расширен. Видимо, китайка потеряла сознание буквально только что. Реймонт проверил, в порядке ли оружие, вынул парализующий пистолет и пристегнул к поясу. Наверняка есть другие, кому сейчас больше нужна его помощь. Он вышел из каюты.

По лестнице сбегал Борис Федоров.

— Как дела? — окликнул его Реймонт.

— Собираюсь выяснить, — на ходу бросил инженер и побежал дальше.

Реймонт кисло усмехнулся и толкнул дверь Иоганна Фрайвальда. Немец уже успел снять скафандр и сидел на краю койки, обхватив голову руками.

— Raus mit mir*, — сказал ему Реймонт.

— Башка трещит так, словно у меня там бригада плотников работает, — признался Фрайвальд.

— Ты же решил вступить в отряд. Я думал, ты мужчина.

Фрайвальд обиженно глянул на Реймонта, но с койки поднялся.

Весь следующий час добровольцы, вызвавшиеся помогать констеблю, трудились не покладая рук. Но еще больше забот выпало на долю команды — космолетчики проверяли исправность множества систем, производили всевозможные замеры и при этом переговаривались вполголоса. Погрузившись в работу, они забыли о том, что им больно и страшно. Увы, у ученых и техников такого наркотика не было. Однако сам тот факт, что все остались в живых и корабль, судя по всему, уцелел, несказанно радовал всех... Вот только почему молчит Теландер и не оповестит экипаж о том, что все в порядке? Реймонт согнал всех в столовую, кому-то велел приготовить кофе, кому-то — поухаживать за теми, кто основательно пострадал. Наконец он решил, что все идет как надо и он может позволить себе наведаться на мостик.

По дороге он заглянул к Чиюань — уже не в первый раз. Она, похоже, пришла в себя, отстегнулась, но, видимо, была еще очень слаба и никак не могла выбраться из скафандра. Увидев Реймонта, она обрадованно улыбнулась, в глазах ее мелькнул огонек.

— Чарльз... — проговорила она еле слышно.

— Как ты? — спросил Реймонт.

— Все болит, сил нет совсем, и...

Он помог ей снять скафандр. Она то и дело морщилась от боли, если Реймонт делал резкие движения.

* Идем со мной (нем.).

— Теперь, без скафандра, ты должна суметь добраться до спортзала. Там тебя осмотрит доктор Латвала. Ни у кого нет сильных ушибов, так что у тебя вряд ли что-то тяжелое. Прости, что я так неласков, — извинился Реймонт, неуклюже чмокнув Чиюань. — Но я тороплюсь.

Реймонт поднялся палубой выше. Дверь рубки была закрыта. Он постучал. Изнутри прогремел голос Федорова:

— Вход воспрещен. Капитан вызовет вас.

— Это констебль, — уточнил Реймонт.

— Ну так и занимайтесь своими делами.

— Я собрал экипаж. Люди мало-помалу оправляются после шока. Они начинают понимать, что что-то неладно. Они в таком состоянии, что держать их в неведении опасно и даже губительно.

— Скажите им, что скоро прозвучит сообщение, — слышался голос Теландера.

— А вы не могли бы этого сказать лично, сэр? Интерком ведь работает. Скажите, что вы оцениваете реальные масштабы повреждений, с тем чтобы разработать программу срочного ремонта. Но все же, господин капитан, советую вам впустить меня в рубку, дабы я помог вам лучше подобрать слова для описания случившегося.

Дверь резко распахнулась. Федоров ухватил Реймонта за руку, желая втащить внутрь. Реймонт ловко вырвал руку, применив прием дзюдо. Его рука взметнулась для удара.

— Никогда так не делайте, — посоветовал он Федорову, вошел в рубку и прикрыл за собой дверь.

Федоров что-то пробурчал и сжал кулаки. Линдгрэн бросилась к нему и умоляюще проговорила:

— Нет, Борис. Прошу тебя!

Русский неохотно отступил. Все собравшиеся в рубке молча смотрели на Реймонта: капитан, первый помощник, бортинженер, старший навигатор, директор отдела биосистемной технологии. А Реймонт смотрел не на них, а на пульт управления. Многие приборы пострадали от столкновения — иглы на шкалах кое-где погнулись, у других аппаратов были разбиты экраны, беспомощно свисали порванные провода.

— В этом вся беда? — спросил Реймонт, махнув рукой в сторону покалеченной аппаратуры.

— Нет, — ответил навигатор Будро. — У нас есть запасные.

Реймонт искал глазами вьюер. Да, компенсирующие контуры тоже вышли из строя. Тогда он перешел к электронному перископу и сунул голову в кошак кожуха.

Перед глазами констебля развернулась полусферическая картина — таким бы он, делая скидку на неизбежные искажения, увидел небо над обшивкой. Впереди густо мерцали звезды, медленно приближаясь к кораблю. Созвездия казались отдаленно знакомыми, но звезды покраснели, состарились, как стареет янтарь, словно истлели от времени. Реймонт невольно поехал и оторвался от перископа. В рубке было так уютно по сравнению с космосом.

— Ну и?.. — спросил он.

— Система торможения... — выдавил Теландер. — Мы не можем остановиться.

Реймонт побледнел.

— Дальше.

Но продолжил не Теландер, а Федоров. Говорил он несколько язвительно.

— Надеюсь, вы не забыли, что мы ввели в действие тормозную систему модуля Буссарда? Система действия декселераторов диаметрально противоположна системе действия акселераторов, поскольку для замедления хода корабля мы не проталкиваем газ через сопла, а делаем момент движения обратным. — Реймонт не поддался на попытку Федорова задеть его. Линдгрэн затаила дыхание. Федоров, видимо, и сам почувствовал, что сейчас не время язвить и задираться, и устало закончил: — Ну... еще и акселераторы были включены, причем на максимальную мощность. Вот они и уцелели за счет силового поля. А декселераторы — увы. Испорчены.

— Насколько серьезно?

— Пока мы можем лишь судить о том, что произошло материальное повреждение их внешнего управления и генераторов и что термоядерная реакция, за счет которой они действовали, прекратилась. Поскольку приборы, регистрирующие параметры деятельности декселераторов, молчат, значит, скорее всего, они разбиты — мы не можем сказать наверняка, что там произошло.

Федоров опустил глаза и уставился в пол. Слова он выговаривал так, что речь его звучала как монолог. Казалось, он забыл, что рядом кто-то есть. Отчаявшийся человек так обычно и говорит и при этом вновь повторяет самые очевидные факты.

— Картина столкновения была такова, что декселераторы перенесли нагрузку гораздо более тяжелую, чем акселераторы. Видимо, насколько я могу судить, сила действия гидромагнитных полей произвела материальные разрушения именно этой части модуля Буссарда. Без сомнения, мы могли бы произвести

ремонт, если бы смогли выбраться наружу. Но тогда нам придется работать в непосредственной близости от горелки акселератора, а вокруг нее бушует ее собственное магнитное поле. Радиация угробит нас еще до того, как мы сумеем выполнить хоть сколько-нибудь полезную работу. От этого не застрахован даже робот с дистанционным управлением, которого мы могли бы собрать. Вам должно быть известно, как действует излучение такого уровня, например на транзисторы, не говоря уже об индукционном действии силовых полей. И естественно, мы не можем отключить акселераторы, это означало бы ликвидацию всех полей сразу, включая защитные экраны, удерживать которые в рабочем состоянии способны лишь внешние источники энергии. При нашей скорости водородная бомбардировка даст такое количество гамма-лучей и ионов, что внутри корабля все просто поджарится заживо за минуту.

Федоров замолчал, и было такое ощущение, что это не человек закончил пояснения, а отключился магнитофон.

— Разве у нас нет никаких средств контроля за направлением полета? — спокойно спросил Реймонт.

— Есть, есть, конечно, — поспешно вмешался Будро. — Режим работы акселераторов можно управлять. Мы можем заглушить и включить любую из четырех трубок Вентури — то есть лететь не только вперед, но и в любую сторону. Но как вы не понимаете... в какую бы сторону мы ни летели, мы не можем отказаться от ускорения, иначе погибнем!

— Ускорение навсегда, — резюмировал Теландер.

— По крайней мере, — прошептала Линдгрэн, — мы останемся в галактике. Будем, словно небесное тело, вращаться вокруг ее центра.

Она перевела взгляд на перископ, и все поняли, о чем она думает: там, за занавесом незнакомых голубых звезд, черноты и межгалактических течений, их ожидало вечное изгнание.

— Хотя бы состаримся в окружении солнц. Пусть нам никогда больше не суждено ступить ни на какую планету.

Лицо Теландера покрылось сеткой морщин.

— Как же я могу сказать об этом людям? Как?

— Надежды нет, — проговорил Реймонт, и это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

— Никакой, — отозвался Федоров.

— Но мы можем продолжать жить и довольно-таки долго, если только не сойдем с ума, — сказал Перейра. — Биосистемы и аппараты органического синтеза в порядке. На самом деле мы можем даже повысить их производительность. Не стоит бояться ни холода, ни жажды, ни удушья. Безусловно, замк-

нутый экологический цикл эффективен не на сто процентов. Мало-помалу системы начнут приходить в негодность. Но очень медленно. Космический корабль — это не планета. Человек не такой гениальный конструктор, как Господь Бог. — Перейра вымученно улыбнулся. — Детей заводить я бы не рекомендовал. Им придется дышать воздухом, насыщенным ацетоном, и при этом обходиться без таких жизненно важных микроэлементов, как фосфор, да еще и задыхаться от запаха ушной серы, мучиться от пупочных грыж. Но даже в самых безнадежных обстоятельствах из наших систем мы сумеем выжать лет пятьдесят.

Линдгрэн, глядя в переборку так, словно что-то видела сквозь нее, проговорила жутким голосом:

— А перед тем как последний из нас умрет, мы должны будем задействовать автоматическое отключение. После нашей смерти и кораблю незачем жить. Пусть излучение делает свое дело, пусть сила трения разорвет обшивку в клочья, и пусть эти клочья летят, куда им вздумается.

— Зачем? — спросил Реймонт.

— Разве непонятно? Мы полетим по кругу, непрерывно поглощая водород, двигаясь все быстрее и быстрее, непрерывно снижая тау... Пройдет тысяча лет, и мы будем непрерывно наращивать массу. Это может кончиться тем, что мы уничтожим галактику.

— Нет-нет, до такого не дойдет, — возразил Теландер. — Я видел расчеты. Как-то раз кто-то поинтересовался, что будет, если двигатель Буссарда выйдет из строя. Но, как отметил господин Перейра, людям тут ничего не поделать. Параметры тау должны будут составить что-то около «десять в степени минус двадцать», прежде чем масса корабля приблизится к массе небольшой звезды. А вероятность столкнуться с более массивным объектом, нежели туманность, для нас крайне невелика. Кроме того, мы знаем, что Вселенная конечна как во времени, так и в пространстве. Еще до того, как величина нашего тау уменьшится до таких показателей, Вселенная перестанет расширяться и погибнет сама по себе. Мы погибнем, это так. Но космосу мы ничем не грозим.

— Как долго мы проживем? — спросила Линдгрэн и не дала Перейре даже рта раскрыть. — Я не в потенциальном смысле. Если вы говорите — пятьдесят лет, я вам верю. Но я думаю, что через год-два мы либо начнем отказываться от пищи, либо перережем себе глотки, либо все-таки решим отключить акселераторы.

— Этого не произойдет, если мне удастся помочь, — буркнул Реймонт.

Линдгрэн враждебно поглядела на него.

— Неужели ты способен продолжать жить? Какой смысл? Будучи изолированными от людей, от живой Земли, от всего сущего?

Реймонт ответил ей спокойным, сдержанным взглядом. Его правая рука крепко сжимала рукоять пистолета.

— Что, нервишки сдали? — усмехнулся он.

— Пятьдесят лет внутри этого летающего гроба! — обреченно воскликнула Линдгрэн. — А снаружи сколько времени пройдет?

— Успокойся, — проговорил Федоров, подошел к Линдгрэн и обнял ее за талию. Она припала к его груди, тяжело дыша.

Будро так же сухо, как до него Теландер, сообщил:

— Временные соответствия теперь для нас носят чисто академический характер, не так ли? Но кое-что зависит от того, какой курс мы выберем. Если мы будем лететь прямо вперед, естественно, мы со временем окажемся в менее плотной среде. Скорость снижения тау будет пропорционально уменьшаться, когда мы войдем в межгалактическое пространство. И наоборот, если мы выберем круговую орбиту, летя по которой мы будем пересекать участки галактики с солидной концентрацией водорода, мы можем обрести высокие показатели обратного тау. Тогда мы станем свидетелями течения миллиардов лет. Наверное, это прекрасно, — сказал Будро и вяло усмехнулся в бороду. — Ну и потом, у нас есть мы. Компания отличная. Я согласен с Чарльзом. Жить можно по-разному — и лучше, и хуже.

Линдгрэн крепко прижалась к Федорову. Он обнимал ее и неуклюже гладил. Наконец она оторвалась от его груди и сказала:

— Прошу простить меня. Вы правы. Действительно, у нас есть мы.

Она посмотрела на всех по очереди и остановила взгляд на Реймонте.

— Ну и как же мне сказать людям про все это? — повторил свой вопрос капитан.

— Думаю, вам этого вообще делать не стоит, — ответил Реймонт. — Пусть сообщение сделает первый помощник.

— Что? — потрясенно выдохнула Линдгрэн.

— У тебя лучше получится. Ты обаятельная. Я помню.

Руки Федорова отпустили Линдгрэн, она сделала шаг в сторону Реймонта.

И вдруг констебль вздрогнул. Секунду-другую он смотрел в одну точку, словно ослеп, и в момент отвернулся от Линдгрэн и посмотрел на навигатора.

— Ой! — совсем по-детски воскликнул он. — У меня идея. Знаешь...

— Если ты думаешь, что я... — начала было Линдгрэн.

— Потом, — отрезал Реймонт. — Огюст, подойди к столу. Надо кое-что посчитать... быстро!

Глава 10

Молчание затянулось. Ингрид Линдгрэн, стоя на сцене рядом с Ларсом Теландером, смотрела на товарищей, собравшихся в зале. А они смотрели на нее. И никто не мог вымолвить ни слова.

И все-таки она нашлась. И сказанная ею правда прозвучала не так жестоко, как если бы произнес ее любой другой мужчина. Но когда она добралась до кульминации и сказала: «Мы утратили Землю, утратили бету Девы, утратили человечество, к которому принадлежали. Все, что у нас осталось, — это мужество, любовь и, конечно, надежда», голос ее сорвался. Она умолкла, прикусила губу, сжала кулаки, и из глаз ее потекли медленные горькие слезы.

Теландер решил исправить положение.

— Если позволите... — пробормотал он. — Прошу вас, выслушайте меня. Существуют способы...

Но казалось, сам корабль смеется над ним.

Эмма Глассголд не выдержала. Нет, она не зарыдала, но с такой силой пыталась сдержать рыдания, что вышло еще ужаснее. М'Боту, стоявший рядом с ней, попытался ее успокоить. Сам он настолько стойчески воспринял сообщение, что можно было подумать, что он не человек, а робот. Ивamoto стоял в нескольких шагах от всех остальных. На лице его застыло блаженное выражение — казалось, он отгородился ото всех непроницаемой стеной, а сам пребывает в нирване. Вильямс в сердцах въехал кулаком по переборке и выругался. Послышался женский голос. Одна из женщин оттолкнула от себя мужчину, который обнимал ее, в ужасе воскликнув «прожить с тобой всю жизнь?!», и отпрянула. Мужчина бросился за ней, желая удержать, наткнулся на матроса, который пообещал врезать

ему как следует, если тот не извинится. Зал зашумел, заволоновался.

— Выслушайте меня! — умолял Теландер. — Прошу вас, выслушайте!

Реймонт стряхнул руку Чиюань Айлинь и легко вспрыгнул на сцену из первого ряда.

— Так вы ни за какие коврижки не заставите их слушать, — уверенно заявил он *sotto voce**. — Вы привыкли иметь дело с профессионалами, знающими, что такое дисциплина. Дайте-ка я приведу в порядок этих гражданских сосунков. А ну, тихо! — рывкнул он, повернувшись к залу, и слова его эхом отразились от переборки. — Заткнитесь! Хотя раз в жизни ведите себя, как подобает взрослым людям. У нас тут нет нянек, чтобы менять вам подгузники!

Вильямс прорычал что-то возмущенное. М'Боту скрипнул зубами. Реймонт вынул из кобуры парализующий пистолет.

— Оставаться на местах! — скомандовал он негромко, но так, что все до единого услышали его. — Первый, кто двинется, получит пулю. А потом будем судить его по законам военного времени. Я в этой экспедиции констебль, и в мои обязанности входит поддержание порядка. А если вам кажется, — добавил он, усмехнувшись, — что я превышаю свои полномочия, воля ваша, можете отправить жалобу в установленном порядке в бюро в Стокгольме. А теперь всем слушать!

Хлесткая речь Реймонта у многих вызвала прилив адреналина. Кое-кто почувствовал себя оскорбленным. Люди разгорячились; однако подтянулись и затихли.

— Вот и хорошо, — отметил Реймонт и убрал пистолет в кобуру. — И больше об этом не будем. Я отлично понимаю, что все вы перенесли неожиданный шок. Как бы то ни было, проблема остается проблемой. И ее можно решить, если только мы будем работать над ней все вместе. Повторяю — «если».

Линдгрэн сглотнула слезы и возобновила свое выступление.

— Это я должна была... — виновато пробормотала она. Реймонт кивнул ей и вернулся на свое место. — Мы не можем отремонтировать декселераторы из-за того, что не можем отключить акселераторы. Причиной тому, как вы уже слышали, то, что при высоких скоростях мы должны пользоваться силовыми полями той или иной системы, чтобы они защищали корабль, экранировали его от действия межзвездного газа. Словом, все выглядит так, будто мы законсервированы внутри корабля. Что сказать? Мне тоже не по душе такая перспектива,

* Приглушенно, вполголоса (*итал.*).

хотя я уверена, что мы все сумеем пережить. Средневековым монахам похуже приходилось.

Обговорив все на капитанском мостике, правда, мы кое до чего додумались. Если у нас хватит выдержки и решимости, мы сможем спастись. Главный навигатор Будро произвел предварительную проверку. А потом мы пригласили в качестве независимого эксперта профессора Нильссона.

Вид у астронома был важный и напыщенный. Но, похоже, на Джейн Седлер это большого впечатления не произвело.

— Нам может повезти, понимаете? — попытался воодушевить аудиторию Реймонт.

Казалось, по залу пронесся порыв ветра — так все разом зашептались.

— Не томите, говорите! — выкрикнул молодой женский голос.

— Отрадно видеть воодушевление, — похвалил товарищей Реймонт. — Однако и у воодушевления должны быть рамки, иначе нам всем конец. Постараюсь быть кратким. Позже капитан Теландер и прочие специалисты расскажут вам все в подробностях. А идея такова...

Реймонт рассказывал так, словно излагал новый метод бухгалтерского учета — спокойно, даже скучновато.

— Если нам удастся обнаружить область, где газ практически отсутствует, мы сможем со спокойной совестью отключить защитные поля, и тогда бригада инженеров сумеет выбраться наружу и произвести ремонтные работы в системе декселераторов. Правда, астрономическая информация не так точна, как нам хотелось бы. К сожалению, почти по всей галактике и в прилегающих к ней межгалактических областях пространство слишком плотное. С расстоянием, конечно, разреженность нарастает, и все же, если считать по числу ударов атомов в секунду, оно все равно достаточно плотное для того, чтобы прикончить нас при отключенной системе защиты.

Теперь вот о чем. Галактики обычно образуют скопления. Одним из таких скоплений является союз нашей Галактики с Магеллановыми Облаками, туманностью Андромеды и еще примерно с дюжиной других. Масштабы скопления таковы, что в поперечнике оно простирается на шесть миллионов световых лет. От края скопления до другого скопления галактик лежит еще большее расстояние. По счастливому совпадению, в это скопление входит созвездие Девы. Это в сорока миллионах световых лет от того места, где мы сейчас находимся.

В промежутке между скоплениями, надеемся, газ достаточно разрежен для того, чтобы мы могли без риска отключить

защитные поля. — Только в зале опять попробовали зашуметь, как Реймонт поднял руки, призывая всех к тишине. Он даже не удержался и рассмеялся. — Погодите, погодите! Не торопитесь! Я знаю, что вы хотите сказать. Что сорок миллионов световых лет — это невозможно. Нам с нашим тау такого расстояния не одолеть. Соотношение в пятьдесят, сто и даже тысячу раз ничего нам не даст. Все верно. Но... — Реймонт отдышался и продолжил свою речь: — Но не забывайте, что в плане величины обратного тау у нас предела нет. К тому же мы можем набирать ускорение больше, чем при трех g , если расширим площадь ловушек водорода и проложим курс по таким областям галактики, где плотность газа выше. Те параметры, которыми мы пользовались по сей день, были определены для нашего маршрута к бете Девы. Но у корабля есть резервы. Навигатор Будро и профессор Нильссон рассчитали, что мы можем лететь при средних показателях в десять g , но возможны и более высокие величины. Инженер Федоров почти уверен в том, что система акселераторов выдержит подобную перегрузку после произведения определенных модификаций.

Итак. Специалисты произвели прикидочные расчеты. Результаты таковы: мы можем пролететь по спирали до центра галактики и затем по прямой добраться до ее края. Менять курс мы можем только очень медленно. При нашей скорости перевернуться, наподобие монетки в десять эре, невозможно. Но это позволит нам набрать нужные параметры тау. Не забывайте, они будут постоянно снижаться. Наш перелет к бете Девы произошел бы гораздо быстрее, не планируя мы высаживаться там, для чего, естественно, было нужно торможение чуть ли не с полпути.

Навигатор Будро приблизительно определил — подчеркиваю, приблизительно, и по пути данные будут уточняться, — так вот, учитывая нашу нынешнюю скорость, он предполагает, что мы сумеем распрощаться с этой галактикой и выбраться за ее пределы примерно за год-два.

— Сколько это будет по космическому времени? — раздался чей-то вопрос.

— Какая разница? — фыркнул Реймонт. — Вы же знаете, каковы размеры галактики. Примерно сто тысяч световых лет в поперечнике. Сейчас мы находимся где-то в тридцати тысячах световых лет от ее центра. Одно-два тысячелетия в целом? Кто может сказать точно? Все зависит от того, каков будет наш курс, а он, в свою очередь, будет зависеть от результатов будущих исследований. — Реймонт добродушно прищурился и погрозил собравшимся пальцем. — Я знаю, о чем вы

думаете. Вы думаете о том, что будет, если мы снова вляпаемся в такое же облачко, как то, что довело нас до подобной жизни. У меня на это два ответа. Во-первых, рисковать нам так или иначе придется. Но, во-вторых, чем меньше будет наше тау, тем более мы будем способны преодолевать области со все более и более высокой плотностью. Наша масса станет такой, что нам будут попросту не страшны подобные столкновения. Понимаете? Чем больше будет наша масса, тем выше наши шансы и тем скорее мы достигнем нашей цели по корабельному времени. Обратное тау к тому моменту, когда мы покинем галактику, может равняться ста миллионам. В этом случае, по нашим часам, мы покинем скопление галактик за несколько дней!

— А как мы вернемся обратно? — спросила Глассголд испуганно, но заинтересованно.

— Мы не вернемся, — честно признался Реймонт. — Мы продолжим путь к тому скоплению галактик, где расположена Дева. Добравшись дотуда, мы перейдем к полету в противоположном режиме: включим тормозные системы, полетим к одной из галактик, входящих в скопление, повысим тау до нужной величины и приступим к поискам планеты, на которой смогли бы высадиться... Да! Да! Да! — прогремел голос Реймонта, заглушая поднявшийся ропот. — Это произойдет через миллионы лет по реальному времени. Человечество к тому сроку перестанет существовать... в этой области галактики. Но что с того? Мы все начнем сначала, в другом месте, в другое время! Или вы предпочитаете томиться в металлической скорлупе, посыпая волосы пеплом и проклиная жестокую судьбу? Хотите сойти с ума от безделья и умереть, не имея потомков? Надеюсь, с мозгами у вас пока еще все в порядке. Лично я за то, чтобы лететь вперед, покуда хватит сил. А я в вас уверен и думаю, вы все согласитесь на такой вариант. Ну а если кто-то думает иначе, то пусть не мешает остальным.

Реймонт прыгнул со сцены.

— М-м-м, — протянул Теландер. — Старший навигатор Будро, главный инженер Федоров, профессор Нильссон, прошу вас подойти ко мне. Дамы и господа, переходим к дебатам.

Чиюань прильнула к Реймонту.

— Ты был просто великолепен! — восхищенно прошептала она.

Реймонт поджал губы. Он смотрел мимо нее, мимо Линдгрена, мимо всех собравшихся куда-то в одну точку.

— Спасибо, — выдавил он. — Ничего такого особенного.

— Что ты говоришь! Ты вернул нам надежду. Как я счастлива, что я с тобой.

Реймонт, казалось, не слышал ее слов.

— Кто угодно мог бы наболтать с три короба, — сказал он негромко. — Сейчас все ухватились бы за любую соломинку. Я ведь всего-навсего общую картину набросал. Вот когда они уловят самую суть программы, тут-то и начнутся неприятности.

Глава 11

Силовые поля блуждали. Ведь они не представляли собой ничего подобного статичным трубам или стенкам. То, что их формировало, было непрерывным взаимодействием электромагнитных толчков, и произведение, распространение и затухание этих толчков должно находиться под неусыпным контролем в течение каждой наносекунды, начиная от квантового уровня и кончая космическим. Когда внешние условия — плотность материи, сила излучения, напряжение противодействующих полей, гравитационные показатели искривления пространства — менялись, а они менялись каждое мгновение, воздействие этих изменений на невидимую паутину силового поля корабля регистрировалось, данные измерений вводились в компьютеры, которые производили тысячи одновременных операций Фурье при самой простейшей из задач и решали их. Приборы, отвечающие за поддержание полей и управление ими, располагавшиеся снаружи корабля, производили на основании этих ответов тончайшую микроподстройку. Неотъемлемым звеном этого гомеостаза, этого балансирования на туго натянутом канате над пропастью погрешностей, способных вызвать нарушения и даже полное отключение полей, была команда корабля. Она, как и компьютеры, впитывала и впитывала информацию и давала на нее ответы. «Леонора Кристин» легла на новый курс.

Бесстрастные звезды видели, как медленно, неуклюже разворачивается громадная масса корабля: до того мгновения, как перемена в направлении его движения наметилась и стала более или менее значительной, минули месяцы и годы. И ведь не сказать, чтобы тот объект, который они озирали, двигался медленно. Казалось бы, корабль должен был напоминать нечто размером с планету, светящийся кокон, мчащийся вперед, захватывая атомы краями силовых полей и преображая их в жаркое, сверкающее, синхротронное излучение. Но это сияние

гасло и терялось во мраке световых лет. Корабль мчался сквозь бездну, которой, казалось, нет ни конца, ни края.

Однако по корабельным часам все выглядело совсем по-другому. Корабль мчался во Вселенной, которая с каждым мгновением становилась все более чужой для него — все более старой, массивной, сжатой. И скорость, с которой силовые поля корабля способны были поглощать водород, часть его использовать в качестве горючего и выбрасывать несгоревший в виде хвоста пламени длиной в миллион километров... Эта скорость каждую минуту вызывала все новое и новое снижение величины тау.

А на борту корабля все было по-прежнему. Воздух и металл пропитались ритмом ускорения, однако адаптационные устройства поддерживали силу тяжести в норме. Внутренние энергетические установки продолжали обеспечивать помещения светом и теплом. Биологические системы исправно поставляли кислород и воду, перерабатывали отходы, производили продукты питания, поддерживали жизнь. Но энтропия нарастала. Люди старились как положено — со скоростью шестьдесят секунд в минуту, шестьдесят минут в час.

И все же эти часы все меньше и меньше согласовывались с течением времени за обшивкой корабля. Одиночество, казалось, сжимает корабль в своей ледяной деснице.

Джейн Седлер и Иоганн Фрайвальд увлеченно фехтовали. Джейн сделала ловкий выпад. Иоганн парировал ее удар. Их рапиры скрестились с легким звоном. Она изловчилась и нанесла удар.

— Туше! — вынужден был сдаться Фрайвальд и рассмеялся. Не снимая маски, он признался: — Если бы наша дуэль была настоящей, ты проколола бы мне легкое насквозь. Молодец. Испытание выдержала.

— Ну и далось же оно мне... — тяжело дыша, проговорила Седлер. — Дай отдышаться... Погоди... Коленки, как резиновые... ужас...

— На сегодня хватит, — решил Фрайвальд.

Они сняли маски. На лице Джейн сверкали капельки пота, прядка волос прилипла к бровям, она все еще тяжело дышала, но глаза ее весело горели.

— Ф-ф-ф, — фыркнула она. — Ох и устала я! — и плюхнулась в кресло. Фрайвальд уселся рядом.

Время было позднее, и в спортивном зале никого, кроме них, не было. Тут стало так пустынно, что невольно хотелось сидеть поближе друг к другу.

— С женщинами тебе будет полегче, — успокоил Фрайвальд Седлер. — Советую тебе в самое ближайшее время попробовать сразиться с кем-нибудь из них. А можешь потренировать кого-нибудь.

— Это я-то? При моих успехах?

— Ну я же буду и дальше с тобой заниматься, — сказал Фрайвальд. — Так что форма у тебя будет. Ну и потом, пора начинать тренировать мужчин. А если фехтование вызовет у них интерес, тогда придется попотеть над изготовлением спортивного инвентаря. Помимо шлемов и нагрудников нам потребуются перчатки и рапиры. Придется потрудиться.

Седлер отдышалась и стала серьезной. Она изучающе посмотрела на Фрайвальда.

— Послушай, а это действительно твоя идея? Я думала, что это так и есть — ведь ты единственный из всех членов экипажа занимался фехтованием на Земле — естественно, тебе нужны партнеры...

— Я как-то переговорил с констеблем Реймонтом, и он ухватился за мое предложение. Это он помог мне договориться с кем надо, чтобы сделали кое-что из экипировки. Понимаешь, мы должны поддерживать сносную физическую форму...

— И всеми силами отвлекаться от того кошмара, который нам грозит, — закончила за него Седлер.

— В здоровом теле — здоровый дух. Повалишься на койку измотанный — дурные мысли в голову не полезут.

— Это точно, — кивнула Седлер. — А Элоф...

— Профессор Нильссон, пожалуй, слишком много работает, — осмелился высказать свое мнение Фрайвальд.

Джейн отвела взгляд. Фрайвальд смущенно завертел рапиру.

— И хорошо! — выпалила Седлер. — Ведь если он не сумеет разработать новое астрономическое оборудование, мы не сможем проложить экстрагалактический курс и вся работа сведется к бесплодным гаданиям!

— Верно. Все верно. Но я бы посоветовал твоему другу, Джейн, уделять хоть какое-то время спорту — глядишь, тогда и его основная работа лучше продвинулась бы.

Седлер не сдержалась.

— Знаешь, с ним все труднее жить. С каждым днем... — Но, спохватившись, она перевела разговор на другое: — Стало быть, Реймонт назначил тебя тренером.

— Ну, неофициально, конечно. Попросил меня взять на себя организацию спортивных мероприятий, придумать какие-нибудь

секции поинтереснее. Ну... вообще-то я один из его неформальных помощников.

— Ясненько. Сам же он не может этим заняться. Тогда бы все поняли, куда ветер дует, решили бы, что их муштруют, и веселью конец. Все разбежались бы по каютам. — Седлер понимающе усмехнулась. — Ладно, Иоганн, можешь считать меня членом конспиративной группы.

Она протянула Фрайвальду руку. Он пожал ее и не выпустил из своей.

— Послушай, не приятнее ли будет окунуться в бассейн, чем сидеть в мокром одеянии? — предложила Седлер.

— Нет, спасибо, — с хрипотцой в голосе отозвался Фрайвальд. — Не сегодня. Давай побудем наедине. Я боюсь за себя, Джейн.

Приборы «Леоноры Кристины» обнаружили новую область с высокой плотностью материи. На счастье, область оказалась все же более разреженной, чем злополучная туманность, и корабль преодолел ее без каких-либо отрицательных последствий. Однако протяженность уплотненного участка была сравнительно велика — она раскинулась на много парсеков. Тау шло и шло на убыль. Когда корабль одолел препятствие, скорость его возросла настолько, что теперь один атом на кубический сантиметр значил для корабля столько же, сколько целое облако водорода. И ведь не только скорость росла — непрерывно росло и ускорение.

Экипаж корабля между тем жил по земному календарю, отмечая личные и религиозные праздники. Капитан Теландер каждое воскресенье проводил протестантскую мессу.

В одно из таких воскресений он попросил Ингрид Линдгрена зайти после мессы к нему в каюту. Когда капитан вошел, Ингрид уже ждала его. На ней было короткое ярко-красное платье, и она выглядела очень нарядно на фоне полок с книгами и папками, полными бумаг. Обстановка в капитанской каюте была самая что ни на есть аскетическая, хотя каюта полностью принадлежала ему одному. Несколько семейных фотографий и наполовину собранная модель клипера — вот и все излишества.

— Доброе утро, — с привычной церемонностью поздоровался с Линдгреном капитан, положил на полку Библию и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — Присядешь? Я пошлю за кофе.

— Как прошла служба? — поинтересовалась Линдгреном, усаживаясь в кресло. — Малькольм присутствовал?

— Сегодня — нет. Видимо, наш друг Фоксе-Джемисон все еще не знает, как ему поступить — вернуться к вере отцов или оставаться веротерпимым агностиком, — шутливо ответил Теландер. — Но он придет к нам, непременно придет. Ему просто нужно осмыслить тот факт, что можно оставаться христианином и при этом быть астрофизиком. Ну а тебя, Ингрид, когда мы будем иметь счастье видеть на службе?

— Наверное, никогда. Если и существует некий высший разум, царящий над действительностью — а научного доказательства тому нет, — то какое ему дело до такого ничтожного химического явления, как человек?

— Ты почти слово в слово повторяешь Чарльза Реймонта, представляешь? — изумился Теландер, но тут же посерьезнел и поторопился возразить: — Тот, кому есть дело до всего, начиная от квантов и кончая квазарами, и нас не должен обойти своим вниманием. Рациональные доказательства? Знаешь, не хочется говорить банальности. Тем более что позвал я тебя совсем не для теософского спора. Полный кофейник, — проговорил Теландер в трубку интеркома, — сливки, сахар, две чашки в капитанскую каюту, пожалуйста.

— Сливки, — мечтательно пробормотала Линдгрэн.

— Знаешь, у наших биологов они совсем неплохо получаются, — кивнул Теландер. — Кстати, Кардуччи просто-таки воодушевлен предложением Реймонта.

— Насчет чего?

— Насчет того, чтобы повара поломали головы над рецептами новых блюд. Нет-нет, не думай, не над тем, чтобы готовить бифштексы из водорослей и культур ткани, но над чем-нибудь таким, чего еще не готовили. И я рад, что он думает об этом.

— Да, в последнее время он как шеф-повар начал сдавать, — согласилась Линдгрэн и вдруг, утратив чопорность, в сердцах стукнула кулаком по подлокотнику кресла. — Почему? — воскликнула она. — Что случилось? Мы еще и повинны задуманного не выполнили. Не должны же люди были так скоро пасть духом?

— Но мы потеряли всякую уверенность...

— Знаю, знаю. Но разве само ощущение опасности не должно действовать как стимул? Что же до того, что наше путешествие, скорее всего, никогда не окончится, меня это тоже в свое время больно ударило, но ведь я оправилась в конце концов!

— Мы с тобой на службе, и служба наша не кончается, — вздохнул Теландер. — Мы, члены команды, отвечаем за

жизнь экипажа. Осознание ответственности помогает жить. Но даже нам... — капитан запнулся. — Собственно, как раз об этом я и хотел с тобой потолковать, Ингрид. У нас, можно сказать, печальный юбилей. На Земле со времени нашего отлета прошло сто лет.

— Бессмыслица, — покачала головой Линдгрэн. — Как можно говорить теперь о каком-то временном соответствии?

— В психологическом плане это вовсе не бессмысленно, — возразил Теландер. — Доберись мы до беты Девы, нам бы предстояла связь с родной планетой. Мы бы тешили себя надеждой, что самые юные из наших близких прошли, к примеру, курс лечения, направленного на продление жизни, и еще живы. И если нам суждено вернуться, мы должны как-то напоминать Земле о себе, чтобы не возвратиться домой совсем чужими. Теперь же... это трудно осознать в любом смысле, начиная с чисто математического... Но те, кого мы покидали в возрасте грудных младенцев, уже глубокие старики и старухи... и это со всей жестокостью напоминает нам о том, что нам никогда больше не увидеть тех, кого мы некогда любили.

— М-м-м... — пробормотала Линдгрэн. — Ты прав, наверное. Что-то наподобие состояния, которое испытываешь, глядя на близкого человека, на твоих глазах угасающего от тяжелой, неизлечимой болезни. Когда он умирает, это тебя не удивляет, но, как ни крути, это конец. Проклятье! — вырвалось у Линдгрэн, и глаза ее наполнились слезами.

— Ты должна сейчас как можно больше помогать людям, Ингрид, — заботливо проговорил Теландер. — У тебя это лучше получается, чем у меня.

— Ты и сам бы мог многое сделать.

Капитан понурился и покачал головой:

— Лучше не надо. Наоборот, я собираюсь устраниваться.

— Что это значит? — не скрывая тревоги, спросила Линдгрэн.

— Ничего ужасного, — успокоил ее Теландер. — Просто я занят — дел по горло, меня всюду дергают — то инженеры, то навигаторы, куча всяких непредвиденностей. Короче говоря, великолепное прикрытие для того, чтобы как можно меньше общаться с экипажем.

— Но ради чего?

— Мы несколько раз советовались с Чарльзом Реймонтом. Он высказал превосходную мысль — на мой взгляд, просто-таки решающую. В такое время, как сейчас, когда царит неуверенность, когда к сердцу то и дело подступает отчаяние, готовое овладеть нами... каждый человек на борту корабля

должен чувствовать, что его жизнь — в надежных руках. Безусловно, ни один человек не верит в то, что капитан непогрешим. Но подсознательно каждый рисует тем не менее вокруг его головы воображаемый нимб. А я... я живой человек, у меня свои слабости. Мой организм может не выдержать ежедневного перенапряжения.

Линдгрэн съехала в кресле.

— И чего же хочет от тебя констебль?

— Чтобы я постепенно прекратил общаться с гражданским экипажем, так сказать, неформально. Извинение самое простое — меня нельзя отвлекать от служебных обязанностей, поскольку все мое внимание должно быть уделено тому, чтобы корабль без риска для жизни экипажа преодолевал всяческие туманности и звездные скопления. С таким объяснением все согласятся. А потом... обедать я буду один, в своей каюте, а вместе со всеми — только по большим праздникам. Отдыхать и делать физические упражнения буду тоже в одиночестве, здесь. Навещать меня будут только офицеры высокого ранга, вроде тебя, Ингрид. В общем, хочу окружить себя защитной оболочкой официального этикета. Реймонт со своими помощниками позаботится о том, чтобы ко мне обращались исключительно в подобающей вежливой форме. Короче говоря, твой добрый приятель Ларс Теландер собирается превратиться в Старца.

— Как же это похоже на Реймонта, — проворчала Линдгрэн.

— Он убедил меня в том, что это крайне важно и желательно, — сказал капитан.

— А о тебе он подумал? О тебе как о человеке?.. Сомневаюсь!

— Ничего, я переживу. Рубахой-парнем я никогда и не был, если говорить откровенно. И потом, у нас тут столько книг, которые я давно мечтал прочесть, да все не удавалось.

Теландер внимательно смотрел на Линдгрэн. В каюте было тепло, и из кондиционера веяло запахом свежескошенного сена, но руки Линдгрэн покрылись пупырышками, словно гусиная кожа.

— Ингрид, — негромко проговорил Теландер, — тебе тоже отведена определенная роль. Тебе предстоит больше, чем когда-либо, заниматься решением психологических проблем. Организация, посредничество, успокаивающие беседы... это будет нелегко.

— У меня одной это не получится, — призналась Линдгрэн. Губы ее дрожали. — Я не сумею.

— Если должна — всегда сумеешь, — успокоил ее капитан. — На самом деле тебе совершенно не обязательно все взваливать на себя. Можно гибко распределить обязанности. Нужно просто по-умному все спланировать. Не волнуйся, все продумаем... — Он растерялся. Что-то его смущало. Даже покраснел. — И... как раз на эту тему...

— Да? — отозвалась Линдгрэн.

Капитана спас звонок в дверь. Он принял из рук верзилы повара поднос с кофе, торжественно водрузил его на столик и принялся разливать кофе в чашки. При этом он — умышленно, по всей видимости, — не поворачивался к Линдгрэн лицом.

— У тебя такая должность, — хрипло проговорил Теландер, не оборачиваясь. — Такая новая должность... Теперь у офицеров совершенно особая роль... Конечно, тебе нет нужды так затворничать, как мне... Но все-таки какие-то определенные ограничения в плане... скажем так, доступности...

— Бедняга Ларс! — рассмеялась Линдгрэн. — Что ты так мучаешься? Ты хотел сказать, что первому помощнику не к лицу так часто менять любовников, да?

— Нет, я... Я же не об обете безбрачия, упаси Боже! Мне-то, конечно, от всякого такого теперь придется воздержаться, но что касается тебя... словом, этап экспериментов для всех нас подходит к концу. У людей завязываются более или менее прочные отношения. Вот бы и тебе тоже.

— Я могу поступить лучше, — сказала Линдгрэн. — Я могу остаться одна.

Теландер больше не мог стоять к ней спиной. Он повернулся и подал ей чашку.

— Ну, зачем так! Этого никто не требует... — смущенно пробормотал он.

— Спасибо, — кивнула Линдгрэн, принимая чашку, и с удовольствием принюхалась к аромату отменно сваренного кофе. — Ларс, мы же живые люди. Неужели нам обязательно надо превращаться в настоятеля и игуменью? Ну, хочешь, я буду тебе подругой? Ничего в этом нет такого — тем более что капитану нужно время от времени совещаться со старшим помощником наедине.

— А-а-а... Нет. Ты очень любезна, Ингрид, но нет, — пробормотал Теландер и принялся мерить шагами тесное пространство каюты. — Нас так мало, все на виду, как тут сохранишь тайну? Лицемерить я не смогу. И хотя... я с радостью бы согласился сделать тебя подругой жизни, но это невозможно. Ты можешь быть чьей угодно подругой, но для меня

ты — ближайший сотрудник. Понимаешь? Эх, Реймонт сумел бы, наверное, лучше объяснить...

Усмешка покинула лицо Линдгрена.

— Не нравится мне все это. Он прямо-таки вертит тобой.

— У него есть опыт поведения в кризисных ситуациях. Аргументы он приводит веские. Можно их подробно обсудить.

— Обсудим. Не сомневаюсь, в его доводах присутствует логика... каковы бы ни были мотивы. — Линдгрена отпила глоток кофе, опустила чашку на блюдце и доверительно сообщила: — За меня можешь не беспокоиться. Мне самой до смерти надоело это ребячество. Ты прав, у нас мало-помалу входит в моду моногамия. Вот только выбор ужасно ограничен. Я и сама уже подумывала прекратить свои похождения. Ольга Собески того же мнения. Я попрошу Като перебраться к ней. Конечно, покой и трезвость необходимы, Ларс, это даст возможность о многом подумать теперь, когда мы добрались до этой скорбной столетней годовщины.

«Леонора Кристин» летела вперед, и бывшая ее цель — Дева — лежала далеко от курса. Но до Стрельца еще было далеко. Только после того как корабль проделает полпути вокруг галактики, волшебная спираль его маршрута направится к центру. Сейчас туманность Стрельца лежала в стороне. А за ней — полная неизвестность. Астрономы ожидали, что там располагаются разреженные области космоса, где газ и космическая пыль пребывают в микроскопических концентрациях, где звезды древние и редко разбросанные. Но никакой телескоп не смог бы заглянуть за облака туманностей, окутывавших созвездие, а потому никто и не заглядывал в его окуляры.

— Интересно, отправлялись ли после нас другие экспедиции? — задумчиво проговорил пилот Ленкай. — На Земле уже столетия прошли. Наверное, там уже до такого додумались...

— Но не до того, чтобы посылать автоматические станции к центру галактики, уж это точно, — буркнул космолог Чидамбаран. — Ведь чтобы станция добралась сюда, ей нужно проделать путь длиной в тридцать тысячелетий, да еще столько же времени нужно, чтобы посланный сигнал долетел до Земли. Бессмысленно. И притом люди расселяются по галактике очень медленно.

— Да, не со скоростью света, — согласился Ленкай. — Но может быть, она уже преодолена.

Физиономия Чидамбарана презрительно скривилась.

— Ну, приехали! Что за фантазии? Конечно, если тебе охота переписать всю книгу знаний со времен Эйнштейна...

нет, что там Эйнштейна — со времен Аристотеля, с учетом логического противоречия в описании сигнала с неограниченной скоростью — давай, я послушаю.

— Да нет, что ты, — смутился Ленкай, стройный, поджарый, неуловимо напоминающий породистую беговую собаку. — Мне-то сверхсветовая скорость совсем ни к чему. Но сама мысль, что кому-то это доступно — порхать со звезды на звезду, как птичка, — ну, вроде того, как я мотался из города в город у себя дома... а мы в это время замурованы, заперты в клетке... нет, это было бы слишком жестоко.

— Даже если это уже кому-то удалось, к нашей судьбе это ровным счетом никакого отношения не имеет, — буркнул Чидамбаран. — Лучше воспринимать все с юмором. Так легче. Веселее.

— Веселья — хоть отбавляй! — хмыкнул Ленкай.

Стук их подошв по ступеням винтовой лестницы эхом отскакивал от переборок и уносился вверх по пролетам. Они вместе возвращались с нижней палубы, где профессор Нильссон совещался с Фоксе-Джемисоном и Чидамбараном относительно конструкции большой кристаллической дифракционной решетки.

— Тебе-то легче, — отозвался пилот. — У тебя настоящее дело. Мы все зависим от вашей бригады. Если вы не сумеете собрать новые приборы... Господи, пока мы не доберемся до планеты, где понадобятся космические челноки и самолеты, — на что я нужен?

— Ты помогаешь нам в сборке приборов. Не делай ты этого, мы бы до сих пор корпели над чертежами, — возразил Чидамбаран.

— Да, я вызвался помогать, — кивнул Ленкай. — Только ради того, чтобы не болтаться без дела. Прости, — взяв себя в руки, извинился Ленкай. — Распускаться нельзя, я понимаю. Послушай, Мохандас, можно задать тебе один вопрос?

— Спрашивай.

— Ради чего ты полетел на «Леоноре»? Да, сейчас ты тут большая шишка, это понятно. Ну а если бы не стряслось беды... и вообще... разве ты не мог заниматься изучением Вселенной дома, на Земле? Ты же теоретик, насколько я знаю. Пусть бы такие, как Нильссон, занимались сбором информации.

— Знаешь, я вряд ли бы удовольствовался сообщениями с беты Девы. Мне показалось, что ученый моего ранга непременно должен испытать все на себе, обрести новый опыт, новые впечатления. Экспедиция сулила такие возможности — на Земле я ни за что такого не испытал бы. Не полети я, я бы,

конечно, не слишком много потерял, ну а здесь... по крайней мере, голова у меня работает точно так же, как дома работала.

Ленкай потер подбородок.

— Слушай, — проговорил он. — Наверное, тебе и кабинки лечебного сна ни к чему, а?

— Наверное. Честно признаться, мне там скучно.

— А зачем же ты тогда туда ходишь, черт подери?

— Приказ. Мы все обязаны, так сказать, лечиться таким образом. Я попросил, чтобы меня от этого избавили. Но констебль Реймонт втолковал первому помощнику Линдгрена, что подобные исключения создадут опасный прецедент.

— Реймонт! Снова этот полицай!

— Он, может быть, прав, — возразил Чидамбаран. — Мне от этого вреда никакого нет, не считая того, что я отвлекаюсь от научных размышлений, ну да это, пожалуй, даже полезно.

— Завидую твоему спокойствию. Я так просто бешусь.

— Подозреваю, что и сам Реймонт себя силой в кабинку запикивает, — сказал Чидамбаран. — Я замечаю, он там бывает редко — по минимуму. Кстати, ты обращал внимание — он ведь, когда пьет, не пьянеет вовсе? Наверное, ему тоже худо, и он держит себя в узде, чтобы не поддаться тайным страхам.

— Да, он такой. Слышал, что он на прошлой неделе сказал? Я ведь всего-навсего позаимствовал немножко медной фольги. Что такого? Она ведь не пропала бы, я только переплавить хотел. Ну, не зарегистрировал, это верно, но все равно... А этот гад сказал...

— Ладно тебе, — урезонил товарища Чидамбаран. — Он был прав. Мы же не на планете, как-никак. Все, чем мы пользуемся, должно быть употреблено во благо. Расшвыривать — чем бы то ни было пагубно. Лучше не рисковать. И уж чего-чего, а времени для всяческой бумажной бюрократии у нас хоть отбавляй. Ну, вот мы и добрались, — с облегчением проговорил Чидамбаран, остановившись у двери, ведущей в общественные отсеки.

Друзья направились к комнате гипнотерапии.

— Приятных сновидений, Матиас, — пожелал другу Чидамбаран.

— И тебе того же, — откликнулся Ленкай. — Мне тут как-то такие кошмары привиделись, — признался он. — Но и кое-что веселенькое бывало!

Звезд стало меньше. «Леонора Кристин» пока еще не перелетала от одной спирали галактики к другой, противоположной. Пока она продвигалась по области, которую можно было

приблизительно охарактеризовать как «пустота». Поскольку потребляемая масса водорода понизилась, упала и скорость корабля. Явление это было исключительно временное, ведь тау держалось в области малых величин. Спад ускорения должен был продлиться всего несколько сотен космических лет. Но на обзорных экранах корабля на некоторое время воцарилась непроницаемая ночь.

И, надо сказать, кое-кому из членов команды это зрелище нравилось несказанно больше, чем слепящий свет звезд.

Наступила очередная годовщина Дня мира. Но и церемония, и последовавшая за ней вечеринка оказались совсем не такими оживленными, как можно было ожидать, хотя будничные заботы помогали отвлечься от тоски. На корабле преобладало настроение тихого протеста.

На празднество явились далеко не все. Элоф Нильссон, к примеру, сидел сиднем в каюте, которую они делили с Джейн Седлер, и уже не первый час корпел над эскизами и расчетами внешнего телескопа собственной конструкции. Почувствовав, что устал, он пробежал глазами библиотечный каталог в поисках какой-нибудь интересной книги и нашел захватывающий роман. Он так увлекся, что к тому времени, когда Джейн вернулась, оставалось дочитать немного.

Оторвавшись от книги, он посмотрел на Джейн красными от перенапряжения глазами. В каюте было темно, только слабо светился экран сканнера. Внушительная фигура Джейн казалась в полумраке еще более высокой.

— Господи! — вырвалось у него. — Уже пять утра!

— Заметил? Неужели? — криво усмехнулась Джейн, и Нильссон уловил запах виски и мускуса. Он открыл табакерку и взял понюшку табаку — табак был для него единственным предметом вождения.

— Что такого? Мне же не нужно на вахту в три часа, — без тени смущения заявил Нильссон.

— Мне тоже. Я вообще своему начальнику сказала, что хочу попроситься в отпуск на недельку. Он меня отпустил. И правильно сделал. Попробовал бы отказать.

— Что за тон? Что ты себе позволяешь? А если все на корабле будут такие номера откалывать?

— Тетсуо Ивамото... то есть нет: Ивамото Тетсуо, вот как правильно будет. Японцы же сначала фамилию пишут, а потом имя, как и китайцы, и еще кто-то, ну да... еще эти... венгры, представляешь? Нет, иногда, правда, они делают наоборот, ну это только так... дань уважения нам, невежественным европейцам... — Джейн явно утратила ход мысли. — Словом, он

славный парень. Работать с ним — одно удовольствие. Он и без меня отлично управится. Почему бы мне не передохнуть?

— Все равно...

Она предостерегающе подняла указательный палец.

— Не смей меня отчитывать, Элоф, ясно? Слышишь, что я говорю? У меня уже твое п-пре-восход-ство вот где сидит! И не только п-превосходство. Много еще чего. Если бы у тебя в-все остальное б-было такое же в-вели-ко-леп-ное, как КИ твой... Н-ну все. Хватит. Ц-цветочки все увяли...

— Ты пьяна.

— Вроде, да. Тебе бы тоже стоило напиться. Поч-чему ты не пришел, а?

— Чего ради? Не лучше ли честно признаться, как мне надоели кое-какие физиономии, кое-какие делишки, тупые разговорчики? И я в этом не одинок.

— Ты от меня устал? — спросила Джейн упавшим голосом.

— Что ты говоришь? — изумленно воскликнул Нильссон и выпрямился. — В чем дело, дорогая?

— В последние месяцы ты меня вниманием не балуешь.

— Не балую? Да, пожалуй, что нет, — рассеянно отозвался Нильссон и нервно забарабанил пальцами по крышке столика. — Да, я был занят.

Джейн, сделав глубокий вдох, проговорила:

— Скажу правду. Сегодня ночью я была с Иоганном Фрайвальдом.

— Фрайвальд? Механик? — выдохнул Нильссон и на несколько мгновений лишился дара речи. Джейн ждала. Нильссон продолжал барабанить пальцами по столу. Наконец он выдавил, не глядя на Седлер: — Имеешь право. Полное моральное право, в конце концов. Я не красивое молодое животное. Я... Я был... горд и счастлив... не могу даже передать, как я был счастлив, когда ты согласилась жить со мной. Ты меня научила многому такому, чего я раньше не знал и не понимал. Наверное, я был не слишком легким учеником...

— О, Элоф!

— Значит, ты бросаешь меня?

— Мы любим друг друга. — У Джейн все поплыло перед глазами. — Я-то думала, мне будет легко сказать тебе об этом. Я никак не ожидала, что тебе будет больно.

— Какое тебе дело до тонких чу... Нет, о тонкости тут и речи быть не может. Это понятие тебе попросту неизвестно. А у меня есть гордость. Ты... — Нильссон снова взялся за табак. — Тебе лучше уйти. Вещи можешь потом забрать.

— Так сразу?

— Уйди! — взвизгнул Нильссон.

Седлер, всхлипывая, выскочила из каюты.

«Леонора Кристин» вернулась, что называется, в населенное звездами государство. Пролетев в пятидесяти парсеках от гигантского новорожденного солнца, она пересекла насыщенную газами область, окружавшую его. Атомы тут были сильно ионизированы, а потому захват протекал намного легче. Тау стремилось к недостижимому нулю, а вместе с ним — время.

Глава 12

У входа на палубу, где располагались общественные помещения, Реймонт помедлил. Стояла непривычная, гнетущая тишина. Первая вспышка интереса к спортивным занятиям успела угаснуть, и теперь они уже не пользовались популярностью. Экипаж собирался вместе только в часы общих трапез, а в остальное время ученые и члены команды предпочитали либо собираться небольшими компаниями, либо углублялись в чтение или просмотр фильмов, а кое-кто попросту спал и как можно дольше. В принципе, Реймонт мог бы насильно заставить членов экипажа заниматься физическими упражнениями сколько положено, но просто не знал, как можно воодушевить людей, как их растормошить. Шли месяцы, и на корабле становилось все тоскливее. А еще более беспомощен стал Реймонт в осуществлении задуманного из-за того, что его негибкая жесткость нажила ему врагов. Уж слишком непререкаем он был во всем, что касалось неукоснительного соблюдения порядка.

Кстати, о порядке... Реймонт прошагал по коридору до двери комнаты гипнотерапии и распахнул ее. Все три кабинки, судя по горевшим на дверцах лампочкам, были заняты. Реймонт вынул из кармана ключ и осторожно открыл маленькие окошечки на дверцах — света они не пропускали, только воздух. Окошечки двух кабинок он тут же закрыл, а около третьей остановился. За темным стеклом гипношлема он разглядел личико Эммы Глассголд.

Реймонт пристально смотрел на Глассголд. Она безмятежно улыбалась. Без сомнения, она, как и многие другие члены экипажа, была обязана этому аппарату тем, что сохраняла выдержку и разум. Как бы ни украшали переборки цветами и драпировками, все равно корабль оставался кораблем — холодным, стерильным. В такой жесткой среде, не избыточной

подарками для органов чувств, человек неизбежно утрачивает ощущение реальности. Не получая привычного объема информации, мозг начинает восполнять недостаток впечатлений галлюцинациями, разум теряет рассудочность, и в конце концов человек становится безумцем. Таковы последствия полной сенсорной депривации. При длительном недостатке впечатлений последствия не так ярко выражены, симптомы развиваются медленнее, но во многом картина вырисовывается куда более разрушительная. Становится необходимой прямая электронная стимуляция соответствующих нервных центров. Это — с точки зрения неврологии. А с точки зрения воздействия на эмоции — долгие, яркие сновидения становятся заменой реальному опыту.

И все же...

Кожа у Глассголд стала какой-то дряблой, нездорового цвета. Экран с электроэнцефалограммой, укрепленный повыше шлема, говорил о том, что она дремлет и ее совершенно безболезненно можно разбудить. Реймонт нащупал кнопку отключения на панели прибора. Энцефалографические пики превратились в плавные волны, а чуть позже — в ровную линию. Экран погас.

Глассголд пошевелилась.

— Шалом, Моше... — пробормотала она. На корабле никого с таким именем не было. Реймонт отбросил назад колпак шлема. Эмма зажмурилась, словно не хотела просыпаться, потерла глаза кулаками, повернулась на бок.

— Ну-ка просыпайся, лежебока, — потормошил ее Реймонт.

Глассголд часто заморгала и испуганно уставилась на Реймонта. Часто, с присвистом задышав, она рывком села на кушетке. Реймонт мог поклясться, что видит, как в ее глазах угасает прекрасный сон.

— Пошли, — сказал он, протягивая ей руку. — Подальше от этого мерзкого саркофага.

— О нет, нет, — вяло запротестовала Глассголд. — Никакой он не мерзкий. Я была с Моше...

— Прости, но...

Плечи Глассголд затряслись от горьких рыданий. Реймонт с грохотом распахнул дверь кабинки.

— Ладно. Тогда пусть будет приказ. Выходи! И напрямик к доктору Латвале.

— Что тут, черт подери, происходит? — прогремел чей-то бас.

Реймонт обернулся. В дверном проеме стоял Вильямс. Он, видимо, проходил мимо, возвращаясь из бассейна, — химик был в чем мать родила и весь мокрый. Кроме того, он был не на шутку зол.

— Что, рукоприкладством занимаешься, коп? — взревел Вильямс. — До женщин добрался? И не стыдно обижать такую малышку?

Реймонт не тронулся с места.

— Правила пользования кабинками оговорены в уставе, — спокойно проговорил он. — Если же кто-то не повинуется правилам, приходится вмешиваться.

— Вот как? Всюду ты свой нос суешь, шпионишь за всеми. Нет, пора этому положить конец. С меня довольно!

— Не надо! — воскликнула Глассголд. — Драка ни к чему! Я виновата. Прошу простить меня. Я пойду.

— Черта с два ты пойдешь! — вскричал американец. — Стой, где стоишь! Это твое право, защищай же его. Этот коп у меня уже вот где сидит! Пора его в чувство привести.

Реймонт, старательно выговаривая слова, произнес:

— Устав был написан не для того, чтобы в игрушки играть, доктор Вильямс. Переборщить с гипнотерапией — это еще хуже, чем вовсе не пользоваться ею. Сны превращаются в наркотик. И в конце концов человек теряет рассудок.

— Слушай, — процедил сквозь зубы Вильямс, которому, судя по всему, стоило большого труда держать себя в руках. — Все люди — разные. Ты, конечно, можешь считать, что нами можно вертеть туда-сюда, кроить нас на свой лад... Господи, чего только не напридумывал!.. Гимнастика, распорядок дня — это же младенцу ясно, ради чего это все... стрельба по манекену дурацкому — творению Педро Барриоса — ...вся твоя вшивая идиотская диктатура на нашем проклятушем «Летучем Голландце»!.. — Вильямс немного выдохся и заговорил потише. — Слушай! — сказал он. — Правила эти, будь они неладны. В них сказано, чтобы сон не передозировали, так? Но как поймешь, что кому-то уже достаточно? Мы все обязаны время от времени валяться в этих кабинках. И ты тоже, Железный Констебль. Ты тоже!

— Безусловно... — кивнул Реймонт, но Вильямс не дал ему продолжить.

— Ну а как узнать, мало или хватит? Ты! У тебя же столько чувств не наберется, сколько Господь Бог таракану отпустил! Много ты знаешь про Эмму? А вот я знаю. Я знаю, что она чудная, мужественная женщина... что она сама отлично понимает, что ей нужно... и она не нуждается в том, чтобы ты

диктовал ей, как ей жить, понял? Вот дверь, — буркнул Вильямс. — Воспользуйся ею по назначению. Закрой с той стороны.

— Норберт, не надо! — взмолилась Глассголд.

Она выбралась из кабинки и пыталась встать между мужчинами. Реймонт отодвинул ее и ответил Вильямсу:

— Если кто-то нуждается в исключении из правил, слово за корабельным врачом. Ему решать, а не вам. Эмме, так или иначе, придется сходить к доктору и попросить разрешения.

— Знаю я, чего ждать от этого доктора. Он даже успокоительного не пропишет, олух.

— Нам еще годы и годы лететь. Впереди уйма непредвиденных трудностей. Если мы впадем в зависимость от таблеток...

— А тебе никогда в башку не приходило, что без этого мы скоро просто загнемся? Сами как-нибудь решим, как нам быть. Пошел вон отсюда, я сказал!

Глассголд снова предприняла неуклюжую попытку помешать стычке. Реймонт был вынужден схватить ее за руки и отвести в сторону.

— Убери руки, свинья! Не тронь ее! — взревел Вильямс, выставив перед собой сжатые кулаки.

Реймонт отпустил Глассголд и отступил в глубину комнаты, подальше от кабинок. Какое-то время он лениво отражал неумелые удары Вильямса, но вскоре, применив ловкий прием карате, он в два счета уложил разбушевавшегося химика на лопатки. Тот отплевывался и чертыхался. Из носа у него потекла кровь.

Глассголд вскрикнула и подбежала к нему, упала на колени, обняла Вильямса, прижала к себе, укоризненно посмотрела на Реймонта.

— Ну, чем не храбрец! — гневно воскликнула она.

Констебль разжал кулаки.

— А что, надо было позволить ему поколотить меня?

— Могли бы уйти. Могли бы!

— Увы, не мог. Моя обязанность — поддерживать порядок на корабле. И до тех пор, пока капитан Теландер не отправит меня в отставку, я буду этим заниматься.

— Что ж, очень хорошо, — процедила сквозь зубы Глассголд. — Мы пойдем к нему. Я подаю на вас официальную жалобу.

Реймонт покачал головой:

— Не получится. Порядок оговорен. Капитана нельзя беспокоить по подобным мелочам. У него есть дела поважнее.

Вильямс застонал, приходя в себя.

— А пойдём мы к старшему помощнику Линдгрэн, — объявил Реймонт. — И мне придется внести в ваши дела замечания с предупреждением.

— Как вам будет угодно, — поджав губы, фыркнула Глассголд.

— Только не к Линдгрэн, — простонал Вильямс. — Они же с Линдгрэн... того...

— Больше нет, — возразила ему Глассголд. — Она тоже от него устала. Еще до аварии. Нет, она рассмотрит все справедливо.

Глассголд помогла Вильямсу одеться, и он, прихрамывая, побрел вместе с ней и Реймонтом на офицерскую палубу.

Встречавшиеся им по пути люди провожали троицу любопытными взглядами и принимались гадать и расспрашивать друг друга, что же такое стряслось. Если кто-то отваживался обратиться с вопросом к Вильямсу и Глассголд, Реймонт тут же затыкал любопытным рты. Люди отвечали ему возмущенными взглядами. Добравшись до ближайшей кабинки интеркома, Реймонт набрал код старшего помощника и попросил ее зайти в кабинет.

Кабинет представлял собой не слишком обширное, но довольно-таки солидное помещение, предназначенное для конфиденциальных переговоров и всяческих отчитываний по службе. Линдгрэн сидела за письменным столом. В лучах флуоресцентных ламп волосы ее отливали холодным, металлическим блеском. Она была одета в форму. Подчеркнуто официально она предложила Реймонту говорить, после того как все расцелись.

Он вкратце изложил суть случившегося и закончил словами:

— Я обвиняю доктора Глассголд в нарушении медицинских предписаний, а доктора Вильямса — в оскорблении офицера службы порядка.

— Оскорблении действием? — уточнила Линдгрэн.

Вильямс заерзал на стуле.

— Нет, мадам. В оскорблении словом, — ответил Реймонт и, обернувшись к химику, добавил: — Считайте, что вам повезло. Из психологических соображений мы не можем устраивать судебного разбирательства, которое в иных обстоятельствах непременно повлекло бы за собой оскорбление действием. Но если вы будете и дальше так себя вести, суда вам не миновать.

— Достаточно, констебль, — оборвала его Линдгрэн. — Доктор Глассголд, не будете ли вы так добры и не изложите ли о случившемся со своей точки зрения?

Биолог все еще с трудом сдерживала гнев.

— Я признаю себя виновной в нарушении правил, — решительно потряхнув головой, ответила она, — но требую, чтобы меня освидетельствовали — да и не только меня. Устав это допускает. И требую, чтобы было учтено не только мнение доктора Латвалы, а совета офицеров и моих коллег. Что касается драки, Норберт был попросту спровоцирован и стал жертвой грубой жестокости.

— Вы что скажете, доктор Вильямс?

— Ума не приложу, как это я до сих пор терплю ваши идиотские приказы... — выпалил американец, но, взяв себя в руки, продолжил более спокойно: — Прошу прощения, мадам. Тонкостей космического законодательства мне никогда не удавалось упомянуть. Я считал, что лучшая наша опора — это доброта и здравый смысл. Может быть, Реймонт и прав, так сказать, с практической точки зрения, но я живой человек, и от его тупых методов меня уже тошнит.

— Что ж, доктор Глассголд и доктор Вильямс, согласны ли вы, чтобы я вынесла свой приговор по этому делу, или желаете, чтобы было проведено судебное разбирательство?

Вильямс криво улыбнулся:

— Дела у нас и так — хуже некуда, мадам. Думаю, может быть, в наши файлы этот случай стоит занести, но чтобы об этом знал весь экипаж — наверное, лучше не надо.

— О да! — с готовностью подхватила Глассголд и горячо сжала руку Вильямса.

Реймонт только успел рот раскрыть, как Линдгрэн ледяным голосом произнесла:

— Вы мой подчиненный, констебль. Безусловно, вы вправе обжаловать мое решение у капитана.

— Нет, мадам, я не стану этого делать, — покачал головой Реймонт.

— В таком случае, — сказала Линдгрэн, откинувшись на спинку стула, — мое решение таково: сегодняшний случай и все высказанные по его поводу обвинения не будут внесены ни в какую документацию. Давайте поговорим о происшедшем иначе — по-доброму, как люди, которые волей судеб оказались надолго вместе в одной, образно говоря, лодке.

— Его вы тоже имеете в виду? — оскорбленно поинтересовался Вильямс, кивнув в сторону Реймонта.

— Вы должны понимать, что порядок и дисциплина нам необходимы, — мягко урезонила его Линдгрэн. — Не будет этого — мы погибнем. Может быть, порой констебль Реймонт чересчур усердствует. Может быть, я ошибаюсь. Но, как бы то

ни было, он — единственный полицейский и военный специалист на борту. Если вам не по душе его методы... ну что ж, собственно говоря, для таких случаев есть я. Расслабьтесь, успокойтесь. Я сейчас попрошу, чтобы нам принесли кофе.

— Если старший помощник не возражает, — проворчал Реймонт, — я предпочел бы уйти.

— Нет, не уходите, нам есть что вам сказать, — сердито возразила Глассголд.

Реймонт смотрел на Линдгрена. Казалось, еще чуть-чуть — и между ними проскочат искры: так наэлектризовалась атмосфера.

— Как вы верно указали, мадам, — продолжал Реймонт, — в мои обязанности входит обеспечение выполнения корабельного устава — не больше и не меньше. Тут же затевается нечто, к моим обязанностям отношения не имеющее, — теплая дружеская беседа за чашечкой кофе. Кроме того, я уверен, что джентльмену и леди без меня будет легче и спокойнее.

— Пожалуй, вы правы, констебль, — кивнула Линдгрена. — Вы свободны. Можете идти.

Реймонт встал, откозырял и вышел из кабинета. По пути наверх он встретил Фрайвальда, и они по-приятельски поздоровались. С пятью-шестью добровольными помощниками у Реймонта по-прежнему сохранялись хорошие отношения.

Реймонт открыл дверь своей каюты. Кровати были сдвинуты и разобраны. Чиюань в легком, полупрозрачном пеньюаре, похожая на маленькую девочку, грустно посмотрела на него.

— Привет, — сказала она, внимательно глядя на Реймонта. — Ты мрачен, как туча. Что случилось?

Реймонт уселся рядом с ней и рассказал все, как было.

— Ну... — нахмутив брови, проговорила Чиюань, дослушав до конца. — Разве стоит их сильно винить?

— Да нет, не стоит, пожалуй, — вздохнул Реймонт. — Хотя... Не знаю. Ведь экипаж так старательно подбирали. Весь цвет науки. Что только не учитывали — образование, особенности характера, здоровье, преданность делу. И ведь все понимали, что скорее всего обратной дороги не будет. Ну, как минимум, нас ждало возвращение совсем на другую Землю, в другие страны, уже не такие, которые мы покинули... — Реймонт рассеянно пригладил жесткие волосы. — И как все переменялось. — Он грустно улыбнулся. — Судьба наша неизвестна, может быть, нам придется погибнуть, и уж наверняка нас ждет полная изоляция. Но разве все это так уж сильно отличается от того, к чему мы себя готовили, покидая Землю? Разве из-за этого надо так убиваться? Разве можно?

— Можно, — коротко отозвалась Чиюань.

— И ты туда же, — воскликнул Реймонт и бросил на китаянку свирепый взгляд. — Я на тебя так надеялся! Что с тобой? Поначалу ты была занята работой, развлекалась, веселилась, продумывала всякие планы на будущее насчет исследований на бете Девы. Да и потом, когда случилась беда, ты вела себя молодцом.

Чиюань вяло усмехнулась и погладила Реймонта по щеке.

— Ты меня вдохновлял, — призналась она.

— А потом... чем дальше, тем больше, — продолжал Реймонт. — Я все чаще вижу, как ты просто сидишь и ничего не делаешь! Ведь у нас с тобой началось что-то большое, настоящее, а теперь... ты все реже со мной разговариваешь. Даже секс тебя, похоже, интересовать перестал. Ты не работаешь, не мечтаешь, даже не плачешь в подушку в темноте... я бы услышал и проснулся. В чем дело, Айлинь? Что с тобой происходит? Что творится со всеми?

— Скорее всего, нам недостает твоей железной воли и желания выжить любой ценой, — ответила Чиюань.

— Да, я дорого ценю жизнь, это точно. И пожить красиво не прочь. Но ведь у нас есть все, что нужно, и даже какой-то комфорт. И такое захватывающее приключение, если вдуматься. Чего же еще?

— Ты знаешь, какой сейчас год на Земле? — задумчиво спросила Чиюань.

— Нет. Именно я уговорил капитана Теландера убрать подальше земные часы. Они были источником множества болезненных реакций.

— Большинство из нас могут и в уме подсчитать, какой там сейчас год, — возразила Чиюань и отрешенно, монотонно продолжила: — Теперь дома приблизительно десятилетний год от Рождества Христова. Плюс-минус несколько столетий. Да-да, меня учили в школе, что понятие одновременности в релятивистских условиях исчезает. Но еще я помню, что такая веха, как столетие, имеет огромное психологическое воздействие. Годы идут и идут и превращают нас в изгнанников. Уже превратили. И ничего нельзя поделать. И речь уже не только о нашем экипаже. Не только о наших родных и близких. Что произошло за это время на Земле? В галактике? Чего достигли люди? Какие они теперь? Нам никогда этого не узнать, нам никогда больше не суждено разделить общую судьбу человечества.

— Ну и что из этого? — резко возразил Реймонт. — Доберись мы до третьей планеты беты Девы, луч мазера принес бы

нам новости столетней давности. И все. Мы бы старились там и умирали, и смерть каждого из нас разлучала бы с человечеством, с Вселенной. Это людская доля, она всегда была такой. Так почему же нужно рыдать и рвать на себе волосы из-за того, что наша участь стала не совсем такой?

Чиюань печально посмотрела на Реймонта и медленно проговорила:

— Ведь ты не хочешь сам ответить на этот вопрос. Ты хочешь вытянуть ответ из меня.

Реймонт растерялся и пробормотал:

— В общем... да.

— Ты понимаешь людей гораздо лучше, чем говоришь о них. Это, несомненно, твое личное дело. Вот и скажи мне, в чем наша беда.

— Жизнь вышла из-под контроля, — не задумываясь, ответил Реймонт. — Правда, команду еще не коснулись упаднические настроения. Команда занята работой. Но ученые, и ты в том числе, были изначально нацелены на бету Девы. Они мечтали о героическом, грандиозном труде, к которому себя и готовили. Теперь они просто не понимают, что их ждет впереди. Единственное, что им понятно, так это то, что будущее наше непредсказуемо. Что мы можем погибнуть — можем, потому что подвергаемся страшному риску, и от ученых тут ничего не зависит, помочь они ничем не могут, а потому остается одно: сидеть сложа руки и ждать, пока команда сделает за них всю работу. Естественно, есть от чего пасть духом.

— А что же нам, по-твоему, остается делать, Чарльз?

— Ну, что касается тебя, то почему бы тебе не продолжать свою работу? Со временем мы приступим к поискам планеты, на которую могли бы высадиться. Тогда планетология станет жизненно важной наукой.

— Ты знаешь, что наши шансы ничтожны. Эта гонка будет продолжаться до тех пор, пока мы все не умрем.

— Проклятье, но мы можем улучшить наши шансы!

— Как?

— Между прочим, это один из аспектов твоей работы.

Чиюань улыбнулась, на этот раз чуть более живо.

— Чарльз, ты хочешь меня растормошить. Я буду работать хотя бы для того, чтобы ты перестал рывкать на меня. Поэтому ты и с другими так груб? Да?

Реймонт внимательно посмотрел на подругу.

— Ты до сих пор неплохо держалась. От природы ты стойкий человек. Пожалуй, тебе станет легче, если я буду делиться с тобой своими мыслями. Сможешь сохранить секрет фирмы?

В глазах Чиюань вспыхнули веселые искорки.

— Ты же меня вроде бы неплохо знаешь, — проворковала она и погладила его бедро босой ступней.

Реймонт пощекотал пятку Чиюань и усмехнулся.

— Все старо, как мир, — сказал он. — Опыт работы в военных и полувоенных организациях. Я его пытаюсь применить тут. Человеку, как животному, необходим некий собирательный образ отца или матери, но в то же самое время он терпеть не может слушаться. Равновесия можно добиться так: высший авторитет остается далеким, богоподобным, почти недоступным существом. А непосредственный начальник должен быть гадким, мерзким сукиным сыном, который тебя все время хватает за руку, не дает шалить и которого ты, естественно, ненавидишь всеми фибрами души. А непосредственный начальник этого сукина сына настолько добр и мягок, насколько позволяет его ранг. Улавливаешь?

Чиюань прижала палец к виску и покачала головой:

— Не совсем.

— Посмотри, что у нас происходит. Ты ни за что не догадаешься, как мне пришлось вертеться в первые месяцы, после того как произошла авария. Нет, я не хочу сказать, что заслуги в наведении порядка целиком и полностью принадлежат мне. Многое происходило естественным путем. Сама логика подсказывала решение, я только немного подтолкнул ход событий. В итоге капитан Теландер пребывает в изоляции, и его не касаются беспорядки и разборки, типа сегодняшней.

— Как мне его жалко... — проговорила Чиюань и в упор посмотрела на Реймонта. — Значит, роль доброй мамы играет Линдгрэн?

Он кивнул.

— А я типичный старший сержант. Жесткий, грубый, требовательный, несговорчивый. Не такой мерзкий, чтобы требовать моей отставки, конечно же. Но достаточно противный, чтобы меня не любить, но при этом уважать. Для подчиненных лучше не придумашь. Уж лучше ненавидеть меня, чем погружаться в одинокую тоску, — ведь именно этим ты, любовь моя, занимаешься в последнее время... Ну а Линдгрэн все, так сказать, сглаживает. Она первый помощник, и ее власть выше моей. И потому время от времени она отменяет мои приказы, нарушая устав ради милосердия. Тем самым она дорисовывает непогрешимый образ Верховного Владыки. До сих пор, — нахмурившись, закончил Реймонт, — система нас не подводила. Но начинает мало-помалу хромать. Нужно что-то менять.

Чиюань не спускала с него глаз. Наконец он пошевелился.

— Ты?.. — нерешительно спросила китайка. — Это все оговорено с Ингрид?

— Что? О нет. Она должна играть свою роль естественно, ничего не подозревая. Не Макиавелли же она, в конце концов.

— Ты ее так хорошо понимаешь... потому что вы были близки?

— Да, — ответил Реймонт и покраснел. — Ну и что? Сейчас у нас самые что ни на есть официальные отношения. Причины очевидны.

— А мне кажется, ты продолжаешь бессознательно мстить ей, Чарльз.

— М-м-м. Черт подери, хватит об этом. Я всего-навсего хочу вернуть тебе желание жить.

— Для того чтобы я, в свою очередь, могла помочь жить тебе?

— Ну... в общем, да. Я же не супермен. И давным-давно никому не плакался в жилетку.

— Ты говоришь откровенно, или это вписывается в рамки твоего психологического плана? — шутиливо спросила Чиюань и откинулась на спину. — Ну да ладно. Можешь не отвечать. Будем жить друг для друга и помогать друг другу. А потом, если будем живы... ладно, все остальное обсудим потом. Если будем живы...

Смуглое, суровое лицо Реймонта смягчилось.

— Похоже, тыходишь в норму, — улыбнулся он. — Отлично.

Чиюань рассмеялась и обвила руками его шею.

— Иди ко мне, — прошептала она.

Глава 13

К скорости света можно приблизиться, но ни один объект, обладающий массой покоя, не может достичь ее целиком. Скорость «Леоноры Кристины» нарастала все медленнее. И казалось, что пространство Вселенной, по которому мчался корабль, уже не может быть больше искажено. Смещение звезд вследствие aberrации составляло максимум 45°. Эффект Допплера преобразовывал в красноватый свет звезды, остававшиеся позади, но частоту излучения тех, что летели навстречу, мог увеличить лишь вдвое.

Правда, величина обратного тау была беспредельна, и именно его величина служила мерой изменений в осязаемом пространстве и реальном времени. У оптических сдвигов предела

тоже не было, и пространство как позади, так и впереди могло сжиматься почти до нуля.

И вот, облетев половину Млечного Пути и развернувшись, чтобы начать путь к его сердцевине, те, кто наблюдал космос через корабельный перископ, заметили странную картину. Звезды, расположенные ближе к кораблю, казалось, летели навстречу еще быстрее, чем раньше, и скоро исчезали из поля обзора. Это происходило потому, что за те минуты, что текли внутри корабля, в космосе пролетали годы. Небо теперь не казалось черным — оно стало лиловым, и его оттенок становился то светлее, то темнее с каждым космическим месяцем. Причиной тому было взаимодействие силовых полей и межзвездной среды — порой в силу вступал межзвездный магнетизм, из-за которого высвобождались кванты энергии. Далекие звезды виделись расплывающимися сферами — яростно-синими впереди корабля и ярко-красными позади. Но мало-помалу сферы сжимались и превращались в точки, и свет их становился более тусклым. Причиной тому было то, что львиная доля их излучения уходила из видимой части спектра и преобразовалась в гамма-лучи и радиоволны.

Вьюер был отремонтирован, но его способность компенсировать искажения изображения оставляла желать лучшего. Контуры световодов просто не в состоянии были различать отдельные солнца на расстоянии больше чем в несколько парсеков. Техники разобрали прибор и попробовали увеличить его разрешающую способность. Не сделай они этого, наблюдатели в скором времени попросту ослепли бы.

Этот проект наряду с кое-какими еще новшествами оказался гораздо более нужным, чем думали те, кто занимался работой. Помимо всего прочего, работа отвлекала от мрачных мыслей.

Борис Федоров нашел Луиса Перейру на гидропонной палубе. Шел сбор урожая с мини-плантации водорослей. Инженер работал наравне со своими сотрудниками — так же, как остальные, запускал по локоть руки в воду, вытаскивал оттуда зеленоватые нити, перекечевывавшие в емкости, стоявшие на тележке.

— Фу! — поморщился Федоров.

Перейра широко улыбнулся, и под черными усами блеснули белоснежные зубы.

— Зря ты так относишься к моему урожаю, — шутливо упрекнул он Федорова. — Придет время, и будешь лопать вместе со всеми за обе щеки.

— Интересно, как из этой гадости в конце концов получается восхитительный сыр «лимбургер»? — проговорил Федоров. —

Слушай, у тебя есть время? Мне необходимо поговорить с тобой.

— А попозже нельзя? Нам нужно непременно вычистить всю ванну. Если загниет, придется всем потуже затянуть пояса.

— Ну, у меня со временем тоже не ахти, — несколько обиженно сказал Федоров. — Уж лучше, по-моему, поголодать немного, чем угодить в очередную аварию.

— Ребята, заканчивайте без меня, — распорядился Перейра, быстро прошел в душевую и вымылся. Не заходя в сушилку и не одеваясь, поскольку на этой палубе было очень тепло, он повел Федорова в свой кабинет.

— Честно говоря, — признался он, когда они отошли подалее, — я только и ждал, чтобы кто-нибудь утащил меня от этой треклятой ванны.

— Вряд ли ты будешь радоваться, если узнаешь, зачем я тебя отвлек. Предстоит серьезная работа.

— Так это же просто замечательно! А то я все голову ломал, как бы мне не дать ребятам распуститься. Конечно, на горячий энтузиазм рассчитывать не приходится; они, конечно, поворот, не без этого, но на самом деле будут рады заняться чем-то поинтереснее, чем обычная рутина.

Они миновали заросли зеленых растений. От листьев веяло свежестью, они приятно шуршали, если люди задевали их головой или руками. А под ними, словно разноцветные фонарики, висели спелые плоды. Глядя на эту идиллическую картину, можно было понять, почему сотрудники гидропонного отдела более спокойны, чем кто бы то ни было на корабле.

— Меня напугал Фоксе-Джемисон, — объяснил Федоров. — Дело в том, что мы уже вплотную приблизились к центральной галактической туманности, и Джемисон может испробовать в действии новые приборы для определения плотности космических масс.

— Он? Я думал... у них Нильссон главный.

— Все так думали, — кивнул Федоров и сердито поджал губы. — Он никуда не годится. В последнее время от него никакого толка — одни только скандалы да обиды. Придется остальным за него отдуваться — Ленкаю и еще кое-кому.

— Плохо дело, — огорченно проговорил Перейра. — А ведь мы рассчитывали, что Нильссон сумеет сконструировать аппаратуру для межгалактического перелета при сверхнизких параметрах тау, верно?

Федоров кивнул.

— Надо бы, конечно, его в чувство привести, но сейчас речь не о нем. Нам предстоит новая встреча с плотными слоями

пространства. Я почти уверен, что на сей раз мы проскочим без последствий, и все же мне хотелось бы провести работы по укреплению обшивки для пущей уверенности. Уверенности! — воскликнул Федоров и рассмеялся лающим смехом. — Какая уверенность при таком полете! Ну как бы то ни было, мне придется привести сюда бригаду техников. Придется вам тут немного расчистить помещение. Я хотел обсудить с тобой все в общих чертах — как все повернуть, чтобы ваша работа не слишком пострадала.

— Понятно. Понятно. Ну вот мы и пришли.

Перейра пригласил Федорова в крошечный кабинет, где стояли письменный стол и полки с файлами.

— Сейчас я тебе покажу план помещений.

Примерно полчаса они обсуждали порядок перестановок. (А за бортом корабля мелькали столетия.) Перейра приглядывался к Федорову. Тот сильно сдал за последнее время. В нем трудно было узнать прежнего гениального ученого. Русский стал резок, порой груб.

Сложив в стопку чертежи и записи, Перейра участливо проговорил:

— Ты, похоже, неважно спишь в последнее время?

— Дел выше крыши, — буркнул инженер.

— Старик, ты себя замучишь когда-нибудь своей работой. Но синяки под глазами у тебя не из-за этого. Что-то неладно с Маргаритой, верно?

Федоров нервно дернулся.

— Что с ней не то?

Они с Маргаритой Хименес уже несколько месяцев подряд жили вместе.

— Борис, в нашей маленькой деревне так трудно что-то скрыть. Все видят, что она в тоске.

Федоров отвел взгляд и уставился туда, где за распаханной дверью зеленела листва.

— Как бы мне хотелось, чтобы она так не страдала... — пробормотал он.

— М-м-м... — смущенно протянул Перейра. — Если помнишь, мы с ней время от времени бывали вместе, пока она не ушла к тебе. Может быть, что-то в ней мне понятно даже лучше, чем тебе. Я не хочу сказать, что ты бесчувственный, Борис, но женщин ты понимаешь плоховато. Мне бы очень хотелось, чтобы вам было хорошо вдвоем. Могу я чем-то помочь?

— Все дело в том, что она не желает принимать препараты против старения. Ни Урхо Латвала, ни я — мы никак не

можем уговорить ее. Может быть, я, конечно, и переусердствовал. Теперь она со мной даже разговаривать не хочет. — Федоров заговорил тише и печальнее, продолжая смотреть на зеленые листья. — Понимаешь, я ведь ее никогда... не любил. Да и она меня тоже. Но мы привыкли друг к другу, она мне нравится. Я хочу сделать для нее все, что в моих силах. Но что я могу?

— Она молодая женщина, — сказал Перейра. — Сейчас она перевозбуждена, и поэтому всякое напоминание о возрасте может вызывать у нее бурный протест. Ей не хочется стареть и умирать.

Федоров резко развернулся к биологу:

— Она не дуручка! Она должна прекрасно понимать, что это лечение обязательно для всех людей зрелого возраста — иначе у нее климакс наступит на пятьдесят лет раньше, чем положено. А она твердит, что ей только этого и надо!

— Почему?

— Хочет умереть до того, как выйдут из строя химические и экологические системы. Ты им сроку дал пятьдесят лет, верно ведь?

— Да. Медленно, но верно они будут сдавать. Если мы до тех пор не разыщем подходящую планету...

— Но она остается убежденной христианкой, противницей самоубийства, — сказал Федоров и поежился. — Мне такая перспектива тоже не по душе. Да и кому она может понравиться? А она отказывается верить, что конец не неизбежен, — такой конец, о котором она думает.

— Подозреваю, — задумчиво проговорил Перейра, — что больше всего ее страшит мысль о том, что она умрет бездетной. Она как-то, помнится, придумывала имена для всех своих многочисленных детишек.

— Хочешь сказать... Погоди, дай подумать. Черт подери, выходит, прав был Нильссон... Он как-то на днях ворчал насчет того, что мы никогда не найдем дома. Вынужден признать, жизнь при таких мыслях кажется совершенно бессмысленной.

— Вот-вот. А для Маргариты — особенно. И, глядя в пустоту, в безысходность, она сдалась и — подсознательно, конечно, — избрала для себя единственно возможную форму самоубийства.

— Но что же делать, Луис? — обреченно воскликнул Федоров.

— Если бы капитан отдал приказ об обязательности такого лечения... Ведь это резонно, если на то пошло. Представь, если мы все-таки, несмотря ни на что, высадимся на какую-нибудь

планету, каждой женщине придется рожать и как можно больше.

— Еще одно правило! — вспыхнул инженер. — Чтобы Реймонт поволок ее к врачу? Нет уж, уволь!

— Не стоит тебе так злиться на Реймонта, — попытался успокоить Перейра Федорова. — Положение у вас с ним одинаковое. Вы больше не соперники.

— Я его прикончу когда-нибудь!

— Ну, это ты хватил! — рассмеялся Перейра. — Ты романтик, Борис, а он — воплощение прагматизма.

— Ну ладно, а что бы он мог сделать с Маргаритой? — ворчливо спросил Федоров.

— Ну, не знаю... Что-нибудь несентиментальное. Мог бы, к примеру, организовать бригаду по ремонту и модификации биосистем и аппаратуры для обеспечения органических циклов — тогда корабль бы протянул дольше и она успела бы родить, скажем, двоих детей...

Перейра умолк. Мужчины довольно долго смотрели друг на друга, а в мыслях у обоих было: «А почему бы и нет?»

Мария Тооманен вбежала в спортивный зал. Иоганн Фрайвальд разминался на трапедии.

— На помощь! — крикнула она, вся дрожа. — В игровой комнате драка!

Фрайвальд соскочил на пол и побежал по коридору. Из комнаты для игр доносились шум, громкие крики. Вбежав туда, Фрайвальд увидел примерно десяток свободных от вахты членов экипажа. Они выстроились кружком. Фрайвальд всех растолкал и протиснулся вперед. Дрались второй пилот Педро Барриос и кок Майкл О'Доннел. Пока что они еще не успели нанести друг другу серьезных травм, но выглядело все ужасно.

— Прекратите! — крикнул Фрайвальд.

Драчуны остановились. Весь экипаж уже знал, что Реймонт обучил своих помощников всяким хитрым приемам.

— Что за шутки? — сурово спросил Фрайвальд и, обернувшись к зевакам, укоризненно проговорил: — А вы что, не могли их разнять? Неужели вы так глупы, что не понимаете, до чего могут довести подобные выходки?

— До сих пор меня никто не называл шулером! — тяжело сопя, крикнул О'Доннел.

— А я говорю, что ты шулер! — рывкнул Барриос.

И они снова бросились друг на друга, но Фрайвальд успел вмешаться. Он ухватил воротники рубашек обоих драчунов,

перекрутил ткань и нажал кулаками на кадыки. Оба забияки сразу обмякли. Фрайвальд добавил для верности каждому по паре «фумикомы». Драчуны застонали от боли и согнулись пополам.

— Лучше бы надели боксерские перчатки да поколотили друг друга на ринге, — буркнул Фрайвальд. — А теперь пойдете со мной к первому помощнику.

— Гм-м-м, прошу прощения, — проговорил кто-то за спиной Фрайвальда. Из сбившейся в кучку группы зевак вышел стройный, энергичный молодой человек — картограф Пхра Такх. — Думаю, это не нужно.

— А я думаю, что это не ваше дело, — буркнул Фрайвальд.

— Это мое дело, — возразил Такх. — Самое главное сейчас — наше единство. А от официальных мер толку не будет. Я друг обоих этих людей. И, думаю, сумею помирить их.

— Если мы перестанем уважать законы, мы погибнем, — ответил Фрайвальд. — Я уведу их.

Такх предложил:

— Можно мне хотя бы сначала переговорить с вами с глазу на глаз? Буквально минутку.

В голосе его звучала неподдельная тревога, и Фрайвальд не смог отказать картографу.

— Ну... хорошо, — кивнул он. — А вы, — строго сказал он драчунам, — оставайтесь здесь.

Он вошел с Такхом в игровую комнату и закрыл дверь.

— Не могу же я все так оставить, — объяснил Фрайвальд, — отпустить их, после того как они оказали мне сопротивление. После того как капитан Теландер наделил нас, помощников констебля, официальными полномочиями, мы действуем на благо экипажа. Вы гляньте сюда, юноша, — и Фрайвальд, спустив носок, продемонстрировал кровоподтек на лодыжке.

— Ну и что? — не унимался Такх. — Неужели нельзя забыть про этот синяк? Сделайте вид, что вы ничего не заметили. Они неплохие парни. Просто дуреют от однообразия, бессцельности, постоянного напряжения — все ведь только о том и думают, уцелеем мы или врежемся снова во что-нибудь, типа звезды.

— Если мы начнем позволять кому-то безнаказанно дубасить друг друга... — гнул свое Фрайвальд.

— Ну а если я их взял и разнял? Если они, скажем, извинятся перед вами? Разве это будет не лучшим уроком для них, чем арест и наказание?

— Может быть, и так, — скептически пробурчал Фрайвальд. — Но с какой стати я должен верить, что все это вам удастся?

— А с такой, что я точно такой же помощник констебля, как и вы.

— Что? — выпучил глаза Фрайвальд.

— Встретите Реймонта — спросите у него, но наедине. Я никому не должен говорить, что я его помощник, и сказать об этом могу только помощнику официальному, вроде вас, в экстренной ситуации. Насколько я понимаю, сейчас именно такая ситуация.

— Aber...* Почему? — недоуменно пробормотал Фрайвальд.

— Реймунту и самому то и дело приходится сталкиваться с непослушанием, сопротивлением и уклонением, — пояснил Такх. — У его добровольных явных помощников, таких, как вы, Фрайвальд, трудностей меньше. Вам не приходится делать грязную работу. И все равно по отношению к вам складывается недружелюбие и сопротивление, и уж, конечно, никто не станет вам доверять чего-то такого, что, как ему кажется, может не понравиться Реймунту. Я... я не шпион. Да и серьезных преступлений у нас пока что, на счастье, не бывало. Я должен изо всех сил стараться умирять всякие ссоры. Как сегодня, к примеру.

— А я думал, вам Реймонт не нравится, — растерянно проговорил Фрайвальд.

— Я бы и теперь так не сказал, — честно признался Такх. — Но он, так или иначе, сумел меня убедить, что я могу поработать на общее дело. Надеюсь, вы не станете выдавать тайну?

— О нет. Нет, конечно. Даже Джейн не скажу. Ну и дела!

— Так вы позволите мне разобраться с Педро и Майклом?

— Да, займитесь этим. И сколько же у Реймонта еще таких тайных агентов, интересно?

— Понятия не имею, — пожал плечами Такх. — Но подозреваю, что он надеется подключить многих к этой работе.

Картограф кивнул Фрайвальду и вышел.

* Но (нем.).

Облачные массы в центре галактики производили впечатление суровых громадных грозовых туч. «Леонора Кристи́н» добралась уже почти до самой их границы. Впереди не было видно ни единой звезды, да и по разные стороны от корабля с каждым часом их становилось все меньше и горели они все слабее.

Здесь, где концентрация звездной пыли была так велика, корабль передвигался благодаря совершенно фантастическому виду аэродинамики. Показатели обратного тау достигли поистине головокружительных цифр, а потому плотность пространства для корабля не имела почти никакого значения. Наоборот, корабль еще более жадно, чем прежде, пожирал материю и больше не ограничивался только атомами водорода. Модифицированные селекторные установки обращали все, что им только попадалось: газы, пыль, метеориты — в топливо и материал для реакции. Кинетическая энергия и временной дифференциал бешено ползли вверх. Создавалось впечатление, будто безумный порыв ветра несет «Леонору Кристи́н» между скоплениями солнц.

Несмотря на то что переборки сильно дрожали, время от времени обшивку корабля сотрясали удары, свидетельствовавшие о том, что плотность пространства, которое пересекает корабль, постоянно меняется; казалось, все идет, как задумано, и все-таки Реймонт зачем-то пригласил Нильссона в кабинет Линдгрена.

Линдгрена, одетая в форму, восседала на своем месте за письменным столом. Она заметно похудела, вокруг глаз легли темные тени.

— Неужели нельзя было подождать, пока мы не переберемся через эти преграды, констебль? — спросила Линдгрена сердито и устало.

— Думаю, нельзя, мадам, — ответил Реймонт. — Если случится что-то непредвиденное, мы должны быть уверены, что на людей можно положиться.

— Вы обвиняете профессора Нильссона в том, что он сеет смуту. Но наш устав предусматривает свободу слова.

Нильссон поерзал на стуле, и стул жалобно скрипнул.

— Я ученый, — сварливо проговорил астроном. — И обладаю не только правом, но и обязанностью говорить то, что думаю.

Линдгрена неприязненно поглядела на Нильссона. Астроном жутко опустил плечи. Щеки его покрывала неровная грязная ще-

тина, он явно давно не мылся, одежда на нем была нестираная и мятая.

— Однако у вас нет никакого права распространять страшные истории, — возразил Реймонт. — Разве вы не замечали, какое впечатление ваши рассказы производят на некоторых женщин, когда вы разглагольствуете за столом? Именно поэтому я был вынужден вмешаться. К сожалению, вы этим уже давно занимаетесь, Нильссон.

— Я всего-навсего говорю вслух о том, что все прекрасно знают давным-давно, — буркнул астроном. — Просто другие боятся говорить, а я — нет.

— Получается, что у всех хватает тактичности молчать, а у вас — нет.

— Не надо оскорблений, — вмешалась Линдгрэн. — Расскажите мне по порядку, что произошло.

Линдгрэн в последнее время не ходила в столовую и ела в своей каюте, ссылаясь на занятость, и в свободное от вахты время ее мало кто видел.

— Вы отлично знаете что, — начал Нильссон. — Мы эту тему затрагивали периодически.

— Какую тему? — спросила Линдгрэн. — Тем у нас много, и разговариваем мы о многом.

— Вот именно, разговариваем, — подхватил Реймонт. — А не читаем лекции товарищам, многие из которых совсем пали духом.

— Прошу вас, констебль. Продолжайте, профессор Нильссон.

Астроном надулся от важности.

— Все элементарно. Просто поражаюсь, неужели вы все такие тупицы, что до сих пор не придали этому серьезного значения! Вы слепо верите в то, что мы притормозим в скоплении Девы и найдем там подходящую для высадки планету. Но, скажите на милость, как нам это удастся? Вы только задумайтесь о тех требованиях, которые мы предъявляем к обитаемой планете! Масса, температура, излучение, атмосфера, гидросфера, биосфера... при самом удачном стечении обстоятельств только у одной из сотни звезд может найтись планета, хотя бы приблизительно напоминающая Землю.

— Так... — проговорила Линдгрэн. — Ну конечно...

Но Нильссон вовсе не собирался сдавать своих позиций. Пожалуй, он даже не расслышал Линдгрэн. Кусая ногти, он продолжал:

— Если обитаемые планеты есть только у одной сотой из звезд, представляете ли вы, сколько же их нам надо исследо-

вать, чтобы найти ту, единственно необходимую нам? Я вам скажу, сколько: пятьдесят. Я думал, такие подсчеты может произвести любой из тех, кто находится на корабле. Безусловно, нам может сказочно повезти, и мы с первой же попытки напоремся, так сказать, на Новую Землю. Но шансы — один против девяноста девяти. Несомненно, пытаться придется не один раз. Теперь: обследование каждой из звезд займет много времени. Каждый раз придется тратить на торможение что-то около года. И еще столько же — на ускорение, если придется лететь дальше. И это именно годы, годы по корабельному времени, поскольку все это время нужно будет лететь со скоростью, мизерной по сравнению со скоростью света, то есть при тау, близком к единице, что, в свою очередь, не позволит нам сохранять на корабле нормальную силу тяжести.

Следовательно, на каждую звезду нам придется тратить не меньше двух лет. И средняя вероятность, о которой я говорил, — всего лишь средняя, напоминая, поскольку мы запросто можем и не обнаружить Новую Землю среди первых пятидесяти звезд, — так вот, при этой средней вероятности нам потребуется потратить на поиски сто лет. Но на самом деле — гораздо больше, потому что время от времени мы будем вынуждены останавливаться и активно пополнять запасы вещества для реакции. Хоть обейся лекарств против старения, все равно нам более века не прожить.

А потому вся наша затея, весь тот риск, которому мы себя подвергаем, мотаясь по дебрям галактики, все это — только упущения в бесплодности. *Quod erat demonstrandum**

— У вас уйма отвратительных привычек, Нильссон, — не выдержал Реймонт, — и в частности, бубнить себе под нос.

— Мадам! — возмущенно выдохнул астроном. — Я простую! Я подаю жалобу! Это оскорбление личности!

— Прекратите! — приказала Линдгрэн. — Прекратите оба. Должна признать, что вы ведете себя вызывающе, профессор Нильссон. Но и вам я должна сделать замечание, констебль, и напомнить вам, что профессор Нильссон — один из самых выдающихся в своей области ученых на Земле... вернее, был когда-то. Он заслуживает уважения.

— Во всяком случае, поведение его у меня уважения не вызывает. И запах тоже, если на то пошло.

— Констебль, сохраняйте тактичность, либо мне придется вас наказать, — сердито проговорила Линдгрэн. — Унижать людей вам никто права не давал. Мы пленники простран-

* Что и требовалось доказать (лат.).

ства и времени; мир, который мы покинули, уже сто лет как погребен, мы почти вслепую пробираемся по самой жуткой части галактики, в любое мгновение мы можем столкнуться с чем-то таким, что нас уничтожит, а в лучшем случае нам суждено еще не один год протомиться в замкнутой среде. Разве не естественно, что люди реагируют на такие вещи? Понимаете вы это или нет?

— Понимаю, мадам, — кивнул Реймонт. — Но не понимаю другого: неужели оттого, что люди ведут себя дурно, все станет лучше?

— Тут вы правы, — согласилась Линдгрэн.

Нильссон вздернул подбородок, но потом обмяк и проговорил уныло:

— Если хотите, я говорил так, только чтобы потом у людей не было горького разочарования.

— А вы уверены, что при этом не тешили заодно собственное «я»? — со вздохом спросила Линдгрэн. — Ну да ладно. Ваша точка зрения оправданна.

— Вовсе нет, — возразил Реймонт. — Профессор выводит свой один процент, считая все звезды. Но ведь мы же не станем, например, учитывать красные карлики — а их большинство — или голубые гиганты, да и множество звезд, по параметрам свечения не укладывающихся в сравнительно узкую часть спектра. Тем самым масштабы поиска значительно сужаются.

— Можете свести фактор вероятности к одному из десяти? — буркнул Нильссон. — Лично мне в такое верится слабо. Но хорошо, давайте предположим, что вероятность будет именно такова. Все равно нам придется обследовать пять звезд из десяти. Сколько получится? Десять лет. А скорее — двадцать, если предусмотреть все условия. Самые юные из нас успеют здорово постареть. За это время многие утратят репродуктивную способность и наследственность пострадает, что приведет к снижению банка генов, а он у нас и сейчас невелик. Если нам придется ждать несколько десятилетий до того блаженного момента, когда можно будет родить детей, мы попросту никаких детей родить не сможем. Мало кому из них будет суждено достичь сознательного возраста к тому времени, как их родители станут беспомощными стариками. В любом случае нам не протянуть дольше трех-четырех поколений. Видите, я и в генетике кое-что понимаю. — Астроном уже без всякой напыщенности закончил: — Я вовсе не хотел кого-то обидеть или задеть чьи-то чувства. Я хотел помочь показать вам, что ваша мечта о колонии первооткрывателей, о новом ядре человечества

в другой галактике — это всего лишь детская фантазия, и ничего больше.

— У вас есть альтернатива? — спросила Линдгрэн.

Щеки Нильссона судорожно задержались.

— Никаких альтернатив, кроме реального взгляда на происходящее, — выдавил он. — Трезвое осознание суровой правды: нам никогда не суждено покинуть этот корабль. И то, что вести себя мы должны в соответствии с правдой.

— А потому вы засучив рукава взялись за работу? — проворчал Реймонт.

— Мне не нравится, как вы об этом говорите, сэр, но я понял, что конструировать аппаратуру для длительного полета совершенно бессмысленно. Лететь нам, по большому счету, некуда, так какая разница? Даже предложения Федорова и Перейры насчет продления срока действия системы жизнеобеспечения меня не воодушевляют.

— Но, надеюсь, вы понимаете, — сказал Реймонт, — что примерно для половины людей согласие с вашей точкой зрения означает не что иное, как самоубийство?

— Возможно, — пожал плечами Нильссон.

— И вы сами настолько ненавидите жизнь? — спросила Линдгрэн.

Нильссон приподнялся, но тут же снова сел и что-то забормotal.

Реймонт, к удивлению старшего помощника и астронома, сменил гнев на милость:

— Профессор, я пригласил вас не только для того, чтобы положить конец вашим мрачным прогнозам. Гораздо больше мне хотелось бы узнать, почему вы упорно отказываетесь думать о том, как можно было бы повысить наши шансы на спасение.

— Интересно, как это их можно повысить?

— Это я от вас хочу услышать. Вы специалист, эксперт. Насколько я помню, на Земле вы возглавляли группу астрономов, которой удалось обнаружить порядка пятидесяти планетарных систем. Больше того, вам удалось выявить и отдельные планеты, определить их характеристики — и все это на расстоянии множества световых лет. Почему же вы не можете ради нас выполнить подобные исследования?

Нильссон фыркнул:

— Смешно! Похоже, придется на пальцах объяснять азбучные истины. Согласны выслушать меня, старший помощник? И вы слушайте внимательно, констебль... Безусловно, с помощью крупного телескопа можно рассмотреть на расстоянии в не-

сколько парсеков космический объект величиной с Юпитер. При условии, что объект хорошо освещен, но при этом не теряется в лучах ближайшего к нему светила. Безусловно, с помощью математического анализа данных пертурбации, полученных за несколько лет, можно приобрести кое-какие сведения о планетах, расположенных вблизи светила, — таких планетах, которые слишком малы для того, чтобы их можно было сфотографировать. Неточности в уравнениях до некоторой степени могут быть ликвидированы за счет тщательного интерферометрического изучения всплеск звезды — на эти циклы планеты оказывают кое-какое, хоть и малозначительное влияние. Но! — Нильссон увлекся и ткнул Реймонта в грудь указательным пальцем. — Вы просто не представляете себе, насколько неточны получаемые в итоге результаты. Журналисты, конечно же, принимают за трезвонить, что обнаружена новая планета, жутко похожая на Землю. Но на самом деле это всего лишь вольная интерпретация полученных нами данных. Одно из многочисленных вероятных распределений размеров планет и параметров орбит. Да еще и с погрешностями. И все это — при помощи самых крупных и самых точных инструментов на Земле, то есть таких, какими мы здесь не располагаем, да и собери мы их — нам негде было бы их разместить.

Так что даже на Земле единственным способом получения детальной информации о планетах за пределами Солнечной системы служили полеты автоматических станций, а позднее — кораблей с людьми на борту. В нашем случае существует единственная возможность проведения исследований: торможение с целью проведения непосредственного наблюдения, после чего, как я убежден, — продолжение пути. Ведь нельзя забывать о том, что планета, которая может показаться во всех отношениях идеальной, на самом деле оказывается либо стерильной, либо имеет такую оригинальную биохимию, что жить на ней невозможно, а то и того хуже — смертельно опасно.

Поэтому советую вам, констебль, слегка проштудировать учебники или хотя бы обзавестись толикой здравого смысла и реализма. Ясно? — закончил тираду Нильссон с видом триумфатора.

— Профессор... — начала было Линдгрэн.

Констебль загадочно улыбнулся.

— Не волнуйтесь, мадам, — сказал Реймонт. — Драки не будет. Он меня несколько не унизил. Хотите верьте, хотите нет, — продолжал констебль, не спуская глаз с Нильссона, — а я знал, что вы нам скажете. Кроме того, я знал, что вы —

человек способный или, по крайней мере, были таким когда-то. На вашем счету — уйма всяческих новшеств, с помощью которых сделана такая же уйма открытий. И откуда мы не забавлялись, вы делали для нас важную и тонкую работу. Так почему же вам не поломать голову над теми проблемами, что стоят перед нами?

— Может, вы снизойдете настолько, что изложите суть проблемы? — съязвил Нильссон.

— Я не ученый и даже не техник, — возразил Реймонт. — И все-таки некоторые вещи для меня очевидны. Представим, что мы попали в ту галактику, к которой стремимся. Подлетели мы к ней при крайне низких значениях тау, и все-таки они таковы, что... ну, словом, можно взять любые, какие захочется, лишь бы было удобно. Скажем... десять в степени минус три. Получается, что у вас... вполне достаточно времени для наблюдений. За недели, месяцы по корабельному времени вы сумеете собрать о конкретной звезде больше информации, чем о любой соседке Солнца. Позволю себе предположить, что вы могли бы изыскать метод, основанный на релятивистских эффектах, который помог бы вам получить сведения, для земных астрономов попросту недоступные. Ну и, конечно же, вы сумеете наблюдать сразу за многими звездами класса Солнца одновременно. Следовательно, вы неизбежно обнаружите и докажете с помощью точнейших расчетов, не оставляющих ни малейшей почвы для сомнений, что у некоторых из этих звезд имеются планеты, массой и параметрами орбиты сходные с Землей.

— Допустим. Но все равно останутся такие вопросы, как состав атмосферы, природа биосферы... Так или иначе потребуются исследование на близком расстоянии.

— Конечно, конечно. Но надо ли будет ради этого останавливаться всякий раз? Представим, что вместо этого мы прокладываем курс таким образом, что он захватывает наиболее многообещающие солнца, но мы при этом продолжаем двигаться со скоростью, близкой к световой. По космическому времени на каждую интересующую нас планету мы потратим от нескольких часов до нескольких дней. Какие угодно методы — спектроскопия, термоскопия, фотография, магнитоскопия — список продолжите сами. В итоге мы получим довольно подробное представление об условиях на поверхности — как физических, так и биологических. Мы сумеем исследовать параметры термодинамического неравновесия, спектр отражения хлорофилла, аспекты поляризации за счет присутствия популяций микробов, продуцирующих определенные аминокис-

лоты... словом, полная информация, на основании чего можно будет с уверенностью определить, пригодна ли планета для обитания. При низких показателях тау мы сумеем исследовать большое число планет за мизерное по нашим часам время. Ну, то есть не мы сами, конечно, — львиную долю работы выполнят за нас приборы, автоматика. А потом, когда мы обнаружим подходящую планету, мы можем вернуться к ней. Согласен, на это уйдет года два. Но *такие* два года пережить можно. Ведь мы будем знать, что нас ждет дом.

Бледное лицо Линдгрена озарилось легким румянцем. Глаза ее вспыхнули, оживились.

— Господи! — вырвалось у нее. — Почему же ты молчал об этом раньше?

— Приходилось думать о другом, — ответил Реймонт. — А вот вы почему молчите, профессор Нильссон?

— Потому что вся затея абсурдна, — буркнул Нильссон. — Вы предполагаете наличие приборной базы, которой у нас просто нет.

— Разве нельзя такие приборы собрать? Инструментов хватает, у нас есть точные станки, детали, специалисты-профессоры высочайшего класса. На самом деле ваша команда уже добилась кое-каких успехов.

— Но вы же требуете такой скорости и точности исследований... Это на несколько порядков превышает прежнюю эффективность!

— И что?! — удивился Реймонт. Нильссон и Линдгрэн смотрели на него. — И что, неужели мы так-таки неспособны собрать такую аппаратуру? — спросил Реймонт изумленно. — Не здесь ли собрался весь цвет научной мысли? Ну хорошо, чего-то наши ученые могут не знать, согласен, но недостающие сведения можно почерпнуть из микрофильмов — их у нас полным-полно, там собраны сведения из смежных областей науки.

Допустим, например, что Эмма Глассголд и Норберт Вильямс примутся за совместную работу и выработают принципиальную схему прибора для выявления и исследования биологических форм жизни на расстоянии. В случае необходимости они могут консультироваться с другими специалистами. Мало-помалу к ним присоединятся физики, электронщики, а на финишном этапе конструирования и сборки — еще масса ученых. А вы, профессор Нильссон, тем временем возглавите группу, занимающуюся изготовлением аппаратуры для дистанционной планетографии. На самом деле вы — именно тот человек, который мог бы возглавить весь проект целиком.

Послушайте! — воскликнул Реймонт так легко и радостно, словно с плеч его свалилась тяжкая ноша. — Да ведь это именно то, что нам нужно! Важное, увлекательное дело, требующее от каждого полной отдачи. Даже те, кто не будет занят в проекте непосредственно, смогут оказать посильную помощь — ассистенты, чертежники, рабочие. Наверное, придется переоборудовать грузовую палубу под цех... Ингрид, мы же не только наши жизни спасем, мы спасемся от безумия!

Реймонт вскочил. Линдгрэн тоже встала, и они схватили друг друга за руки.

Только потом они вспомнили о Нильссоне. Он сидел ссутулившись, хмурый, нервно дрожал.

Линдгрэн в тревоге бросилась к нему.

— Что с вами?

— Немыслимо, — пробормотал Нильссон, не поднимая головы. — Невозможно.

— Все нет! — воскликнула Линдгрэн. — Никто не требует от вас, чтобы вы открывали новые законы природы. Основные принципы работы — такие же, как были всегда.

— Да, но вы требуете их применения в совершенно неслыханной области! — вскрикнул Нильссон и закрыл лицо руками. — Господи, помилуй меня! — прошептал он в полном отчаянии. — Я разучился думать...

Линдгрэн и Реймонт, стоя рядом с Нильссоном, обменялись взглядами. Линдгрэн беззвучно пошевелила губами. Когда-то Реймонт научил ее этой маленькой хитрости — читать слова по губам.

— А без него у нас получится? — прочитал Реймонт ее слова.

— Вряд ли. Лучшего руководителя проекта не найти. По крайней мере, без него шансов преуспеть намного меньше.

Линдгрэн зашла за спину Нильссона, обняла астронома за плечи.

— Ну что за беда? — спросила она заботливо.

— Никакой надежды не осталось, — вскрикнул Нильссон. — Жить не для чего.

— Есть!

— Вы же знаете, наверное... Джейн ушла от меня... несколько месяцев назад. А другая... Нет других и быть не может... Так ради чего... Что мне осталось?

— Стало быть, — одними губами проговорил Реймонт, — вот в чем причина. Жалость к себе.

Линдгрэн нахмурилась и покачала головой.

— Нет, Элоф, вы ошибаетесь, — пробормотала она. — Вы... Ты нужен всем нам. Разве мы стали бы просить тебя о помощи, если бы не ценили тебя так высоко?

— Не меня, — покачал головой Нильссон. — Мои мозги. Давайте уж начистоту. — Он выпрямился и в упор уставился на Линдгрэн покрасневшими глазами. — Ум мой вам нужен. Мои советы. Мои знания и талант. Для себя. Но я-то сам на что вам сдался? Может, вы меня за человека считаете? Нет! Для вас я всего-навсего грязный старый Нильссон. Что с ним нежничать? Стоит ему рот открыть, как каждый тут же находит тысячу причин удрать. Никто его в гости не зовет. Ну, в крайнем случае позовут четвертым в бридж или спросят насчет того, как лучше придумать такой-то и такой-то прибор. И что же можно ждать от такого? Работы? Творчества, так сказать? Увольте!

— Это неправда!

— О, не надо, я не ребенок, — поморщился Нильссон. — И если-бы это было в моих силах, я бы помог вам. Но голова у меня не работает, я же говорю! За последние недели мне ни одной свежей мысли не пришло! Можете считать, что меня сковал страх смерти. А можете назвать это разновидностью импотенции. Как хотите — так и называйте. Вам ведь все равно. Никто не желает дружить со мной, приглашать в компанию, ничего не хочет... Меня бросили одного в темноте, на холоде. Так что же удивляться тому, что у меня мозги окаменели?

Линдгрэн отвела взгляд. Когда она снова посмотрела на Нильссона, лицо ее было спокойно.

— Просто не могу выразить, как мне стыдно, Элоф. Но ты и сам во многом виноват. Ты вел себя так... так эгоистично, казался таким самодовольным, что все посчитали, будто тебе никто не нужен. Ольге Собески, к примеру, наоборот. Ей одиноко. Потому она и переехала ко мне. А когда ты объединился с Гуссейном Садеком...

— Садек... — проворчал Нильссон. — Да он ни разу штору не отодвинул. Вот только беда — звукоизоляция у нас неважнецкая. Я все слышу, что он там с девочками вытворяет.

— Тогда понятно, — улыбнулась Линдгрэн. — Если честно, Элоф, мне тоже так жить надоело.

Нильссон буркнул что-то неопределенное.

— Пожалуй, нам надо побеседовать наедине, — сказала Линдгрэн. — Ты... вы не против, констебль?

— Нет, — покачал головой Реймонт. — Конечно, не против. — И вышел из кабинета.

«Леонора Кристин» промчалась сквозь ядро галактики за двадцать тысяч лет. На борту корабля за это время минуло несколько часов. Это были страшные часы: обшивка стонала и трещала от перегрузок. На экране внешнего обзора беспросветная темнота сменялась дымкой — сверкающей, слепящей, созданной скоплениями бесчисленных звезд. Возможность столкнуться со звездой не исключалась: она, скрытая от глаз за плотной завесой галактической пыли, могла в любой миг оказаться прямо перед кораблем. Что при таком столкновении ожидало звезду, сказать было трудно. Вероятно, она могла бы стать сверхновой. А что ожидало корабль? Он мог погибнуть так быстро, что его пассажиры даже не успели бы этого заметить. Но, с другой стороны, корабль сейчас пролетал по такой области галактики, где обратное тау возросло до таких величин, что они не поддавались определению.

Передышка наступила только тогда, когда корабль пересекал участок пустого пространства в центре — тут было затишье, как в середине циклона. Фоксе-Джемисон смотрел в окуляр вьюера и видел множество солнц — красных, белых, нейтронных карликов... таких, что были вдвое-втрое старше Солнца и его соседей, и таких, что казались совершенно не похожими на те, что он когда-либо видел раньше, и чуть не плакал.

— Непостижимо! Просто издевательство! Прямо под рукой — ответы на миллионы вопросов, и ни единого прибора для исследования!

Его товарищи печально усмехнулись. Кто-то съязвил:

— А где, интересно узнать, ты бы опубликовал результаты наблюдений?

Как ни странно, возродившаяся надежда на лучшее частенько давала себе выход в виде такого вот черного юмора.

А на совещании, куда Будро пригласил Теландера и Реймонта, было не до шуток. Совещание это произошло вскоре после того, как корабль преодолел туманность по другую сторону от ядра галактики и понесся в обратном направлении по той же спирали, по которой летел к центру. «Леонора Кристин» оставила позади нечто, напоминающее пульсирующую шаровую молнию, а впереди простиралась сгущающаяся тьма. И все же, если можно так выразиться, подводные камни были преодолены, и путешествие к галактикам, в области которых предполагалось скопление Девы, должно было занять всего лишь несколько месяцев по корабельному времени. Программу ис-

следований и разработки новой аппаратуры почти все восприняли с самым горячим энтузиазмом. Кое-кто даже собрался отметить окончание ответственного этапа в столовой — с вином и музыкой. Взрывы хохота прерывались звучными трелями аккордеона, на котором мастерски играл корабельный врач Урхо Латвала. Отзвуки веселья долетали до капитанского мостика.

— Наверное, надо было дать вам повеселиться вместе с остальными, — извиняющимся тоном начал Будро. Черная борода обрамляла его болезненно-пожелтевшее лицо. — Но дело в том, что Мохандас Чидамбаран передал мне результаты расчетов, которые провел сразу же, как мы выскочили из ядра. Он решил, что будет лучше, если я просмотрю расчеты и сделаю какие-то практические выводы... как будто у меня есть сборник правил по межгалактической навигации! Теперь он засел в своей каюте и предается медитации. А я, как только вышел из ступора, решил немедленно посоветоваться с вами.

Капитан Теландер нахмурился и приготовился к новому удару судьбы.

— Каковы результаты? — сухо поинтересовался он.

— И в чем вообще дело? — уточнил Реймонт.

— Дело в плотности пространства впереди нас, — ответил Будро. — Внутри нашей Галактики, между галактиками, между скоплениями галактики. При теперешних показателях тау частотный сдвиг радиоэмиссии нейтрального водорода таков, что приборы, уже собранные бригадой астрономов, обретают беспрецедентную точность.

— И что же они говорят?

Будро обхватил себя руками.

— Концентрация межзвездного газа падает медленнее, чем мы ожидали. При тех показателях тау, какие у нас будут, когда мы распрощаемся с нашей Галактикой — Млечным Путем — через двадцать миллионов световых лет, то есть на полпути к скоплению Девы... данные, конечно, приблизительные, но все равно будет еще опасно отключать силовые поля.

Теландер прикрыл глаза.

Реймонт резко произнес:

— Таковую возможность мы уже обговаривали. Мы не исключали вероятность того, что даже в промежутке между двумя скоплениями нам не удастся произвести ремонтные работы. Из-за этого, в частности, Федоров и Перейра хотят модифицировать систему жизнеобеспечения, продлить срок ее деятельности. Вижу, что у тебя есть другое предложение.

— То самое, о котором мы не так давно толковали, — сказал Будро, глядя на капитана.

Реймонт ждал.

Будро объяснил ему бесстрастным голосом профессионала:

— Еще несколько столетий назад астрономы установили, что скопления или семейства галактик, подобные нашему, не являются высшей формой организации звезд. Группы из одного-двух десятков галактик, в свою очередь, образуют еще более крупные сообщества. Сверхсемейства, что ли...

Реймонт издал короткий смешок.

— Может быть, их стоит назвать кланами?

— А что? Весьма подходящий термин. И правда, клан состоит из нескольких семейств. Ну так вот. Среднее расстояние между членами семейства составляет что-то около миллиона световых лет. Среднее расстояние от одного семейства до другого, естественно, намного больше — порядка пяти—десяти миллионов световых лет. Мы планировали покинуть наше семейство и направиться к ближайшему — тому, в которое входит Дева. Оба они относятся к одному и тому же клану.

— А нам, — кивнул Реймонт, догадываясь, к чему клонит навигатор, — придется, в том случае, если мы не сумеем затормозить, покинуть не только собственное семейство, но и весь клан в придачу.

— Боюсь, что дела обстоят именно так, — вздохнул Будро.

— И далеко до следующего клана?

— Не могу сказать. Давно не заглядывал в астрономические журналы. В последнее время они не слишком регулярно поступают, верно?

— Ближе к делу, — попросил Теландер.

— Прошу прощения, капитан, — спохватился Будро. — Признаю, шутка дурацкая. — Навигатор снова заговорил серьезно: — Чидамбаран считает, что этого никто не знает наверняка. Концентрация скоплений галактик резко падает на расстоянии примерно в шестьдесят миллионов световых лет от того места, где мы сейчас находимся. Дальше — пустота. Ближайшее скопление — примерно в миллионе световых лет, по приблизительным расчетам Чидамбарана, или чуть меньше. Безусловно, в промежутке между кланами пространство пребывает в состоянии, настолько близком к абсолютному вакууму, что там нам не понадобится никакая защита.

— Можем мы дотуда добраться? — спросил Реймонт.

На лбу у Будро выступили капельки пота.

— Опасность очевидна, — сказал он. — Мы углубимся в неизвестность намного сильнее, чем когда-либо мечтали. Ни ориентиров, ни точек отсчета. Нам потребуется такое тау...

— Минутку, — прервал его Реймонт. — Позволь, я попробую описать положение с точки зрения дилетанта, чтобы удостовериться, что я тебя правильно понимаю.

Реймонт умолк и потер подбородок так яростно, что вышел звук, похожий на тот, что бывает, когда дерево зачищают наждаком. Констебль нахмурился и наконец изложил свои мысли:

— Мы должны добраться... не просто до промежутка между семействами, а выйти в пространство между отдельными кланами. Следовательно, мы должны довести показатели тау до одной миллиардной или что-то в этом духе. Способны мы сделать это? Скорее всего, да, иначе бы ты вообще об этом не говорил. Догадываюсь, что способ проложить курс по нашему семейству с захватом как минимум еще одного галактического ядра существует. Существует и способ преодолеть еще одно звездное семейство — будь то скопление, в которое входит Дева, или какое-то другое. Короче говоря, надо пересечь как можно больше отдельных галактик и при этом непрерывно наращивать ускорение.

И как только наш клан останется позади, мы сумеем произвести ремонт. Потом нам потребуется точно такое же время на торможение. Тау будет на нижнем пределе, пространство страшно разреженное, нам не удастся стартовать. Материала для запуска горелок там будет недостаточно, информации для навигации — практически никакой. Остается только надеяться, что мы преодолеем следующий клан.

Но нам должно это удалиться! Хотя бы чисто статистически! Но путь затянется.

— Все верно, — подтвердил Теландер. — Вы все поняли правильно.

А наверху пели:

Но на родных берегах Лох-Ломонда
Мне с любимой не встретиться вновь.*

— Ну что же... — задумчиво проговорил Реймонт. — На мой взгляд, ничего страшного. Обычный порочный круг.

— Ты о чем? — нахмурился Будро.

Реймонт пожал плечами.

* Лох-Ломонд — озеро в Шотландии.

— Нам нужны такие показатели тау, чтобы мы сумели преодолеть расстояние до следующего клана — сто миллионов световых лет или что-то в этом духе. Такие показатели тау, чтобы мы сумели осуществить поиск среди некоего неизвестного числа звездных кланов, а на поиск, вероятно, уйдет не один миллиард световых лет, пока мы в конце концов не доберемся до такого клана, в который сможем попасть. Уверен, вы сумеете проложить такой курс по первому же клану, который позволит нам набрать необходимую скорость. Насчет всяческих коллизий волноваться незачем. Волноваться нам, в принципе, нельзя. Прогоните корабль через самую плотную область газа и пыли, какую только отыщете.

— Вы... вы как-то воспринимаете все... чересчур спокойно... — изумленно проговорил Теландер.

— А как я должен реагировать? Рыдать? Волосы на себе рвать и посыпать пеплом?

— Значит, я был прав, когда решил, что ты должен первым узнать новость, — вздохнул Будро. — Только ты сумеешь передать ее остальным.

Реймонт долго молча смотрел на товарищей. Молчание затянулось.

— Я, между прочим, не капитан, — напомнил он в конце концов.

Теландер вымученно улыбнулся.

— В каком-то смысле — капитан, констебль.

Реймонт встал и отошел к стойке с приборами. Наклонив голову, крепко сжав приклады пистолетов, он пробормотал:

— Что ж... Если вы хотите, чтобы я все взял на себя...

— Да, так было бы лучше.

— Тогда вот что. Народ у нас замечательный. Сейчас все воспряли духом, все заняты делом, для каждого есть место. Так что очень надеюсь, они сумеют понять, что по человеческим меркам большой разницы между миллионом и миллиардом, да если на то пошло — и десятками миллиардов световых лет, нет. Изгнание оно и есть изгнание, как ни считай.

— Но ведь время идет, увь... — печально проговорил Теландер.

— Это так, — кивнул Реймонт и посмотрел на собеседников. — Не представляю, надолго ли затянется наше путешествие. Времени у нас немного. И ситуация складывается непривычная, неестественная. Многие, уверен, сумеют адаптироваться, но, как показал опыт, не все. Значит, мы просто обязаны уменьшать и уменьшать тау, какова бы ни была опасность. Не только для того, чтобы до предела сократить путь.

Но и из психологической необходимости — сделать все, на что мы способны.

— То есть?

— Разве вы не понимаете? Ведь для нас это способ победить Вселенную. *Vogue la galere**. Полный вперед, и плевать на торпеды. Думаю, если мне удастся изложить задачу в таком разрезе, народ оживится. По крайней мере, на время.

*...Там птицы поют, расцветают цветы
И дремлет под солнцем вода...*

Глава 16

От Млечного Пути корабль удалялся не по прямой — курс его представлял собой извилистую линию, каждый отрезок которой равнялся нескольким световым годам. «Леонора Кристин» направлялась туда, где были расположены самые плотные туманности и облака космической пыли. На ее борту прошло всего несколько дней с тех пор, как корабль расстался с родной Галактикой и понесся по просторам беззвездной ночи.

Иоганн Фрайвальд явился к Эмме Глассголд с кое-каким оборудованием, сделанным по ее заказу. Как и было решено, она присоединилась к Норберту Вильямсу в работе по конструированию аппаратуры для дистанционного исследования органических форм жизни. Когда механик вошел в лабораторию, Глассголд расхаживала из угла в угол, что-то напевая под нос. Пахло реактивами, пробирки и реторты весело поблескивали, полные разноцветных жидкостей, и дребезжали в такт с подрагивающими переборками. Почему-то Глассголд показалась Фрайвальду новобрачной, занятой приготовлением именинного пирога для возлюбленного.

— Спасибо! — радостно воскликнула Глассголд, получив приборы.

— Ты такая счастливая, — удивился Фрайвальд. — С чего бы это?

— А о чем грустить?

— Да о чем угодно! — яростно рукой рубанул воздух механик.

— Ну, если ты о скоплении Девы, это понятно. Но дело в том, что мы с Норбертом... — Она запнулась и покраснела. — Словом, проект у нас просто потрясающий, и Норберт уже

* Аврал на корабле (фр.).

предложил свои блестящие идеи! А ты что такой мрачный? — задорно кивнула она и пристально посмотрела на Фрайвальда. — Куда девалось твое очаровательное ницшеанство?

— Сегодня мы покидаем нашу Галактику, — сумрачно отозвался Фрайвальд. — Навсегда.

— Но ты же знал, что...

— Знал. Знал и знаю, и что когда-нибудь умру, и, что самое ужасное, что когда-нибудь умрет Джейн. От таких мыслей не развеселишься. Ты... — И вдруг Фрайвальд, высокий, стройный, светловолосый, всегда такой жизнерадостный, обреченно воскликнул: — Ты веришь, что мы хоть когда-нибудь остановимся?

— Что я могу сказать? — пробормотала Глассголд и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до плеча Фрайвальда. — Знаешь, мне тоже было тяжело, но Бог милостив, и страшные мысли покинули меня. Теперь я смиренно приму любую судьбу, какой бы она ни была, и, правду говоря, верю, что в том, что с нами случилось, очень много хорошего. Уверена, тебе это тоже по силам, Иоганн.

— Попробую, — вздохнул Фрайвальд. — Только... так темно... Вот уже не думал не гадал, что снова буду, как маленький, бояться темноты.

Громадное звездное веретено Галактики сморщилось, потускнело и осталось позади. А впереди уже завиднелась новая галактика — скопление светил удивительной, непостижимой тонкости и красоты. Ниже нее и выше нее мерцали и переливались сверкающие облака света. Несмотря на то что по законам Эйнштейна пространство было сильно искривлено и сжато за счет той скорости, с которой летела «Леонора Кристин», казалось, что до звездных царств еще немыслимо далеко.

А скорость корабля неумолимо росла — правда, не так быстро, как раньше, ведь концентрация космического газа теперь была примерно в сто тысяч раз ниже, чем в окрестностях Солнца, — но все-таки достаточно сильно для того, чтобы корабль добрался до ближайшей галактики за несколько недель по корабельному времени. Сейчас, как никогда раньше, нужны были тончайшие астрономические наблюдения, а они были невозможны без радикальной переделки аппаратуры, чем и занималась со страстью спасающихся от погони беглецов команда, возглавляемая Нильссоном.

Производя проверку блоков фотоконвертера, он сделал открытие. Звезд в районе, где протекал полет, было мало. Причина этого явления астроному была не совсем ясна: то ли они удалились от родительских галактик вследствие каких-то произ-

вольных пертурбаций невероятно давно, много миллиардов лет назад, то ли непонятно каким образом зародились здесь, в глубинах космоса. Невероятно, но факт — корабль пролетел довольно близко от одной из таких звезд, красного карлика, и аппаратура Нильссона успела определить, что у звезды должна быть система планет... но красный карлик растаял за бортом, будто его и не было...

Нильссон представил себе эти планеты... замерзшие, мрачные, безумно древние, намного старше Земли... может быть, на каких-то еще трепещет жизнь... но ни одна звезда не разрывает светом мрак тамошних ночей... Он поведал об этом Линдгрэн, и она попросила его не рассказывать это остальным.

Прошло еще несколько дней, и однажды, вернувшись в какую-то после работы, Нильссон застал там Линдгрэн. Она даже не заметила, что он вошел. Линдгрэн сидела на кровати в полумраке и смотрела на семейную фотографию. Свет от ночника падал на ее белокурые волосы, казавшиеся седыми. Она тихо перебирала струны лютни и напевала. Нет, она пела не те веселые песни, что, по ее словам, принадлежали ее любимому Глашатаю. Да и язык... датский? Нильссон почти сразу узнал стихи. Якобсен — «Песни Гурре». Музыка Шёнберга.

Король Вальдемар призвал свою свиту восстать из могил и отправиться с ним на охоту...

*Будь славен, Король! Нас веди за собой!
Помчимся по острову чащей густой!
Безмолвна призывная песня рогов,
Незрячи глаза твоих метких стрелков,
Но призрак оленя лишь только мелькнет —
Мы призраки стрел отправляем в полет.
Из раны смертельной роса побегит,
И вот над добычей уж ворон кружит...
Звучи до рассвета, леса оглашай,
Невидимых гончих неслышимый лай!
Нам эта охота судьбой суждена
До Судного дня, до последнего дня...
Так мчитесь же, кони, топчите траву,
Взбивайте, как пену, сырую листву!
За лесом руины белеют во тьме,
Здесь некогда замок стоял на холме...
...Но чем накормить нам усталых коней?
Кругом лишь крапива да жухлый репей...*

Ингрид начала было следующую строфу — ту, где Вальдемар плачет об утраченной возлюбленной, но не допела и перешла сразу к тому месту, когда должен наступить рассвет...

*Но чу! Уж вот-вот пелухи пропоют!
Могилы открыты, к себе нас зовут.
Все ужасы ночи земля поглотит,
Свет солнца веселую жизнь воскресит,
И радостной песней зальются ручьи,
А мы возвратимся в гробницы свои,
Где нам суждены до скончанья веков
Лишь сонмы безумных, безрадостных снов...*

Немного помолчав, Нильссон робко проговорил:

— Как горько, дорогая... И как напоминает о доме...

Линдгрэн оглянулась — бледная, усталая.

— Прости, я не хотела, чтобы меня кто-нибудь услышал.

Нильссону стало нестерпимо жаль ее. Он подошел, сел рядом и осторожно спросил:

— Ты и правда считаешь нас похожими на персонажей этой баллады? На свиту мертвецов? Трудно поверить.

— Я стараюсь держаться, — проговорила Линдгрэн, глядя в одну точку и продолжая извлекать из лютни диссонирующие аккорды. — Но порой... Ты же знаешь, уже почти миллион лет прошел...

Нильссон обнял ее за талию.

— Чем мне помочь тебе, Ингрид? Чем? — Она тихо покачала головой. — Я так тебе обязан! — продолжал он. — Ты мне столько дала! Свою силу, доброту, себя самое... Ты снова сделала меня мужчиной... Правда... — добавил он смущенно, — ... я, конечно, не самый замечательный. Ни красотой не могу похвастаться, ни остроумием... И тебе я не пара. Но мне так этого хочется!

— Я знаю, Элоф.

— И если тебе... если ты устала от меня... Не знаю, может быть, тебе хочется чего-то другого... какого-то разнообразия...

— Нет. Ничего такого, — мотнула головой Линдгрэн и отложила лютню. — Мы должны привести наш корабль в гавань. Должны — и все. А все остальное — чепуха.

Нильссон встревоженно посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает, но Линдгрэн, не дав ему сказать ни слова, улыбнулась, поцеловала его и сказала:

— И все же надо когда-то и отдохнуть. Забыться. А помочь ты мне можешь, Элоф. Принеси-ка наш паек спиртного. Можешь выпить большую часть. Ты такой славный, когда пере-

стаешь стесняться! Давай позовем кого-нибудь в гости, кто помоложе, повеселее, — хотя бы Луиса и Марию... посмеемся, поиграем во что-нибудь, подурачимся... а если кто-то скажет хоть слово о серьезных вещах — окатим его водой из кувшина с ног до головы... Согласен?

— Попробую... — ошарашенно улыбнулся Нильссон.

«Леонора Кристин» пересекла экваториальную область новой галактики — такой путь был избран для того, чтобы довести до максимума протяженность полета через области с наивысшей концентрацией газа и космической пыли. Едва лишь была преодолена граница скопления, как корабль начал набирать скорость. Шум и вибрация сотрясали переборки.

Капитан Теландер не покидал своего места на мостике. Новая галактика простиралась перед «Леонорой Кристин» — витая спираль, похожая на серебристо-голубую дорогу. Переоборудованные экраны то и дело озарялись светом летящих навстречу гигантских звезд, казавшихся искорками волшебного фейерверка, подхваченными ветром, бушевавшим за обшивкой корабля. «Леонора Кристин» мчалась вперед, и ее то окутывала непроницаемая мгла пылевых туч, то озаряло сияние новорожденных звезд.

Основная нагрузка сейчас лежала на плечах Ленкая и Барриоса. Они вручную маневрировали курсом корабля, проводя его по руслу звездной реки длиной в сотни тысяч световых лет. Они не отрывали глаз от экранов и слушали голоса Будро и Федорова, звучавшие из динамиков интеркома и объяснявшие им, что за объекты находятся по курсу и чем они могут грозить кораблю. Управлять кораблем на такой бешеной скорости было чрезвычайно сложно, и приборы, прежде столь безотказно служившие навигаторам, превратились в нечто наподобие Дельфийских оракулов. Большей частью астронавты полагались на опыт, умение и интуицию, а может, порой — и на молитву.

Капитан Теландер уже не первый час сидел в своем кресле так неподвижно, что его можно было вполне принять за мумию. Лишь несколько раз он прерывал молчание. «Обнаружена плотная концентрация материи, сэр. Пожалуй, слишком плотная для нас. Попробовать обойти?» Он отвечал: «Нет. Следуйте заданным курсом, не упускайте ни единой возможности понизить значение тау, даже если ситуация складывается “пятьдесят на пятьдесят”». Все переговоры звучали спокойно и бесстрастно.

Пылевые облака вокруг ядра новой галактики оказались более плотными, чем вокруг ядра Млечного Пути. Обшивку сотрясали космические громы. Ускорение возрастало немыслимо

быстро. Падали и разбивались приборы, навигаторы поднимали их, обливаясь потом, устанавливали по местам и налаживали... бешено мигали лампочки на пульте управления, а пассажиры в каютах в страхе ждали смерти, что могла настигнуть их в любое мгновение.

— Следуйте заданным курсом! — прозвучала команда Теландера и была выполнена.

И корабль выжил. Промчавшись по звездному полю, он вынырнул в черноту. Галактика осталась позади. Всего за час! Теландер радостно сообщил об этом по интеркому. Ответом ему было громогласное «ура!».

На мостик вбежал Огюст Будро. Он весь дрожал, но радовался, как ребенок.

— Mon Dieu*, сэр, мы сделали это! А я даже не верил, что удастся! Честно говоря, мне бы не хватило храбрости отдать такие команды. Вы были правы! Вы герой, капитан! Вы вернули нам всем надежду!

— Пока нет, — сухо проговорил Теландер, не поднимаясь с кресла. Глядя мимо Будро, он спросил: — Навигационные данные проверили? Нам удастся использовать другие галактики этого семейства?

— Ну... в общем, да. Некоторые — удастся, хотя кое-какие из них представляют собой небольшие эллиптические системы, а другие нам придется только краем задеть, так сказать. Скорость слишком велика. Но зато каждый раз опасность для нас будет все менее и менее велика, учитывая прирост массы корабля. Ну и потом, мы сможем точно так же пересечь два-три семейства галактик. По моим расчетам... — Будро задумчиво потеревил бороду... — мы очутимся в пространстве между двумя кланами галактик и углубимся в него достаточно далеко, чтобы можно было произвести ремонтные работы... это будет примерно через месяц.

— Хорошо, — кивнул Теландер.

Будро присмотрелся к капитану повнимательнее и испугался не на шутку. Казалось, от Теландера осталась одна оболочка.

Мрак.

Беспросветная ночь.

Только приборы, усиливающие увеличение изображения и мощность звука, преобразующие длину волн, улавливали какой-то слабый свет. Людские органы чувств молчали.

* Мой Бог! (фр.).

— Мы мертвы, — раздался в наушниках голос Федорова.

— Я бы так не сказал, — отозвался Реймонт.

— А что такое смерть, как не отсутствие всего на свете? Ни солнца, ни звезд, ни звуков, ни веса, даже теней — и тех нет! — хрипло звучал голос Федорова, не нарушаемый даже космическими шумами. Свет укрепленного на его шлеме фонарика отражался от обшивки и терялся в непроницаемой тьме космической ночи.

— Пошли, — поторопил его Реймонт.

— Кто ты такой, чтобы тут командовать? — огрызнулся Федоров. — Что ты понимаешь в системе двигателя Буссарда? И что тебя вообще понесло с бригадой ремонтников?

— Я неплохо управляюсь с инструментами в невесомости, — ответил Реймонт. — Так что для вас — лишняя пара рук. Кроме того, я понимаю, что работу надо сделать как можно быстрее. Уж это ты как-нибудь мог бы сообразить.

— Куда спешить? — хмыкнул Федоров. — У нас вся вечность в запасе. Мы же мертвы, не забывай.

— Вот если мы врубимся в какую-нибудь туманность с выключенными силовыми полями, тогда уж точно сдохнем, — парировал Реймонт. — При таком тау, как у нас сейчас, за глаза хватит одного атома на кубический сантиметр... а до следующего клана галактик всего несколько недель.

— И что?

— Слушай, Федоров, ты что, совершенно уверен в том, что мы прямо-таки не можем в любое мгновение врезаться во что угодно? Зародыш галактики, громадное облако водорода — темное, невидимое... да мало ли еще что?

— «В любое мгновение!» — фыркнул Федоров. — Сказал бы уж — в любое тысячелетие.

Похоже, ему так надоело язвить, и он наконец выбрался наружу из главного люка. Бригада последовала за ним.

Люди, перебиравшиеся вдоль обшивки, были похожи на призраков. Федоров трусом не был никогда, но на миг ему почудилось, будто он слышит шелест крыльев фурий. Да, принято считать, что в космосе темно. Однако большинство представляют себе, что эта тьма озарена светом мириад звезд, собранных в созвездия, галактики, скопления, туманности. Все верно. Так выглядит *внутренний* космос. А здесь... Здесь даже о черном фоне говорить не приходилось. Никакого фона не было. Никакого. Неуклюжие фигуры в скафандрах, смутно напоминавшие людей, плавный изгиб серебристой обшивки корабля — все призрачное, разрозненное, нереальное... Ускорение прекратилось, а вместе с ним исчезла сила тяжести.

Передвижение напоминало какое-то бесконечное плавание, полет, падение... А между тем... Федоров помнил, что его невесомое тело массой может сравниться с горой. Была ли хоть какая-то толика весомости в его полете? Или константы инерции неуловимо изменились здесь, где измерения пространства—времени сжались до почти что прямой линии? Или это иллюзия скольжения в могильном мраке, поглотившем его? Что такое иллюзия? Что такое реальность? Что было реальностью?

Осторожно продвигалась ремонтная бригада вдоль обшивки, и каждый думал об одном: только бы не отцепиться от корабля, только бы не порвался соединительный трос! Так же страшно расстаться с родным кораблем в Солнечной системе, но здесь, где и метеора-то не встретишь неведомо сколько лет, — нет, лучше об этом не думать... Бригада добралась до паутины гидромагнитных генераторов. Какими хрупкими казались они сейчас!

— А если мы не сумеем отремонтировать декселераторы? — проговорил чей-то голос в наушниках. — Так и будем лететь вперед и вперед? Что с нами будет? А вдруг на краю Вселенной и физические законы другие? Не превратимся ли мы во что-нибудь жуткое?

— Пространство изотропно, — буркнул Реймонт, отвечая неизвестно кому. — «Края Вселенной» не существует. Чуть какая! И давайте все-таки надеяться на то, что нам удастся одолеть эти проклятые тормоза!

Ответом ему было несколько вздохов. Бригада добралась до цели. Пока остальные укрепляли тросы на скобах обшивки ионного двигателя, Федоров подобрался к Реймонту и прислонил к его шлему свой — так можно было переговорить без опасения быть услышанным другими.

— Спасибо, констебль, — сказал он.

— За что?

— За то, что ты такой прозаичный засранец, вот за что.

— Нам и работа предстоит вполне прозаичная — ремонт. Мы, конечно, жуть как далеко улетели, давно пережили ту расу, что породила нас, но недалеко ушли от прямоходящих обезьян. Так неужели относиться к себе серьезно? По-моему, не стоит.

— Гм, — хмыкнул Федоров. — Теперь понимаю, почему Линдгрэн так настаивала, чтобы я взял тебя с собой. — Помолчав, он добавил: — Кстати, насчет нее...

— Да!

— Я... Я на тебя злился за то, как ты к ней относишься. Это главное. Конечно, ты и меня унизил, что и говорить.

Только настоящие мужчины должны быть выше такого. Но мне она была очень, очень дорога, и я за нее переживал.

— Брось. Давай забудем об этом, — ответил Реймонт.

— Не сумею. Но кое-что я теперь лучше понимаю, чем раньше. Тебе ведь тоже было больно, наверное. Теперь-то она не с тобой и не со мной. Так, может, пожмем друг другу руки, Чарльз, и будем друзьями?

— Конечно. Я и сам этого хотел. Хороших людей не так уж много.

Рукопожатие вышло неуклюжим, но оно состоялось.

— Отлично, — смущенно пробормотал Федоров и снова включил передатчик. — Ну что ж, надо бы взглянуть, что там и как...

Глава 17

Впереди забрезжил свет. Крошечные пятнышки огня превращались в яркие звезды. Их становилось все больше, вот они заняли уже половину поля зрения вьюера...

Но это были не отдельные звезды — нет, это были целые семейства галактик, собранные в клан. Позже, по мере приближения корабля, они распались на скопления, а еще позже — на отдельные галактики.

Вьюер реконструировал эту картину не совсем такой, какой она предстала бы перед взором независимого наблюдателя. Компьютер обрабатывал спектральную информацию, учитывал воздействие эффекта Допплера и аберрации, производил необходимую доводку. И тем не менее картина создавалась, увы, только приблизительная.

Специалисты решили, что клан находится примерно в трехстах миллионах световых лет от Солнечной системы. Но для такого глубокого космоса не существовало карт, не было и стандартов измерений. Вероятная погрешность при выведении показателей тау была весьма значительна. Никакие из справочных материалов, имевшихся на борту, не содержали данных о величине абсорбции.

Первоначально «Леонора Кристин» направлялась не к такой далекой цели, и все детали ее курса были сведены в таблицы. Прелегай ее курс по звездному клану, в который входят Млечный Путь, туманность Андромеды и скопление Девы, ей бы не пришлось продираться сквозь такие плотные скопления материи. И скорость корабля тогда была бы ниже, а теперь он мчался со скоростью, настолько близкой к световой, что любая пылинка,

встречавшаяся на пути, имела для него значение. Как ни парадоксально, по корабельному времени путь до ближайшей возможной цели оказался бы длиннее, чем до этого клана.

Кроме того, непонятно было, как долго еще протянет экипаж.

Радость, вызванная известием о починке декселераторов, быстро угасла. Многие понимали, что ни одна из двух систем модуля Буссарда неспособна работать в пространстве между двумя кланами галактик — слишком низка концентрация газов. А потому кораблю предстояло несколько недель лететь с выключенным двигателем по траектории, обусловленной релятивистской баллистикой. Внутри корабля установилась невесомость. Предложение использовать боковые ионные сопла для создания центробежной псевдогравитации обсудили и отклонили, так как при этом возникли бы радиальные и кориолисовы эффекты, слишком опасные как для передвижения, так и для самочувствия экипажа. Конструкция корабля не позволяла такой модификации, да и люди не обладали нужной тренировкой.

Нужно было ждать и терпеть много недель, которые за бортом «Леоноры Кристин» равнялись целым историческим эпохам.

Реймонт открыл дверь своей каюты. Он так устал, что допустил ошибку: стукнулся о переборку, отпустил скобу и взлетел в воздух, да так, что перекувырнулся через голову и ударился о стенку, отскочил и только потом влетел в каюту. Опомнившись, он ухватился за скобу и осторожно прикрыл дверь.

Время было позднее, и он думал, что Чиюань Айлинь давно спит. Но она не спала — парила с открытыми глазами над сдвинутыми кроватями, пристегнувшись тоненьким тросиком. Заметив Реймонта, она так поспешно отключила библиотечный монитор, что стало ясно: книгу она читала не слишком внимательно.

— Ну вот... — проворчал Реймонт. — И у тебя то же самое?

Голос его прозвучал непривычно громко; до того как наступила невесомость, а с ней — и тишина, все привыкли перекрикивать шум двигателя и дребезжание переборок.

— Что «то же самое»? — болезненно улыбаясь, спросила Чиюань. В последнее время они виделись редко и мало. У Реймонта было полно работы, и в каюте он появлялся, только чтобы поспать, а все остальное время мотался, как проклятый, — что-то организовывал, кому-то помогал, где-то рас-

поряжался, что-то советовал, придумывал, планировал и так далее, и так далее...

— Разучилась спать в невесомости? — уточнил Реймонт свой вопрос.

— Да. То есть нет, не разучилась. Странный, правда, сон получается — легкий какой-то, и сны снятся всякие... Но просыпаюсь я отдохнувшей.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Реймонт. — А то еще у двоих такая история.

— То есть? Бессонница?

— Да. Плюс нервное истощение. Стоит заснуть — тут же просыпаются и кричат. Кошмары снятся. Не уверен, что виной этому только невесомость. Скорее, она стала последней каплей, вызвавшей стресс. И Урхо Латвала точно не знает. Я только что от него. Он советовался со мной. Просто не понимает, что ему делать, — психотропные средства уже на исходе.

— И что ты ему посоветовал?

Реймонт скривился.

— Я перечислил тех, кто, как мне кажется, безусловно, нуждается в лекарствах, а кто и без них пока обойдется.

— Тут дело не только в психологическом эффекте, ты же понимаешь, — сказала Чиюань. — Слабость. Чисто физическая усталость от попыток что-то делать в невесомости.

— Это понятно, — кивнул Реймонт, зацепился ногой за скобу и начал раздеваться. — Но это необходимо. Профессоры-космонавты знают, как себя вести, и мы с тобой знаем, и еще несколько человек. Мы умеем приспосабливаться к невесомости, понимаем, как надо координировать работу мышц, так чтобы они не уставали. Беда в том, что наши сухопутные ученые этого не умеют.

— Сколько еще это протянется, Чарльз?

— Как сейчас? Кто знает? Завтра собираются реактивировать силовые поля, запустить внутренний генератор на малых оборотах. Осторожность нужна — всякое может случиться. Вдруг мы попадем в зону плотной материи скорее, чем ожидаем. В лучшем случае к границам клана мы подберемся через неделю.

Чиюань облегченно вздохнула.

— Ну, это хорошо. Неделю продержимся. А потом... отправимся к нашему новому дому.

— Очень надеюсь, — сонно пробурчал Реймонт, сунул одежду в шкаф, слегка поежился, хотя в каюте было тепло, и принялся натягивать пижаму.

— Надеюсь? — встревоженно переспросила Чиюань и вздохнула так сильно, что ее отнесло от кровати. — Не уверен?

— Послушай, Айлинь, — устало проговорил Реймонт. — Ты не хуже других представляешь себе, какие у нас дела с техникой. Что я тебе могу ответить, сама подумай.

— Прости, но...

— Неужели надо винить офицеров, если пассажиры не желают слушать их сообщения, а если слушают, не желают понимать? — гневно оборвал ее Реймонт. — Кто-то опять пустился во все грехи тяжкие! Прячутся — кто за апатию, кто за религию, кто за секс, кто еще за что-нибудь, лишь бы забыться. Большинство из вас... да, здорово, конечно, было работать над исследовательским проектом, кто спорит; но и он превратился в подобие защитной реакции. О чем бы ни думать, только не об этой гадкой бяке Вселенной. Теперь, когда вам стала мешать невесомость, все снова забились в норки. Валяйте, забивайтесь! — рывкнул Реймонт. — Только меня не трогайте, хватит. Вот вы все уже где у меня, ясно?

Реймонт рывком натянул пижаму, подлетел к кровати и пристегнул к поясу тросик. Чиюань потянулась к нему, попыталась обнять.

— О, любимый... — прошептала она. — Я виновата. Ты ведь так устал, правда?

— Нам всем тяжело, — буркнул Реймонт.

— Тебе тяжелее всех, — покачала головой Чиюань и стала нежно гладить лицо Реймонта, едва касаясь кончиками пальцев скул, обтянутых желтоватой кожей, залегших на лбу и щеках морщин, ввалившихся, покрасневших глаз... — Почему ты совсем не отдыхаешь?

— Хотелось бы. Не выходит.

Чиюань помогла Реймонту улечься поудобнее и крепче прижалась к нему. Ее волосы упали на лицо Реймонта — мягкие, шелковистые, до сих пор пахнувшие солнцем Земли.

— Надо отдыхать, — шептала Чиюань. — Отдохни, милый. Разве не приятно быть таким легким, как пушинка...

— М-м-м... Да, что-то в этом есть... Слушай, Айлинь, ты ведь неплохо знаешь Ивасаки. Как думаешь, выдержит он без транквилизаторов? Мы с доктором не смогли точно решить.

— Ш-ш-ш, — прошептала Чиюань и прикрыла ладонью губы Реймонта. — Ни слова об этом.

— Но...

— Нет, не разрешаю. Не развалится этот корабль, если ты спокойно поспишь хоть одну ночь.

— Ну... ну, может, и так...

— Закрой глаза... Вот так... Сейчас погладим лобик... вот тут... Успокоился? А теперь подумай о чем-нибудь приятном...

— Например?

— Забыл, о чем надо думать? Подумай о доме. Нет. Не так. Подумай о том доме, который мы скоро найдем... Синее небо. Яркое ласковое солнце, лучи сквозь листву и тени на траве, солнечные зайчики на речных волнах, а река течет, течет, течет и поет колыбельную песенку. Спи... Спи...

— М-м-м... — сонно промурлыкал Реймонт и улыбнулся. Чиюань ласково поцеловала его.

— Там будет наш с тобой дом. Там будет сад. А в саду — странные яркие цветы. Но мы там, конечно, посадим семена земных цветов... У нас будут розы и жимолость, яблони и розмарины. А наши дети...

Реймонт беспокойно пошевелился.

— Погоди, пока еще не время строить такие планы, — проворчал он. — Ты мне, конечно, очень нравишься, но только...

Пальцы Чиюань коснулись его век и не дали глазам раскрыться, иначе Реймонт бы увидел, какая боль наполнила ее глаза.

— Мы спим, Чарльз, — тихонько рассмеялась китаянка. — Спим и видим сны. Не воспринимай все так буквально. Просто представь себе, что в саду резвятся дети. Неважно чьи. Река течет. На берегу лес. А дальше — горы. Птицы поют. Покой.

— Какая ты милая, какая хорошая, — прошептал Реймонт и крепче прижал к себе Чиюань.

— Ты тоже хороший. А хорошим полагается спать под колыбельные песни. Спеть тебе песенку?

— Спой... — еле слышно проговорил Реймонт. — Пожалуйста... Я люблю, когда ты поешь по-китайски...

Нежно разглаживая кончиками пальцев глубокую ложбину между бровей любимого, Чиюань тихонько запела... И тут же зазвучал сигнал интеркома.

— Констебль! — звал голос Теландера. — Вы у себя?

Реймонт вскинулся, протер глаза.

— Не надо! — умоляюще воскликнула Чиюань.

— Да, — ответил Реймонт капитану. — Я на месте.

— Не могли бы вы подняться на мостик? Есть конфиденциальное дело.

— Угу, сейчас, — отозвался Реймонт, отстегнул тросик и принялся стаскивать пижаму.

— Хоть бы пять минут дали передохнуть человеку! — возмущалась Чиюань.

— Наверняка что-то срочное, — отозвался Реймонт. — Никому ни слова, пока я сам не расскажу тебе, в чем дело.

Он быстро оделся и выскочил из каюты.

На мостике его ждал не только Теландер. Как ни странно, с капитаном был Нильссон. Вид у капитана был такой, будто его пребольно стукнули в солнечное сплетение. Астроном выглядел взволнованно, но держался молодцом. В руке у него был зажат испещренный какими-то расчетами лист бумаги.

— Проблемы с навигацией, что ли? — предположил Реймонт. — А где Будро?

— Дело не касается его непосредственно, — начал объяснения Нильссон. — Видите ли, я занимался на компьютере обчетом данных последних наблюдений, произведенных с помощью новой аппаратуры. И результаты, я бы сказал... обескураживающие.

Реймонт покрепче обхватил пальцами скобу и устало посмотрел на капитана и астронома.

— Если я правильно понимаю, мы не можем добраться до этого галактического клана, — высказал он свою гипотезу.

— Верно, угадали, — выдохнул Теландер.

— Ну, не то чтобы совсем верно, — пробормотал Нильссон смущенно. — Мы пролетим сквозь него. И не просто пролетим, а — если пожелаем — можем посетить довольно большое число галактик из тех семейств, что составляют клан.

— Вы уже такие подробности знаете? — удивленно проговорил Реймонт. — Будро таким похвастаться не мог.

— Я же сказал: я работаю с новым оборудованием, оно теперь дает более точные данные. Если помните, Ингрид меня немного поднатаскала, и я теперь неплохо управляюсь в неведомости. Аппаратура сейчас выдает информацию более точную, чем та, на которую мы рассчитывали на этапе планирования. Да, представьте себе, я уже располагаю довольно надежной картой той зоны клана, которую нам предстоит преодолеть. Изучив ее, я определил те цели, которые мы можем, так сказать, зацепить.

— Ближе к делу, проклятье! — вскрикнул Реймонт, но тут же взял себя в руки. — Прошу прощения. Я просто немного устал. Прошу вас, продолжайте. В чем дело? Как только мы доберемся до области с высокой концентрацией материи, мы сможем включить двигатели, как я понимаю. Почему же мы не сумеем прорваться?

— Сумеет, — торопливо ответил Нильссон. — Я не говорю, что не сумеет. Но дело в том, что показатели обратного тау достигли невероятных величин. Не забывайте, мы приобрели эти показатели за время полета по самым плотным слоям материи, какие только можно себе представить, до того как вылетели в межклановое пространство. Это было необходимо. Я не оспариваю справедливости такого решения. Но, как бы то ни было, в итоге мы ограничены в выборе маршрута пересечения данного клана. Собственно, мы так или иначе принуждены лететь по некоему конусообразному коридору...

— И в этом конусе, скорее всего, маловато материи, так? — спросил Реймонт и до боли закусил губу.

— Точно, — резко кивнул Нильссон. — И, помимо всего прочего, разность в скорости между кораблем и этими галактиками, возникающая из-за растяжения пространства, снижает эффективность двигателя Буссарда сильнее, чем нужно для торможения.

Немного помолчав, он заговорил своим обычным профессиональным тоном:

— В лучшем случае мы преодолеем клан в режиме торможения примерно за шесть месяцев, и, когда окажемся по другую его сторону, тау будет составлять десять в степени минус три — минус четыре. Дальше, в межклановом пространстве ожидать прироста скорости, как вы понимаете, невозможно, а следовательно, добраться до следующего клана мы не сумеет при всем желании. К этому времени при таких показателях тау мы либо жутко состаримся, либо умрем.

Голос астронома сорвался. Он выжидательно уставился на Реймонта.

— Почему вы об этом рассказываете мне, а не Линдгрэн? — поинтересовался констебль.

— Она так устает, бедняжка, — с неожиданной нежностью ответил Нильссон. — Да и что она тут может поделать? Я решил, что не стоит ее будить.

— Ну а я что могу поделать?

— Дайте мне... вернее, нам... какой-нибудь совет, — попросил Теландер.

— Но, сэр, капитан здесь вы!

— Карл, голубчик, такие разговоры у нас уже не впервые. Я могу... да, я, пожалуй, могу принимать решения, отдавать команды и распоряжения, от выполнения которых зависит то, что мы худо-бедно продираемся по Вселенной. — Теландер развел в стороны руки, и стало видно, как они дрожат. — Но

на большее я неспособен, Карл. У меня нет больше сил. Вы должны сообщить остальным.

— Сказать всем, что мы дали маху? Провалились? — ахнул Реймонт. — То есть сказать, что, несмотря на все старания, мы обречены лететь, куда не сойдем с ума и не сдохнем? Не многовато ли вы от меня хотите, капитан?

— Но новости на самом деле не такие ужасные, — возразил Нильссон.

Реймонт хотел ухватить астронома за воротник, но промахнулся и хрипло спросил:

— Значит, надежда все-таки есть?

Полноватый астроном заговорил отрывисто, и его речь, всегда такая четкая, педантичная, стала похожа на лай бульдога.

— Может быть. Точных данных у меня нет. Расстояния слишком велики. Мы не можем обнаружить другой определенный галактический клан и отправиться к нему. Рассматривать его придется с громадными погрешностями, с огромного расстояния. И все-таки я верю, что надеяться можно. Вдруг повезет.

Со временем мы, скорее всего, смогли бы обнаружить пространство нужной конфигурации. Либо исключительно крупный клан, по которому можно будет проложить курс, включающий самые плотные в отношении числа галактик зоны, а может быть, два или три клана, которые расположены не слишком далеко один от другого, вытянуты более или менее по прямой, и тогда мы сумели бы пересечь их последовательно, а может быть... отыщется такой клан, скорость которого относительно нашей скорости будет более благоприятная. Понимаете? Удастся отыскать что-нибудь в таком роде — и все будет не так уж худо. Тогда мы сумеем управиться за несколько лет по корабельному времени.

— Шансы на успех? — требовательно спросил Реймонт.

Тут Нильссон покачал головой:

— Не могу сказать. Может быть, не слишком плохие. Космос велик и разнообразен. Если мы сумеем продержаться достаточно долго, то, по моему мнению, вероятность найти, что нам нужно, весьма реальна.

— «Достаточно долго» — это сколько? — спросил Реймонт, но тут же махнул рукой. — Не надо, не отвечайте. Отвечу за вас. Примерно несколько миллиардов лет. Десятки миллиардов, наверное. Это означает, что тау снова будет снижено. Настолько, что мы сумеем совершать круговые облеты Вселенной... за годы, а то и за месяцы. А это, в свою очередь, означает, что мы не сумеем затормозить, когда подлетим к

этому клану. Нет. Мы снова набираем скорость. Допустим, мы его пересечем... так... потом потребуется еще меньше времени полета в невесомости до встречи с очередным кланом. Доберемся дотуда, и окажется, что лучше снова ускоряться и еще сильнее снижать тау. Да-да, я понимаю, так будет еще труднее отыскать место желанной остановки, но ведь других способов просто нет, верно?

Видимо, придется пользоваться каждой возможностью для набора ускорения, какая бы ни встретилась, пока впереди не забрезжит нечто, что сможет стать конечной целью нашего путешествия. Если забрезжит. Так?

Теландер поежился.

— Способен ли кто-нибудь выдержать такое?

— Мы обязаны выдержать! — рявкнул Реймонт. Он явно справился с отчаянием и заговорил сухо и сдержанно. — Я придумаю, как наиболее тактично сообщить людям новости о положении вещей. На самом деле практически никто не исключал возможности такого варианта развития событий. Это сделает сообщение не таким страшным. У меня есть несколько верных людей... нет-нет, никаких репрессивных мер. Верных в плане готовности руководить, сдерживать, воодушевлять. И начнем мы с общей программы тренировок поведения в невесомости. Беды от этого никакой быть не должно. Научим всех сухопутных крыс до единой, как вести себя при нулевой силе тяжести. Как спать. И как надеяться, Господи Боже! — выпалил Реймонт и так оглушительно хлопнул в ладоши, что хлопок вышел похожим на пистолетный выстрел.

— Не забывайте, на кое-кого из дам тоже можно положить-ся, — напомнил Реймонту Нильссон.

— Да. Безусловно. Таких, как Ингрид Линдгрэн.

— Вот именно. На таких, как она.

— Гм-м. Кстати, Нильссон, боюсь, что вам придется все-таки пойти и разбудить ее. Нужно собрать совет... несгибаемых, что ли... Словом, тех, кто разбирается в людях, собрать — и все продумать. Предлагайте кандидатуры.

Глава 18

Соотношения пространства—времени трудно измерить доступными человеку мерками. Даже умножение тут мало помогает. Но чтобы хоть немного прочувствовать ситуацию, проведем подсчеты.

«Леонора Кристин» примерно около года летела со скоростью, составлявшей почти один процент от световой. На борту за это время минуло примерно столько же дней, поскольку величина тау начала резко падать только тогда, когда корабль почти вплотную приблизился к скорости света. На первом этапе полета корабль преодолел расстояние приблизительно в полсветовых года, то есть — около пяти триллионов километров.

Затем снижение тау пошло более быстро. За два года по корабельному времени корабль умчался примерно на десять световых лет от Земли. Там произошла авария.

Тогда было принято решение: для того чтобы попасть в скопление галактик Девы, корабль должен снизить тау до такой степени, чтобы покрыть расстояние за приемлемое корабельное время. При максимальном ускорении — причем максимум постоянно повышался — корабль облетел половину Млечного Пути и устремился в самое его ядро. На этот маневр ушло чуть больше года. По космическим часам — больше ста тысячелетий.

Ко времени, когда «Леонора Кристин» добралась до туманностей Стрельца, показатели тау были таковы, что на окончательное расставание с родной Галактикой кораблю потребовалось всего несколько дней. Затем специалисты обнаружили, что разреженность пространства между Млечным Путем и скоплением Девы недостаточна для проведения ремонтных работ и что, следовательно, нужно увести корабль в пространство между двумя кланами галактик.

Пролетая по межгалактическому пространству, «Леонора Кристин» не утратила способности наращивать скорость. За несколько недель корабль преодолел расстояние в пару миллионов световых лет к избранной цели — ближайшей галактике. Преодолев ее за несколько часов, корабль приобрел такой запас кинетической энергии, что то же самое расстояние преодолел за несколько дней. Еще неделя ушла на полет по пространству, отделяющему одно скопление от другого, которое корабль преодолел очень быстро...

А потом корабль повис в пустоте межкланового пространства, и инженеры отремонтировали злополучные декселераторы. Даже без ускорения корабль мог преодолеть два-три миллиона световых лет за пару месяцев по корабельным часам.

Но ближайший галактический клан не давал возможности погасить такую скорость.

А потому первоначальный план исключили. И корабль по-мчался вперед, по пути поглощая все, что только попадалось,

ради прироста скорости. Всего за два дня «Леонора Кристин» пересекла клан галактик.

Дальше путешественников снова ожидало пустое межклановое пространство. Расстояние до следующего клана составляло около ста миллионов световых лет. Путь занял примерно неделю.

Летя через новое скопление галактик, корабль, естественно, впитывал и впитывал космическую материю и продолжал набирать скорость.

— Нет! Не надо! Отвернись! Не смотри!

Маргарита Хименес не сумела ухватиться за скобу, ударилась о переборку, перевернулась и понеслась по проходу.

— Черт подери! — вскрикнул Федоров по-русски, уравнил векторы и бросился за подругой. Конечно, он не производил в уме никаких подсчетов — это было бы смешно. Словно охотник, стремящийся настичь жертву, он умело маневрировал своим телом, полагаясь на опыт. Тело человека — умнейший механизм, точный и красивый, если уж на то пошло.

Пространства для полета хватало. Они находились на второй палубе, совсем рядом с машинным отделением. Вообще-то палуба была грузовая, но большинство грузов было расставлено вдоль стенок. Сюда мало кто заглядывал — уж больно тут было пусто и неуютно. Федоров привел сюда подругу для того, чтобы немного позаниматься с ней техникой передвижения в невесомости. Раньше с ней занималась Линдгрэн, но дела у Хименес шли так плохо, что она никак не могла расстаться с разрядом «сухопутных крыс».

Маргарита вертелась как волчок и никак не могла остановиться. Обнаженное тело ее покрылось капельками пота.

— Расслабься! — крикнул Федоров. — Сколько можно повторять? Первое, чему надо научиться, — это расслабляться.

Наконец ему удалось догнать ее и ухватить за талию. Они вместе, как единое целое, понеслись к противоположной переборке. Кружилась голова, подташнивало — вестибулярные процессы брали свое. Федоров знал, как бороться с подобными реакциями, а Маргариту перед уроком заставил принять противорвотную таблетку.

И все-таки Маргариту вырвало. Не отпуская девушку, Федоров поспешно отшвырнул в сторону комок желтоватой слизи. Попади она в дыхательные пути — можно было бы задохнуться.

Наконец они стукнулись о переборку. Федоров искал глазами, за что бы уцепиться, и нашел пустую полку. Опершись

на нее локтем, он обнял Маргариту и принялся успокаивать. В конце концов ей стало легче.

— Тебе лучше? — спросил Федоров.

Дрожа, она пробормотала:

— Хочу вымыться...

— Да-да, сейчас найду ванную. Жди меня тут. Держись, не отпускай руки. Я мигом.

По пути нужно было успеть захлопнуть крышки вентиляторов, пока рвотные массы не попали в систему очистки. Потом надо будет притащить сюда вакуумный очиститель. Сделать это придется лично. Попросишь кого-нибудь выполнить такую работенку, хлопот не оберешься. Откажется — это еще ладно, а то ведь может разнести сплетни...

Зубы Федорова отбивали нервную дробь. Он сделал все, что собирался, и вернулся к Хименес.

Та все еще была бледна, но дрожать перестала.

— Мне так стыдно, Борис, — пробормотала она хрипло, — видимо, желудочный сок вызвал раздражение слизистой гор-тани. Зря я согласилась... на эту тренировку. Такое устроила...

Федоров посмотрел на нее в упор и угрюмо спросил:

— Давно тебя тошнит?

Она отвернулась. Он успел поймать ее, пока она не отлетела в сторону, и крепко сжал ее запястье.

— Когда у тебя в последний раз были месячные?

— Ты сам видел...

— Что я видел? Ты меня и надуть могла запросто! Я занят по уши, что я могу заметить? Говори правду!

Федоров встряхнул ее руку. Она дернулась и вскрикнула. Федоров отпустил ее.

— Я не хотел сделать тебе больно! — воскликнул он, а Маргариту уже довольно далеко отнесло в сторону. Федоров догнал ее, обнял, крепко прижал к груди.

— Т-т-три месяца, — сквозь слезы прохныкала Хименес.

Федоров дал ей выплакаться. Он только молча гладил ее волосы. Потом он проводил ее в ванную. Там они старательно вымыли друг друга. Органическая жидкость, которой на корабле пользовались для мытья, пахла преотвратительно, но мыла чисто и быстро. Федоров выбросил губки в мусоросборник и включил сушилку. Несколько минут они стояли молча под струями теплого воздуха.

— Знаешь, — сказал Федоров наконец, — уж если мы решили проблемы гидропоники при невесомости, то надо подумать и о том, чтобы соорудить что-то вроде настоящих ванны и душа. — Маргарита ничего не ответила, только встала по-

ближе к сушилке. Струи воздуха отбрасывали со лба пряди ее волос. Федоров нахмурился. — Хорошо, — сказал он. — Как это случилось? Разве наш драгоценный врач не обязан следить за тем, как каждая женщина соблюдает систему контрацепции?

Хименес, не глядя на него, кивнула и еле слышно ответила:

— Ну да. Один укол в год, а нас двадцать пять... а у него и без нас дел полно...

— Вы что, оба забыли?

— Нет. Я пошла к нему, как обычно. В свое время. Но его не было на месте. Может быть, кому-то плохо было. Наши карты лежали на столе. Я заглянула и поняла, что сегодня у доктора побывала Джейн по такому же поводу. Вдруг я ни с того ни с сего схватила ручку и записала в лист приема напротив своей фамилии «ОК», и вышло очень похоже на почерк врача. Ума не приложу, почему я это сделала. А потом... потом я убежала.

— Почему же ты потом не призналась? Как я понимаю, он уже на всякие вывихи посмотрелся и простил бы тебя.

— Память надо иметь! — фыркнула Хименес. — Если он решил, что забыл про мое посещение... с какой стати я должна делать за него его работу?

Федоров выбросил было руку, чтобы схватить Маргариту за запястье, но увидел на ее руке синяк и сдержался.

— Послушай, ради всего святого! — воскликнул он. — Латвала заработался так, что еле на ногах держится! И все ради нас! И ты говоришь, с какой стати ты должна ему помогать?

Маргарита приготовилась защищаться. Она посмотрела на Федорова в упор и твердо проговорила:

— Ты обещал, что у нас будут дети.

— Ну... да, конечно, у нас будет уйма детей... но только тогда, когда мы окажемся на планете...

— А если мы никогда не найдем эту планету? Что тогда? Вы можете продлить жизнь биосистемы, как собирались?

— Мы пока бросили эту работу ради конструирования аппаратуры. А на это могут уйти годы.

— Ну, значит, несколько малышей погоды не изменят... пока этот корабль... пока этот проклятый корабль... но зато нам будет...

Федоров приблизился к подруге. Она, широко раскрыв глаза, рванулась в сторону, суетливо хватаясь за скобы.

— Нет! — крикнула Хименес. — Нет! Я знаю, чего ты хочешь! Ты не отнимешь у меня ребенка! Он и твой тоже! Если вы... если ты убьешь мое дитя, я убью тебя! И всех убью!

— Тихо! — проревел Федоров. Маргарита вцепилась в скобу. Плечи ее сотрясались от рыданий, зубы дробно стучали. — Сам я пальцем не пошевелю, обещаю, — сказал Федоров. — Мы пойдем к констеблю. Побудь здесь. Приди в себя. Продумай аргументы. Я схожу за одеждой.

Он ушел и вскоре вернулся за Маргаритой. По пути в каюту он задержался в кабинке интеркома и попросил Реймонта зайти к нему. Всю дорогу до каюты они с Маргаритой друг другу не сказали ни слова.

Только тогда, когда они вошли в каюту и Федоров закрыл дверь, Маргарита всплеснула руками и умоляюще проговорила:

— Борис, это твоё дитя, ты не сможешь... И скоро Пасха...

Федоров обнял ее.

— Держись спокойно, — попросил он подругу. — На-ка выпей немножко, — он подал Маргарите бутылку, где оставалось немного текилы. — Только немножко. Ты должна быть в форме, ясно?

Прозвенел звонок. Федоров впустил Реймонта и закрыл дверь.

— Хлебнуть хочешь, Чарльз? — спросил констебля инженер.

Глянув на Реймонта, Федоров поймал себя на том, что смотрит на средневекового рыцаря, который опустил на лицо забрало перед боем.

— Для начала лучше обсудим вашу проблему, — холодно проговорил констебль.

— Маргарита беременна, — сообщил ему Федоров.

Реймонт молчал и тихо покачивался в воздухе, держась за скобу.

— Пожалуйста! — пробормотала Хименес.

Реймонт знаком велел ей молчать.

— Как это случилось? — спросил он так тихо, что голос его прошелестел, словно струя воздуха, бившая из вентилятора.

Маргарита попыталась объяснить, но у нее ничего не вышло. Федоров путанно и невнятно пробовал ей помочь.

— Ясно, — кивнул Реймонт. — Еще месяцев семь. Но почему вы обратились ко мне? Вам нужно было идти к старшему помощнику. В таких случаях больше некому разбираться, кроме нее. Что я могу? Только арестовать вас за грубейшее нарушение устава, и все.

— Ты... Я думал, мы с тобой друзья, Чарльз, — с упреком проговорил Федоров.

— Я служу всему кораблю, — равнодушно, не меняя тона, откликнулся Реймонт. — Я не могу прощать действий, из-за которых может пострадать безопасность остальных.

— Один крошечный младенец угрожает безопасности? — вскрикнула Хименес.

— А сколько еще их появится, если и другие захотят?

— Что же — ждать вечно?

— Разумнее было бы подождать, пока наша судьба не определится. Ребенку, рожденному в таких условиях, суждена недолгая жизнь и страшная смерть.

Хименес сцепила руки на животе.

— Вы не убьете его! Не убьете!

— Спокойно, — процедил сквозь зубы Реймонт. Хименес сверкала глазами, но умолкла. — Ты что думаешь, Борис?

Инженер медленно проплыл по каюте и встал за спиной подруги. Обняв ее, он сказал:

— Аборт — это убийство. Наверное, такого не должно было случиться, мы виноваты, но я ни за что не поверю, что мои товарищи по экипажу — убийцы. Я умру, прежде чем позволю такому произойти.

— Без тебя нам будет паршиво.

— Вот именно.

— Что ж... — пробормотал Реймонт и отвел глаза. — Вы так до сих пор и не сказали, чего вы от меня ждете. Что я могу сделать?

— Я знаю, что ты можешь сделать, — решительно проговорил Федоров. — Ингрид захочет спасти ребенка. Но она не сумеет этого сделать, если ты ее не поддержишь.

— Гм. Гм. Так... — пробурчал Реймонт и задумчиво забарабанил кончиками пальцев по переборке. — В конце концов, это не самое худшее, что может с нами случиться... — проговорил он наконец. — Если удастся посчитать происшедшее как оплошность, недосмотр, а не как намеренное деяние... В конце концов, так оно и было, в каком-то смысле. Маргарита действовала неосознанно... да и кто из нас сейчас до конца осознает, что делает?.. Гм... Допустим, мы объявим о некотором послаблении в правилах распорядка. Разрешим родить какое-то число детей... Рассчитаем на компьютере, сколько именно мы можем себе позволить, исходя из состояния экосистемы, и пусть тогда женщины, которым так уж безумно хочется родить, рожают... Сомневаюсь, чтобы таких было много сейчас, при нынешних-то условиях. И на рыцарство надеяться не приходится. И все-таки... Появятся детишки, за ними надо

будет следить, заботиться... может быть, из-за этого даже напряженность поубавится...

Голос Реймонта вдруг стал веселее:

— И потом... дети — это же вера в будущее! И какой повод жить! Да!

Хименес попыталась броситься к Реймонту и обнять его. Но он погрозил ей пальцем и, перекрикивая ее рыдания и смех, сказал главному инженеру:

— Успокой даму. А я обсужу дело со старшим помощником. А потом мы все обговорим вместе. А пока никому ни слова, ни полслова.

— Ты... как-то уж больно спокойно все это воспринял... — ошарашенно проговорил Федоров.

— А как еще? — устало спросил Реймонт. — Эмоций и так выше крыши. — (Забрало железного рыцаря дрогнуло, приподнялось лишь на миг и обнажило лицо смертельно усталого человека.) — Будь они прокляты — эти ваши эмоции! — крикнул Реймонт, распахнул дверь и унесся прочь по длинному коридору.

Будро приник к окуляру вьюера. Галактика, к которой мчалась «Леонора Кристина», была похожа на облако бело-голубого тумана на черном фоне. Закончив наблюдения, он оторвался от окуляра, мрачный, и отправился к пульту управления, громко топая по боковому коридору. Ходить по кораблю теперь не составляло труда — сила тяжести восстановилась.

— Что-то не так, — буркнул он. — Я их столько повидал на своем веку. А с этой что-то явно не так.

— Ты про цвет? — отозвался Фоксе-Джемисон, поприветствовав навигатора. — Частота кажется низковатой для нашей скорости? Тут дело в основном в элементарном растяжении пространства, Огюст. Константа Хаббла. Мы наблюдаем группы галактик, чья скорость непрерывно возрастает по отношению к нашей отсчетной. И это неплохо. В противном случае возникал бы эффект Допплера, и на нас обрушивалось бы больше радиации, чем в силах выдержать наши силовые поля. И помимо всего прочего, как ты знаешь, мы сильно рассчитываем на это самое расширение пространства в плане возможности затормозить. Постепенно изменения скорости сами по себе должны перевесить эффективность модуля Буссарда.

— Это элементарно, — проворчал Будро, положил на стол листки с записями и склонился над ними. — Я не о том говорю. Я же своими глазами наблюдал последние месяцы каждую галактику из тех, что мы пролетали насквозь, и те, что оставались на расстоянии. Говорю тебе, я все их типы знаю

наизусть. И типы эти мало-помалу меняются. — Навигатор махнул головой в сторону вьюера. — И вот эта, к которой мы сейчас подлетаем, к примеру, нестандартная, чем-то напоминает наши Магеллановы Облака.

— Да уж... — вздохнул астрофизик. — В такой сумасшедшей дали и Магеллановы Облака можно назвать «нашими», это точно.

Будро оставил его слова без внимания.

— В такой галактике, — продолжал он, — должна наблюдаться высокая пропорция звезд Популяции II. С такого расстояния мы должны бы уже, по идее, различать множество отдельных голубых гигантов. А их нет. В каком спектре ни рассматривай, как ни интерпретируй результаты, чепуха получается. Нет такого типа галактик, Малькольм, — растерянно проговорил Будро. — Что же происходит, а?

Фоксе-Джемисон удивился:

— Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Понимаешь, поначалу все выглядело непонятно, — принялся объяснять Будро. — Я же не астроном в полном смысле слова. И по меркам навигации не большой дока. Для того чтобы получить точное значение тау, к примеру, нужно произвести такую чертову уйму допущений, что... Bien*, когда я окончательно удостоверился, что природа пространства меняется, я пошел к Реймонту. Ты знаешь, как он здорово умеет умирять паникеров, и в этом он прав на все сто. Он посоветовал мне переговорить с кем-нибудь из твоей команды потихоньку и сообщить ему о результатах беседы.

Фоксе-Джемисон откашлялся и воскликнул:

— Слушайте, когда это кончится! Вам что, заняться больше нечем? Я-то думал, что про это на корабле уже каждая собака знает. Мы-то, профи, уже давно перестали эту проблему обсуждать.

— Qu'est que c'est?**

— Слушай, — сказал Фоксе-Джемисон и водрузил на стол правую ногу. — Звезды нарождаются. В их построении участвуют более тяжелые элементы, чем водород. Идут термоядерные процессы. Если какая-то звезда так велика, что взрывается, то есть сверхновая, в конце своей жизни она выбрасывает кое-какие из атомов этих веществ в межзвездное пространство. Но более важный процесс, хотя и менее зрелищный, заключается в уменьшении массы более мелких звезд, то

* Хорошо (фр.).

** В чем дело? (фр.)

есть большинства находившихся в состоянии красных гигантов в стадии расширения. Новые поколения звезд и планет впитывают в себя эту обогащенную среду и делают свой вклад в ее уплотнение. Минуют века, и постепенно возрастает пропорция звезд, содержащих в своем спектре большую пропорцию металлов, что отражается на конечной картине спектра галактики. Но конечно, ни одна звезда уже больше не отдает в пространство большую часть материала, ее сформировавшего. Подавляющая часть материи пребывает в виде плотных тел, постепенно остывая до абсолютного нуля. И межзвездная среда расщепляется. Пространство между галактиками становится все более и более разреженным. Скорость формирования звезд падает.

Фоксе-Джемисон показал рукой вперед.

— И в конце концов наступает момент, когда дальнейшая конденсация становится невозможной. Насыщенные энергией, коротко живущие голубые гиганты сгорают сами по себе и не оставляют после себя потомства. Галактику освещают только карлики, и в конце концов остаются только холодные, мелкие, ничтожные звездочки типа М., которым жить осталось не больше ста гегалет.

Смею судить, что та галактика, к которой мы приближаемся, недалеко от этого печального мгновения.

Будро задумался.

— Значит... — растерянно проговорил он. — Значит, мы не сумеем вытрясти из таких галактик необходимую скорость, как раньше. Рассчитывать придется только на ничтожное количество межзвездного газа и пыли?

— Точно, — кивнул Фоксе-Джемисон. — Но ты не переживай так сильно. Думаю, нам хватит. Звезды не все забирают. И потом, есть же еще межгалактическая среда, межклановая, межсемейственная — да, она разреженная, но и там есть чем поживиться при нашем нынешнем тау.

Астрофизик дружески сжал руку навигатора и доверительно проговорил:

— Огюст, мы уже пропахали по космосу тысячу миллионов лет. Резонно видеть какие-то изменения.

Будро не мог так спокойно воспринимать астрономическую терминологию.

— Ты хочешь сказать... — прошептал он, — что вся Вселенная состарилась, пока мы летим, да?

Впервые за многие годы опытный навигатор перекрестился.

Дверь в кабинет старшего помощника была закрыта. Чиюань немного помедлила перед тем, как нажать кнопку звонка. Когда Линдгрэн впустила ее, китаянка смущенно пробормотала:

— Мне сказали, что ты одна...

— Пишу, — ответила Линдгрэн. Даже ссутулившись, она была на голову выше планетолога. — У меня выдался свободный часок.

— Неудобно тебя беспокоить, но...

— А для чего же я существую, Айлинь? Садись.

Линдгрэн вернулась к письменному столу, заваленному стопками бумаг. Переборки дрожали, меняя звук в зависимости от величины ускорения. Лететь при нормальной силе тяжести оставалось день с небольшим. «Леонора Кристин» подбиралась к галактическому клану непредсказуемых размеров и плотности.

Какое-то время жила надежда на то, что именно здесь удастся отыскать место, где можно будет остановиться. Реальность опровергла надежду. Слишком сильно выросла величина обратного гравитационного поля.

На общем собрании кое-кто предлагал все-таки притормозить хоть немного, чтобы в следующем клане было легче остановиться. Ничего преступного в этом предложении не было, и торможение не исключалось — если бы только космографы располагали более точными данными. Но в их распоряжении были только данные статистики, и на их основании Чидамбаран и Нильссон утверждали, что вероятность обнаружения места для остановки представляется более высокой в случае продолжения полета в режиме ускорения. Доказательства их оказались столь вескими, что большинство членов экипажа с ними согласились, приняв мудреные выкладки астрономов на веру. Реймонту пришлось-таки усмирить немногочисленных бунтовщиков.

Чиюань уселась на краешек гостевого кресла — маленькая, аккуратно причесанная, в короткой красной тунике со стоячим воротником и широких белых брюках. Черные блестящие волосы китаянки были сколоты на затылке белым костяным гребнем. Линдгрэн выглядела совершенно иначе, и дело тут было не только в росте и цвете волос. Ее рубашка была расстегнута у ворота, рукава закатаны до локтя, кое-где перепачкана. Волосы нерасчесаны, глаза ввалились.

— Что ты пишешь, если не секрет? — начала разговор Чиюань.

— Проповедь, — ответила Линдгрэн. — Так трудно. Я же не литератор.

— Проповедь? Ты?

Линдгрэн печально усмехнулась:

— Ну, не в прямом смысле проповедь. Обращение капитана к празднику Летнего Солнцестояния. Он ведь все еще проводит службы сам. Но попросил меня обратиться к экипажу от его имени.

— Он не совсем здоров, да? — негромко спросила Чиюань. Линдгрэн стала серьезной.

— Да. Надеюсь, ты не станешь об этом болтать. Пусть все так думают, а говорить не стоит. Все его работа, ответственность... — печально проговорила она, упершись локтями о стол и обхватив голову ладонями.

— Но в чем он может себя винить? Разве у него есть другой выбор, кроме как доверить нашу судьбу автоматам?

— Он переживает, — вздохнула Линдгрэн. — А последнее обсуждение? Он и так плох, а тут еще это... Нет, ты не думай, у него пока нет нервного истощения. Пока. Но убеждать людей в чем бы то ни было он уже не состоянии.

— А нужен ли праздник? — тихо спросила Чиюань.

— Не знаю, — устало отозвалась Линдгрэн. — Просто не знаю. Сейчас, когда... нет; мы еще ничего не объявляли официально, но люди переговариваются и считать умеют... скоро уже будет пять или шесть миллиардов лет... — Она подняла голову, руки ее бессильно упали. — Праздновать земной праздник Летнего Солнцестояния, когда Земли-то уж, наверное, и нет вовсе...

Линдгрэн крепко сжала подлокотники кресла. На миг в ее синих глазах вспыхнул безумный огонь. С минуту она смотрела перед собой, не мигая, словно ослепла, но мало-помалу напряжение спало, она поникла, откинувшись на спинку кресла и сухо проговорила:

— Констебль убедил меня в необходимости следовать ритуалам. «Доверие». «Взаимопонимание». «Объединение» — после недавней перепалки на общем совете. «Возрождение надежд» — особенно ради еще не рожденного младенца. «Новая Земля... Мы вырвем ее из десницы Господа»... Если слово «Господь» еще хоть что-то значит для кого-то. Может быть, о религии и говорить не стоит, не знаю. Карл мне только в общих чертах обрисовал эту речь. Он считает меня замечательным оратором. Меня! Сразу поймешь, каково положение дел, верно?

Линдгрэн смутилась, взяла себя в руки.

— Прости, — пробормотала она. — Я не должна была выкладывать тебе свои проблемы.

— Проблемы у нас общие, старший помощник, — успокоила ее Чиюань.

— Пожалуйста, не надо так! Меня зовут Ингрид. Но все равно, спасибо. Понимаешь, твое спокойствие... выдержка... это так важно. Ты одна из тех, на кого можно положиться. Сад покая... Да... Что у тебя за дело? — спросила Линдгрэн.

Чиюань потупила взгляд.

— Дело в Чарльзе.

Кончики пальцев Линдгрэн побелели.

— Ему нужна помощь, — продолжала Чиюань.

— У него есть помощники, — проговорила Линдгрэн.

— Что они могут без него? Что мы все без него можем? Ты сама, Ингрид? Ты ведь тоже от него зависишь!

— Конечно, — резко кивнула Линдгрэн, сплела пальцы и до боли сжала. — Ты должна понять... может быть, он никогда тебе о том не говорил, и мне не говорил, и я ему тоже... но только мы с ним больше не в ссоре. Все забылось, мы просто работаем вместе. И я хочу ему только добра.

— Может быть, ты хотела бы поделиться с ним добротой?

— Ты о чем? — нахмурившись, резко спросила Линдгрэн.

— Он устал. Так устал, что ты просто не представляешь, Ингрид. Ему так одиноко.

— Он такой человек.

— Может быть. И все-таки он не машина, не огонь, не хлыст, не пистолет ходячий. Я успела его узнать поближе. В последнее время я смотрю на него... как он спит, когда удастся... Он живет из последних сил. Я слышу, как он порой разговаривает во сне...

Линдгрэн сжала кулачки.

— Что мы можем сделать для него?

— Верни ему хоть часть его сил. Ты можешь, — твердо сказала Чиюань и посмотрела Линдгрэн прямо в глаза. — Понимаешь, он любит тебя.

Линдгрэн встала, отошла от стола, сцепила руки на груди.

— У нас есть обязательства, — выдавила она.

— Я все понимаю...

— Нельзя больно бить человека, особенно такого, который нам так нужен. И изменять больше нельзя. Я призвана быть офицером во всем, что делаю. И Карл тоже. И потом... — пробормотала она сдавленным голосом, — он откажется.

Чиюань тоже поднялась.

— Можешь подарить ему эту ночь? — спросила она.

— Что? Что? Нет. Это невозможно. Говорю же тебе! Нет, то есть дело не во времени, но все равно невозможно. Тебе лучше уйти.

— Пойдем со мной, — умоляюще проговорила Чиюань и взяла Линдгрена за руку. — Неужели из-за того, что ты зайдешь к нам в каюту, будет скандал?

Линдгрэн покорно пошла за китайкой. По дребезжащей лестнице они спустились на палубу экипажа. Чиюань открыла дверь каюты,пустила Линдгрена и закрыла за собой дверь. Они стояли в комнатке, украшенной вещами из страны, которая, наверное, умерла много лет назад, и смотрели друг на друга. Линдгрэн коротко, хрипло дышала. Лицо ее покрылось красными пятнами, краснота поползла вниз по шее, по груди.

— Он должен скоро вернуться, — сказала Чиюань. — Он ничего не знает. Это мой ему подарок. Одну ночь, подари ему хотя бы одну ночь и скажи, что ты не переставала любить его.

Китайка раздвинула кровати и опустила разделительную штору. Она не сумела спрятать слезы, застилавшие глаза.

Линдгрэн быстро обняла ее, поцеловала и оттолкнула. Чиюань исчезла за шторой. Ингрид стала ждать.

Глава 19

— Пожалуйста! — взмолилась Джейн Седлер. — Помоги ему!

— А ты сама не можешь? — спросил Реймонт.

— Я пробовала. Похоже, я только хуже делаю. Он в таком состоянии. От меня никакого толку. Тут мужчина нужен. Понимаешь? — покраснев, спросила Седлер.

— Ну, я не психолог, — пожал плечами Реймонт. — Ладно, пойдем посмотрим, может, что и получится.

Реймонт вышел из беседки, где его разыскала Седлер. Тут царил такой покой и тишина, что Реймонт отдыхал душой среди карликовых деревьев, увитых лозами лиан. Правда, он заметил, что остальные все реже навдываются в оранжерею. Может быть, не хотят погружаться в воспоминания?

Про праздник Осеннего Равноденствия как-то позабыли, да и про все остальные — тоже. Церемония по поводу Летнего Солнцестояния прошла на редкость скромно.

А вот в спортивном зале шла оживленная игра в ручной мяч. Невесомость делала ее особенно забавной. Играли космолетки, но скорее озверело, нежели весело. В зале собралось довольно много болельщиков и тех, кто пришел поразмяться. Интерес к еде у многих тоже угас, да и Кардуччи, честно говоря, в последнее время не проявлял особой изобретательности. Кое-кто равнодушно поздоровался с Реймонтом.

Дверь мастерских была приоткрыта. Жужжал моторчик токарного станка, полыхало пламя автогена. Като М'Боту и Иешу бен-Цви увлеченно трудились — видимо, изготавливали какую-то деталь по заказу Федорова и Перейры. В последнее время работы по реконструкции систем жизнеобеспечения возобновились.

Само по себе это было неплохо, но больших успехов пока что не отмечалось. Прежде чем переделывать системы, от которых зависела сама жизнь экипажа, нужно было четко представить себе, чем именно занимаешься. Пока что работа находилась в исследовательской стадии, и стадия эта должна была продлиться еще не один год. В работе же покуда участвовали лишь отдельные специалисты, и только в будущем могло потребоваться больше рабочих рук.

А вот проект Нильссона развивался превосходно. Собственно говоря, работа его бригады приближалась к концу. Она, пожалуй, могла бы быть завершена уже сейчас, если бы астрономы не придумывали непрерывно что-то новенькое. Но основные труды остались позади: грузовую палубу расчистили, вторая палуба преобразилась в электронную обсерваторию с точнейшим оборудованием. Эксперты получили возможность погрузиться в увлекательнейшие исследования глубин Вселенной. Но у большинства членов экипажа работы не было.

Оставалось только терпеть и ждать.

Экипаж вставал на дыбы при малейшем кризисе. Всякая вспышка надежды становилась тише предыдущей, а тоска — все глубже и чернее с каждым днем. Казалось бы, разрешение рожать детей должно было всколыхнуть экипаж. И действительно, две женщины живо откликнулись на разрешение, и через несколько месяцев истекал срок действия противозачаточной инъекции. Остальных эта перспектива вроде бы тоже не оставила безучастными, и все-таки...

Корабль тряхнуло. Реймонт покачнулся и чуть было не упал. Раздался глухой, низкий звон, но вскоре утих. Возобновился свободный полет. «Леонора Кристин» рассталась с очередной галактикой.

Подобные перепады с каждым днем становились все чаще. Неужели никогда не удастся найти подходящего места для остановки? Быть может, стоит начать тормозить хотя бы для разнообразия?

Не могли ли Нильссон, Чидамбаран и Фоксе-Джемисон прощитаться? Может быть, они сами начали понимать это? Может быть, в последние недели именно поэтому они и торчат часы

напролет в обсерватории, и выглядят так обеспокоенно, и отводят глаза, когда являются на общие трапезы?

Но уж у Линдгрена-то наверняка есть какие-то сведения от Нильссона...

Реймонт проплыл над лестничным пролетом к палубе команды. Заглянув ненадолго к себе в каюту, он отыскал нужную дверь и позвонил. Не дождавшись ответа, он попробовал толкнуть дверь — заперто. Зато оказалась незапертой вторая дверь, на половину Джейн Седлер. Реймонт вошел в каюту через эту дверь, но обнаружил, что ширма, делящая каюту пополам, опущена. Реймонт, не раздумывая, поднял ширму...

Иоганн Фрайвальд парил в воздухе на тоненьком тросике, скрючившись, словно зародыш во чреве матери. Казалось, он спит, но глаза его были открыты.

Реймонт ухватился за скобу, поймал взгляд Фрайвальда и небрежно проговорил:

— А я думал, где это тебя носит? Носа не показываешь столько времени. Потом прослышал, что тебе нездоровится. Могу чем-нибудь помочь?

Фрайвальд буркнул что-то нечленораздельное.

— А вот ты мне нужен до зарезу, — продолжал Реймонт как ни в чем не бывало. — Ты мой главный помощник, правая рука, мозговой центр. Я уже за голову хватаюсь, ничего без тебя не успеваю. Не время тебе прохлаждаться. Я не могу тобой пожертвовать.

— Мной надо пожертвовать, — замогильным голосом проговорил Фрайвальд.

— То есть? Что случилось?

— Не могу больше. Вот и все. Не могу.

— А что такое? — удивленно спросил Реймонт. — Никакой такой тяжелой физической работы у нас сейчас не наблюдается. Да и ты не тряпка. С невесомостью у тебя сроду проблем не бывало. Ты дитя машинного века, мужчина, твердо стоящий на ногах. Не то, что эти сопляки, которым няньки нужны с сосочками и колыбельными песенками. Их, видите ли, тонкие души не в силах перенести такого долгого путешествия... Или ты тоже в их компанию записался, а? — язвительно поинтересовался Реймонт.

Фрайвальд перевернулся в воздухе. На щеках его проглядывала темная щетина.

— Да, я мужчина, это ты верно подметил, — буркнул он. — Не робот. А потому мне свойственно думать время от времени.

— Друг мой, а как бы, интересно, мы выжили, если бы каждый из нас не думал каждую минуту, а?

— Я не про ваши треклятые замеры, вычисления, доводки курса, реконструкцию оборудования говорю! Все это только ради того, чтобы не угас инстинкт самосохранения. Знаешь, рак из кастрюли с кипятком лезет с такой же страстью. Что мы на самом деле делаем, вот в чем вопрос! Что все это означает?

— Et tu, Brute*, — пробормотал Реймонт разочарованно.

Фрайвальд развернулся и посмотрел на констебля в упор.

— Ты, конечно, у нас непробиваемый... А знаешь, какой сейчас год?

— Нет. И ты не знаешь. Никто не знает точно. Это бессмысленно — пытаться определить, какой сейчас год в Солнечной системе.

— Не надо! Знаю я все отлично! Мы пролетели примерно пятьдесят миллионов световых лет. Преодолели жуткое расстояние. Если бы мы сейчас, в это самое мгновение взяли и оказались в Солнечной системе, мы бы там ни черта не увидели! Наше Солнце сошло давным-давно. Распухло, вспыхнуло и подпало Землю, и сгорело, как свечка на ветру. Сначала в красного карлика превратилось, потом стало похоже на выцветший кусочек янтаря, а потом рассыпалось, как пепел. Значит, в нашей Галактике не осталось ничего, кроме умирающих красных карликов. И Млечного Пути нет. Все, что мы знали, все, что нас взрастило, — все погибло. Человечества больше не существует.

— Ну, не скажи.

— Значит, оно стало таким, каким мы его себе и представить не в силах. Мы призраки, — продолжал Фрайвальд. Губы его дрожали. — Мы, как маньяки, мчимся вперед, вперед...

Корабль снова тряхнуло.

— Вот. Слышал? — прошептал Фрайвальд, и глаза его налились кровью. — Еще одна галактика. Еще сто тысяч световых лет. А для нас — доля секунды.

— Не совсем так, — возразил Реймонт. — Не такое уж у нас низкое тау. Мы только четверть спирали одолели.

— И сколько миров погубили? Цифры я знаю, не думай. Да, мы не так массивны, как звезда. Но наша энергия... Пожалуй, мы можем Солнце проткнуть насквозь, и даже не заметить.

— Пожалуй.

* И ты, Брут (лат.).

— Еще один штришок к нашему портрету. Мы же стали угрозой для... для...

— Не думай так, — оборвал его Реймонт. — Потому что это неправда. Мы сталкиваемся только с газом и пылью, больше ни с чем. И галактик мы пересекаем не так уж много. Они лежат довольно близко одна к другой, благодаря своим размерам. Внутри скопления расстояние между его членами составляет что-то около десяти диаметров средней галактики, а то и того меньше. Отдельные звезды внутри галактики... но это уже другой разговор. Их диаметр — микроскопическая часть светового года. В области ядра, в самых плотных зонах... все равно расстояние между двумя звездами это почти то же самое, что расстояние между двумя людьми, находящимися на разных концах континента. Большого континента. Размером с Евразию.

Фрайвальд отвел глаза.

— Нет больше никакой Евразии, — пробормотал он. — Ничего нет.

— Есть мы, — откликнулся Реймонт. — Мы живы, мы существуем, у нас есть надежда. Чего же тебе еще? Какой-нибудь грандиозной философской цели? Забудь о ней. Это роскошь. Грандиозную цель за нас сочинят наши потомки, когда будут придумывать героическую эпопею наших подвигов. А у нас есть пот, кровь и слезы! — воскликнул Реймонт и горько усмехнулся. — То есть абсолютно прозаические выделения организма. Но что в этом ужасного? Твоя беда в том, что ты возвел сочетание акрофобии, сенсорной депривации и нервного перенапряжения в ранг метафизического кризиса. Что до меня, то я вовсе не презираю наш рачий инстинкт выжить, вылезти из кастрюли с кипятком. Я рад, что он у нас сохранился.

Фрайвальд молча парил в воздухе.

Реймонт подобрался к механику и сжал его плечо.

— Я понимаю. Тебе трудно. Наш самый страшный враг — отчаяние. Любого из нас время от времени оно укладывает на лопатки.

— Только не тебя, — сказал Фрайвальд.

— И меня тоже, — признался Реймонт. — Бывает. Но я тут же поднимаюсь на ноги. И ты поднимешься. Как только перестанешь чувствовать собственную бесполезность из-за слабости. Это пройдет. Ничего сверхъестественного — результат временной физической усталости. Между прочим, дружок, Джейн это понимает лучше тебя. Словом, слабость скоро пройдет. А потом еще сам над собой посмеешься. И в постели все пойдет как по маслу.

— Ну... — смущенно пробормотал Фрайвальд, слушавший Реймонта напряженно и нервно, но теперь уже успевший успокоиться и немного расслабиться. — Может быть.

— Я точно знаю. Не веришь мне — спроси доктора. Если хочешь, я могу попросить его, и он тебе пропишет каких-нибудь таблеток, чтобы ты быстрее пошел на поправку. Я не просто о тебе забочусь, Иоганн. Ты мне нужен.

Реймонт почувствовал, как расслабились мышцы плеча Фрайвальда, сжатые его рукой. Он улыбнулся.

— Вообще-то, — заговорщицки произнес он, — у меня есть с собой немножко одного замечательного психотропного средства. Потрясающее снадобье. Панацея, можно сказать.

— Чего-чего? — удивленно глянул на констебля Фрайвальд.

Реймонт подмигнул ему и вытащил из-под куртки пластиковую бутылку с двумя трубочками.

— Вот, — довольно сказал он. — Должность дает некоторые привилегии, как-никак. Виски. Отличный сорт, не то что ведьминское зелье, которое пьют скандинавы. Прописываю тебе солидную дозу, да и себе тоже. С удовольствием поболтаю с тобой. Давно мы не толковали по душам, а?

Разговор по душам затянулся на час, и Фрайвальд малопомалу вошел в норму, но тут прозвучал сигнал интеркома, и голос Ингрид Линдгрэн проговорил из динамика:

— Констебль, вы здесь?

— Да, я здесь, — ответил Реймонт.

— Седлер помогла мне вас разыскать, — объяснила первый помощник. — Карл, не могли бы вы подняться на мостик?

— Срочно? — поинтересовался Реймонт.

— Ну... не то чтобы так уж срочно, пожалуй... Просто результаты последних наблюдений показывают, что... в пространстве происходят дальнейшие эволютивные изменения. Скорее всего, придется переделать график полета. Я подумала, что вы захотите поучаствовать в обсуждении.

— Хорошо, — ответил Реймонт. — Сейчас приду. Прости, дружище, — сказал он Фрайвальду, — придется прерваться, а жаль.

— Мне тоже, — кивнул Фрайвальд, с тоской поглядел на бутылку и протянул ее Реймону.

— Да нет, не надо, прикончи ее сам, — отказался Реймонт. — Но не в одиночку, конечно. В одиночку пить скучно. Я скажу Джейн.

— О Господи! — рассмеялся Фрайвальд. — Как ты верен себе!

Реймонт встал, вышел, закрыл за собой дверь каюты. В коридоре было пусто. Констебль постоял немного, прикрыв глаза, унял дрожь и отправился на мостик.

Навстречу ему по лестнице спускался Норберт Вильямс.

— Привет, — поздоровался с Реймонтом химик.

— Что-то вы веселенький нынче, — отметил Реймонт.

— Это точно, — усмехнулся Вильямс. — Мы тут с Эммой побеседовали... словом, имеется одна идея насчет определения того, есть ли жизнь на той или иной планете. Можно это сделать дистанционно. Понимаете... к примеру, планктон придает поверхности океана определенные терминальные характеристики, и на основе эффекта Доплера можно исследовать частоты теплового излучения, и...

— Отлично. Работайте дальше. А если вам еще и других удастся подключить к работе, я буду только рад.

— А как же! Конечно, мы думали об этом.

— И еще я вас попрошу, профессор. Если где увидите Джейн Седлер, скажите ей, что ее дружок хочет сказать ей что-то срочное. Или передайте через кого-нибудь, ладно?

Реймонт помчался вверх по лестнице, а Вильямс понимающе хохотнул, провожая констебля взглядом.

На командной палубе было пусто и тихо. В рубке около व्यюера стояла Линдгрэн в полном одиночестве. Она обернулась, когда вошел Реймонт, и он увидел, как она страшно бледна.

— Что случилось? — торопливо спросил Реймонт, прикрыв за собой дверь.

— Ты никому не говорил?

— Никому ни слова. В чем дело?

Она попыталась объяснить, но не смогла.

— Ты больше никого не звала? — спросил Реймонт.

Линдгрэн помотала головой. Реймонт подобрался к ней поближе, закрепился ногой за скобу и обнял Ингрид. Она обвила его шею руками и прижалась так же крепко, как в ту единственную, украденную у судьбы ночь.

— Никого, — пробормотала Ингрид, уткнувшись в грудь Реймонта. — Элоф и... Огюст Будро... это они мне сказали. Кроме них, про это знают только Малькольм и Мохандас. Они попросили, чтобы я сказала Старику. Они не решаются. Не знают как. Я тоже не знаю. Не только ему. Всем остальным. Карл, — отчаянно проговорила Линдгрэн, сжимая в пальцах ткань куртки Реймонта, — что нам делать?

Он погладил ее волосы, глядя поверх ее головы в одну точку и слушая, как часто и нервно бьется ее сердце. Корабль вздрогнул, задрезжал и снова дрогнул. Переборки звенели тоньше обычного. Из вентилятора пахнуло холодом. Казалось, обшивка вдавлируется внутрь.

— Продолжай, — выговорил Реймонт наконец. — Что случилось, милая?

— Вселенная... вся Вселенная... умирает.

Реймонт сглотнул подступивший к горлу комок и не сказал ни слова. Линдгрэн немного отстранилась. Их глаза встретились. Сбивчиво, поспешно она заговорила:

— Мы так далеко улетели... так далеко... В пространстве и во времени. Больше ста миллиардов лет прошло... Астрономы начали подозревать неладное давно... не знаю когда. Знаю только то, что они мне сказали. Уже все слышали, что те галактики, которые мы видим... они стали тусклыми... Старые звезды гаснут, а новые не рождаются. Мы никак не ожидали, что это как-то повлияет на нас. Мы всего-навсего искали одно-единственное маленькое солнышко, похожее на наше Солнце. Таких должно было много остаться. Галактики живут долго. А теперь...

Они не были уверены... Наблюдения проводить трудно. Но они удивлялись все больше и больше... и стали думать о том, не улетели ли мы дальше, чем думали, не недооценили ли пройденное расстояние. Тщательно проверили сдвиги за счет эффекта Допплера. В последнее время чаще, чем раньше, мы пролетаем все больше и больше галактик, и газовые массы между ними становятся все плотнее.

И они... они пришли к выводу, что наблюдаемые явления нельзя объяснить никакими показателями нашего тау. Галактики слипаются. Пространство больше не расширяется. Оно достигло предела расширения и теперь сжимается вновь. Элоф говорит, что этот коллапс будет продолжаться. До конца.

— А мы? — хриплым голосом спросил Реймонт.

— Кто может сказать? Ясно одно. Цифры говорят, что мы не можем остановиться. То есть могли бы, но... К тому времени, когда мы остановимся, уже ничего не останется... только мрак да сгоревшие дотла солнца, абсолютный нуль, и смерть, смерть. Больше ничего.

— Мы не хотим этого, — тупо пробормотал Реймонт.

— Нет. А чего мы хотим? — спросила Линдгрэн. Странно, что она не плакала. — Я думаю... Карл, почему бы нам всем не попрощаться? Последний праздник. С вином и свечами. А потом разойдемся по каютам. Мы с тобой — в нашу каюту.

Будем любить друг друга, если сумеем, и скажем друг другу «спокойной ночи». Морфия на всех хватит. Сон будет сладким. — Реймонт снова крепко прижал ее к себе. — Ты читал «Моби Дика»? — прошептала Линдгрэн. — Это про нас. Мы гонялись за Белым Китом. До окончания веков. И вопрос... «Что такое человек, если ему суждено пережить своего Бога»...

Реймонт нежно отстранил Линдгрэн и перебрался к вьюеру. В тот миг, когда он взглянул в окуляр, мимо пронеслась очередная галактика — всего в нескольких десятках тысяч парсеков. Конфигурация ее была хаотичной, бесформенной. Галактика излучала тусклый, красноватый свет, по краям наминавший запекшуюся кровь.

Галактика исчезла из поля зрения, а корабль промчался сквозь следующую, вызвав в ней настоящую бурю. Реймонт оторвался от окуляра.

— Нет! — процедил он сквозь зубы и выскочил на командную палубу.

Глава 20

Реймонт и Линдгрэн стояли на сцене и смотрели на собравшихся в зале товарищей.

Все сидели в креслах, пристегнувшись ремнями. Ножки кресел были прикреплены к палубе скобами. Дело было не в невесомости. За последнюю неделю режим полета менялся так часто, что о переменах не успевали сообщать.

В тисках между показателями тау, вырабатываемыми за счет захвата атомов межзвездной пыли и газа и сжатием расстояния из-за этих самых показателей, вследствие сокращения радиуса самого космического пространства, корабль большую часть времени летел при почти нормальной силе тяжести и по самым глубоким пропастям межклановых пустот. Пересекая галактики, он все чаще и чаще набирал ускорение. Периоды полета с высоким ускорением наступали так часто и резко, что системы компенсации не успевали справляться с гравитационными сдвигами. Ощущались они, как накатывающие волны, и каждая волна сильнее, чем предыдущая, сотрясала обшивку и переборки.

Если бы четыре дюжины человек при такой тряске стояли на ногах — не сосчитать бы потом синяков и переломов. Но Реймонт и Линдгрэн стояли, крепко держась за скобы. Стояли они не только потому, что умели и были обучены — в этот

час люди должны были видеть перед собой эту нестигаемую пару.

Ингрид закончила сообщение словами:

— ...вот что произошло. Мы не сумеем остановиться, пока Вселенная не погибнет.

Пока она говорила, в зале стояла тишина. Теперь стало еще тише. Вскоре молчание нарушил плач нескольких женщин, чьи-то проклятия, чьи-то тихие молитвы. Сидевший в первом ряду капитан Теландер склонил голову и закрыл лицо руками. Корабль в очередной раз трянуло. Звон и треск пронесся по всем помещениям.

Пальцы Линдгрена судорожно сжали руку Реймонта.

— Констебль хочет что-то сказать вам; — обратилась она к залу.

Реймонт шагнул вперед. Взгляд его запавших, налитых кровью глаз был так яростен, что Чиуань не осмелилась ободрающе махнуть ему рукой, хотя хотела. На Реймонте была серая, как шкура волка, куртка. На поясе — неизменный пистолет. Спокойно, без эмоций, которыми было наполнено выступление старшего помощника, он начал:

— Я знаю: вы все думаете, что это конец. Мы старались, как могли, но ничего не вышло. Значит, вас надо оставить в покое, чтобы вы могли примириться с Божьей волей. Что ж, я не отговариваю вас от этого. Я не представляю точно, что может с нами случиться. Слишком тут все чужое. Честно говоря, спорить не стану: шансов у нас маловато.

Но не думаю, что они нулевые. Говоря так, я не имею в виду, что мы можем выжить в мертвой Вселенной. Можно предпринять простую вещь. Замедлять скорость, пока время на борту станет не слишком отличаться от фактического, продолжая между тем лететь достаточно быстро, чтобы успевать собирать водород. А потом — жить столько, сколько нам будет отпущено, и не смотреть на черную пустоту, что нас окружает, не горя о судьбе ребенка, который вот-вот должен появиться на свет.

Может быть, такое возможно физически, если только термодинамика коллабирующего пространства не сыграет с нами какую-нибудь злую шутку. Но вот возможно ли это психологически... не представляю. Судя по вашим лицам, вы со мной согласны. Верно?

Что же нам делать?

Я думаю, у нас есть обязанность. Мы обязаны расе, породившей нас, обязаны нашим будущим детям, и обязанность наша в том, чтобы продолжать искать ходы до самого конца.

Для большинства из вас это означает всего-навсего то, что нужно жить, как жили, не сходить с ума. Я прекрасно понимаю, что это трудно — труднее никому еще на свете не приходилось. А команде и ученым, кроме того, придется нести службу и готовить корабль к грядущим испытаниям. Это — дело другое.

Так что храните спокойствие. Личное спокойствие. И мир в ваших душах. Другого мира еще не придумали. Снаружи идет бой. И я думаю, мы вступим в этот бой без мысли об отступлении.

Громче, чем раньше, Реймонт сказал:

— Я предлагаю дожидаться следующего космического цикла.

Все насторожились. Зашумели. Перекрикивая общий галдеж, кто-то крикнул: «Нет! Это безумие!» А кто-то: «Потрясающе!» — «Невозможно!» — «Святотатственно!» — звучали и звучали выкрики.

Реймонт выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. Шум утих.

Реймонт усмехнулся.

— Холостой патрон, — пояснил он. — Получше гонга, верно? Не сомневайтесь, я все заранее обговорил с офицерами и нашими корифеями-астрономами. Офицеры согласны, что попробовать стоит. Терять нечего. Но нам, безусловно, нужно общее согласие. Давайте обсудим все по-людски, спокойно. Капитан Теландер, не откажетесь председательствовать?

— Нет, — замотал головой капитан. — Лучше вы. Пожалуйста.

— Отлично. Начнем обсуждение. Слово для начала нашему ведущему физику.

Бен-Цви, не скрывая возмущения, объявил:

— Расширение Вселенной заняло одну-две сотни миллиардов лет. Сжиматься она будет не быстрее. Вы что, серьезно верите, что нам удастся добиться таких показателей тау, что мы переживем этот цикл?

— Я вполне серьезно верю в то, что попробовать стоит, — ответил Реймонт. Корабль вздрогнул и задрезжал. — Мы уже в здешнем скоплении кое-чего в этом плане добились. Материя уплотняется, и мы летим все быстрее. Кривизна пространства все выше. Круговой облет Вселенной до сих пор мы произвести не могли, потому что она не могла долго просуществовать в той форме, которая была нам известна. Это мнение профессора Чидамбарана. Хотите пояснить, Мохандас?

— Пожалуйста, если угодно, — кивнул космолог. — В расчет надо принимать не только пространство, но и время.

Характеристики континуума в целом будут изменяться очень быстро и радикально. Обдуманное размышление подвело меня к выводу о том, что вследствие этих перемен нынешнее экспоненциальное понижение фактора тау тоже пойдет быстрее. — Немного помолчав, он добавил: — Опираясь на приблизительную оценку, могу сказать, что при существующих обстоятельствах до полного коллапса остается примерно три месяца. — Его последние слова вызвали оживление и ропот. Выждав, пока шум стихнет, Чидамбаран продолжил: — И все-таки, когда меня спросили офицеры о выводах из этих расчетов, я честно и откровенно ответил, что не знаю, как мы сумеем выжить. Итоги наблюдений подтверждают доказательства, выведенные профессором Нильссоном эмпирически... миллионы лет назад на основании изучения Солнечной системы... Он доказал, что Вселенная не погибает совсем. Она возродится. Но сначала вся материя и энергия должны собраться в моноблок высочайшей плотности и температуры. При нашей нынешней скорости мы способны безбедно промчаться сквозь звезду. Но через зарождающееся ядро Вселенной промчаться не сумеем. Лично я предлагаю относиться ко всему спокойно и трезво, — заявил космолог и демонстративно сложил руки на груди.

— Идея неплохая, — кивнул Реймонт. — Но, думаю, это не единственное, чем мы могли бы заняться. Можно продолжать полет. Позвольте, я перескажу вам то, что сказал на совете экспертов. Никто со мной спорить не стал.

Факт состоит в том, что никто не знает наверняка, что именно должно произойти. Лично я догадываюсь, что не обязательно все должно свестись к нулю. Такое упрощение хорошо в математике, но в жизни так не бывает. Я думаю, что центральное ядро материи должно обладать грандиозной водородной оболочкой даже непосредственно перед взрывом. Края этой оболочки могут оказаться для нас не слишком плотными и не чересчур раскаленными. По сравнительно небольшой орбите мы сможем кружить вокруг ядра наподобие спутника. Когда же ядро взорвется и начнет расширяться, мы сами полетим от него по спирали. Я понимаю, звучит неуклюже, но в общих чертах, думаю, это именно то, что мы должны сделать... Норберт, вы?

— Я себя верующим никогда не считал, — начал Вильямс, смущенный и растерянный, совсем на себя не похожий. — Но это как-то слишком. Мы... Кто, кто мы такие? Животные. Боже мой... это я буквально, честное слово... Боже мой... как можно ходить в сортир, когда... когда происходит акт творения!

Эмма Глассголд, сидевшая рядом с ним, вздрогнула и подняла руку. Реймонт дал ей слово.

— Я тоже выскажусь как верующая, — проговорила Глассголд. — Думаю, что это чистой воды ерунда. Норберт, милый, прости, но это так. Господь создал нас такими, какими он хотел нас видеть. И всякая часть его творения благословенна. Я бы желала смотреть, как он творит новые звезды, и славить Его, покуда он мне позволит.

— Храни тебя Господь! — вырвалось у Линдгрена.

— Я могу добавить, — вмешался Реймонт. — Я человек, так сказать, прозаичный и у других в душах поэзии не ищу, но... Я бы предложил каждому из вас заглянуть себе в душу и спросить себя, с какой стати надо отказываться жить, когда время только начинается. Может быть, вы вспомните... своих родителей, что ли. Никому не хочется видеть, как умирают родители, как они лежат на смертном одре, а потому лучше увидеть, как рождается космос. — Сделав глубокий вдох, Реймонт проговорил: — Никто не спорит: то, что происходит, страшно, пугающе. Но так было всегда. А я вот никогда не думал, что звезды более загадочны и волшебны, чем, скажем, цветы.

Всех просто-таки прорвало. Всем нужно было выговориться. И всех выслушали, пусть выступления не всегда были содержательны. К тому времени, когда можно было приступить к голосованию, Реймонт и Линдгрена смертельно устали.

Как только люди разбились на отдельные группы, продолжая на все голоса обговаривать результаты собрания, Линдгрена улучила момент и, взяв Реймонта за руки, негромко проговорила:

— Как мне хочется снова стать твоей, Карл!

— Завтра? — растерянно прошептал Реймонт. — Переждем... объясним все Чиюань и Элофу, и... Завтра, моя Ингрид?

— Нет, — ответила она. — Ты не дал мне закончить, — это кричит моя душа, а я не могу.

Остолбенев, Реймонт прошептал:

— Почему?

— Мы не имеем права рисковать. Эмоции у всех на пределе. Сейчас дорого спокойствие каждого из нас. Элоф и Айлинь будут тяжело переживать. Нельзя. Смерть так близко.

— Он и она могли бы... — начал было Реймонт и прервал себя, не договорив. — Нет. Могли бы, но нет.

— Спроси у нее, и она тебе скажет: только о тебе я мечтаю бессонными ночами. Она никогда не говорила с тобой о тех часах, что подарила нам, верно?

— Нет. Как ты догадалась?

— Не догадалась. Я знаю ее. И я не могу заставить ее сделать такое снова, Карл. Одного раза хватит. Это вернуло нам то, что мы когда-то построили. А еще... я не умею воровать. Не могу. И потом... Элоф... Я нужна ему. Он клянет себя за то, что это по его совету мы загнали корабль в такую сумасшедшую даль... как будто хоть один смертный в силах за это ответить! Если бы он только знал, что я... Ты же понимаешь, что самоубийство одного-единственного человека могло довести до истерии весь экипаж!

Линдгрэн выпрямилась, посмотрела Реймонту в глаза, улыбнулась и сказала нежно:

— Потом — да. Когда все будет хорошо. Тогда я тебя никуда не отпущу.

— Все хорошо никогда не будет, — запротестовал Реймонт. — Может быть, никогда. Я хочу вернуть тебя, пока я жив.

— И я тебя. Но нам нельзя. Мы не должны. Они все зависят от тебя. Абсолютно все. Ты единственный, кто может держать нас в руках... Ты подарил мне мужество, и наконец я хоть немного могу тебе помочь. Все-таки... Карл, быть королем всегда трудно.

Она повернулась и пошла прочь.

Какое-то время Реймонт не двигался с места. Кто-то взобрался на сцену, хотел о чем-то его спросить.

— Завтра, — отмахнулся Реймонт, прыгнул со сцены и пробежал к ожидавшей его Чиюань.

Она спокойно, сдержанно, как само собой разумеющееся, сказала ему:

— Если нам суждено погибнуть среди звезд, Карл, я все равно умру счастливейшей из смертных, потому что знала тебя. Что я могу для тебя сделать?

Реймонт смотрел на Чиюань. Никто не слышал их разговора — так дребезжали переборки.

— Пойти со мной к нам в каюту, — ответил Реймонт.

— И больше ничего?

— Ничего. Только оставайся такой, какая ты есть.

Пригладив ладонью жесткие, тронутые сединой волосы, Реймонт смущенно, неуклюже проговорил:

— Знаешь, я не мастак говорить красиво, Айлинь, и в тонких чувствах не искушен. Но скажи, такое бывает — когда любишь двоих сразу?

Китайка обняла его.

— Конечно, бывает, глупенький. — В ответ он крепко обнял ее. А она взяла его за руку и улыбнулась. — Знаешь, — сказала она потом, — я не перестаю удивляться тому, как, в конце концов, обычна жизнь.

Глава 21

Дочь Маргариты родилась ночью. Не было видно ни единой звездочки. Корабль пробивался сквозь грохот и скрежет. Счастливый отец в это время возглавлял бригаду, занимавшуюся дальнейшим укреплением обшивки. На первый крик младенца ответом был гром погибающих за бортом корабля миров.

А потом все немного успокоились. Ученые проводили расчеты и наблюдения и мало-помалу стали что-то понимать в природе неведомых сил, несущих корабль сквозь световые годы. Получив новые программы, автоматы вели «Леонору Крестин» вперед вместе с космическими вихрями и смерчами.

Далеко не у всех было праздничное настроение, но тех, кто вызвали такое желание, собрали Йоганн Фрайвальд и Джейн Седлер. Приглушив освещение, Джейн отгородила часть спортивного зала. Украшения на стенах, развешенные ею к празднику Всех Святых, выглядели живо и весело.

— А нужно ли это? — негромко спросил Реймонт у Чиюань, когда они вошли вдвоем.

— По календарю скоро праздник, — объяснила Джейн. — Почему бы не совместить два события? Фонарики такие красивые.

— Слишком о многом напоминают. Не о Земле, наверно... что уж тут вспоминать, а о...

— Да, я тоже об этом думала. Полный корабль ведьм, чертей, вампиров, гоблинов, привидений, и все вопят, призывая начало шабаша. Ну а мы чем лучше? — сказала Седлер и прижалась к Фрайвальду. Он рассмеялся и обнял ее.

— Мне самому охота маску на себя натянуть — страшную, с крючковатым носом, честно!

Остальные согласились, что идея хороша. Выпили больше, чем обычно, развеселились, зашумели. В конце концов вытащили на сцену Бориса Федорова, напялили и на него венок, вручили скипетр, рядом поставили двух девушек, которые дол-

жны были выполнять каждое его желание. Кое-кто встал в круг, взявшись за руки, и все запели песню, которая уже тогда была жутко древней, когда корабль покидал родину:

*Не все ль равно, куда я после смерти попаду?
Не все ль равно, куда я после смерти попаду?
В раю или в аду,
Везде друзей найду,
Не все ль равно, куда я после смерти попаду?*

Майкл О'Доннел припозднился — только что закончилась его вахта. Он попытался прорваться к Федорову.

— Эй, Борис! — крикнул он, но его заглушил хор, упоенно расппевающий строки блюза:

*На что тогда мне сдался толстый кошелек?
На что тогда мне сдался толстый кошелек?
Вилетик в райский сад
Не стоит ни гроша,
На что тогда мне сдался толстый кошелек?*

О'Доннел забрался-таки на сцену.

— Эй, Борис. Поздравляю!

*Когда я сдохну, так и быть, возьмите мой велосипед,
Когда я сдохну...*

— Спасибо! — крикнул в ответ Федоров. — Только раб-
ботенка в основном Маргарите досталась. Молодчина она,
правда?

*А я пешком попру
К апостолу Петру...*

— Как назовете малышку? — спросил О'Доннел, пытаясь
перекричать хор.

Сыграю в кости я с апостолом Петром...

— Пока не решили! — откликнулся Федоров и приветст-
венно помахал початой бутылкой. — Одно скажу точно: только
не Евой.

И если повезет...

— Эмбла? — предложила Ингрид Линдгрэн. — Это первая женщина в «Старшей Эдде»*.

То пиво — за мой счет...

— Тоже не пойдет, — мотнул головой Федоров.

Сыграю в кости я с апостолом Петром!

— И Леонорой Кристин называть не стану, — продолжал инженер. — Никаких таких символов... Пусть будет сама по себе.

Хор пошел вокруг него хороводом, продолжая самозабвенно распевать:

Удастся выпить ли на небе — вот вопрос?

Удастся выпить ли на небе — вот вопрос?

Так пей, пока мы тут,

Так пей, пока дают!

Удастся выпить ли на небе — вот вопрос?

Чидамбаран и Фоксе-Джемисон, казалось, придавлены громоздкой аппаратурой. Они совершенно потерялись среди приборов, на разные лады мигавших разноцветными лампочками пультов и экранов. Оба встали, как только вошел капитан Теландер.

— Вы просили меня прийти? — спросил он равнодушно. — Какие новости? Последний месяц прошел относительно спокойно...

— Покою конец! — взволнованно воскликнул Фоксе-Джемисон. — Элоф сам пошел за Ингрид Линдгрэн. Простите, что не сходили за вами, сэр. Изображение слабое и может исчезнуть в любое мгновение, надо все время следить. И вы должны первым узнать об этом.

Он вернулся на свое место у пульта. На экране чернела пустота.

— Что вы обнаружили? — спросил Теландер, подойдя поближе к экрану.

Чидамбаран взял его под руку и показал на экран.

— Вон там. Видите?

Еле заметное глазу пятнышко мерцало посередине.

* Скандинавский эпос.

— Естественно, до него еще очень далеко, — нарушил молчание Джемисон. — И дистанцию надо будет сохранять.

— Что это? — испуганно спросил Теландер.

— Зародыш моноблока, — ответил Чидамбаран. — Новое начало.

Теландер стоял и стоял и смотрел на экран, пока не опустился на колени. По лицу его стекали слезы.

— Отче, благодарю тебя... — прошептал он. — Благодарю и вас, джентльмены, — добавил он, поднимаясь. — Что бы ни случилось потом, мы сумели сделать это. Пожалуй, я снова смогу стать капитаном, после того как вы вселили в нас надежду.

На мостик Теландер прошествовал командирским шагом. «Леонора Кристин» стонала, дрожала и тряслась.

Вокруг нее бушевали пожар, буря, пламенел водород зарождающегося в самом сердце всего сущего нового солнца — сверхсолнца, которое должно было породить галактику. Зародыш Вселенной прятался за излучением, представшим в виде полотен, полос и грандиозных шпилей. Атмосферу рвали в клочья могучие силы: электрические, магнитные, гравитационные, ядерные. Ударные волны распространялись на многие мегапарсеки — приливы, течения, водопады силовых полей. А по границе творения, преодолевая вселенские циклы длиной в миллиарды лет, летел корабль — творение людей.

Летел!

А люди не отходили от приборов и компьютеров, помогая кораблю бороться, преодолевать космический ураган.

— Йяа-а-а! — задорно воскликнул Ленкай и подбросил «Леонору Кристин» на гребень «волны», отхлынувшей при взрыве сверхновой. Подбросил и опустил. Взволнованные космолетчики сгрудились вокруг него, глядя на экран. То, что они видели там, нельзя было назвать реальностью — это превосходило пределы понимания — там бушевали силовые поля. Пространство пылало, скручивалось и изрыгало огромные вспышки и сферы.

— Ты устал, наверное? — крикнул Реймонт, не вставая с кресла. — Ленкай, отдохни. Смени его, Барриос.

Космолетчик покачал головой. Он еще не успел прийти в себя после предыдущей вахты.

— Ладно, — вздохнул Реймонт и расстегнул пряжку ремня. — Попробую сам. Я корабликов много всяких водил на своем веку...

Голоса его никто не расслышал — такой стоял грохот, но все увидели, как констебль поднялся и побрел к пульту управления по качающейся, дрожащей палубе. Реймонт уселся рядом с Ленкаем в кресло помощника и проорал в самое ухо пилота:

— Просвети меня, и я тебе помогу.

Ленкай кивнул. Две пары рук забегали по пульту.

«Леонору Кристин» нужно было держать подальше от разраставшегося моноблока — иначе радиация, безусловно, погубила бы людей. Однако в то же время корабль должен был оставаться в зоне, достаточно насыщенной газами, чтобы продлжать снижение величины тау, преобразая гигагоды, текущие по часам великанского Феникса, в часы по корабельному времени. Надо было вести судно через хаос. Стоило промахнуть — и любая из частиц этого хаоса раздробила бы корабль на пылинки. Нельзя было полагаться ни на компьютеры, ни на инструменты, ни на опыт предыдущих полетов. Только на интуицию и отработанные рефлексy.

Постепенно Реймонт освоился с управлением и смог работать один. Ритмы возрождающейся Вселенной ошеломляли, но тем не менее они существовали. Вот тут полегче... а тут вектор в положение «девять часов»... так... а теперь порезвее... а тут снова сбавить ход... не дать опуститься... а теперь скакнуть повыше и подальше от этого полыхающего облака, если получится... Раздался жуткий грохот. В воздухе резко запахло озоном и сильно похолодало.

Экран погас. Мгновение спустя флуоресцентные панели озарились одновременно ультрафиолетовым и инфракрасным светом, полыхнули и потухли. Те, кто лежали в своих каютах, пристегнувшись, слышали, как по всему кораблю промчались невидимые молнии. А те, кто оставался на капитанском мостике, в отсеке управления, в машинном отделении либо не могли двинуться, либо не сумели перестать двигаться, а потом ощутили такую легкость, что, казалось, тела их вот-вот разлетятся на кусочки: сама инерция настолько видоизменилась — пространство билось в родовых конвульсиях. На краткий миг конечное и бесконечное, мужчины и женщины, дитя и корабль, и смерть — стали едины.

Но все миновало так быстро, что нельзя было сказать — было или нет. Вспыхнул свет, загорелись экраны. Буря забушевала с новой силой. Но теперь сквозь ее пелену то и дело проглядывали отчетливые разрывы и бело-голубые вспышки, мало-помалу сформировавшие два гигантских, сворачивающихся по спирали полотна: Рождались галактики.

Моноблок взорвался. Творение началось.

Реймонт дал полное торможение. «Леонора Кристин» стала сбавлять скорость. Медленнее. Еще медленнее... И вот корабль вылетел туда, где горел новорожденный свет.

Глава 22

Будро и Нильссон кивнули друг другу и усмехнулись.

— Вот это да! — сказал астроном.

Реймонт беспокойно огляделся в обсерватории.

— Что значит «вот это да»? — спросил он и ткнул пальцем в один из экранов внешнего обзора. В поле зрения подпрыгивали небольшие бесформенные непрозрачные пятна. — Сам вижу. Галактические группы пока слишком сильно примыкают друг к другу. Большинство из них до сих пор представляют собой не что иное, как водородные туманности. И в пространстве между ними полно водорода, грубо говоря. И что из этого?

— Расчеты, произведенные на основании данных, — сказал Будро. — Я консультировался с руководителями группы. Мы пришли к выводу, что тебе важно и нужно узнать в конфиденциальном порядке то, что нам стало известно, дабы ты мог принять решение.

— Капитан у нас Ларс Теландер, — буркнул Реймонт.

— Да, да. Все верно. Никто и не собирается что-то предпринимать за его спиной, особенно теперь, когда он снова возглавляет командование кораблем. Но народ — другое дело. Будь реалистом, Чарльз. Посмотри правде в глаза. Ты же знаешь, что ты значишь для всех.

Реймонт сложил руки на груди.

— Ладно, продолжай.

Нильссон приосанился и заговорил тоном лектора.

— Опустим детали, — начал он. — Таковы результаты решения проблемы, которую вы перед нами поставили: выяснить, в каких направлениях распространяется материя, а в каких — антиматерия. Как вы помните, нам удалось определить это за счет слежения за дрейфом плазменных масс по магнитным полям Вселенной в целом в то время, когда радиус ее был еще невелик. Тем самым космолетчики получили возможность без особых трудностей увести корабль в ту часть Вселенной, куда направилась материя.

Продолжив исследования, мы собрали и обработали колоссальный объем информации. И вот что еще нам удалось установить. Космос нов и во многом не упорядочен. Все еще... как

бы это сказать... не утряслось. Неподалеку от нас — сравнительно недалеко, учитывая те расстояния, что мы уже преодолели, — располагаются комплексы материи, галактики и протогалактики, обладающие всевозможными параметрами скорости.

Мы можем употребить это в свою пользу. То есть выбрать клан, семейство, скопление, отдельную галактику, которая нам понравится, — такую, к которой мы могли бы подлететь с нулевой относительной скоростью в любой, какой выберем, момент ее эволюции.

Ограничения, увы, достаточно велики. Мы не сможем подбаться к галактике, которой ко времени нашего приближения будет больше пятнадцати миллиардов лет — ну разве что мы станем приближаться к ней кругами. Нет смысла выбирать и такую галактику, которой не исполнилось миллиарда лет. А в принципе — можно выбрать любую.

И... какую бы мы ни выбрали, полет к ней займет по корабельному времени при погашенной скорости... не больше нескольких недель!

Реймонт заплетающимся языком проговорил какую-то несуразность.

— Понимаете, — продолжал объяснения Нильссон. — Мы можем выбрать себе такую цель, такой объект, скорость которого в момент приближения будет практически идентична нашей.

— Да, да... — пробормотал Реймонт. — Понимаю. Просто, похоже, нам везет, а я никак не могу привыкнуть к этой мысли.

— Дело не в везении, — хмыкнул Нильссон. — Вселенная пульсирует, и это просто неизбежно. Это очевидно. И надо всего лишь взять и воспользоваться тем, что само идет нам в руки.

— Лучше сразу все решить, — торопливо вмешался Будро. — И немедленно. Потому что эти ослы — они же будут часы напролет орать, спорить, если этот вопрос вынести на общее обсуждение. А каждый час означает колоссальную потерю времени по космическому хронометру, и наш выбор становится более бедным. А если скажешь, что нам нужно, я вычерчу курс, и корабль вскоре может отправиться по этому курсу. Капитан послушает тебя. А остальные смирятся с готовым решением и скажут тебе спасибо. Ты сам это знаешь.

Реймонт заходил по обсерватории. Подошвы его ботинок гремели в тишине. Он задумчиво потер бровь и наконец обернулся к собеседникам.

— Нам нужна не просто галактика, — сказал он. — Нам нужна такая планета, чтобы на ней можно было жить.

— Ясно, — кивнул Нильссон. — Я бы предложил планету, которая по возрасту была бы схожа с Землей. Скажем, пять миллионов лет. Именно такое время в среднем требуется для зарождения нужной нам биосферы. То есть мы могли бы выжить и в условиях мезозоя, но что-то мне они не очень-то по вкусу.

— Согласен, — кивнул Реймонт. — А как насчет металлов?

— А, да. Нам необходима планета, настолько же богатая ископаемыми, как была Земля. Ну, может быть, не такая богатая, но металлов должно быть достаточно, иначе не разовьешь индустриальную цивилизацию. Но металлов не должно быть слишком много, в противном случае не останется больших площадей под посевы. Поскольку высшие элементы формируются на ранних стадиях развития звезд, нам следует искать галактику, которая ко времени нашего randevу будет такой же по возрасту, как наша родная.

— Нет, — возразил Реймонт. — Помоложе.

— Зачем? — удивленно спросил Будро.

— Найти планету, похожую на Землю, в том числе и в плане наличия металлов, наверное, можно и в более молодой галактике. В глобулярных скоплениях должно быть много сверхновых на ранних этапах становления, а они обогащают межзвездное пространство в отдельных зонах и порождают солнца второго поколения, типа G, то есть класса Солнца. И как только мы попадем в выбранную нами галактику, давайте поищем такую звезду.

— На поиски могут уйти годы, — предупредил Нильссон.

— Ну, тогда не надо, — ответил Реймонт. — Мы можем обосноваться и на планете, не такой богатой железом и ураном, как Земля. Это не смертельно. Мы сумеем прожить, располагая технологией изготовления легких сплавов и органических соединений. В качестве топлива у нас будет водород. Немаловажно то, что мы станем первыми живыми разумными организмами на этой планете, — заключил Реймонт. Будро и Нильссон смотрели на него изумленно. А Реймонт улыбнулся так, как никогда до сих не улыбался.

— Мне бы хотелось, чтобы у нас было много планет к той поре, когда наши потомки задумаются о межзвездных полетах, — сказал он. — А еще мне бы хотелось, чтобы мы стали... ну, старейшинами, что ли. Не империалистами, конечно, это противно, а просто людьми, которые попали туда первыми

и понимают, что к чему, и у которых есть чему поучиться. Пусть будет галактика людей, гуманная галактика, в самом широком смысле слова. А может быть, и гуманная Вселенная. Я думаю, мы заслужили такое право.

Еще через три месяца «Леонора Кристин» нашла свой новый дом. Отчасти людям повезло, но вообще-то случившееся стало результатом предвидения. Все шло, как предсказывали эксперты. Галактики расходились одна от другой, образовывали семейства, скопления и кланы, и внутри галактик рождались отдельные звезды.

Мечта была близка к исполнению. «Леонора Кристин» подлетела к хорошо сформировавшемуся звездному скоплению, уравнила скорость и, войдя в скопление, устремилась на поиски звезды с нужными характеристиками. Никто не удивился, когда у такой звезды оказалась система планет. Замедляя скорость, корабль приблизился к системе.

Давно кораблю не приходилось лететь так медленно. Управление кораблем Реймонт взял на себя. Он сказал, что на этот раз стоит рискнуть. Особого риска, собственно, не было. А судя по данным исследований и показателям приборов, шансы обнаружить в системе желтого солнца подходящую планету были очень высоки.

Ну а если нет — будет потерян год, который придется потратить на возвращение к скорости, близкой к световой. А вот если планета отыщется, тогда больше не придется тормозить, и выигрыш составит два года.

Казалось, игра стоит свеч. Двадцать пять пар в цветущем возрасте за два года могли наплодить полсотни потомков.

И «Леоноре Кристин» сразу повезло.

Глава 23

На вершине холма, у подножия которого простиралась великолепная долина, стояли двое — мужчина и женщина.

Планету трудно было назвать Новой Землей. Это было бы слишком поспешно. Вдалеке отливали золотом воды реки, полной крошечных живых существ. Река текла вдоль берегов поросших синеватой растительностью. Листва на деревьях была похожа на птичьи перья и отбрасывала синие тени. Ветер доносил запах цветов. Пахло корицей, йодом и, как ни странно, лошадьми. Люди не знали, как назвать эти запахи. На противоположном берегу тянулись колючие заросли, а над ним

вставляли голые красно-бурые скалы, увенчанные белыми шапками ледников.

А воздух был теплый, и дышалось легко. Над рекой и горами плыли большие тучи, края которых поблескивали в лучах солнца.

— Ты не должен оставлять ее, Карл, — сказала Ингрид Линдгрэн. — Мы слишком многим ей обязаны.

— О чем ты говоришь? — отозвался Реймонт. — Мы не можем покинуть друг друга. Никто не может. Айлинь понимает, как много ты значишь для меня. Но и она мне по-своему дорога. Мы все друг другу дороги. Как иначе? После того, что мы пережили вместе...

— Верно. Только... Карл, милый, я никогда не думала, что услышу от тебя такие слова.

— А каких слов ты ждала? — рассмеялся он.

— О, не знаю! Каких-нибудь жестоких, непререкаемых.

— С этим покончено. Мы добрались туда, куда жаждали добраться. Теперь все надо начинать заново.

— И друг с другом тоже? — лукаво поинтересовалась Ингрид.

— Да. Конечно. Господи Боже, разве мало мы уже про это говорили? Из прошлого нужно взять все, что в нем было хорошего, и забыть все плохое. К примеру... словом, о ревности надо забыть, уж это точно. Больше сюда никто не прилетит. И генами надо обмениваться как можно активнее. Нас всего пятьдесят, а мы призваны положить начало целой цивилизации. Так что нечего переживать, что кто-то будет обижен, задет, покинут — не будет ничего такого. У нас столько забот впереди, что личные проблемы должны уйти на задний план.

Реймонт притянул Линдгрэн к себе и шутливо пробормотал:

— И все-таки не вижу преступления в том, чтобы заорать на всю Вселенную, что милее Ингрид Линдгрэн нет в ней женщины! Иди сюда! — попросил он мгновение спустя, усевшись под деревом, и потянул Линдгрэн за руку. — Я же сказал тебе — у нас выходной.

Над их головами пролетело странное существо с перепончатыми крыльями — из тех, что в сказках зовут драконами.

— Просто не знаю, можно ли, Карл, — растерянно проговорила Линдгрэн, садясь рядом с Реймонтом.

— Почему нет?

— Столько дел...

— Строительство, земледелие — все идет своим чередом. Ученые говорят, что опасности для нас здесь нет — ни реальной, ни потенциальной. Можно немного расслабиться.

— Хорошо, скажу по-другому, — проворчала Линдгрэн, неохотно цедя слова. — У королей выходных не бывает.

— Что за чепуху ты несешь? — сердито спросил Реймонт, прислонился спиной к шершавому стволу дерева и погладил золотистые волосы Линдгрэн, блестящие в лучах молодого солнца. — Ночью над планетой взойдут три луны, а небо будет полно звезд...

— Да, — твердо кивнула Линдгрэн. — Они смотрят на тебя, на человека, который спас их, на человека, у которого хватило сил заставить всех выжить... Они смотрят на тебя, как на... — Реймонт прервал ее речь совершенно неожиданным образом. — Карл! — протестующе воскликнула Линдгрэн.

— Ты против?

— Нет. Наоборот, но... Я про твою работу...

— Моя работа, — прошептал Реймонт ей на ухо, — это моя доля в общем труде. Не больше и не меньше. Что же до всего остального... Была в Америке такая пословица: «Если меня выдвинут, я не пройду, если меня выберут — я не стану служить».

Ингрид испуганно взглянула на него.

— Карл! Как ты можешь так говорить!

— Хочу и могу, — ответил он, на миг снова став серьезным. — Кризис миновал, и люди сами со всем справятся... Так разве может быть для них лучший подарок от короля, нежели чем он снимет со своей головы корону?

Реймонт рассмеялся так заразительно, что Линдгрэн не выдержала и рассмеялась вместе с ним, и они вновь почувствовали себя людьми — самыми обычными людьми.

ПОЛЕТ В НАВСЕГДА

В то утро шел дождь, и мелкая летняя морось сеялась над холмами, скрывая блеск воды в реке и поселок за ней. Мартин Саундерс стоял в дверях, подставив лицо прохладному влажному воздуху и думая о том, какая погода ждет его через сто лет.

Подойдя сзади, Ева Лэнг положила руку ему на плечо. Он улыбнулся ей и подумал, какая она красивая сейчас, когда капельки дождя крошечными жемчужинами блестят на ее темных волосах. Она ничего ему не сказала — слова сейчас были не нужны, — и он с благодарностью принял ее молчание.

Он заговорил первым.

— Уже недолго, Ева, — сказал он и, осознав банальность фразы, улыбнулся. — Только отчего у нас такое вокзальное настроение? Я ведь отправляюсь совсем ненадолго.

— На сто лет, — отозвалась она.

— Только не волнуйся, дорогая. Теория оказалась безошибочной. Я ведь уже совершал прыжки во времени, помнишь? На двадцать лет вперед и на двадцать назад. Проектор работает и проверен на практике. Это всего лишь чуть более длинное путешествие, вот и все.

— Но ведь автоматические машины, посланные на сто лет вперед, так и не вернулись...

— Верно. Скорее всего у них испортилась какая-нибудь мелкая деталь. Лампа сгорела или еще что-нибудь. Именно поэтому и отправляемся мы с Сэмом — надо же выяснить, в чем дело. А нашу машину мы всегда сможем исправить и избавиться от вечных капризов электроники.

— Но почему именно вы двое? Хватило бы и одного. Сэм...

— Сэм не физик. Он может и не отыскать неисправность. С другой стороны, он опытный механик и умеет делать такое, что не умею я. Мы прекрасно дополняем друг друга. — Саундерс набрал в грудь воздуха. — Послушай, дорогая...

— Все готово! — донесся до них басовитый возглас Сэма Халла. — Можем отправляться в любое время, как только пожелаешь!

— Иду.

Саундерс не стал спешить и нежно, но все же несколько торопливо попрощался с Евой. Она последовала за ним в дом и тоже спустилась в просторную мастерскую в подвале.

Проектор стоял в окружении разнообразной аппаратуры, залитый белым сиянием флуоресцентных ламп. Внешне он не особенно впечатлял — металлический цилиндр диаметром в три и длиной в десять метров — и казался незаконченным экспериментальным устройством. Его наружная оболочка была нужна лишь для защиты энергетических батарей и скрытого внутри корпуса проектора измерений. Для двоих людей оставалось крохотное пространство в передней части.

Сэм Халл весело поприветствовал их взмахом руки. Рядом с его массивной фигурой маленький Макферсон, облаченный в серый халат, был почти незаметен.

— Я уже настроил ее на сто лет вперед, — воскликнул Халл. — Отправимся напрямиком в две тысячи семьдесят третий!

Глаза Макферсона по-совиному моргнули за толстыми линзами очков.

— Все проверки закончены, — сказал он. — Во всяком случае, так мне сказал Сэм. Сам-то я не отличу осциллографа от клистрона. У вас будет с собой комплект запасных частей и инструментов, так что вряд ли возникнут какие-либо затруднения.

— А я и не собираюсь их специально искать, док, — заметил Саундерс. — Ева все никак не может поверить, что нас не сожрут там пучеглазые чудовища с длинными клыками, и мне приходится повторять, что мы отправляемся лишь проверить ваши автоматические машины, если сможем их отыскать, выполним кое-какие астрономические наблюдения и вернемся.

— В будущем есть и люди, — напомнила Ева.

— Что ж, если они пригласят нас пропустить по стаканчику, мы не станем отказываться, — пожал плечами Халл. — Кстати... — Он выудил из объемистого кармана куртки бутылку. — Не пора ли произнести на дорожку тост, как считаете?

Саундерс немного нахмурился. Ему не хотелось усугублять возникшее у Евы впечатление об их полете как о путешеств-

вии в неизвестность. Бедняжка и так достаточно переволновалась.

— Мы возвращались в 1953 год и убедились, что дом стоит. Отправлялись в 1993-й, и дом тоже все еще стоял. В обоих случаях в доме никого не было. Эти прыжки настолько скучны, что не стоят даже тоста.

— Ничего, — отозвался Халл. — Еще скучнее будет отказать от тоста, когда все уже готово. — Он налил всем, и они чокнулись. Странная это была церемония для прозаичной обстановки лаборатории. — Приятного путешествия!

— Приятного путешествия! — Ева попыталась улыбнуться, но рука, подносявшая стакан к губам, слегка дрожала.

— Ну, давайте, — сказал Халл. — Поехали, Март. Чем быстрее отправимся, тем быстрее вернемся.

— Конечно. — Саундерс решительно поставил стакан и направился к машине. — До свидания, Ева. Увидимся через пару часов — и лет через сто.

— Пока... Мартин.

Она произнесла его имя с нежностью. Макферсон добродушно улыбнулся.

Саундерс втиснулся в передний отсек вслед за Халлом. Это был крупный мужчина с длинными руками и ногами, широкоплечий, с грубоватыми невзрачными чертами лица под шапкой каштановых волос и широко поставленными серыми глазами с веером морщинок в уголках, потому что ему часто приходилось прищуриваться на солнце. На нем были лишь рубашка и рабочий комбинезон, местами испачканный пятнышками от смазки и кислоты.

Отсек оказался столь мал, что едва вмещал их обоих, вдобавок был забит инструментами. К тому же, исключительно ради спокойствия Евы, они прихватили винтовку и пистолет. Саундерс выругался, зацепившись за винтовку, и закрыл дверь. Щелчок замка словно отключил все посторонние мысли.

— Отправляемся, — произнес Халл, хотя в этом замечании не было особой необходимости.

Саундерс кивнул и включил проектор на прогрев. Его мощное гудение заполнило кабину и мелкой дрожью отдалось во всем теле. По шкалам приборов поползли стрелки, выходя на стабильные значения.

Сквозь единственный иллюминатор он увидел машущую рукой Еву. Он помахал ей в ответ, а затем резко и сердито опустил вниз главный тумблер.

Машина замерцала, расплылась и исчезла. Ева резко вдохнула и повернулась к Макферсону.

За иллюминатором за клубилась безликая серость. Гудение проектора мощной песней заполняло кабину. Саундерс взглянул на приборы и немного повернул регулятор скорости перемещения во времени. Они перенеслись на сто лет вперед — а ведь не прошло еще и ста дней с тех пор, как был запущен первый автомат. Главное, чтобы никакой болван в будущем на него не наткнулся и не уволок с собой.

Он резко щелкнул тумблером. Шум и вибрация тут же прекратились.

В иллюминатор ворвался солнечный свет.

— Дома уже нет? — спросил Халл.

— Столетие — немалый срок, — ответил Саундерс. — Давай лучше выйдем и оглядимся.

Они протиснулись через дверь наружу и выпрямились. Машина лежала на дне полузасыпанной ямы, по краям которой волновалась под ветром трава. Из земли торчало несколько каменных обломков. По голубому небу ползли пухлые белые облака.

— А автоматов-то здесь нет, — оглядевшись, заметил Халл.

— Странно. Наверное, они были настроены так, чтобы появиться на уровне поверхности. Так что давай посмотрим наверху.

Они явно находились в полузасыпанном подвале старого дома, который успел разрушиться за восемьдесят лет, прошедшие после их последнего визита. Специальное устройство в проекторе автоматически материализовывало их точно на поверхности. Внезапные падения или погребение под выросшими слоями грунта исключались. Не могли они и материализоваться внутри какого-нибудь твердого объекта — детектор массы не позволял машине останавливаться, если в этом месте находилась твердая материя. Но жидкость и молекулы газов не были для них помехой.

Саундерс стоял в высокой, колышущейся от ветра траве и обозревал безмятежный ландшафт штата Нью-Йорк. Кажется, ничто не изменилось. Та же река, все те же лесистые холмы на другом берегу. Под ярким солнцем сияли белоснежные облака.

Нет... Боже, нет! Где же поселок?

Дом разрушен, поселка нет — что же случилось? Или люди попросту перебрались в другое место, или...

Он обернулся и посмотрел на подвал. Всего лишь несколько минут — и сто лет назад — он стоял там с Макферсоном и

Евой, окруженный аппаратурой. А сейчас на этом месте поросшая травой яма. Его охватило странное отчаяние.

А жив ли еще он сам? А... Ева? Геронтология 1973 года делала это вполне возможным, но кто знает... И ему вовсе не хотелось узнать ответ.

— Должно быть, вернули страну индейцам, — хмыкнул Сэм Халл.

Прозаичная острота Сэма привела Саундерса в чувство. В конце концов, любому разумному человеку известно, что все со временем меняется. И в будущем останутся те же добро и зло, что были в прошлом. А фраза: «...и жили они потом долго и счастливо» — чистейший миф. Важны лишь изменения, безостановочный поток которых является причиной всему. К тому же их ждало дело.

Они поискали в траве вокруг ямы, но не нашли и следа небольших автоматических проекторов. Халл задумчиво нахмурился.

— Знаешь, — сказал он, — по-моему, они отправились обратно, но по дороге испортились.

— Наверное, ты прав, — кивнул Саундерс. — Мы появились здесь от силы через несколько минут после их прибытия. — Он повернулся и зашагал к большой машине. — Так что давай проведем наблюдения и отправимся обратно.

Они установили астрономическое оборудование и измерили высоту заходящего солнца над горизонтом. Потом приготовили ужин на походной печке и стали дожидаться ночи в постепенно сгущающихся сумерках, наполненных стрекотом кузнечиков.

— А мне нравится это будущее, — сказал Халл. — Тут так спокойно. Я уже подумываю, не отправиться ли мне сюда — в это настоящее, — когда выйду на пенсию.

Мысль о трансемпоральном курорте заставила Саундерса улыбнуться. Но... кто знает? В жизни всякое случается...

На небе ярко засияли звезды. Саундерс засек для некоторых из них точные цифры восхождения, склонения и время прохождения через меридиан. По этим цифрам можно с точностью до минут вычислить, насколько далеко перенесла их машина. «Абсолютное пространство» было чистым вымыслом до тех пор, пока проектор считал Землю неподвижным центром Вселенной.

Они побрели обратно к машине по мокрой от росы траве.

— Попробуем отыскать автоматы, делая остановки каждые десять лет, — предложил Саундерс. — А если не найдем даже таким способом, то черт с ними. Я есть хочу.

2063 — над ямой шел дождь.

2053 — солнечно и пусто.

2043 — яма оказалась не такой старой, а из земли торчало несколько полузасыпанных трухлявых бревен.

Саундерс нахмурился, глядя на шкалу прибора.

— Машина жрет больше энергии, чем полагается, — пробормотал он.

2023 — дом, несомненно, сгорел — виднелись обугленные головешки.

Проектор взревел с такой силой, что у них заболели головы. Энергия утекала из батарей, как вода из губки. Засветился раскалившийся резистор.

Они проверили все электрические цепи — дюйм за дюймом, провод за проводом. Все оказалось в порядке.

— Поехали дальше, — побледнев, бросил Халл.

Чтобы преодолеть следующие десять лет, понадобились полчаса мучительных усилий, грохота и ругани — машина не желала двигаться назад. От излученной проектором энергии в кабине стало невыносимо жарко.

2013 — почерневший от пожара подвал все еще существовал. На полу лежали два небольших цилиндра, покрытые легкой ржавчиной, — похоже, они несколько лет пролежали под открытым небом.

— Автоматы пробились на несколько лет дальше, — сказал Халл. — Потом отрубилась, да так и остались здесь.

Саундерс принялся их исследовать. Когда он наконец отложил в сторону приборы, на его помрачневшем лице читался нарастающий страх.

— Пустые, — сказал он. — Батареи высосаны полностью. Они потратили все запасы энергии.

— Но почему, черт подери?! — взревел Халл.

— Не знаю. Создается впечатление, что, пытаясь двигаться назад, мы наталкиваемся на все увеличивающееся сопротивление.

— Поехали!

— Но...

— Поехали, будь оно все проклято!

Саундерс безнадежно пожал плечами.

У них ушло два часа, чтобы пробиться еще на пять лет назад. Потом Саундерс остановил проектор.

— Конец пути, Сэм, — выдавил он дрогнувшим голосом. — Мы уже использовали три четверти запаса энергии, и чем дальше мы возвращаемся назад, тем больше энергии ухо-

дит на преодоление каждого года. Похоже, расход ее идет по крутой экспоненте.

— Выходит...

— Вернуться нам не удастся. При таком расходе батареи сядут раньше, чем мы преодолеем от силы лет десять. — Саундерс еще больше помрачнел. — Нам не дает пробиться какой-то физический эффект. По мере продвижения в прошлое расход энергии непрерывно увеличивается. При прыжках на двадцать или менее лет расход энергии на возвращение возрастает примерно как квадрат числа пройденных лет. Но на самом деле здесь явно существует какая-то экспоненциальная зависимость, и после прохождения определенной точки расход энергии быстро и круто возрастает. У нас не хватит энергии в батареях!

— Если бы мы смогли их снова зарядить...

— У нас нет с собой нужного оборудования. Но может быть...

Они выбрались из разрушенного подвала и с надеждой взглянули в сторону реки. Поселка как не было, так и не было. Вероятно, его снесли или разрушили еще раньше.

— Здесь нам помощи не найти, — сказал Саундерс.

— Можно поискать вокруг. Должны же где-нибудь быть люди!

— Несомненно. — Саундерс собрался, пытаясь успокоиться. — Но, знаешь, у нас может уйти очень много времени на поиски. К тому же... — Его голос дрогнул. — Сэм, я не уверен, что нам поможет даже периодическая подзарядка. Я почти убежден, что кривая расхода энергии проходит через вертикальную асимптоту.

— Объясни по-человечески, — вымученно улыбнулся Халл.

— Я хочу сказать, что через какое-то количество лет нам потребуется бесконечно большое количество энергии. Это похоже на концепцию Эйнштейна о скорости света как предельной. Когда ты приближаешься к скорости света, необходимая для дальнейшего ускорения энергия возрастает еще быстрее. А чтобы двигаться быстрее скорости света, тебе нужно бесконечное количество энергии — это лишь хитрый эквивалент утверждения, что подобное невозможно. То же самое может оказаться справедливым и по отношению ко времени.

— Так ты хочешь сказать, что мы никогда не вернемся?

— Не знаю. — Саундерс в отчаянии оглядел приветливый ландшафт. — Я могу и ошибаться. Но страшно боюсь оказаться прав.

Халл выругался.

— И что же нам теперь делать?

— У нас есть два пути, — ответил Саундерс. — Во-первых, можно отыскать людей, перезарядить батареи и продолжать попытки. Во-вторых, мы можем отправиться в будущее.

— В будущее?

— Вот именно. Где-нибудь в будущем наверняка знают о таких вещах гораздо больше нас. И там известен способ, как справиться с этим эффектом. Если тут все дело в энергии, то с помощью достаточно мощного двигателя — к примеру, небольшого атомного генератора — мы сможем вернуться.

Халл стоял, склонив голову, и обдумывал сказанное. Откуда-то доносилось пение жаворонка. Обычно приятное, сейчас оно раздражало.

Саундерс заставил себя рассмеяться.

— Но сначала мы займемся завтраком, — сказал он.

Еда показалась безвкусной. Кусок не лез в горло, друзья ели угрюмо и молча. Наконец они взглянули друг на друга и поняли, что пришли к общему решению.

Халл улыбнулся и протянул Саундерсу волосатую руку.

— Хоть это и чертовски длинный путь домой, — сказал он, — но я за него.

Саундерс молча пожал его руку. Вскоре они вернулись к машине.

— И куда теперь? — спросил механик.

— Сейчас две тысячи восьмой, — сказал Саундерс. — Как насчет... скажем... 2500 года?

— Годится. Приятное круглое число. Поднять якоря!

Машина загудела и вздрогнула. Саундерс с удовлетворением отметил, как мало энергии потребляют проносящиеся мимо годы и десятилетия. При таком расходе у них хватит энергии, чтобы путешествовать хоть до конца света.

«Ева, Ева, я вернусь. Вернусь, даже если для этого мне придется добраться до самого Судного дня...»

2500 год. Машина материализовалась на вершине плоского холма — за прошедшие столетия яма исчезла. Бледные лучи солнца быстро скользнули в горячую кабину, пробившись сквозь гонимые ветром дождевые облака.

— Пошли, — сказал Халл. — Не торчать же здесь весь день.

Он взял автоматическую винтовку.

— С чего это ты вдруг? — удивился Саундерс.

— Ева впервые оказалась права, — хмуро отозвался Халл. — Нацепи-ка лучше пистолет, Март.

Саундерс повесил на бедро тяжелое оружие. Пальцы ощутили холод металла.

Они вышли наружу и осмотрелись.

— Люди! — радостно закричал Халл.

За рекой, неподалеку от берега старого Гудзона, стоял небольшой городок. Вокруг него раскинулись поля зреющей пшеницы, перемежавшиеся рощицами. От шоссе не осталось и следа. Возможно, от наземного транспорта теперь полностью отказались.

Городок выглядел... странно. Должно быть, он стоял здесь уже давно: дома — высокие, с заостренными крышами постройки, теснящиеся на узких улицах, — успели обветшать. Неподалеку от центра городка в низкое небо вздымалась метров на сто пятьдесят сверкающая металлическая башня.

Саундерс совсем по-другому представлял себе поселения будущего. Несмотря на высокие здания, городок выглядел каким-то захудалым и... угрожающим. Впрочем, судить было трудно. Возможно, тут всему виной усталость.

Внезапно над центром города в небо взмыл черный яйцеобразный предмет и устремился через реку к ним. Комитет по встрече, подумал Саундерс и положил руку на рукоятку пистолета.

Когда аппарат приблизился, стало видно, что это реактивная машина с короткими крыльями. Из хвостовой части вырывалось пламя. Она снизила скорость, постепенно полого снижаясь.

— Эй, привет! — заорал Халл, стоя во весь рост и размахивая рукой; ветер трепал его огненно-рыжие волосы. — Привет, люди!

Машина спикировала прямо на них. Из носовой части внезапно вырвалась ниточка дыма. Трансирующие пули!

Натренированный рефлекс швырнул Саундерса на землю. Пули взвизгнули над головой и с треском взорвались позади. На его глазах Халла разнесло на куски.

Аппарат пронесся над ним и развернулся для новой атаки. Саундерс вскочил и побежал, низко пригнувшись и рыская из стороны в сторону. Стрелок промахнулся и на этот раз, пули лишь взметнули неподалеку фонтанчики грязи. Саундерс снова бросился на землю.

Еще один заход... Взрыв снаряда сбил Саундерса с ног. Он перекатился и вжался в землю, надеясь укрыться в траве. Ему пришлось в голову, что для охоты на человека аппарат

летает слишком быстро — стрелок просто не успевает прицелиться.

Он слышал наверху завывание двигателя, но даже не стал поднимать голову. Выискивая его, аппарат стервятником кружил в небе. Саундерс получил небольшую передышку, и его захлестнула горькая ненависть.

Сэм... Они убили его, застрелили без предупреждения... Сэма, рыжеволосого весельчака и товарища. Сэм мертв, и убили его они.

Саундерс рискнул перевернуться на спину. Аппарат садился. Так, значит, охоту решили продолжить на земле. Он вскочил и снова побежал.

Мимо уха просвистела пуля. Саундерс обернулся, выхватив пистолет, и выстрелил в ответ. Из аппарата выскакивали люди в черной форме. Расстояние было довольно велико, но не для крупнокалиберного армейского пистолета Саундерса. Он выстрелил снова и ощутил дикую радость, когда одна из черных фигур закрутилась на месте и рухнула.

Машина времени была уже совсем рядом. Некогда строить из себя героя, пора удирать — и побыстрее! Рядом с ним уже взвизгивали пули.

Он прыгнул в кабину и захлопнул за собой дверь. Металлический корпус зазвенел, пробитый пулей. К счастью, лампы еще не успели остыть!

Он включил главный тумблер. Когда все вокруг начало расплываться, Саундерс посмотрел в окно. Преследователи уже почти настигли его. Один из них целился из какого-то оружия, похожего на базуку.

Потом все окуталось серым туманом. Саундерс откинулся на спинку сиденья; его трясла нервная дрожь. Через некоторое время до него дошло, что одежда разорвана, а рука чем-то поцарапана.

И погиб Сэм.

Он сидел, уставившись на ползущую вверх стрелку. Ладно, пусть будет 3000 год. Пять столетий — как раз подходящее расстояние между ним и преследователями.

Для прибытия он выбрал ночное время. Осторожно выглянув в иллюминатор, он разглядел, что оказался среди высоких зданий — почти не освещенных или вовсе темных. Прекрасно!

Он потратил несколько минут, перевязывая ранку и переодеваясь в запасную одежду, которую Ева уговорила взять с собой, — плотную шерстяную рубашку, бриджи и ботинки. Наброшенный сверху плащ наверняка поможет ему выглядеть

не так подозрительно. Само собой, он не забыл кобуру с пистолетом и запасные обоймы. Придется на время разведки покинуть машину. Саундерс рисковал — ее могли обнаружить, но оставалось лишь запереть дверь и понадеяться на везение.

Выйдя наружу, он очутился в небольшом, вымощенном булыжником переулке между высокими домами. Окна в них не светились или были закрыты ставнями. Сквозь плотный мрак над головой не пробивались даже звезды — должно быть, их скрывали облака, но на севере Саундерс разглядел слабое красное сияние, пульсирующее и мерцающее. Помедлив мгновение, он расправил плечи и зашагал по темному переулку.

Он тут же поразился невероятности ситуации, в которой оказался. Менее чем за час он перенесся на тысячу лет вперед, на его глазах погиб друг, — и вот он шагает по чужому городу, гораздо более одинокий, чем любой из когда-либо живших людей. *Увижу ли я тебя снова, Ева?*

Мимо него сгустком мрака бесшумно скользнула тень. Тускло блеснули зеленоватые огоньки глаз. Бродячий кот! Выходит, люди еще не расстались со своими любимцами. Но сейчас ему не помешала бы более ободряющая встреча.

Впереди послышался шум, по дверям домов заплесал луч света. Сунув руку под плащ, Саундерс сжал рукоятку пистолета. В полумраке показались четыре черных силуэта, перегородившие всю улицу. Ритм их шагов звучал по-военному. Какой-то патруль. Саундерс огляделся, отыскивая укрытие, — ему вовсе не хотелось попасть в плен к незнакомцам.

Спрятаться было негде — дома стояли сплошной стеной. Он попятился. Луч фонарика метался по сторонам, скользнул по его телу и тут же вернулся. Патрульный что-то крикнул, резко и властно.

Саундерс повернулся и побежал. За спиной послышались крики и топот тяжелых ботинок. Внезапный резкий свист эхом метался между высокими темными стенами.

Из темноты вырос черный силуэт. Крепкие пальцы клещами сомкнулись на запястье Саундерса и дернули в сторону. Он открыл рот, но его тут же зажала ладонь незнакомца. Через несколько секунд его уже волокли вниз по каким-то ступеням.

— Сюда, — резко прошипел кто-то. — Быстро.

Приоткрылась дверь. Они скользнули внутрь, тут же щелкнул автоматический замок.

— Кажется, нас не засекли, — мрачно произнес незнакомец. — Иначе крышка.

Саундерс пригляделся к нему. Его спаситель оказался среднего роста. Под черной накидкой виднелось гибкое и ловкое тело, затянутое в облегающую одежду. На одном бедре болтался пистолет, на другом — сумка. Коротко стриженные волосы не скрывали его лица — худого, выразительного, с высокими скулами, болезненно-желтоватой кожей и прямым носом с подвижными ноздрями. Из-под мефистофелевских бровей смотрели темные, слегка раскосые глаза. Рот, широкий и самодовольный, был растянут в дерзкой улыбке, открывающей острые белые зубы. Какой-то монголоид, решил Саундерс.

— Ты кто такой? — грубо спросил он.

Незнакомец взглянул на него с подозрением.

— Белготай из Сырта, — ответил он наконец. — Но ты и сам не издепный.

— Еще какой, — мрачно пошутил Саундерс. — Ты зачем меня сюда затащил?

— Ты ж не хотел попасть в лапы к Ищейкам, верно? — спросил Белготай. — Только не спрашивай меня, зачем я спас незнакомца. Просто оказался на улице. Смотрю, ты бежишь. Вот я и подумал, что раз парень смывается от Ищеек, то ему надо помочь. — Он пожал плечами. — Впрочем, если тебе помощь не нужна, можешь катиться обратно.

— Нет, я, конечно, останусь, — сказал Саундерс. — И... спасибо, что спас меня.

— De pada*, — ответил Белготай. — Пойдем выпьем.

Они вошли в задымленную комнату с низким потолком, в которой стояло несколько обшарпанных деревянных столов, теснившихся вокруг небольшой жаровни с углями. В дальнем углу виднелось несколько больших бочек. Скорее всего, то была какая-то таверна, место сборищ местной мафии. Кажется, мне повезло, подумал Саундерс. В отличие от официальных властей, преступники не станут интересоваться его прошлым. Здесь можно осмотреться и кое-что разузнать.

— Боюсь, у меня нет денег, — признался Саундерс. — Разве что... — Он достал из кармана горстку монет.

Белготай впился в них взглядом и с шумом втянул в себя воздух. Потом его лицо разгладилось и стало бесстрастным.

— Я угощаю, — радушно произнес он. — Эй, Хеннали, принеси нам уиски.

Белготай повлек Саундерса в темный угол, подальше от остальных, и усадил за стол. Хозяин принес высокие стаканы с

* Не за что (исп.)

чем-то, отдаленно напоминающим виски, и Саундерс с благодарностью выпил свою порцию.

— Тебя как звать? — поинтересовался Белготай.

— Саундерс. Мартин Саундерс.

— Рад познакомиться. А теперь... — Белготай придвинулся к Саундерсу и прошептал: — Теперь скажи-ка мне, Саундерс, из какого ты года?

Саундерс замер.

— Не бойся. — Белготай едва заметно улыбнулся. — Здесь только мои друзья. Никто не собирается перерезать тебе глотку и выбросить на улицу. Я ничего плохого не замышляю.

Саундерс неожиданно ощутил огромное облегчение и успокоился. Да и какого черта? Рано или поздно его тайна все равно открылась бы.

— Из тысяча девятьсот семьдесят третьего.

— Что? Из будущего?

— Нет... из прошлого.

— А, значит, разная хронология. Это сколько лет назад?

— Тысяча двадцать семь.

Белготай свистнул.

— Неблизкий путь! Но я и не сомневался, что ты из прошлого. Никто еще не прибывал из будущего.

— Хочешь сказать... это невозможно? — потерянно спросил Саундерс.

— Не знаю. — Белготай криво усмехнулся. — Да и кому из будущего пришлось бы в голову наведаться в нашу эпоху, будь даже у него такая возможность? Давай рассказывай.

Саундерс разозлился. Виски уже растеклось теплом по его жилам.

— Я продаю информацию, — холодно произнес он, — а не раздаю ее даром.

— Что ж, честно сказано. Выкладывай, Мартин Саундерс.

Саундерс вкратце рассказал ему свою историю. Выслушав, Белготай медленно кивнул.

— Тогда, пятьсот лет назад, ты наткнулся на Фанатиков. Они не выносят путешественников по времени. Да и большинство людей тоже.

— Но что случилось? Что это за мир, в конце концов?

Он уже легче воспринимал акцент Белготая. Произношение немного изменилось, гласные звучали слегка иначе, «р» произносилась примерно так, как в датском или французском в двадцатом веке. Добавились иностранные слова, особенно

испанские. Но тем не менее Саундерс понимал все и теперь внимательно слушал. Белготай был не очень сведущ в истории, но его цепкий ум ухватил наиболее значимые факты.

Время потрясений началось в двадцать третьем столетии после восстания марсианских колонистов против все более продажного и тиранического Земного Директората. Столетие спустя началось великое переселение народов Земли, вызванное голодом, эпидемиями и гражданскими войнами. В этом хаосе появилась секта Армагеддонистов, или, как их назовут позднее, Фанатиков. Через пятьдесят лет после бойни на Луне военным диктатором Земли стал Хантри, и правление Армагеддонистов растянулось почти на три столетия. Власть их была по сути номинальной: на огромных территориях постоянно вспыхивали восстания, а колонии на других планетах уже достаточно окрепли, чтобы не пускать Фанатиков в космос. Но там, где им удавалось удерживать власть, они правили с невероятной жестокостью.

В числе прочего они запретили и путешествия во времени, которые, впрочем, и так не были популярны после Войны во Времени, когда побежденная армия Директората просочилась из двадцать третьего столетия в двадцать четвертое, попытавшись захватить власть на планете. Их разгромили, но погибло очень много людей. Путешественников во времени всегда было немного — слишком уж непредсказуемым и опасным оказывалось будущее, и их зачастую убивали или захватывали в плен в какой-нибудь беспокойной эпохе.

В конце двадцать седьмого столетия Всепланетная Лига и Африканские Раскольники покончили наконец с правлением Фанатиков. Из послевоенного хаоса родился Африканский мир, и два столетия человечество наслаждалось эрой относительного спокойствия и прогресса, которую теперь с завистью вспоминают, называя золотым веком. Современная хронология даже начинается с года восхождения на престол Джона Мтезы I. Крах наступил из-за внутренней стагнации и вспышек варварства на внешних планетах; после чего Солнечная система разбилась на множество маленьких государств и даже независимых городов. То был трудный, беспокойный период, но теперь он быстро близится к концу.

— Мы сейчас в одном из городов-государств под названием Лиунг-Вей, — пояснил Белготай. — Его основали захватчики из Китая около трех столетий назад. Теперь им правит диктатор Краусманн, упрямый старый осел, не желающий сдаваться, хотя армия правителя Атлантики уже стоит у ворот города. Видел красное сияние на горизонте? Это их излучатели

обрабатывают наш силовой экран. Когда они его пробьют, то захватят город и накажут его за то, что он так долго сопротивлялся. Никого такая перспектива не радует.

Белготай рассказал немного и о себе. Он был человеком из той, уже умирающей эпохи, когда небольшие государства нанимали наемников, не желая сражаться сами. Родившись на Марсе, Белготай продавал свои услуги по всей Солнечной системе. Но небольшие отряды наемников оказались бессильны перед организованными новобранцами восставших наций, и после разгрома своего отряда Белготай бежал на Землю, где влачил жалкое существование вора и наемного убийцы. От будущего он не ждал ничего хорошего.

— Никому сейчас не нужен вольный стрелок, — уныло произнес он. — И если меня не успеют поймать Ищейки, я сам повешусь, когда Атланты возьмут город.

Саундерс сочувственно кивнул.

Белготай приблизился, его раскосые глаза сверкнули.

— Но ты можешь мне помочь, Мартин Саундерс, — прошептал он. — И себе тоже.

— Как? — непонимающе моргнул Саундерс.

— Да, да. Возьми меня с собой, вытащи из этого проклятого времени. Здесь тебе никто помочь не сможет, они разбираются в путешествиях во времени не больше твоего. Скорее всего тебя засунут в катажку, а машину разобьют. Сматывайся отсюда! И забирай меня.

Саундерса охватили сомнения. Что ему, в сущности, известно об этой эпохе? И насколько правдивы слова Белготая? Можно ли ему верить?..

— Высади меня в таком времени, где вольный стрелок снова сможет сражаться. А по дороге я помогу тебе. Я неплохо управляюсь с пистолетом и виброножом. Не можешь же ты скакать по будущему в одиночку.

Саундерс задумался. Впрочем, что тут долго размышлять? И так ясно, что эта эпоха для него бесполезна. К тому же Белготай спас его от Ищеек, пусть даже не таких страшных, какими он их расписал. И... если уж на то пошло, ему нужен кто-нибудь, с кем можно просто поговорить. Кто помог бы ему забыть Сэма Халла и пропасть столетий, отделяющую его от Евы.

Решение пришло.

— Согласен.

— Отлично! Ты не пожалеешь, Мартин. — Белготай встал. — Пошли, пора отправляться.

— Прямо сейчас?

— Чем скорее, тем лучше. А вдруг твою машину найдут? Тогда станет слишком поздно.

— Но... тебе же надо собраться, попрощаться...

Белготай похлопал по сумке.

— Все мое при мне. — В его дерзком смехе чувствовалась горечь. — Мне не с кем попрощаться, разве что с кредиторами. Пошли!

Слегка ошеломленный таким стремительным поворотом событий, Саундерс вышел вслед за Белготаем из таверны. Слишком уж быстро пришлось прыгать из эпохи в эпоху, а поразмыслить и прийти к себе так и не удалось.

Например, если он когда-нибудь вернется в свое время, то его потомки будут жить и в эту эпоху. Родственные связи распространяются быстро; в каждой из враждующих армий наверняка есть люди, несущие в себе кровь его и Евы. А ведь они сражаются между собой, даже не задумываясь о любви своих предков, благодаря которой появились на свет. «Но ведь и я сам, — устало подумал Саундерс, — не задумывался в свое время, имею ли общих предков с теми летчиками, которых сбивал во время войны».

Каждый живет в своем собственном времени. Человеческая жизнь — короткая вспышка света во мраке вечности, и людям не свойственно задумываться о том, что простирается за пределами этого короткого промежутка. Саундерс начал понимать, почему путешествия во времени так и не стали обычным явлением.

— Сюда!

Белготай увлек его в туннель переулка. Едва они укрылись в темноте, как мимо прошептали четверо Ищек в черных шлемах. В тусклых красноватых отблесках Саундерс разглядел их полуусточные лица с высокими скулами и поблескивающее оружие.

Городские дома словно сжались в эту ночь страха и ожидания. Когда спутники добрались до машины, Белготай снова рассмеялся, на этот раз легко и радостно.

— Свобода! — прошептал он.

Они забрались в кабину. Саундерс настроил приборы на сто лет вперед. Белготай нахмурился.

— Наверное, мир через сто лет покажется мне слишком скучным, — сказал он.

— Если я найду способ вернуться, то доставлю тебя в любую эпоху, какую только пожелаешь, — пообещал Саундерс.

— Лучше перенеси меня на сто лет назад, — сказал воин. — Давай отправляйся!

3100 год. Развалины. Почерневшие, обугленные обломки. Саундерс включил счетчик Гейгера, тот бешено затрещал. Радиоактивность! Чья-то дьявольская атомная бомба смела Лиунг-Вей. Дрожащей рукой он снова включил машину.

3200 год. Радиоактивность исчезла, но развалины остались. Под горячим небом, мертвым и безжизненным, распластался огромный оплавленный кратер. Быть может, если перебраться через него, им повезет и они отыщут людей, но Саундерс не хотел уходить далеко от машины. Если им не удастся к ней вернуться...

К 3500 году выжженная земля снова покрылась почвой, на ней вырос лес. Путешественники стояли под морозящим дождем и осматривались.

— А деревья-то большие, — заметил Саундерс. — Этого леса очень долго не касалась рука человека.

— Может, люди снова вернулись в пещеры? — предположил Белготай. — Хотя вряд ли. Цивилизация так широко распространилась, что в полной дикости не погибнет. Но до ближайшего поселения может оказаться очень далеко.

— Тогда поехали дальше!

Глаза Белготая заблестели — ему стало интересно.

Несколько столетий спустя на этом месте все еще рос лес. Саундерс тревожно нахмурился. Ему очень не нравилось, что приходится все дальше и дальше отдаляться от своего времени. Он и так забрался настолько далеко, что уже не сможет вернуться без чьей-либо помощи. Но разумеется, когда-нибудь ему повезет...

4100 год. Они материализовались на просторном лугу, где среди фонтанов, статуй и беседок стояли низкие округлые здания из какого-то цветного пластика. Впереди бесшумно пролетел маленький аппарат. Саундерс не мог понять, какой у него двигатель.

Путешественники увидели на лугу молодых мужчин и женщин, одетых в длинные разноцветные накидки поверх легких туник. Заметив машину, они собрались вокруг, удивленно переговариваясь. Саундерс и Белготай вышли, приветственно подняв руки, но другую руку воин на всякий случай держал поближе к оружию.

С пришельцами заговорили на каком-то певучем, мелодичном языке, в котором с большим трудом угадывалось нечто знакомое. Неужели время настолько все изменило?

Их привели в одно из зданий. В просторном прохладном помещении им навстречу приветливо поднялся седой бородатый мужчина в украшенной орнаментом красной одежде. Кто-

то принес небольшой аппарат, напоминающий осциллограф с микрофонной приставкой. Мужчина поставил его на стол и что-то настроил.

Бородач заговорил на том же незнакомом языке — но из машины послышалась английская речь!

— Приветствую вас, путешественники, в нашем отделении Американского колледжа. Садитесь, прошу вас.

Саундерс и Белготай ахнули. Старик улыбнулся.

— Вижу, психофон для вас новинка. Он воспринимает излучение речевого центра мозга. Когда человек говорит, соответствующие мысли улавливаются машиной, усиливаются и излучаются в мозг слушателя, который воспринимает их как слова родного языка. Позвольте представиться. Меня зовут Гамалон Авард, я декан местного отделения колледжа. — Его кустистые брови вопросительно приподнялись.

Путешественники назвали свои имена. Авард церемонно кивнул. Стройная девушка, одетая так легко, что глаза Белготая заблестели, принесла поднос с бутербродами и напиток, напоминающий чай. Саундерс внезапно осознал, насколько голоден и устал... Он обессиленно опустился в кресло, которое тут же изменило форму, подстроившись под контуры его тела, устало взглянул на Аварда и начал рассказывать свою историю.

— Я так и думал, что вы путешественники во времени, — кивнул декан, когда Саундерс смолк. — Для нас вы очень интересны. С вами наверняка захотят поговорить представители археологического факультета — если получат ваше любезное согласие.

— Вы можете нам помочь? — прямо спросил Саундерс. — Сможете так переделать нашу машину, чтобы мы смогли вернуться?

— Увы, нет. Боюсь, уровень развития нашей физики не оставляет для вас надежд. Я могу проконсультироваться с экспертами, но уверен, что теория пространства—времени не изменилась с того дня, когда Приоган ее сформулировал. Она утверждает, что расход энергии, необходимый для путешествия в прошлое, чудовищно возрастает с увеличением длительности обратного пути. Видите ли, происходит деформация мировых линий. Предельная дальность возвращения составляет около семидесяти лет, а далее требуется бесконечно большое количество энергии.

Саундерс хмуро кивнул:

— Понятно. И нет никакой надежды?

— В наше время боюсь, что нет. Но наука быстро развивается. Контакт с другими цивилизациями Галактики оказался необыкновенно плодотворным...

— Вы предпринимаете межзвездные путешествия? — не смог удержаться Белготай. — Вы можете долететь до звезд?

— Да, конечно. Примерно пятьсот лет назад создан сверхсветовой двигатель, работа которого основана на модифицированной теории относительности Пригогана. Он позволяет пронизывать пространство сквозь более высокие измерения... Но вас ждут проблемы поважнее научных теорий.

— Только не меня! — пылко воскликнул Белготай. — Если бы я мог добраться до звезд... Ведь там наверняка воюют.

— Увы, да. Быстрое расширение границы освоенного пространства ввергло Галактику в хаос. Но сомневаюсь, что вам разрешат попасть на звездолет. Более того, Совет наверняка прикажет применить по отношению к вам, как к неуравновешенным личностям, темпоральную депортацию. В противном случае душевное здоровье планеты окажется в опасности.

— Послушай, ты... — взревел Белготай и потянулся к столету.

Саундерс стиснул его руку.

— Успокойся, дурак! — прошипел он. — Мы не можем воевать с целой планетой. Да и ради чего? Будут и другие эпохи.

Белготай утихомирился, но глаза его рассерженно блестя.

Путешественники пробыли в колледже еще два дня. Авард и его коллеги оказались вежливыми, приветливыми и с жадным интересом слушали все, что путешественники рассказывали о своем времени. Им предоставили еду, жилье и столь необходимый отдых. Гостеприимные хозяева даже передали Совету планеты просьбу Белготая, но ответ был категоричен: в Галактике и так слишком много варваров. Путешественникам придется отправиться дальше.

Из машины времени удалили батареи, заменив их маленьким атомным двигателем с почти неограниченным энергетическим ресурсом. Авард подарил гостям психофон, чтобы они могли общаться со всеми, кто встретится им в будущем. Все были очень вежливы и деликатны, но Саундерс поймал себя на том, что невольно согласен с Белготаем. Ему не очень пришлось по душе эти чересчур цивилизованные господа. Он принадлежал к другой эпохе.

Авард попрощался с гостями важно и степенно.

— Странно видеть, как вы отправляетесь в путешествие во времени, — сказал он. — Невозможно представить, что вы будете путешествовать еще долго после моей кремации, увидите такое, чего я даже не могу вообразить. — Выражение его лица на мгновение изменилось. — Я даже немного вам завидую. — Он быстро отвел глаза, словно испугался собственной мысли. — Прощайте, и да пребудет с вами удача.

4300 год. Здания колледжа исчезли, теперь их сменили маленькие, искусно сделанные летние домики. Вокруг машины столпились юноши и девушки в легкой переливающейся одежде.

— Вы путешественники во времени? — спросил один из них, удивленно округлив глаза.

Саундерс кивнул — он так устал, что не мог говорить.

— Путешественники во времени! — восхищенно пискнула девушка.

— А не знают ли в ваше время способа путешествия в прошлое? — с надеждой спросил Саундерс.

— Я о таком не ведаю. Но, пожалуйста, останьтесь ненадолго, расскажите нам о вашем путешествии. У нас давно не было никаких развлечений — с тех самых пор, как вернулся корабль с Сириуса.

Никто не скрывал настойчивого нетерпения, особенно женщины. Они окружили пришельцев кольцом нежных рук, смеялись, что-то восклицали и оттесняли их все дальше от машины. Белготай ухмыльнулся.

— Давай останемся на ночь, — предложил он.

Саундерс не видел смысла возражать. Времени у них достаточно, с горечью подумал он. Все время мира.

Ночь прошла в шумном веселье. Саундерс ухитрился кое-что разузнать. В эту эпоху Земля стала галактическим захолустьем, где скопилось накопленное торговлей огромное богатство, охраняемое негуманоидными наемниками от набегов межзвездных пиратов и завоевателей. Этот регион превратился в одно из многочисленных мест развлечений для детей из богатых купеческих семей, уже многие поколения живущих за счет унаследованных богатств. Они оказались симпатичными ребятами, но в них чувствовалась какая-то умственная и физическая расслабленность и глубокая внутренняя усталость от пустых, все более теряющих новизну развлечений. Декаденс.

В конце концов Саундерс одиноко уселся неподалеку от мягкого поплескивающего искусственного озера под луной, на которой алмазно поблескивали купола городов, и принялся разглядывать медленно вращающиеся над головой созвездия —

далекие солнца, которые человек завоевал, так и не став хозяином над самим собой. Он подумал о Еве и захотел заплакать, но пустота в его груди оказалась сухой и холодной.

Наутро Белготая одолело сокрушительное похмелье, от которого его избавил напиток, предложенный одной из женщин. Путешественники немного поспорили между собой, стоит ли Белготая оставаться в этом веке. Сейчас он при желании мог улететь куда угодно — в галактических даях остро не хватало воинов. Но то, что Сол — так сейчас называли Солнце — теперь очень редко посещали и ему, возможно, пришлось бы прождать долгие годы, в конце концов заставило Белготая продолжить путешествие.

— Мир долго не продлится, — сказал он. — Сол слишком лакомый кусочек, а наемники не всегда преданы тем, кто их нанимает. Рано или поздно на Земле снова вспыхнет война.

Саундерс грустно кивнул. Ему было невыносимо тяжело думать о сокрушающей силе, которая начнет губить миролюбивых и никому не причиняющих вреда людей, о том, как их начнут убивать, мучить и захватывать в плен. Но у истории свой путь, и он отмечен могилами пацифистов.

Яркая сцена затянулась серым туманом. Они отправились дальше.

4400 год. Полыхала какая-то вилла, взметая дым и пламя в пасмурное небо. Неподалеку стоял огромный звездолет, покрытый отметинами от лучевых ударов, а возле него сустились огромные бородатые люди в шлемах и кирасах, с хохотом волочившие отовсюду награбленное золото и упирающихся пленников. Варвары пришли!

Вышедшие было путешественники торопливо вернулись в машину. Оружие звездолета могло превратить ее в тлеющие обломки. Саундерс до упора передвинул вперед рукоятку хода.

— Давай лучше прыгнем подальше, — сказал Саундерс, когда стрелка миновала столетнюю отметку. — Вряд ли стоит ожидать технического прогресса в эпоху упадка. Попробую пяти тысячный год.

«А достигнет ли когда-нибудь прогресс того, что нам нужно? — мелькнуло у него в голове. — Увижу ли я тебя когда-нибудь снова, Ева? И не оплакивай меня долго, — подумал он, словно его тоска могла преодолеть бездну тысяче-

летий. — Единственное, что для меня важно во все кровавые века человеческой истории, — твое счастье».

Когда стрелка стала приближаться к шестому столетию, Саундерс попытался передвинуть рукоятку обратно. Но не смог!

— Что случилось? — Белготай склонился к его плечу.

Саундерс потянул сильнее, чувствуя, как по ребрам заструился холодный пот. Рукоятка осталась неподвижной — проектор нельзя было остановить.

— Сломалась? — тревожно спросил Белготай.

— Нет... это автоматический детектор массы. Мы погибнем, если появимся в том месте, которое уже занято твердой материей. Детектор не дает проектору остановиться, когда распознает такую ситуацию. — Саундерс криво усмехнулся. — Должно быть, какой-то болван построил дом прямо на этом месте!

Стрелка продвинулась до упора, а они все продолжали мчаться сквозь безликую серость. Саундерс обнулil счетчик и отметил про себя, что они уже проскочили первые полтысячелетия. Неплохо бы знать, в каком году они вынырнут. Хотя и не обязательно.

Поначалу он не волновался. Творения человеческих рук на редкость недолговечны; он с грустью подумал о городах и цивилизациях, чей восход он наблюдал и которые снова погрузились в ночь и хаос времени, прожив свой недолгий час. Но через тысячу лет...

Две тысячи...

Три тысячи...

В тусклом свечении инструментальной панели он увидел бледное и напряженное лицо Белготая.

— Сколько еще? — прошептал он.

— Не знаю...

Внутри машины под мощную песнь проектора текли долгие минуты, а два человека зачарованно следили за отсчетом веков.

Через двадцать тысяч лет невероятное завершилось. В 25 296 году рукоятка, на которую непрерывно давил Саундерс, неожиданно высвободилась. Машина вырвалась в реальность, качнулась, опустилась на полметра вниз и замерла. Они тут же распахнули дверь.

Проектор лежал на каменном блоке размером с небольшой дом. А сам блок находился... на середине грани пирамиды. Столетиями он медленно соскальзывал со своего места, пока не освободил машину.

Пирамида из серого камня имела форму тетраэдра с основанием в милю и высотой в полмили. Внешняя облицовка то ли обвалилась, то ли была снята, и гигантские блоки обнажились. Ветер нанес на них землю, и на титанических склонах выросли трава и деревья. Их корни вместе с ветром, дождем и холодом медленно разрушали искусственную гору, но пока она еще возвышалась над ландшафтом.

Из густых низких кустов на Саундерса злобно уставилось лицо исковерканной статуи. Мартин взгляделся в него и тут же с содроганием отвернулся. Рука человека никогда не высекла бы из камня *такое*.

Знакомая местность изменилась: куда-то исчезла река, а в отдалении блесло озеро, которого раньше не было. Холмы казались ниже, их покрывал лес. Возле основания пирамиды стоял звездолет — огромная машина, устремленная в небо. На его корпусе пылал солнечный блик. Рядом работали люди.

Крик Саундерса завис в неподвижном воздухе. Он и Белготай начали спускаться по крутому склону, цепляясь за деревья и лианы. Люди!

Нет... не все они были людьми. У подножия пирамиды без какого-либо надзора трудился десяток больших сверкающих машин. Роботы. А в группе существ, которые, повернувшись, уставились на путешественников, было двое приземистых, покрытых голубым мехом, с мордами вместо лиц и шестипалыми руками.

Потрясенный Саундерс неожиданно понял, что видит перед собой разумные существа с другой планеты, и стал разглядывать только людей.

Все они были высоки, с утонченными аристократическими лицами, их спокойствие казалось прирожденным. Их одежду нельзя было описать — казалось, их окутывает радужное сияние, непрерывно меняющее цвет и форму. Так, должно быть, выглядели древние олимпийские боги, подумал Саундерс, существа более великие и прекрасные, чем человек.

Но голос одного из них оказался человеческим — низким и звучным, хотя слова были совершенно непонятны. Саундерс с досадой вспомнил, что забыл прихватить психофон, но один из покрытых голубым мехом инопланетян уже достал небольшой, усеянный кнопками шар, из которого тут же донесся знакомый голос-переводчик: «...путешественники во времени».

— Очевидно, из весьма отдаленного прошлого, — заметил другой человек.

Черт бы побрал этих жителей будущего! Саундерсу показалось, что неожиданно выпорхнувшая из высокой травы птица удивила их гораздо больше, чем машина времени. Неужели путешественники во времени не достойны хотя бы рукопожатия?

— Послушайте! — рявкнул Саундерс, чувствуя, что его раздражение — всего лишь реакция на страх, который внушала ему эта компания. — Мы попали в беду. Наша машина не может перенести нас в прошлое, и мы должны отыскать эпоху, в которой известно, как обойти этот эффект. Вы можете нам помочь?

Один из инопланетян покачал звериной головой.

— Нет, — ответил он. — Физике неизвестен способ вращения во времени дальше чем на семьдесят лет. За этой границей потребление энергии бесконечно возрастает, и...

Саундерс застонал.

— Это мы и без вас знаем, — грубовато буркнул Белготай.

— По крайней мере, отдых вам не помешает, — уже более приветливо произнес один из людей. — Мы с интересом слушаем вашу историю.

— За последние несколько тысяч лет я ее рассказывал столько раз, что сбился со счета, — резко бросил Саундерс. — Не послушать ли теперь вас — ради разнообразия?

Незнакомцы обменялись негромкими словами. Саундерс не сомневался, что перевел бы их и без психофона: «Варвары... детская эмоциональность... ладно, развлечем их немного».

— Мы — члены археологической экспедиции, раскапывающей пирамиду, — терпеливо начал один из них, — сотрудники отделения Галактического института, изучающего сектор Сириуса. Мое имя лорд Арсфел Астракирский, а это мои подчиненные. Негуманоиды, если вам интересно, родом с планеты Куулхан, чье солнце не видно с Терры.

Саундерс с невольным изумлением перевел взгляд на возвышающееся над ними колоссальное сооружение.

— Кто его построил? — выдохнул он.

— Никто не знает, для чего иксчулки возводили такие сооружения на всех завоеванных ими планетах. Пока что никому не известно, кем они были, откуда явились и куда в конце концов ушли. Мы надеемся, что в их пирамидах отыщутся некоторые ответы на эти вопросы.

Собеседники понемногу расслабились. Люди из экспедиции искусно вывели у Саундерса и Белготая их истории и интересующую их информацию о теперь уже почти доисторических

эпохах. Взамен путешественникам сообщили кое-что из недавней истории.

После сокрушительных войн, развязанных иксчулхами, Галактика на удивление быстро возродилась. Новейшие методы математической психологии сделали возможным как объединение людей, живших на миллиардах планет, так и эффективное управление ими. Галактическая Империя с неизбежностью стала эгалитаристской, поскольку одним из ее основателей была фантастически древняя и развитая раса с планеты, которую люди называли Вро-Хи.

Мирная, процветающая, населенная множеством рас со своими культурами, Империя начала развивать науки и искусства. Она уже отметила десятитысячный год своего существования, и невозмутимый Арсфел, казалось, даже не сомневался, что она будет жить вечно. А как же варвары на периферии Галактики и в Магеллановых Облаках? Чуть! Со временем Империя цивилизует и их, а пока они — лишь досадная помеха.

Хотя Сол и располагался в пределах Империи, его считали почти что варварской звездой. Цивилизация сконцентрировалась вблизи центра Галактики, а Сол находится в отдаленном и бедном звездами регионе космоса. Немногочисленные крестьяне, живущие на Земле, имеют лишь редкие и случайные контакты с Империей, когда с ближайших звезд прилетают корабли, но это мало что меняет. Можно считать, что человечество позабыло свой древний дом.

Эта картина почему-то опечалила американца. Он подумал о старушке-Земле, одиноко летящей в космической пустоте, о великой заносчивой Империи и обо всех могучих доминионах, успевших рассыпаться в пыль за прошедшие тысячелетия. Но когда он рискнул предположить, что и эта цивилизация тоже не бессмертна, его немедленно завалили цифрами, фактами, логикой и причудливыми параматематическими символами современных психологов. Ему убедительно доказали, что нынешняя структура общества непоколебимо стабильна — и десять тысяч лет истории не представили ни единого доказательства, опровергающего научные теории.

— Сдается, — признал Саундерс. — С вами я спорить не могу.

Путешественников провели по огромным помещениям звездолета, по роскошным апартаментам экспедиции, показали сложнейшие мыслящие машины. Арсфел попытался продемонстрировать им свои произведения искусства, записи музыки,

психокниги — но безуспешно. Это оказалось выше их понимания.

Дикари! Смог бы австралийский абориген восхищаться Рембрандтом, Бетховеном, Кантом, Эйнштейном? Смог бы счастливо жить в людском муравейнике Нью-Йорка?

— Поехали лучше дальше, — пробормотал Белготай. — Здесь нам нечего делать.

Саундерс кивнул. Для них это оказалась чересчур развитая цивилизация, и в ее непостижимой огромности они могли стать лишь жалкими пенсионерами. Лучше снова отправиться в путь.

— Я посоветовал бы вам двигаться вперед длинными прыжками, — сказал Арсфел. — Галактическая цивилизация не доберется сюда еще многие тысячи лет, и, конечно же, какая бы туземная культура со временем ни развилась на Соле, она не сможет вам помочь. — Он улыбнулся. — И неважно, если вы проскочите то время, в котором будет изобретен нужный вам процесс. Уверяю вас, записи о нем не будут утеряны. С этого момента впереди вас ждут только мир и просветление... если, конечно, варвары на Terre не станут агрессивны, но и в этом случае вы легко сможете оставить их позади. Рано или поздно здесь появится истинная цивилизация, которая вам и поможет.

Существо с Куулхана затрясло странной головой.

— Сомневаюсь, — серьезно произнесло оно. — Тогда нас навещали бы гости из будущего.

— Но им, возможно, просто неинтересно посещать ваше время, — с отчаянием возразил Саундерс. — Ведь о нем у них будут подробные сведения. Если я прав, то они отправятся исследовать более примитивные эпохи, в которых их присутствие легко может остаться незамеченным.

— Возможно, вы правы, — согласился Арсфел. Он говорил смущенно, как взрослый, успокаивающий ребенка безобидной ложью.

— Поехали! — рывкнул Белготай.

В 26 000 году лес все еще стоял, а пирамида превратилась в холм, на котором качались и шелестели листьями деревья.

В 27 000 году среди пшеничных полей появилась деревушка с домами из дерева и камня.

В 28 000 году люди начали разбирать пирамиду, добывая из нее строительный камень. Но ее огромное тело продержалось

до 30 000 года, пока из ее материала не построили небольшой город.

«Несколько минут назад, — печально подумал Саундерс, — мы разговаривали с лордом Арсфелом Астракирским, а сейчас он уже пять тысяч лет, как в могиле».

В 31 000 году они материализовались на широкой лужайке между башнями высокого и гордого города. В небе промелькнул летательный аппарат. Неподалеку стоял звездолет — небольшой по сравнению с кораблем Арсфела, но тем не менее внушительный.

— Похоже, Империя добралась и сюда, — предположил Белготай.

— Не знаю, — отозвался Саундерс. — Вид, во всяком случае, мирный. Давай-ка выйдем и поговорим с людьми.

Их приняла высокая статная женщина в белых одеждах классических линий. Солом сейчас правит Матриархия, сказала она, и потому не соизволят ли они вести себя так, как полагается существам низшего пола? Нет, Империя сюда не добралась. Сол платит ей налог, а в системе Сириуса живет имперский легат, но реальные границы галактической культуры за последние три тысячелетия не изменились. Цивилизация Сола — исключительно местная и, несомненно, превосходит чужеземное влияние Вро-Хи.

Нет, о теории времени им ничего не известно. Конечно, они рады гостям и тому подобное, но не могли бы гости продолжить свое путешествие? К сожалению, они совершенно не вписываются в тщательно отрегулированную культуру Терры.

— Мне это не нравится, — сказал Саундерс, когда они шагали обратно к машине. — Арсфел клялся, что Империя будет расширять как действительную, так и номинальную сферы своего влияния. Но теперь она статична. Почему?

— По-моему, — сказал Белготай, — несмотря на всю замную математику того лорда, ты оказался прав. Ничто не вечно.

— Но... Боже мой!

34 000 год. Матриархия кончилась. Город превратился в груды искореженных обломков и закопченных камней. Среди руин валялись скелеты.

— Варвары снова двинулись вперед, — дрогнувшим голосом произнес Саундерс. — Они побывали здесь совсем недавно — видишь, кости еще целые. До центра Империи им еще

очень далеко. Такие Империи могут умирать многие тысячи лет. Но она уже обречена.

— Что будем делать?

— Поедем дальше, — безразлично ответил Саундерс. — Что нам еще остается?

35 000 год. Под огромными старыми деревьями стоит крестьянская хижина. Кое-где из земли торчат обломки колонн — остатки города. Бородатый мужчина в грубой домотканой одежде, увидев машину, со всех ног удирает в лес вместе с женой и стайкой ребятишек.

36 000 год. Снова деревня, в отдалении стоит потрепанный старый звездолет. Существа полудюжины различных рас, включая людей, работают над сооружением какой-то загадочной машины. Они одеты в простую изношенную одежду, на боку у каждого висит оружие, в глазах у них — упрямство воинов. Но путешественников они встречают приветливо.

Их начальник — молодой человек в накидке и племе офицера Империи. Их снаряжение по меньшей мере столетней давности, а он лишь командир небольшого отряда, нанятого для защиты этой части Терры. Как ни странно, он настаивает, чтобы его считали лояльным вассалом Императора.

Империя! Среди звезд еще сияет ее былая слава. Она медленно угасала, варвары постепенно проникали все глубже, а коррупция и гражданская война разрывали ее изнутри, но разумные существа всей Галактики продолжали трогательно и отчаянно на нее надеяться. Когда-нибудь в темноту внешних миров вернется цивилизация, еще более великая и восхитительная, чем любая из прежних. Человек не может жить без веры в лучшее.

— Но у нас здесь дело, — пожимает плечами командир. — Скоро на Сол обрушится Тауфо Сирианский. Вряд ли нам удастся сдерживать его долго.

— А что вы станете делать потом? — с вызовом произнес Белготай.

Молодой, но уже умудренный жизнью командир горько усмехнулся:

— Умирать, конечно. Что нам еще остается... в такое время?

Они провели у солдат ночь. Белготай веселился, рассказывая байки о своих воинских похождениях, но к утру все же решил отправиться с Саундерсом дальше. Эта эпоха оказалась достаточно жестокой для вольного стрелка, но ее безнадежность тронула даже его грубую душу.

Осунувшийся Саундерс уставился на контрольную панель.

— Нам придется отправиться далеко вперед, — сказал он. — Чертовски далеко.

50 000 год. Они выскользнули из потока времени и распахнули дверь. В лицо им ударил резкий ветер, несущий завесу снежинок. Серое небо нависало над высокими каменными холмами, на которых среди голых утесов торчали утрюмые сосны. По вытекавшей из леса реке плыли льдины.

Природа не успела бы настолько быстро изменить ландшафт, и даже четырнадцать тысяч лет для медленно изменяющейся планеты не были очень большим сроком. Тут наверняка поработали разумные существа, терзая планету и покрывая ее тело шрамами в ходе бессмысленных войн невообразимой мощи. Над ландшафтом доминировала серая каменная масса, огромным монолитом возвышающаяся в нескольких милях от путешественников. Ее черные стены опоясывали огромную территорию, массивные зубчатые башни мрачно тянулись к небу. Половина крепости лежала в руинах. Исковерканные и искрошенные камни, потерявшие форму под ударами энергии, некогда заставлявшей их плавиться, теперь сгладились, несчитанные тысячелетия подвергаясь воздействию погоды. Они были очень стары.

— Мертво. — Белготай с трудом различил голос Саундерса в завывании ветра. — Все мертво.

— Нет! — Воин прищурил раскосые глаза, защищая их от летящего снега. — Нет, Мартин. Кажется, я вижу флаг.

От резких порывов ветра путешественников бросало в дрожь.

— Поедем дальше? — мрачно осведомился Саундерс.

— Давай лучше выясним, что же случилось, — сказал Белготай. — В худшем случае нас убьют, а я начинаю думать, что это не так уж и плохо.

Саундерс натянул на себя всю одежду, какую только смог отыскать, и поднял окоченевшей рукой психофон. Белготай плотнее закутался в плащ. Они направились к серому сооружению.

Ветер дул не переставая. Вокруг шуршал снег, заматавая серо-зеленые растения, упрямо пробивавшиеся сквозь каменную почву. Лето на Земле, год 50 000-й.

Чем ближе они подходили, тем больше изумлялись чудовищным размерам сооружения — высота некоторых уцелевших башен достигала полумили. Но вид у них был грубый,

варварский. Никакая цивилизованная раса не стала бы строить подобный форт.

Две небольшие быстрые тени взметнулись со стены в небо.

— Летательные аппараты, — лаконично произнес Белготай. Ветер тут же унес его слова.

Аппараты, похожие на яйцо, перемещались, очевидно, за счет давно прирученных сил гравитации. Иллюминаторов путешественники не разглядели. Один из аппаратов завис над ними, другой опустился рядом. Саундерс заметил, что аппарат очень старый, потрепанный и помятый, но на боку у него виднелось выцветшее изображение лучистого солнца. Должно быть, какие-то воспоминания об Империи еще сохранились.

Из суденышка вышли двое и направились к путешественникам, держа в руках оружие. Один из них оказался человеком — высокий, хорошо сложенный юноша с длинными, до плеч, волосами, которые развевались на ветру, выбиваясь из-под потускневшего шлема. Бьющийся на ветру заплатанный красный плащ открывал прикрытую кирасой грудь, потертый кожаный пояс и бриджи, заправленные в сапоги на толстой подошве. Другой же...

Другой был чуть ниже человека, но с необыкновенно широкой грудью. Из массивных плеч росли четыре мускулистые руки, вокруг когтистых ног обвивался увенчанный кисточкой хвост. У него была крупная, с широким черепом голова, круглое, похожее на звериную морду лицо с кошачьими усиками над клыкастым ртом и желтые глаза с узкими зрачками. Кроме кожаных ремней, на нем не было одежды; все его сильное тело покрывал мягкий серо-голубой мех.

— Кто идет? — слышался из психофона голос человека.

— Друзья, — отозвался Саундерс. — Нам нужно лишь прибежище и кое-какие сведения.

— Откуда вы? — резко и повелительно спросил человек. Его узкое и худощавое аристократическое лицо исказилось от внутреннего напряжения. — Что вам нужно? Почему у вас такой странный звездолет?

— Успокойся, Варгор, — пророкотал бас инопланетянина. — Ты же видишь, это не звездолет.

— Да, — подтвердил Саундерс. — Это проектор времени.

— Путешественники во времени! — Яркоголубые глаза Варгора расширились. — Однажды я слышал о чем-то по-

добном, но... путешественники во времени! Вы из какой эпохи? — внезапно спросил он. — Можете нам помочь?

— Мы из очень далекого прошлого, — с сожалением ответил Саундерс. — И к сожалению, одиноки и беспомощны.

С лица Варгора сошло напряжение. Он взглянул на инопланетянина, но тот уже подошел к путешественникам.

— Как далеко ваше время? — спросил он. — Куда вы направляетесь?

— Скорее всего прямо к дьяволу в пасть. Не окажете ли вы нам гостеприимство? Мы замерзаем.

— Конечно. Идите с нами. Надеюсь, вы не поймете нас превратно, если мы отправим дозорных осмотреть вашу машину? Видите ли, нам приходится постоянно соблюдать осторожность.

Все четверо забрались в летательный аппарат, и тот, натужно гудя древними двигателями, поднялся в воздух. Варгор указал на виднеющийся впереди форт и немного насмешливо произнес:

— Добро пожаловать в крепость Бронтофор. Приветствую вас в Галактической Империи!

— Империи?

— Да, это Империя. Вернее — то, что от нее осталось. Форт-убежище в диком призрачном мире, последний обломок старой Империи, все еще пытающейся делать вид, будто Галактика не умирает — словно она не умерла тысячелетия назад и от нее осталось нечто большее, чем руины, среди которых завывают дикие звери. — Голос Варгора дрогнул. — Добро пожаловать!

Инопланетянин опустил на плечо человека огромную руку.

— Не впадай в истерику, Варгор, — мягко произнес он. — Пока в смелых существах не умерла надежда, Империя продолжает жить — что бы про нее ни говорили. — Он обернулся и взглянул на путешественников. — Мы искренне рады вам. Жизнь у нас здесь тяжелая и мрачная. И Таури, и Мечтатель будут очень рады встрече с вами. — Он помолчал и неуверенно добавил: — Но лучше не рассказывайте слишком много о древних временах, если вы их действительно видели. Знаете, столь внезапное напоминание будет для нас очень тяжелым.

Машина перелетела через стену, снизилась над гигантским, вымощенным плитами двором и направилась к чудовищной громаде... Донжон — главная башня — так, кажется, их

называют, вспомнил Саундерс. Увенчанная куполом из прозрачного пластика, она вздымалась несколькими уступами, на которых были разбиты крошечные садики.

На стенах огромной толщины стояли орудия, ясно различимые даже сквозь падающий снег. Во дворе, неподалеку от донжона, расположились несколько длинных, похожих на бараки зданий, а возле другого строения, напоминающего арсенал, притулились два звездолета — настолько древних, что Саундерс удивился, как они еще не развалились от ветхости. По стенам, кутаясь в плащи, расхаживали часовые в шлемах и с энергетическими ружьями, а во дворе, у подножия гигантских стен, сутились мужчины, женщины и дети.

— Таури там, — сказал инопланетянин, указав на небольшую группу, теснившуюся на одной из террас. — Можем сесть прямо на террасе. — Его широкий рот растянулся в жутковатой улыбке. — Извините, что не представился раньше. Я Хунда Хаамиурский, генерал Имперской армии, а это Варгор Алфри, принц Империи.

— Ты что, спятил? — брякнул Белготай. — Какой еще Империи?

Хунда пожал плечами.

— Это всего лишь безобидная игра, разве не так? Знаете, ведь мы сейчас и есть вся Империя — по закону. Таури — прямой потомок Маурко Сокрушителя, последнего Императора, взошедшего на престол на законном основании. Правда, коронация происходила пять тысяч лет назад, и у Маурко к тому времени оставалось лишь три звездных системы, но закон есть закон. А у сотни варваров — как людей, так и нелюдей, — претендовавших с тех пор на престол, не было никаких прав на титул.

Аппарат сел, все вышли. Стоявшие на террасе ждали, когда прилетевшие подойдут. В их пестрой компании путешественники увидели нескольких стариков, чьи длинные бороды трепал ветер, существо с длинноклювой птичьей головой и другое существо, очень напоминающее кентавра.

— Свита Императрицы Таури, — пояснил Хунда.

— Добро пожаловать, — негромко и приветливо произнесла императрица.

Саундерс и Белготай уставились на Таури в немом изумлении. Ростом она почти не уступала любому из мужчин, но прилегающее одеяние из мелких серебряных колец и меховой плащ не скрывали совершенства ее фигуры. О таких красавицах лишь мечтают, не надеясь увидеть воочию. Она была очень похожа на Варгора: та же гордо поднятая голова, та же четкость

линий лица, те же высокие скулы. На ее лице с широкими, ясно очерченными бровями, крупным красивым ртом и сильным подбородком отражалось спокойное самообладание. Прелестные гладкие щеки разрумянились от мороза, из-под шлема выбивались густые бронзово-красные волосы, а один упрямый локон изящно спускался на ровные темные брови. Глаза Таури — огромные, слегка раскосые и серые, как северное море, спокойно смотрели на пришельцев.

Саундерс обрел дар речи.

— Благодарю вас, ваше величество, — четко произнес он. — Позвольте представиться. Я Мартин Саундерс из Америки, существовавшей примерно сорок восемь тысяч лет назад, а это мой приятель Белготай, вольный воин из марсианского Сырта, родившийся примерно на тысячу лет позднее меня. И если в наших силах сделать для вас хоть что-нибудь, мы к вашим услугам.

Таури склонила гордую голову, ее улыбка неожиданно оказалась ласковой и приветливой.

— Для нас гости — редкое удовольствие, — призналась она. — Прошу вас, заходите. И забудьте о формальностях. Будем сегодня вечером просто людьми.

Все расположились в небольшом зале, потому что большой холл, напоминающий пещеру, где ржавели навевающие печальные воспоминания останки некогда могучих машин и механизмов, был слишком велик. Маленький же зал удалось сделать более уютным — стены увесили гобеленами, а пол покрыли шкурами. Светящиеся трубки наполнили помещение белым светом, в камине весело плясал огонь. И если бы не бивший в окно ветер, гости и хозяева легко могли бы позабыть, где находятся.

— ...и вы не можете вернуться домой? — спросила Таури. — Выходит, это невозможно?

— Мне так не кажется, — возразил Саундерс. — Ведь я этого не говорил, верно?

— Верно, — отозвался Хунда. — Но на вашем месте я бы остался в какой-нибудь эпохе и постарался устроиться в ней получше.

— И почему бы не с нами? — прямо спросил Варгор.

— Мы рады вам от всей души, — добавила Таури, — но, говоря откровенно, я не посоветовала бы вам остаться. Жестокое нынче времена.

Современный язык показался путешественникам резким и грубоватым, к тому же варвары за долгие столетия привнесли

в него неприятные гортанные звуки. Но в устах Таури, подумал Саундерс, даже такой язык звучит, как музыка.

— Мы останемся. По меньшей мере, на несколько дней, — неожиданно для себя самого произнес он. — Но вряд ли в наших силах чем-либо вам помочь.

— Позвольте с вами не согласиться, — возразил практичный Хунда. — Ведь мы уже регрессировали. К примеру, принципы действия проектора времени давным-давно утеряны. Но все же у нас сохранились многие технологии, значительно превышающие уровень вашего времени.

— Знаю, — несколько уязвлено признал Саундерс. — Но... Впрочем, ни одна из прошлых эпох так и не пришлась нам по душе.

— А наступит ли когда-нибудь достойная эпоха? — с горечью спросил один из придворных.

Птицеподобное существо с Клаккахара посмотрело на Саундерса.

— Вас не посчитают трусами, если вы покинете проигравших, которым все равно, вероятно, не сможете помочь, — произнесло оно тонким голосом. — Думаю, мы все погибнем, когда придут анварды.

— А кто такой Мечтатель? — спросил Белготай. — Вы про него упоминали.

После его слов зал словно погрузился во мрак. Наступила тишина, нарушаемая только завыванием ветра. Все сидели, предавшись невеселым мыслям. Наконец Таури прервала молчание:

— Он последний из Вро-Хи, советников Империи. Последний, кто еще жив. Полагаю, новой Империи не будет никогда — по крайней мере, основанной на тех же принципах, что и старая. Другой расы, достаточно разумной, чтобы объединить ее в единое целое, как это некогда удалось Вро-Хи, сейчас нет.

Хунда удивленно покачал большой головой.

— Однажды Мечтатель сказал мне, что это, возможно, и к лучшему, — произнес он. — Но объяснять ничего не стал.

— Как получилось, что из всех планет Галактики вы выбрали именно Землю? — спросил Саундерс.

Таури улыбнулась, словно слышала мрачную шутку.

— Последние полвека оказались самым неудачным периодом Империи, — сказала она. — У предпоследнего Императора остался лишь небольшой флот, а мой отец после битвы лишился даже этого. Он ускользнул на трех кораблях сюда, к

периферии Галактики. И решил, что Сол вполне годится в качестве прибежища.

Таури рассказала, что в темные века Солнечная система сильно пострадала. Большие инженерные сооружения, делавшие ее планеты обитаемыми, были разрушены, а сама Земля превращена в пустыню — враги некогда применили оружие, поглощавшее из атмосферы двуокись углерода.

Саундерс вспомнил, как современные ему геологи объясняли наступление ледниковых периодов, нахмурился и понимающе кивнул.

На планете, поведала дальше Таури, осталась лишь жалкая кучка дикарей, к тому же весь сектор Сириуса так разграбили, что ни одному завоевателю не приходила мысль тратить на него время. А Император с удовольствием сделал древний дом своей расы столицей Империи. Он перебрался в крепость Бронтофор, построенную около семи тысяч лет назад негуманоидами гримманами и разгромленную тысячелетие спустя. Пришлось восстанавливать часть крепости, устанавливать орудия и защитные сооружения, возрождать сельское хозяйство...

— Хлопот хватало, ведь он неожиданно приобрел целую планетную систему! — добавила Таури с грустной улыбкой.

На следующий день она повела путешественников в подземные этажи крепости на встречу с Мечтателем. Отправившийся с ними Варгор вышагивал чуть позади Таури. Хунда остался наверху — он был очень занят, руководя установкой дополнительных генераторов защитных силовых полей.

Они шли по огромным, высеченным в скале пещерам, сырым гулким туннелям, где в тишине зловеще слышалось эхо их шагов, а в тусклом свете мерцающих светов шаров металась тень. Время от времени они проходили мимо нависающих над головами чудовищных корпусов и проржавевших останков каких-то древних машин. Мрак и пустота давили на них тяжелым грузом, они теснились друг к другу, молчали, чтобы не слушать скачущее по коридорам эхо.

— Здесь когда-то были самодвижущиеся дорожки, — заметила Таури в самом начале пути, — но мы пока не установили новые — все руки не доходят. Очень уж много еще предстоит сделать.

Очень много — это заново создать цивилизацию, от которой осталось лишь несколько обломков. И как только у них хватает духу пытаться сделать это под взглядом разгневанных богов? Каким же мужеством они должны обладать!

Таури шла впереди скользкой походкой воина, похожая в колеблющихся тенях на рыжую львицу. Отблески света

вспыхивали в ее серых глазах. Варгор не отставал, но ему не хватало ее уверенности, и, шагая по гулким туннелям, он беспокойно озирался по сторонам. Белготай крался по-кошачьи, и в его беспокойном взгляде читалась лишь привычная настороженность, приобретенная за тяжкую и отчаянную жизнь.

Саундерс снова подумал, в какой же странной компании он оказался. Вот четверо людей из разных времен — от восхода человеческой цивилизации и до ее заката, заброшенные к самому концу этой эпохи, идущие приветствовать последнего из богов. Его прошлая жизнь, Ева, Макферсон, мир, где он родился, успели потускнеть — слишком уж далеки оказались они от реальности. Ему даже почудилось, что он всю жизнь следует за Императрицей Галактики.

Наконец они подошли к двери. Негромко постучав, Таури распахнула ее. Да, теперь даже двери приходится открывать вручную... Саундерс был готов увидеть самое невероятное, но внешность Мечтателя все равно потрясла его. Он представлял себе его то в образе важного седобородого старца, то как огромного паука, то как мозг, пульсирующий в сосуде и заботливо оберегаемый машиной. А последний из Бро-Хи оказался... чудовищем.

Но не совсем. Если отбросить человеческие стандарты, в его облике можно было отыскать какую-то искаженную красоту. Крупное тело переливалось всеми цветами радуги, многочисленные семипалые руки гибки и грациозны, а глаза... глаза, словно огромные капли расплавленного золота — лучистые и мудрые, слишком яркие, чтобы смотреть на них не отрываясь.

Когда они вошли, Мечтатель поднялся на ноги-пеньки. Даже встав, он оказался не выше четырех футов, несмотря на широкую и массивную голову. Кривой клюв не шевельнулся, психофон молчал, но, когда к Саундерсу протянулись длинные чуткие щупальца, он неожиданно услышал в голове слова, похожие на низкое рокотание органа в неподвижном воздухе:

— Приветствую вас, ваше величество. Приветствую вас, ваше высочество. Приветствую людей из древних времен, и добро пожаловать!

Телепатия — прямая телепатия. Так вот она какая!

— Благодарю вас... сэр. — Каким-то образом Саундерс почувствовал, что существо заслуживает такого обращения и трепетного уважения, и высказал их вслух: — Но мне показалось, что до нашего прихода вы о чем-то сосредоточенно размышляли. Откуда же вы узнали...

Голос Саундерса дрогнул, и он отвернулся, внезапно ощутив отвращение.

— Нет, путешественник, ты ошибаешься — я не читаю твои мысли. Бро-Хи всегда уважали неприкосновенность личности и не читали мыслей — кроме тех, что выражены словами и обращены непосредственно к ним. Но мое заключение очевидно.

— О чем вы думали во время последнего транса? — спросил Варгор высоким от напряжения голосом. — Удалось ли придумать какой-нибудь план?

— Нет, ваше высочество, — мысленно провибрировал Мечтатель. — До тех пор пока доступные нам факторы остаются неизменными, мы, если рассуждать логически, не в состоянии делать ничего, кроме того, что уже делаем. Когда появится новая информация, я немедленно все переосмыслю. Я продолжал размышлять над тем, какова должна быть философская основа Второй Империи.

— Какой еще Второй Империи? — с горечью фыркнул Варгор.

— Той, что будет... когда-нибудь, — тихо ответила Таури.

Мудрые глаза Мечтателя остановились на Саундерсе и Белготасе.

— Если вы позволите, — мысленно произнес он, — мне хотелось бы изучить все уровни вашей памяти — сознательной, подсознательной и клеточной. Мы так мало знаем о вашем времени. — Заметив, что гости колеблются, он добавил: — Заверяю вас, господа, что нечеловеческое существо, которому уже более полумиллиона лет, умеет хранить тайны и, конечно же, не станет оценивать ваши поступки. К тому же сканирование все равно окажется необходимым, если мне придется обучить вас современному языку.

Саундерс отбросил сомнения.

— Начинайте, — бесстрастно произнес он.

На мгновение он почувствовал слабость, глаза застлала пелена, а по каждому нерву его тела пробежала тончайшая дрожь. Положив руку Саундерсу на пояс, Таури удержала его от падения.

Все неприятные ощущения быстро прошли. Изумленный Саундерс потряс головой.

— И это *все*?

— Да, сэр. Мозг Бро-Хи способен одновременно обрабатывать неограниченное количество информации. Но заметили ли вы, — добавил он немного насмешливо, — на каком языке вы задали вопрос?

— Я... что? — Саундерс недоумевающе взглянул на смеющуюся Таури. Из его рта вырвались резкие на слух, избыточные открытыми гласными слова: — Я... Клянусь всеми богами... теперь я умею говорить на стелларианском!

— Да, — услышал он мысль Мечтателя. — Центры речи в мозгу на удивление восприимчивы, в них легко вложить что-то новое. Метод обучения не будет работать столь же хорошо при передаче информации, требующей других способностей, но вы должны признать, что это удобный и эффективный способ изучения языка.

— В таком случае со мной этот номер не пройдет, — весело произнес Белготай. — В смысле языков я всегда был тупицей.

Успешно закончив обучение Белготая, Мечтатель сказал:

— Надеюсь, вы не поймете меня превратно. Заглянув в ваше сознание, я увидел, что все смелое и честное в вас испытывает влияние легкого невроза, от которого все существа вашего уровня эволюционного развития никак не могут освободиться. Если пожелаете, я с удовольствием избавлю вас от него.

— Нет уж, благодарю, — пробормотал Белготай. — Мне нравится мой маленький невроз.

— Я вижу, вы все еще колеблетесь, оставаться вам в этой эпохе или нет, — продолжил Мечтатель. — Вы представляете интерес для нас, но хочу откровенно предупредить, что мы сейчас находимся в отчаянном положении. Мы живем в не очень приятное время.

— Из того, что мне довелось увидеть, я понял, — медленно произнес Саундерс, — что любой золотой век кажется таковым только на первый взгляд. Внешне эпоха может казаться привлекательной, но в ней уже прорастают семена ее гибели. Поверьте — путешествовать с надеждой гораздо лучше, чем остаться где-то навсегда.

— Верно, это считалось истиной во все прошлые века. И это же было великим просчетом Вро-Хи. Имея за спиной десять миллионов лет цивилизации, нам следовало бы об этом задуматься. — В рокошущем мыслепульсе Мечтателя пробила трагическая нотка. — Но мы полагали, что раз мы достигли статичного физического состояния, в котором все границы познания находятся внутри нашего разума, то все существа на любых уровнях эволюции могут и должны развивать в себе такие же способности.

С нашей помощью, а также благодаря применению научной психодинамики и крупных кибернетических устройств стало

возможно управление миллиардами планет. В своем роде система достигла совершенства — но для несовершенных существ совершенство равно гибели, и даже Вро-Хи потерпели множество неудач. Я не могу объяснить вам нашу философию в полном объеме — это потребует применения концепций, которые вы не в состоянии полностью воспринять — но вы сами уловили в подъеме и падении культур проявление великих законов. Мне удалось строго доказать, что постоянство — внутренне противоречивая концепция. Не существует конечной цели, к которой надо стремиться, — и никогда не будет.

— Выходит, Вторую Империю не ждет ничего, кроме нового упадка и хаоса? — усмехнулся Саундерс. — Тогда зачем же вы стремитесь ее создать?

Задумчивое молчание прервал отрывистый смех Варгора:

— Да какой смысл планировать будущее Вселенной, когда мы — всего лишь объявленные вне закона изгнанники, ютящиеся на заброшенной планете? Анварды идут! — Он взял себя в руки, и на его лице появилось то выражение, которое нравилось Саундерсу. — Они идут, и у нас почти нет надежды остановить их. Но мы сразимся с ними. И это станет такой битвой, какой бедной старушке Галактике никогда не доводилось видеть!

— О нет... нет... нет...

Эти слова возгласом боли сорвались с губ Варгора, не отрывавшего глаз от мерцающего и нечеткого изображения на большом экране межзвездной связи. Ужас читался и в глазах Таури, печаль многих безнадежных столетий в золотистом взгляде Мечтателя. Хунда мрачно сжал челюсти.

Саундерс понял — после недель ожиданий и приготовлений события наконец начали развиваться.

— Да, ваше величество, — произнес изможденный человек на экране, обессиленный и измученный напряжением, борьбой и поражением. — Да. У нас пятьдесят четыре корабля, и нас преследует анвардийский флот.

— Какое между вами расстояние? — отрывисто бросил Хунда.

— Примерно половина светового года, сэр, но оно медленно сокращается. Они догонят нас очень близко от Сола.

— Вы в состоянии сражаться? — крикнул в микрофон Хунда.

— Нет, сэр, — ответил человек. — На кораблях полно беженцев из городов, женщин с детьми и безоружных крестьян.

У нас едва придется по орудию на корабль... Можете ли вы нам помочь? — Это был уже крик, оборванный треском статических помех, наполнявших межзвездную бездну. — Можете вы помочь нам, ваше величество? Они продадут нас в рабство!

— Как это произошло? — еле слышно спросила Таури.

— Не знаю, ваше величество. Через ваших агентов мы узнали, что вы находитесь на Соле, и тайком собрали корабли. Мы не хотели попасть под власть анвардов, Императрица, — они под угрозой смерти загоняют в армию мужчин и берут заложниками наших женщин и детей... Мы поддерживали связь только на ультраволнах — их нельзя засечь — и пользовались только кодом, переданным вашим агентом. Но когда мы проходили мимо Канопуса, они именем своего короля приказали нам сдаться — а теперь нас преследует целый военный флот!

— Когда они будут здесь? — спросил Хунда.

— При такой скорости, сэр, примерно через неделю, — ответил капитан корабля. Его голос заглушал треск помех.

— Хорошо, следуйте прежним курсом, — обессиленно произнесла Таури. — Мы пошлем против них корабли. Пока будет идти битва, вы сможете оторваться. Но конечно, не направляйтесь к Солу: отсюда придется эвакуироваться. Наши люди попробуют связаться с вами позднее.

— Мы не стоим этого, ваше величество. Лучше сохраните свои корабли.

— Мы вылетаем на помощь, — бесстрастно сказала Таури, прервала связь и повернула к остальным гордую рыжеволосую голову. — Большинство наших людей сможет спастись. Они еще успеют ускользнуть в созвездие Арлаф — в этой глуши враг не сможет их отыскать. — Усталая улыбка чуть тронула уголок ее рта. — Мы все знаем, что следует делать, потому что готовились к этому дню. Мунидор, Фальз, Мико — начинайте подготовку к эвакуации. Хунда, мы с вами займемся планом атаки. Ее следует провести наиболее эффективно, но использовать минимум кораблей.

— К чему бесполезно жертвовать боевыми силами? — спросил Белготай.

— Вовсе не бесполезно. Мы задержим анвардов и дадим беженцам возможность спастись.

— Если бы у нас было оружие! — прогудел Хунда и сжал огромные кулаки. — О, если бы у нас было настоящее оружие!

Мечтатель вздрогнул. Но не успел он излучить свою мысль, как то же самое пришло в голову Саундерсу. И они, человек и Бро-Хи, посмотрели друг на друга с неожиданной безумной надеждой...

Пространство сверкало и вспыхивало миллионами звезд, теснящихся на фоне бездонного мрака. Пенящийся Млечный Путь опоясывал небеса полосой холодного серебра и потрясал воображение своей необъятностью. Саундерс ощутил одиночество, которого не испытывал даже во время полета к Венере: Сол быстро уменьшался за спиной, а корабль все стремительнее уносился в межзвездную пустоту.

Времени едва хватило, чтобы установить на дреднот новое оружие, но испытать его не успели хотя бы во время маневров. Конечно, никто не мешал им снова и снова нырять в прошлое, выгадывая недели, но мастерские на Терре все равно не смогли бы дать больше того, что они сделали за имевшееся время.

Поэтому и приходилось отчаянно рисковать, поставив на кон флот и всю боевую мощь Сола. И если старый «Мститель» сделает свое дело, у немногочисленных имперцев появится шанс. Но если нет...

Стоя на мостике, Саундерс всматривался в мешанину звезд и пытался увидеть анвардийский флот. Детекторы давно зашкалило, враг был близок, но нельзя разглядеть то, что обгоняет свое изображение. Хунда сидел за центральным пультом, склонившись над потрескавшимися старыми шкалами, и, покручивая покрытые налетом ржавчины регуляторы, пытался выжать хотя бы еще один сантиметр в секунду из корабля более древнего, чем пирамиды во времена Саундерса. Мечтатель спокойно стоял в углу, задумчиво разглядывая Галактику. Остальные находились на других кораблях — каждый возглавлял эскадрилью, — и Саундерс держал с ними связь через межкорабельный видеофон: с побледневшим и напряженным Варгором, возбужденным и богохульствующим Белготаем и всеми прочими, спокойными и собранными.

— Через несколько минут, — сказала Таури. — Осталось всего несколько минут, Мартин.

Она отошла от иллюминатора, гибкая, словно тигрица, и неутомимая. В ее глазах отражался холодный яркий свет звезд. Красный плащ облегал сильное тело, бронзовые волосы гордо венчал шлем с изображением лучистого солнечного диска. Как она прекрасна, подумал Саундерс.

Таури улыбнулась ему.

— Это твоё детище, Мартин. Ты явился из прошлого, чтобы принести нам надежду. После такого начинаешь верить в судьбу... — Она взяла его за руку. — Но тебе, конечно, нужна другая надежда. Мое желание не поможет тебе вернуться домой.

— Это не имеет значения, — возразил он.

— Имеет, Мартин. Но... ты позволишь мне сказать? Я до сих пор рада тому, что ты не можешь вернуться. Не только потому, что ты нужен Империи, но и...

— Связист — мостику, — прохрипел динамик коммуникатора. — Враг передает нам сообщение, ваше величество. Переключить связь на вас?

— Конечно.

Таури включила экран. На нем появилось лицо — мужественное, гордое и безжалостное. На зеленых волосах сверкал Императорский солнечный диск.

— Приветствую тебя, Таури с Сола, — произнес анвард. — Я Руулфан, Император Галактики.

— Я знаю, кто ты такой, — дрогнувшим голосом ответила Таури, — но не признаю твоего украденного титула.

— Наши локаторы показывают, что ты приближаешься к нам с флотом, примерно в десять раз меньшим, чем наш. Конечно, у тебя есть один корабль класса «Сверхновая», но такие есть и у нас. Если не захочешь принять наши условия, мы тебя уничтожим.

— И каковы же ваши условия?

— Преступники, возглавлявшие нападения на анвардийские планеты, должны сдаться — потом их казнят. Кроме того, ты дашь клятву верности мне как Императору Галактики. — Его голос был резок и тверд как сталь.

Таури с отвращением отвернулась. Саундерс в цветастых выражениях сообщил Руулфану, что он может сделать со своими условиями, и выключил экран.

Таури указала ему на недавно установленный пульт управления проекторами времени.

— Садись, Мартин, — сказала она. — Эти машины твои по праву. — Она накрыла руками его ладони и взглянула на него серьезными серыми глазами. — И если нас постигнет неудача... прощай, Мартин.

— До свидания, — дрогнувшим голосом отозвался Саундерс.

Он резко повернулся к пульту и уселся перед немногочисленными органами управления. *Ну, начали!*

Саундерс подал знак. Хунда выключил гипердвигатель. Сбросив ускорение до минимума, «Мститель» завис в реальном пространстве, а невидимые корабли флота рванулись мимо него навстречу приближающимся анвардам.

Саундерс медленно передвинул выключатель генератора времени. По кораблю пронесся мощный рев, атомная энергия хлынула в могучие устройства, которые установили, чтобы перенести сквозь время огромную массу корабля. Свет потускнел, гигантская машина загудела и запульсировала, за иллюминаторами за клубилась безликая серость.

Корабль перенесся на три дня назад и вынырнул в пустом космосе. Анварды были еще фантастически далеко. Саундерс напряженно вгляделся в экран, отыскивая далекую искорку Сола. Как раз сейчас, в эту самую минуту, он выбивается там из сил, помогая устанавливать на корабле проектор, который только что перенес его назад во времени.

Впрочем, одновременность эта лишь условная. А сейчас — за дело.

Голос главного астрогатора обрушил на него потоки цифр. Необходимо было рассчитать точные координаты точки, в которой флагман анвардийского флота окажется ровно семьдесят два часа спустя. Хунда подал команду автоматам, управляющим двигателями, и «Мститель» медленно и неуклюже переместился в пространстве на пять миллионов миль.

— Все готово, — сказал Хунда. — Поехали!

Саундерс мрачно усмехнулся и перебросил главный переключатель проектора времени. На три дня вперед...

И они вынырнули рядом с бортом анвардийского дреднота!

Хунда тут же снова включил гипердвигатель, выравнивая относительные скорости кораблей. Теперь они могли видеть вражеский корабль, заслоняющий звезды, подобно металлической горе. И тут же на «Мстителе» заговорили орудия, все до единого.

Вихревые пушки, бластеры, атомные снаряды и торпеды, искажители гравитации — все те адские машины, что были изобретены за кровавые столетия истории, теперь обрушились на защитные экраны анвардийского флагмана.

Под этим чудовищным натиском клокочущей энергии, так плотно заполнившей пространство, что, казалось, вскипела сама его структура, защитные экраны взорвались со вспышкой, подобной блеску сверхновой. И тут же оружие «Мстителя» начало буравить, рвать, взрывать и уничтожать корпус вражеского корабля. Сталь вскипела, превращаясь в атомарный пар,

в чистую всепожирающую энергию, которая обрушилась на еще оставшуюся твердую материю. Яростное, не оставляющее даже пепла пламя начало проедать насквозь остатки корпуса.

И тут на анвардов обрушился весь флот Империи. Атакoванный снаружи, со всепожирающим монстром внутри, анвардийский флот прекратил наступление, смешался и распался на отчаянно сражающиеся одиночные корабли. Под белыми молчаливыми звездами вспыхнула битва.

Но анварды продолжали сражаться, обрушиваясь на строй кораблей Империи, круша их и убивая людей даже ценой собственной гибели. Потеряв организованность, они сохранили численное превосходство. Мощью оружия, да и мужеством, они не уступали противникам.

Удары грохочущей битвы сотрясали мостик «Мстителя». Свет погас, вспыхнул снова, опять потускнел. Воздух наполнился острым запахом озона, а огромное количество выделяющейся энергии превратило внутренность корабля в печь. Из коммуникатора доносились отрывочные сообщения: «...экран номер три пробит... пятый отсек не отвечает... вихревое орудие номер 537 вышло из строя...»

Но корабль продолжал сражаться, извергая непрерывный ураган металла и энергии, с яростью вклиниваясь между кораблями анвардов. Вскоре Саундерс уже наводил на цель орудие, стреляя по невидимым кораблям, и прицеливался, бросая взгляды на приборы. Его глаза заливал пот. В пламени, дыму и грохоте медленно ползли часы битвы.

Они бегут!

По всем уцелевшим отсекам огромного древнего корабля пронесся ликующий вопль. *Победа, победа, победа!* Таких радостных возгласов корабль не слышал уже пять тысяч лет.

Пошатываясь от усталости, Саундерс вернулся на мостик. Теперь он смог увидеть на экранах рассеянные в пространстве корабли анвардов. Отчаянно пытаясь спастись, они разлетались во все стороны, а их преследовали и догоняли жаждущие мщения корабли Империи.

И тут поднялся Мечтатель, внезапно превратившийся из приземистого коротконового монстра в живое воплощение Бога, чья мысль, обгоняя свет, с ужасающей мощью промчалась сквозь пространство и загремела в головах варваров. Под ударом могучего крика Саундерс рухнул на пол и остался лежать, глядя на бесстрастные звезды, а в его разрывающемся мозгу грохотала команда:

Солдаты Анвардии! Ваш лжеимператор мертв, а Таури Рыжая, Императрица Галактики, одержала победу. Вы уже видели ее мощь. Прекратите сопротивление, потому что остановить ее невозможно.

Сложите оружие. Сдайтесь на милость Империи. Мы гарантируем вам амнистию и личную неприкосновенность. И донесите до ваших планет слова Императрицы:

Таури Рыжая призывает всех вождей Анвардийской конфедерации принести ей клятву верности и помочь в возрождении Галактической Империи!

Саундерс стоял на балконе Бронтофора и снова смотрел на старушку-Землю. Впервые за прошедший с тех пор год и, наверное, последний раз в жизни.

«Как странно, — подумал Саундерс, — что, вновь ступив на родную планету после многих месяцев, проведенных в чужих мирах Галактики, я волнуюсь больше, чем мог себе представить». У него слегка защемило сердце, когда он вспомнил о ярких надеждах на будущее. Теперь он прощался с миром Евы.

Но Евы уже не было, она принадлежала прошлому, мертвому вот уже сорок восемь тысяч лет. И он видел, как эти годы зарождались и умирали, а один год его так удлинился и заполнился зрелищем творящейся истории, что Ева превратилась в далекий приятный сон. Пусть Бог хранит ее, где бы ни скиталась за прошедшие тысячелетия ее душа. Ему же предстоит прожить собственную жизнь и решить задачу, трудность которой он до сих пор не мог полностью осознать.

События последних месяцев всплыли в его памяти потоком удивительных воспоминаний. Когда анвардийский флот сдался, имперцы под его эскортом направились прямо к Канопусу и далее по всей анвардийской империи. Теперь, когда Руулфана не стало, а Таури доказала, что умеет одерживать победы, вождь за вождем приносили ей клятвы верности.

Хунда все еще находился в космосе вместе с Белготаем, сражаясь с упрямым анвардийским графом. Мечтатель отправился в великую систему Полариса и усиленно трудился над ее переустройством. Теперь, конечно же, столицу Империи необходимо переместить с удаленного Сола на расположенный ближе к центру Поларис.

Таури сомневалась, что у нее когда-нибудь появится время или возможность снова навестить Землю: Поэтому она преодолела тысячу световых лет на пути к маленькому одинокому

солнцу, ее бывшему дому, прихватив с собой корабли, машины и войска. Система Сола получит для защиты военную базу. Инженеры-климатологи снова вернут ледники к полюсам Земли и начнут возрождать поселения на других планетах. Появятся школы, заводы, цивилизация, и у людей будет повод вспомнить Императрицу добрым словом.

Саундерс отправился с ней, потому что мысль навсегда покинуть Землю, не попрощавшись, была для него невыносимой. Их сопровождал Варгор, ставший еще более молчаливым и угрюмым. Старое товарищество Бронтофора уже начало ослабевать в подхватившем их неожиданном потоке дел, войн и сложностей.

И теперь Саундерс снова стоял на балконе древнего замка, глядя на ночную Землю.

Было поздно — все, наверное, уже спали. Черные стены под балконом постепенно растворялись в заливающем главный двор чернильном мраке. Сквозь пролом в стене виднелся снег, белый и таинственный в лунном сиянии. Над силуэтами сосен льдисто вспыхивали и переливались холодным хрустальным светом огромные звезды. Необъятный и молчаливый купол ночного неба величественно вращался над его головой. Луна поднялась уже высоко, ее покрытый шрамами древний лик был единственным, что напоминало Саундерсу о его времени, а заливавшее снег серебристое сияние разбивалось на миллионы осколков.

Было очень тихо, и сами звуки, казалось, заledenели от сильного безветренного мороза. Поначалу Саундерс стоял один, закутавшись в меха, выпуская из ноздрей призрачно светящиеся облачка пара, глядя на молчаливый зимний мир и погруженный в свои мысли. Услышав мягкие шаги, он обернулся и увидел приближающуюся Таури.

— Не спится, — сказала она.

Таури вышла на балкон и встала рядом. Лунный свет залил белизной ее лицо и слабо замерцал в глазах и на волосах. Она показалась Саундерсу призрачной богиней ночи.

— О чем ты думаешь, Мартин? — спросила она, немного помолчав.

— Я... да так, ни о чем особенном, — ответил он. — Наверное, слегка размышляю. Мне очень странно представить, что я навсегда покинул свое время, а теперь покидаю даже собственную планету.

Она медленно кивнула.

— Понимаю. Сама испытываю такое же чувство. — Ее негромкий голос превратился в шепот. — Ты ведь знаешь, мне

не следовало бы прилетать сюда. Я больше нужна там, на Поларисе. Но я подумала, что мне надо попрощаться с теми днями, когда мы вместе сражались и скитались среди звезд, когда мы были лишь кучкой преданных друг другу товарищей, мечтавших о несбыточном. Да, нам было тяжело и горько, но мне кажется, что теперь нам некогда будет веселиться. Когда работаешь ради миллионов звезд, тебе уже не суждено увидеть, как от сделанного тобой добра осветится изнутри морщинистое лицо крестьянина, никто по-дружески не укажет тебе на допущенную оплошность. Весь мир стал для нас незнакомым...

На мгновение под далекими холодными звездами наступила тишина, потом она сказала:

— Мартин... я теперь так одинока.

Он обнял ее. Ее губы были холодны от жестокого ночного мороза, но она страстно ответила на его поцелуй.

— Мне кажется, я люблю тебя, Мартин, — произнесла она после долгой паузы. Неожиданно она рассмеялась, и ее смех, похожий на прелестную музыку, отразился от заиндевевших башен Бронтофора. — О, Мартин, и почему только я боялась! Мы никогда больше не будем одиноки...

Когда он проводил ее в комнату, луна давно уже утонула за горизонтом. Поцеловав ее на прощание, он пожелал ей спокойной ночи и зашагал по гулкому коридору к своей комнате.

Его голова шла кругом — он был пьян от нежности и восхищения, ему хотелось петь и громко смеяться, сотрясая всю звездную Вселенную. Таури, Таури, Таури!

— Мартин.

Саундерс замер. Возле двери его комнаты застыла чья-то худощавая фигура, укутанная в облегающий темный плащ. Тусклый свет светового шара бросал на лицо человека скользкие тени. Варгор.

— Что случилось? — спросил Саундерс.

Принц поднял руку, и Саундерс увидел направленный на него тупой ствол парализатора. Варгор виновато улыбнулся.

— Прости, Мартин, — произнес он.

Саундерс оцепенел, не веря своим глазам. Варгор... он сражался рядом с ним, они спасали друг другу жизнь, работали и жили вместе... Варгор!

Парализатор выстрелил. В голове Саундерса загрохотало, и он провалился во мрак...

Он приходил в себя очень медленно, каждый нерв его тела, обретая чувствительность, стонал от боли. Что-то не давало ему

двигаться. Когда в голове прояснилось, он обнаружил, что лежит, связанный и с кляпом во рту, на полу в кабине машины времени.

Машина времени... он совсем позабыл про нее — бросил в подвале, отправляясь к звездам, и даже не собиравшись взглянуть на нее напоследок. Машина времени!

Варгор стоял возле открытой двери, держа в руке светов шар, освещающий его осунувшееся, усталое, но по-прежнему красивое лицо. Волосы Варгора растрепались, а выражение его глаз показало Саундерсу столь же диким, как и услышанные слова:

— Мне жаль, Мартин, очень жаль. Я люблю тебя, и ты оказал Империи такую услугу, которую она никогда не забудет. То, что я собираюсь с тобой сделать, — самое гнусное, что один человек может сделать с другим. Но я должен. Память об этой ночи будет терзать меня всю жизнь, но я должен поступить именно так.

Саундерс попытался шевельнуться, из его забитого кляпом рта вырвались невнятные звуки. Варгор покачал головой.

— Нет, Мартин, я не могу рисковать, дав тебе шанс крикнуть. Если уж мне приходится совершать зло, я сделаю его без ошибок.

Видишь ли, я люблю Таури. Я полюбил ее с самой первой нашей встречи, когда вернулся ко двору ее отца во главе боевого флота и ее серые глаза впервые засияли для меня. Любовь моя настолько сильна, что доставляет мне боль. Разлуки с ней я не перенесу и ради Таури готов перевернуть всю Вселенную. И я видел, что она тоже начинает любить меня.

Застав вас сегодня вечером на балконе, я понял, что проиграл. Но я не могу сдаться! Наш род завоевал ради мечты Галактику, Мартин, и я буду бороться, пока жив. Сражаться любимыми средствами за то, что любишь и ценишь, но сражаться!

Варгор сделал протестующий жест.

— Я не стремлюсь к власти, Мартин, поверь мне. Роль супруга Императрицы нелегка, бесславна и тягостна для честного любивого человека — но только так я смогу обладать ею, и да будет так. И я искренне полагаю, прав я или нет, что для нее и для Империи я лучше, чем ты. Ведь ты знаешь, что не принадлежишь по-настоящему нашему времени. У тебя нет ни нужных традиций, ни чувств, ни образования, ни даже биологического наследия последних пяти тысяч лет. Таури может любить тебя сейчас, но подумай о том, что станет с ее любовью через двадцать лет!

Варгор едва заметно улыбнулся.

— Конечно же, я рискую. Если ты найдешь способ перенестись в прошлое и вернешься сюда, для меня это обернется бесчестьем и изгнанием. Надежнее было бы убить тебя. Но я не законченный негодяй и даю тебе шанс. В худшем случае ты попадешь в ту эпоху, когда Вторая Империя достигнет пышного расцвета, в более счастливое время. И если найдешь способ вернуться... что ж, вспомни о том, что я тебе говорил насчет другой эпохи, и постарайся действовать благоразумно. Подумай о Таури, Мартин.

Он приподнял светов шар, осветив тусклую внутренность машины.

— Итак, прощай, Мартин. Надеюсь, ты не возненавидишь меня. Пройдет несколько тысяч лет, прежде чем ты освободишься и остановишь машину. Я снабдил тебя оружием, припасами и всем прочим, что тебе сможет понадобиться. Но я уверен, что ты найдешь великое и миролюбивое общество и станешь счастливее, чем здесь.

Неожиданно в его голосе появилась странная нежность.

— Прощай, Мартин, товарищ мой. И... удачи тебе!

Он включил главный двигатель на прогрев и вышел. Захлопнулась дверь.

Саундерс начал яростно извиваться, мозг превратился в черный сгусток гнева. Мощный гул проектора достиг максимума, и машина отправилась в путь. *О нет, остановите ее... остановите, пока не поздно!*

Пластиковые веревки впились ему в запястья. Привязанный к подпорке, он никак не мог дотянуться до выключателя. Саундерс нащупал онемевшими пальцами узел и вцепился в него ногтями. Машина взревела, набрав полную мощность, и швырнула его в необъятность времени.

Варгор связал его умело, и Саундерс потратил немало времени, выбираясь на свободу. Вскоре он перестал торопиться — ему было уже все равно. Он знал, что перенесся в будущее на много больше тысяч лет, чем способны зарегистрировать его приборы.

Он поднялся, выдрал изо рта кляп и равнодушно взглянул в иллюминатор на безликую серость. Стрелка указателя столетий уперлась в ограничитель. По грубым прикидкам он забрался в будущее примерно на десять тысяч лет.

Десять тысяч лет!

Охваченный внезапной яростью, он ударил по выключателю.

Снаружи было темно. Он постоял секунду в нерешительности, — и тут заметил, что в кабину просачивается вода. Вода... он сейчас под водой... короткое замыкание! Он мгновенно послал машину вперед.

Вода из набравшейся лужицы оказалась соленой. В какое-то время из этих десяти тысяч лет, то ли по естественным, то ли по искусственным причинам, море покрыло равнину, на которой стоял Бронтофор.

Тысячу лет спустя он все еще был под водой. Две тысячи, три тысячи, десять...

Таури, Таури! Вот уже двадцать тысяч лет, как она обратилась в прах на какой-то далекой планете. Нет ни Белготая с его улыбкой, ни верного Хунды, и даже Мечтатель, должно быть, давно уже удалился в мир иной. Над мертвым Бронтофором катило валы море.

Охваченный одиночеством, Саундерс уткнул лицо в ладони и зарыдал.

Три миллиона лет океан скрывал Бронтофор, а Саундерс продолжал двигаться вперед.

Время от времени он останавливался. И всякий раз корпус машины стонал под тяжестью воды, которая просачивалась сквозь щели в дверях. Время от остановки до остановки он проводил в тоскливом одиночестве, рассчитывая примерное количество пролетевших веков по показаниям своих часов и средней скорости проектора. Точная дата его уже не волновала.

Несколько раз ему хотелось остановить машину и впустить море в кабину. В пучине его ждали спокойствие и забытие. Но нет, не в его правилах сдаваться так легко. А смерть — его друг, она всегда будет дожидаться его зова.

Но Таури уже мертва.

Время текло к своему концу. На четвертом миллионе лет Саундерс остановил машину и обнаружил, что вокруг него воздух.

Он оказался в городе. Но таком, какой даже не смог бы вообразить. Дикая геометрия титанических структур, возвышавшихся вокруг него, ни разу не повторяясь, показалась ему непостижимой. Местность вокруг гудела и пульсировала под воздействием сил невероятной мощи, колыхалась и расплывалась в странно нереальном свете. Вокруг сверкали и грохотали сгустки энергии — на землю обрушилась гроза. Вспышки молний обжигали шипящий воздух.

Мысль ворвалась в его сознание, заполнила его череп, огнем обожгла нервы. Она была столь мощной, что его оглушенный мозг оказался едва способен уяснить ее смысл:

«СУЩЕСТВО ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ, НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬ ЭТО МЕСТО, ИНАЧЕ МЫ ПРИМЕНИМ СИЛУ, КОТОРАЯ УНИЧТОЖИТ ТЕБЯ!»

Снова и снова разум Саундерса опалял этот мысленный образ, охватывая каждую молекулу мозга, и вся его жизнь раскрылась перед Ними, залитая ослепительно-белым светом.

«Можете ли вы мне помочь? — крикнул он богам. — Можете ли послать меня обратно сквозь время?»

«ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕДВИГАТЬСЯ НАЗАД ВО ВРЕМЕНИ НЕЛЬЗЯ, ЭТО ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕВОЗМОЖНО. ТЫ ДОЛЖЕН ИДТИ ВПЕРЕД ДО САМОГО КОНЦА ВСЕЛЕННОЙ И ПЕРЕШАГНУТЬ РУБЕЖ, ПОТОМУ ЧТО НА ЭТОМ ПУТИ ЛЕЖИТ...»

Саундерс завопил от боли, когда невыносимо огромная мысль и концепция заполнили его человеческий мозг.

«УХОДИ, ЧЕЛОВЕК, УХОДИ ДАЛЬШЕ! НО ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ВЫЖИТЬ В ТОЙ МАШИНЕ, В КОТОРОЙ НАХОДИШЬСЯ. СЕЙЧАС Я ПЕРЕДЕЛАЮ ЕЕ... ТЕПЕРЬ ОТПРАВЛЯЙСЯ!»

Проектор времени включился сам собой. Саундерса швырнуло вперед в ревущий мрак.

Неудержимо и отчаянно, словно преследуемый демонами, Саундерс несясь в будущее.

Он не мог забыть обрушившиеся на него ужасные слова. Мысль богов намертво врезалась в каждую клеточку его мозга. Он не мог понять, ради чего ему следует добраться до конца времен, да и не хотелось в этом разбираться. Но дойти он должен!

Машина оказалась переделанной. Теперь она стала герметичной, а при попытке разбить окно выяснилось, что сделать это невозможно. Что-то изменили и в проекторе, потому что теперь он увлекал своего пленника вперед с невероятной скоростью, и, пока часы внутри машины отсчитывали минуту-две, снаружи пролетали миллионы лет.

Но кто эти боги?

Ему этого никогда не узнать. Существа из-за пределов Галактики или даже Вселенной? Потомки людей, достигшие вершины эволюции? Нечто такое, чьей сути он даже не мог предположить? Ответить было невозможно. Ясно одно: то ли

вымерев окончательно, то ли превратившись в нечто другое, человеческая раса исчезла. Земля больше никогда не ощутит поступь человека.

«Интересно, что стало со Второй Империей? Надеюсь, она прожила долгую и счастливую жизнь. А что, если... не могли ли боги оказаться ее непостижимым конечным продуктом?»

Годы улетали назад, миллионы и миллиарды лет громоздились друг на друга, а Земля продолжала вращаться вокруг своей звезды во все стареющей Галактике. Саундерс мчался вперед.

Время от времени он останавливался, не в силах удержаться от соблазна бросить взгляд на мир и его далекое будущее.

Выглянув в окно через сто миллионов лет, он увидел огромные снежные поля. Богов на планете уже не оказалось. Они или умерли, или покинули Землю, возможно, перебравшись в совершенно иную плоскость существования. Истины он не узнает никогда.

Сквозь завесу метели он увидел непонятное существо. Ветер шуршащими облаками швырял в него заряды снега, серый мех серебрился от инея. Оно двигалось с поразительной гибкостью и грациозностью, держа в руках изогнутый шест, кончик которого сверкал крошечным солнцем.

Саундерс включил психофон, и его голос унесся сквозь метель к существу:

— Кто ты такой? Что ты делаешь на Земле?

В другой руке существо держало каменный топор, на шее у него висела нитка грубо выделанных бус. Оно взглянуло на машину наглыми желтыми глазами, и из психофона донесся его резкий скрипучий голос:

— Ты, должно быть, из далекого прошлого, из более ранних циклов.

— Мне велели идти вперед. Давно, почти сто миллионов лет назад. Они приказали мне добраться до самого конца времен.

Психофон зазвенел от металлического смеха.

— Если Они тебе приказали — тогда отправляйся! — Существо зашагало дальше сквозь метель.

Саундерс отправился вперед. На Земле для него больше не было места. Другого выбора тоже — только вперед.

Через миллиард лет он увидел город на равнине, поросшей голубой, словно стеклянной, травой, которая хрустально позванивала, когда ее шевелил ветер. Но город был построен не людьми, и его предупредили, чтобы он убирался подальше. Он не посмел послушаться.

Потом появилось море, а еще позднее он попал в ловушку, оказавшись внутри горы, и был вынужден пробиваться сквозь время, пока гора не осыпалась щебнем.

Солнце становилось все более белым и горячим — в его недрах набирал силу водородно-гелиевый цикл. Земля теперь вращалась ближе к светилу, потому что за миллиарды лет трение о пылевые и газовые облака притормозили ее движение на орбите.

Какое же множество разумных рас родилось на Земле, прожило свой век и умерло с тех пор, как человек впервые вышел из джунглей! *«Но зато мы, — устало подумал Саундерс, — были первыми».*

Через сто миллиардов лет Солнце израсходовало последние запасы ядерного топлива. Саундерс увидел голые безжизненные горы, зловещие, как на лунном ландшафте, — но сама Луна уже давным-давно упала на породивший ее мир и взорвалась метеоритным дождем. Земля вновь приобрела первоначальный облик, теперь каждые ее сутки длились, как прежний год. Над горизонтом Саундерс увидел край огромного солнечного диска — тусклого и кроваво-красного.

«Прощай, Сол, — подумал он. — Прощай, и спасибо тебе за многие миллионы лет тепла и света. Спи спокойно, старый друг».

Через несколько миллиардов лет не осталось ничего, кроме элементарного мрака. Энтропия достигла максимума, все источники энергии исчерпались, Вселенная умерла.

Вселенная умерла!

Из его уст вырвался вопль кладбищенского ужаса, и он снова бросил машину вперед. Если бы не приказ богов, он наверняка остановил бы машину в пустоте, распахнул бы дверь, впустил в кабину вакуум и мороз абсолютного нуля и умер. Но он должен идти вперед. Он достиг конца всего сущего, но надо идти дальше. *Перешагнуть рубеж времени...*

Миллиард лет улетал вслед очередному миллиарду. Саундерс лежал в машине, погружившись в апатию. Однажды он встал, чтобы поесть, и ощутил весь горький юмор ситуации: последнее живое существо, последний сгусток свободной энергии в превратившемся в золу космосе готовит себе бутерброд.

Через много миллиардов лет Саундерс опять остановил машину. Он выглянул в темноту и с неожиданным потрясением обнаружил отдаленное, едва заметное слабое свечение.

Дрожа от возбуждения, он перенесся в будущее еще на миллиард лет. Свет стал сильнее. Огромное, медленно расплывающееся сияние начало заполнять небеса.

Вселенная возрождается.

А в этом есть смысл, подумал Саундерс, пытаясь справиться с волнением. Пространство расширилось до определенного предела, теперь оно сжимается и начинает цикл заново — цикл, который уже повторялся никому не известное количество раз. Вселенная смертна, но она подобна Фениксу, воскресающему вновь и вновь.

И хотя сам он смертен, прежнее желание смерти внезапно покинуло его. Теперь ему хотелось увидеть, каким же будет мир в новом цикле. Согласно теориям космологии двадцатого века, Вселенная должна сжаться буквально в точку, в сгусток чистой энергии, из которой потом рождаются первичные атомы. И если он не хочет испариться в этой бушующей топке, надо поскорее прыгнуть вперед. И как можно дальше!

Он улыбнулся, приняв отчаянное решение, и передвинул ручку.

Но тревога вернулась. А как он узнает, что под ним снова образовалась планета? Он может вынырнуть в открытом космосе или в пылающем сердце звезды... Что ж, придется рискнуть. Должно быть, боги предвидели это, позволив ему отправиться в будущее.

Он вынырнул на мгновение... и тут же снова нырнул в поток времени. Планета была еще расплавленной!

Несколько геологических эпох спустя он увидел сквозь иллюминатор серые дождевые потоки, льющиеся с бессмысленной мощью с невидимого неба и покрывающие голые скалы бурлящими водоворотами пенящейся влаги. Он не стал выходить — атмосфера наверняка непригодна для дыхания, ведь растения еще не насытили ее кислородом.

Вперед и вперед! Иногда он оказывался под водой, иногда на суше. Он видел, как странные джунгли, похожие на заросли огромных мхов и папоротников, то вырастают, то гибнут от холода ледниковых эпох и снова возрождаются, но уже в новом обличье.

Какая-то мысль, таящаяся в глубине сознания, не давала ему покоя, пока он двигался вперед. Несколько миллионов лет он не мог ее поймать, но потом понял, что именно его волновало. *Луна! Боже мой, на небе снова Луна!*

Его руки затряслись так, что он никак не мог выключить машину. Наконец, сделав над собой усилие, перебрал вы-

ключатель. Он тут же выскочил из кабины и увидел в небе полную Луну.

Старое знакомое лицо. *Луна!*

Это зрелище потрясло его до глубины души. Едва осознавая, что делает, он продолжил путь. И вот уже мир начал принимать знакомый облик, появились низкие, поросшие лесом холмы и поблескивающая в отдалении река...

Он никак не мог поверить своим глазам, пока не увидел поселок. Тот самый поселок — Гудзон, в штате Нью-Йорк.

Он посидел несколько секунд, пока его мозг физика усваивал важнейший факт. Выражаясь терминами теории Ньютона, каждая частица, вновь возникшая в момент Начала, имела точно такие же координаты и скорость, как соответствующая ей частица в предыдущих циклах. Говоря более приемлемым языком Эйнштейна, континуум оказался сферическим во всех четырех измерениях. Короче говоря, путешествуя достаточно долго или сквозь пространство, или сквозь время, вы вернетесь в исходную точку.

«Выходит, я могу вернуться домой!»

Он побежал вниз по залитому солнцем холму, позабыв о своей чужеземной одежде, и бежал до тех пор, пока не запыхался до боли в легких, а сердце едва не разорвалось в груди. Тяжело дыша, он вошел в поселок, зашел в банк и посмотрел на отрывной календарь и настенные часы.

17 июня 1936 года, половина второго пополудни. Теперь он может с точностью до минуты рассчитать время своего появления в 1973 году.

Он медленно вернулся к машине, с трудом переставляя дрожащие от усталости ноги, и включил проектор. Снаружи все стало серым — в последний раз.

1973 год.

Мартин Саундерс вышел из машины. Там, в Бронтофоре, машину перемещали в пространстве, и теперь она оказалась за пределами дома Макферсона — посреди склона холма, на котором стоял неуклюжий старый дом.

За спиной неожиданно полыхнула беззвучная вспышка. Саундерс резко обернулся и увидел, как машина превратилась сначала в расплавленный металл, потом в газ, который на мгновение вспыхнул — и исчез.

Наверное, боги встроили в нее устройство самоуничтожения. Им не хотелось, чтобы техника будущего попала в двадцатый век.

Но они зря опасались, думал Саундерс, медленно шагая к вершине холма по мокрой от дождя траве. Слишком много

повидал он войн и ужасов, чтобы передать людям знания, к которым они не готовы. Ему, Еве и Макферсону придется скрыть историю его путешествия по окрестности времени — иначе люди получат способ возвращаться в прошлое и уничтожат барьер, мешающий им использовать машину времени для убийств и угнетения. Вторая Империя и философия Мечтателя найдутся еще очень далеко в будущем.

Саундерс шагал вперед. После всего увиденного в будущем, после необъятности космоса колм казался ему странно нереальным. Наверное, он не сможет полностью прийти в себя и прожить оставшиеся годы так, словно ничего не произошло.

Таури... Ее светлое любимое лицо всплыло перед его мысленным взором, а в дуновении прохладного влажного ветерка, пошевелившего его волосы, словно сильные и нежные руки Таури, ему слышался ее шепот.

«Прощай, — шепнул он в бесконечность времени. — Прощай, любимая».

Он неторопливо поднялся по ступенькам и вошел в дом. Им еще предстоит оплакать Сэма. А потом он тщательно составит отчет, займется любимой работой и проживет до конца дней своих с нежной, доброй и прелестной подругой — пусть даже она и не Таури. Чего еще можно пожелать простому смертному?

Он вошел в комнату и улыбнулся Еве и Макферсону.

— Привет, — сказал он. — Кажется, я рановато вернулся.

Содержание

От издательства	5
Победить на трех мирах, роман, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	7
Тау — ноль, роман, <i>перевод с английского Н. Сосновской</i>	155
Полет в навсегда, повесть, <i>перевод с английского А. Валнова</i>	341

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том второй

Составитель А. Новиков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы М. Проворова, А. Белевцева

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Ж. Голубева, А. Хиршфелд

Оператор компьютерной верстки Е. Глуховская

Художественный редактор М. Захаренкова

Оформление шмуцтитолов: В. Ковалев

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 24.09.95. Формат 84X108/32

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,0. Тираж 25 000 экз.

Заказ № 1047. С—129.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Победить на трех мирах

Мятежный крейсер «Вега» захватывает колонию на Ганимеде, стремясь принудить Землю восстать на престоле свергнутого диктатора. И колонист Фрэзер должен победить в неравной схватке, чтобы добыть свободу для Земли, Ганимеда и аборигенов Юпитера...

Тау — ноль

Авария на звездолете «Леонора Кристин» повреждает тормозной двигатель. Скорость корабля подходит вплотную к световому барьеру, время сжимается в точку. Есть ли надежда, когда за бортом пролетают миллиарды лет? Только один человек сохраняет веру в удачу — и этого достаточно...

Полет в навсегда

Законы природы не позволяют изобретателю машины времени вернуться в прошлое, но позволяют лететь вперед, до конца — и начала времен...

